

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Е. М. ЖУКОВ

Современные империалистические противоречия
на Дальнем Востоке

М. И. ДАЛЬНЕВ

Кризис великодержавного маоистского курса

В. Б. СПАНДАРЬЯН

Перспективы советско-японских экономических отношений

Г. Г. КАДЫМОВ

Индокитайский вопрос
в политике империалистических государств

С. Л. ТИХВИНСКИЙ

Сунь Ят-сен — первый президент китайской республики

2

1972

Институт Дальнего Востока АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 Современные империалистические противоречия
на Дальнем Востоке
Е. М. Жуков

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

- 13 Мы — за развитие добрососедских отношений
А. К. Черный
- 20 Кризис великодержавного маоистского курса
М. И. Дальнев
- 28 Перспективы советско-японских экономических
отношений
В. Б. Спандарьян
- 44 Некоторые особенности
современной промышленности КНР
В. И. Акимов
- 57 Зерновая проблема в КНР
В. И. Орехов
- 69 Путь к воссоединению Кореи и его противники
Ю. И. Огнев
- 80 Индокитай во внешнеполитической стратегии
империалистических государств
Г. Г. Кадымов

ИДЕОЛОГИЯ

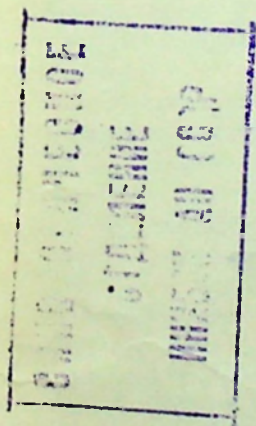
- 90 О «философской кампании» в КНР
В. Я. Сидихменов

ИСТОРИЯ

- 102 Полвека борьбы
К. Д. Антонов
- 112 Сунь Ят-сен — первый президент Китайской
республики
С. Л. Тихвинский
- 119 О политических контактах Мао Цзэ-дуна
с Эдгаром Сноу
А. С. Титов

КУЛЬТУРА, НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ

- 128 Задачи изучения китайской литературы
Н. Т. Федоренко

141 Советская поэзия в Японии
А. И. Мамонов

150 Судьба китайского театра
М. В. Тарасова

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

161 У истоков советско-китайской дружбы
А. Я. Калягин

163 Книга на злободневную тему
К. М. Попов

166 Новая книга о Китае в Польше
Петр Каторжинский

169 Исследование о японском милитаризме
В. Т. Тихонов

173 Древняя японская антология в русском переводе
И. Л. Львова

175 Русско-китайские отношения в XVII веке
Л. Г. Бескровный

180 Закулисная политика США на Дальнем Востоке
В. Б. Воронцов

ПУБЛИЦИСТИКА

182 Фельетоны Дэн То
В. Н. Желуховцев

190 Го Мо-жо: «Возрождение» из пепла
И. С. Голубев

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ

199 От трех до десяти тысяч (фельетоны)
Дэн То

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОБЗОР

205 Остров Тайвань
В. Н. Матвеев

*

210 К 45-летию трагической гибели Ли Да-чжао
Р. А. Антонова

214 КНИЖНАЯ ПОЛКА

Адрес редакции: Москва, 117218,
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2.
Тел. 127-08-49

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ
(Н. О. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА)
В. А. АРХИПОВ (ОТВ. СЕКРЕТАРЬ)
Г. Ф. АСТАФЬЕВ, О. К. ГЛАДИЛИН, Г. В. ЕФИМОВ,
М. С. КАПИЦА, В. А. КРИВЦОВ, И. А. ЛАТЫШЕВ,
О. Б. РАХМАНИН, В. М. СОЛНЦЕВ, С. Л. ТИХВИН-
СКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО.

Современные империалистические противоречия на Дальнем Востоке

*Е. М. Жуков,
академик*

Вторая мировая война подвела черту под прежним соотношением сил империалистических соперников на Дальнем Востоке. Дело не только в том, что японский империализм оказался побежденным и на время выбыл из числа непосредственных конкурентов США и других империалистических держав. Все послевоенное мировое развитие шло под знаком возрастающего воздействия могучих революционных сил, возглавляемых Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Американский империализм не смог воспользоваться военным поражением Японии в той степени, на которую он рассчитывал. Это касалось прежде всего Китая. Размах национально-освободительной борьбы китайского народа, вдохновляемой и поддержанной Советским Союзом, оказался настолько велик, что реакционному гоминьдану, на который сделали ставку американские империалисты, не удалось удержаться у власти. Щедрая американская финансовая поддержка чанкайшистского режима не дала результатов. Гоминьдановским главарям пришлось бежать из континентального Китая на остров Тайвань под защиту американских покровителей.

Победа китайской народной революции в 1949 году серьезно повлияла на американскую дальневосточную политику. Столкнувшись с крушением своих широких экспансионистских планов в Азии, американский империализм взял курс на постепенное восстановление сперва экономического, а затем и военного потенциала своего поверженного противника — империалистической Японии. Предполагалось, что США сохранят в своих руках все необходимые, прежде всего военные, рычаги контроля над Японией, с тем чтобы «трансформировать» ее в эффективного союзника американского империализма, одинаково заинтересованного в подавлении революционных сил, препятствующих экспансии в Азии.

Неравноправный для Японии военно-политический союз с США был облачен в «классическую» форму «совместной обороны против коммунизма». Началось восстановление японского военно-экономического

потенциала. Сперва в корейской войне, развязанной южнокорейскими ставленниками Вашингтона, а затем в агрессии США в Индокитае стали постепенно использоваться японские промышленные предприятия как исполнители ряда заказов и как резервная индустриальная база американской военщины.

Возрожденные японские монополии, разумеется, не собирались до-вольствоваться скромной, подчиненной ролью оруженосцев американского империализма.

Объективная логика капиталистических отношений неминуемо вела к нарастанию противоречий между хищническими интересами американских и японских монополий.

Бурный подъем японской промышленности, почти полностью обновленной и технически перевооруженной после второй мировой войны, очень скоро поставил на повестку дня вопрос о возобновлении японской экономической экспансии, о борьбе за рынки, о необходимости существенно ослабить американскую «опеку» или вовсе отменить ее.

При общности многих политических реакционных установок правящих кругов США и Японии все больше обнаруживались расхождения между ними в экономических вопросах. Во всяком случае, вполне отчетливо выявилась тенденция к воспроизведению на новой основе прежних конкурентных отношений между США и Японией.

Этот существенный элемент в международных отношениях получил свое отражение в серьезном расхождении позиций США и Японии по ряду вопросов, затрагивающих сферу международной торговли, валютных взаимоотношений.

Окрепнувшему японскому монополистическому капиталу стало тесно в рамках действующих союзных отношений с Соединенными Штатами Америки, существенно уже изменившихся, но еще несущих на себе печать прежнего неравноправия.

Основным документом, фиксирующим японо-американские союзнические отношения, остается «договор безопасности», предусматривающий военное присутствие США на Японских островах и целиком подчиненный интересам антинародной и антисоциалистической стратегии мирового империализма. Японские правящие круги пока еще считают выгодным для себя сохранение «договора безопасности», отвечающего их общеполитическим реакционным установкам. Их вполне устраивает в «договоре безопасности» и его полицейско-охранительный аспект, его заостренность против революционных демократических сил.

Японо-американский «договор безопасности» имеет еще одну важную сторону, о которой нельзя забывать: он создает удобное прикрытие для наращивания и совершенствования японских вооруженных сил.

Борьба прогрессивных кругов Японии против «договора безопасности» направлена как на ликвидацию американских военных баз на японской территории, так и на осуждение милитаристской политики во всех ее проявлениях, за миролюбивую и демократическую Японию.

Развитие японо-американских противоречий происходит в сложных условиях сохранения военно-политического союза господствующих классов обоих государств.

Это обстоятельство необходимо учитывать при оценке и тех новых процессов в международных отношениях на Дальнем Востоке, которые связаны с переменами в Китае.

Как известно, в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов в политическом курсе китайского руководства произошел резкий пово-

рот, который привел к отходу Китайской Народной Республики от интернационалистских позиций, к отказу от сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами, к проведению шовинистической, великодержавной политики на основе подмены марксистско-ленинского мировоззрения «идеями» Мао Цзэ-дуна.

Не останавливаясь на внутренних процессах в Китае, отмеченных серьезными потрясениями в связи с жестоким подавлением всякой оппозиции антиленинскому курсу Мао Цзэ-дуна, фактической ликвидацией коммунистической партии и организаций трудящихся, необходимо напомнить, что пекинское руководство под прикрытием левацкой фразеологии стало подчеркивать прежде всего антисоветский курс своей новой политики. Китайские руководители не остановились даже перед организацией вооруженных провокаций на границах СССР и стали нагнетать атмосферу антисоветской военной истерии. Пекин рассчитывал, что его националистическая, антисоветская позиция обязательно вызовет сочувственный отклик в империалистическом лагере.

Этот расчет маонистов в значительной мере оправдался. Империалистические круги перестали относиться к Китаю как к социалистическому государству. Они начали проявлять особый интерес к нему как к новому фактору в международной политике, который эвентуально может быть использован и против мирового социализма, и против национально-освободительного движения.

Правящие круги США проявили инициативу в установлении прямого контакта с маонистами, что получило свое наиболее «сенсационное» выражение в организации визита президента Никсона в Китай.

Каковы бы ни были конкретные результаты секретных переговоров Никсона с пекинскими лидерами, основной смысл его поездки состоял в том, что Китай стал официально рассматриваться империалистическими политиками как некая «третья сила» в Азии, не только не принадлежащая к социалистическим странам, но противопоставляющая себя им. Империалистические политики хорошо понимают, что, противопоставляя КНР социалистическим государствам, изолируясь от них и проводя националистическую политику, китайские руководители фактически выступают в роли пособников империализма.

Это уже получило достаточно наглядное подтверждение в ходе индо-пакистанского конфликта, когда пекинское руководство выступило единым фронтом с американским империализмом для оправдания и поддержки массовых террористических расправ пакистанской военщины над добивавшимся национального самоопределения населением Восточной Бенгалии. О том же свидетельствуют выступления представителей КНР в ООН, которые, осуждая на словах колониализм, фактически проявляют заинтересованность в сохранении колониальных владений Англии и Португалии на китайской территории (Гонконг и Макао). Наконец, несомненно, что в ходе переговоров Никсона в Китае маонисты обсуждали проект сделки «Тайвань за Вьетнам».

Обращаясь непосредственно к международному положению на Дальнем Востоке в связи с поездкой президента США в КНР, следует отметить, что это событие получило характерное отражение и в японо-американских отношениях.

Значительная часть японских наблюдателей полагает, что визит американского президента в Пекин, который, по-видимому, кладет начало дальнейшим контактам, создает новую ситуацию в «треугольнике» США — Япония — Китай.

Если ранее две союзные державы — США и Япония — выступали единым фронтом по отношению к «коммунистическому Китаю», то теперь положение изменилось. США контактируют с Китаем независимо, сепаратно от Японии. Это означает фактическое изменение характера японо-американского альянса. По мнению ряда наблюдателей, сепаратные действия Вашингтона, несмотря на то, что по отношению к КНР предусматривался общий подход обоих союзников, показывают «нелояльность» США к Японии и потому развязывают ей руки.

В зарубежной печати высказывалось мнение о том, что японское правительство уже сделало соответствующий вывод из новой ситуации и предприняло ряд дипломатических акций, в свою очередь не согласованных с Соединенными Штатами Америки. К числу их относят официальное признание Японией Народной Республики Бангладеш, установление дипломатических отношений с Монгольской Народной Республикой, командирование в Ханой двух ответственных сотрудников японского министерства иностранных дел для установления контакта с правительством ДРВ и др.

В печати появляются сообщения о том, что японские правящие круги обсуждают вопрос и о дипломатическом признании КНР. Это расценивается как возможность приобретения Японией известного преимущества перед Соединенными Штатами Америки в установлении прямых отношений с Китаем.

Главным препятствием к установлению дипломатических отношений между США и КНР остается вопрос о Тайване. Об этом говорится в коммюнике о поездке Никсона в Китай, причем формула об уступчивости США в этом вопросе выглядит нарочито двусмысленно.

Японский премьер-министр Сато заявил в парламенте 28 февраля с. г., что Тайвань является частью Китайской Народной Республики и что, «если Япония хочет нормализовать отношения с Китаем, она должна иметь дело с Народной Республикой». И хотя позже это заявление было дезавуировано, сам этот факт свидетельствует о том, что японское правительство не склонно занимать пассивную позицию перед лицом американской активности в Китае.

Следует, однако, отметить, что наряду с общей тенденцией активизировать процесс «нормализации» японо-китайских отношений в Японии по-прежнему весьма влиятельна позиция тех кругов, которые холодно относятся к Пекину; последние считают полезным сохранить для Японии сдержанную «самостоятельную позицию».

Важным стимулирующим моментом в отношении КНР являются непосредственно экономические интересы. В 1971 году объем двусторонней торговли между Японией и Китаем, которая велась на беспоплатной основе, достиг наивысшего уровня — 899 740 000 долларов. По сравнению с 1970 годом объем японо-китайской торговли увеличился на 9,4 процента. При значительном преобладании японского экспорта в КНР над импортом китайских товаров в Японию в истекшем году наблюдалась тенденция к быстрому росту китайского вывоза, увеличившегося почти на 27%. Это увеличение идет в основном за счет шелка-сырца, занимающего первое место в списке товаров, экспортируемых Китаем в Японию.

Что касается японского вывоза в КНР, то он растет преимущественно за счет химических удобрений и продукции металлургической промышленности.

Деловые круги Японии уделяют большое внимание перспективам развития торговых и других экономических связей с Китаем.

В представлении японских монополий Китай — «естественный» рынок сбыта для японских товаров и вообще «сфера японских интересов». Именно здесь лежит источник недовольства в Японии тем, что Соединенные Штаты Америки «опередили» своего японского союзника в установлении прямого политического контакта с КНР на высшем уровне.

Японские правящие круги успокаивают себя тем, что контакты Соединенных Штатов с Китаем будут носить преимущественно политический характер. Следовательно, Япония сохранит свое главное преимущество — приоритет в торговых отношениях с КНР.

В опубликованном в конце февраля с. г. японским министерством иностранных дел докладе подчеркивалось, что «в ближайшем будущем Япония останется главным торговым партнером Китая». В докладе утверждалось, что вряд ли можно ожидать больших перемен в экономике и во внешней торговле Китая сразу же после визита президента США.

В Японии привыкли считать, что никто не может быть лучшим экспертом по китайским делам, чем японцы, обладающие традиционными узлами разносторонней связи со своим континентальным соседом. Исходя из собственного понимания сущности японо-американского союза, японская сторона предполагала, что именно ей предназначена роль посредника в любых контактах между Вашингтоном и Пекином.

Все эти предположения оказались ошибочными. Японская дипломатия не обеспечила своего приоритета. Напротив, сама Япония как бы стала объектом американо-китайских переговоров.

По поводу судьбы в текст американо-китайского коммюнике о визите Никсона в КНР оказался включен диалог между американской и китайской сторонами по вопросу об отношении к Японии. Пекин записал, что он «решительно выступает против возрождения и экспансии за пределы своей страны японского милитаризма, решительно поддерживает стремление японского народа к созданию независимой, демократической, мирной и нейтральной Японии». В ответ на это американская сторона зафиксировала в коммюнике, что «США дают самую высокую оценку своим дружественным отношениям с Японией и они будут продолжать развивать существующие тесные узы».

Выступая в роли адвоката Японии перед Мао Цзэ-дуном и Чжоу Энь-лаем, президент Никсон как бы поменялся ролями с руководителями японской политики, не ожидавшими, что американцы, поведут в Пекине разговор о будущих японо-китайских взаимоотношениях. В японской печати промелькнуло сообщение о том, что на вопрос американского посла в Токио Мейера, какова реакция в Японии на переговоры между руководителями США и Китая, ответственный сотрудник японского министерства иностранных дел ответил: «Настроение такое, словно нас покинули».

Было бы, однако, неправильно предполагать, что визит Никсона в Китай явился полной неожиданностью для японских правящих кругов. Еще в ноябре 1969 года Никсон дал понять японскому премьер-министру Сато, что он намеревается предпринять известные шаги к «примирению» с Китаем. Тем не менее сообщение Белого дома о предполагаемой поездке президента США в Китай было сделано без предварительной консультации с Японией.

За полтора месяца до поездки Никсона в КНР, в начале января 1972 г., состоялась его встреча с премьер-министром Японии Сато в Сан-Кlemente в Калифорнии, во время которой обсуждались, по-види-

мому, и некоторые вопросы, связанные с «китайской политикой» обоих правительств. Основное содержание переговоров в Сан-Кlemente концентрировалось вокруг экономических проблем. Японо-американское торговое соперничество привело к серьезному расхождению во взглядах американских и японских руководителей. Достигнутые компромиссные решения, в частности ревальвация иены, не устранили причины этих разногласий. Японское правительство добилось от США установления твердой даты возвращения Окинавы — 15 мая 1972 года с обязательством предварительно удалить с американских военных баз на острове ядерное оружие.

Однако демократические круги Японии решительно выступают против такой «передачи» Окинавы, которая сохраняет размещение войск США на этом архипелаге. Кроме того, положение осложнилось тем, что на часть передаваемой Японии территории, а именно на острова Сэнкаку (Цзяюйдао), претендует КНР.

И вообще «китайский вопрос» придал новый аспект японо-американским отношениям. Симптоматично, что критика японо-американского «договора безопасности», связывающего Японию, находит теперь значительное число сторонников не только в демократических кругах страны, но и в рядах правительственной партии. Поднимается вопрос о том, что японо-американский «договор безопасности» в значительной степени потерял свое прежнее значение, поскольку США больше не базируются на нем свою дальневосточную политику, а перешли к непосредственным политическим контактам с Китайской Народной Республикой, «минуя» Японию. С другой стороны, наличие японо-американского «договора безопасности» настораживает КНР в отношении позиции Японии и препятствует установлению взаимного доверия между ними. Это в свою очередь ограничивает перспективы расширения экономического сотрудничества Японии с Китаем.

Некоторые представители японских деловых кругов, обуреваемые стремлением «выправить» ситуацию, создавшуюся в результате американской инициативы, и занять первенствующее положение в Китае, прямо выступают за пересмотр японо-американского «договора безопасности» и за скорейшее установление Японией дипломатических отношений с КНР.

В отдельных высказываниях подобного рода ощущаются отзвуки старой японской империалистической программы создания «восточно-азиатской сферы совместного процветания», отвечающей растущим аппетитам японских монополий.

Долговременные планы японской империалистической экспансии включают в себя соответствующую активность во всей обширной зоне Восточной и Юго-Восточной Азии.

Из американско-китайского коммюнике явствует, что переговоры Никсона в КНР непосредственно затрагивали весь этот огромный регион, живо интересующий Японию. Существенные оговорки, сделанные американской стороной в тексте коммюнике относительно Тайваня и Южной Кореи, зафиксированные разногласия по этим проблемам имеют для Японии особое значение, поскольку она связана договорными отношениями и с Тайбэем и с Сеулом. В то же время многие факты последнего времени свидетельствуют о стремлении японских правящих кругов развязать себе руки в этих вопросах, чтобы не оказаться опять «в хвосте» у Соединенных Штатов.

Что же касается стран Юго-Восточной Азии, где результаты американско-китайских переговоров получили противоречивую оценку, то

Япония озабочена прежде всего сохранением и расширением своих экономических позиций в этом районе. Таиланд, Филиппины, равно как и марионеточные режимы в Индокитае, опасаются быть принесенными в жертву своими американскими покровителями ради установления еще более тесных отношений Вашингтона с Пекином. Подобного рода тревога усиливается и на Тайване, откуда наблюдается бегство капиталов в Сингапур и в Индонезию.

По сообщениям печати, за четыре месяца, истекших со времени удаления чаикайшистов из ООН, тайваньские бизнесмены перевели в Сингапур около 100 миллионов долларов (в местной валюте). Китайские промышленники перебираются с Тайваня на постоянное местожительство в Сингапур, желая перестраховаться на случай воссоединения Тайваня с КНР. Поскольку, однако, в американо-китайском коммюнике не говорится о сроках вывода вооруженных сил США с острова Тайвань, очевидно, что его будущее остается предметом дальнейшего торгового обмена между Вашингтоном и Пекином.

В японских кругах понимают, что «договор о взаимной безопасности», заключенный между Японией и США, может быть ослаблен ради умиротворения Пекина и что американцы могут обхаживать Китай, видя в нем будущий противовес честолюбивым устремлениям Японии в Азии. Такого рода «предчувствия» отнюдь не случайны. В них своеобразно преломляются реально существующие японо-американские противоречия.

В некоторых японских политических кругах высказывается беспокойство и по поводу того, что сближение Соединенных Штатов Америки с Китаем может привести к перекалыванию всей тяжести непопулярных жандармских функций в Восточной Азии на плечи одной Японии.

В связи с визитом Никсона в Китай в буржуазной печати широко распространилась версия о том, что США перешли к так называемой «многополюсной» внешней политике. Под этим понимается отказ от односторонней ориентации на существующие союзные отношения, в частности с Японией, и переход к политике «равновесия сил». Предполагается, что Вашингтон как бы намеревается впредь балансировать между Токио и Пекином, что опять-таки повлечет за собой ослабление «особых уз», связывающих Соединенные Штаты Америки с Японией.

Японская газета «Номнури» высказала мысль о том, что в ходе американо-китайских переговоров в Пекине рождается «прагматическая дипломатия», которая руководствуется не столько всякими «измами», сколько национальными интересами. Эта дипломатия делает ненужным существование блоков.

Если отвлечься от того, что в такого рода размышлениях японской буржуазной газеты присутствует чувство горечи, поскольку американская инициатива не была соответствующим образом согласована с Японией, нельзя не признать, что здесь имеется и известное рациональное зерно. Империалистические блоки демонстрируют свою непрочность не только потому, что жизнь показывает полную невозможность оправдать их «оборонительными задачами» мнимой защиты от «коммунистической агрессии», но и вследствие неуклонного нарастания межимпериалистических противоречий, разделяющих участников этих блоков. Тяжелая руководящая длань главного организатора агрессивных империалистических союзов — правящих кругов США — вызывает раздражение и нередко даже сопротивление у остальных, более сла-

бых партнеров в соответствующих группировках. Эти антиамериканские настроения, естественно, усиливаются в условиях, когда американский империализм открыто игнорирует интересы своих союзников и проводит «прагматическую дипломатию». Соединенные Штаты Америки располагают многими возможностями оказывать давление и обеспечивать в конечном счете послушание участников подконтрольных им военно-политических группировок. Нечего и доказывать, что применительно к Японии средств давления у правящих кругов США пока еще более чем достаточно.

Но в конечном итоге неравноправные отношения внутри империалистических блоков предопределяют их неустойчивость. Меняющееся соотношение сил империалистических государств и соответствующее расхождение их интересов не только способны привести к распаду одних группировок или к возникновению новых, но и к изменению политических позиций отдельных империалистических держав на Дальнем Востоке.

В этой связи приобретают важное значение политические акции Англии, предпринятые ею на Дальнем Востоке после поездки Никсона в КНР. Недавнее соглашение Лондона и Пекина об обмене послами, в котором говорится об отказе Англии от консульских отношений с Тайванем и признании последнего провинцией КНР, свидетельствует о стремлении британских правящих кругов укрепить свое влияние в Китае в противовес США. Большое значение при этом должен сыграть Гонконг — опорный пункт английского империализма на Дальнем Востоке, который активно используется маоистским руководством как место его спекулятивных сделок с большим бизнесом Запада.

Комментируя перспективы развития японо-американских отношений, некоторые наблюдатели обращают внимание на двойственность дальневосточной политики США. Пресловутая «гуамская доктрина» президента Никсона, провозглашенная в 1969 году, выдвигала идею о постепенном ограничении прямого военного участия США в осуществлении агрессивной политики в Азии. Американский империализм отнюдь не собирався отказываться от своих экспансионистских планов, но намеревался впредь воевать руками азиатов. Речь шла не только конкретно о «вьетнамизации» преступной колониальной войны в Индокитае, но и о более общих стратегических планах Пентагона.

В этой связи возникал вопрос о возрастании самостоятельной роли вооруженных сил Японии. Нарастание японского военного потенциала, увеличение военных ассигнований в японском бюджете, активизация милитаристской пропаганды в стране рассматривались как своеобразный вклад в реализацию «гуамской доктрины» Никсона, полностью отвечающей общим интересам японо-американского альянса.

Возрождение японского милитаризма вызвало серьезное беспокойство в соседних странах и прежде всего в прогрессивных кругах самой Японии. В японском парламенте развернулась серьезная борьба вокруг вопросов об обширных ассигнованиях на так называемый четвертый план развития вооруженных сил Японии.

Хотя японское правительство не выдвигало в качестве программной задачи создание собственного японского ядерного оружия, в определенных милитаристских кругах был поднят и этот вопрос как «перспективный».

Подавляющее большинство японского народа, испытавшего на себе ужасы атомной бомбы, решительно отвергает поползновения борбников ядерного перевооружения Японии. Прогрессивная японская об-

уществование требует удаления американского ядерного оружия с территории своей страны.

Но как известно, империализм и его детище — милитаризм имеют свою собственную логику. Вот почему уже создан технико-экономический потенциал Японии, достаточно высокий для того, чтобы в короткий срок здесь можно было производить ядерное оружие.

Наличие ядерного оружия в Китае, проведение его испытаний в атмосфере используются милитаристской пропагандой в Японии как довод в пользу того, что страна окажется «беззащитной», как только США уберут свои военные базы с японской территории, хотя никому не известно, когда это произойдет.

Даже самое отвлеченное обсуждение этих острых проблем не может не вызывать отрицательной реакции в Соединенных Штатах Америки. Японо-американский «договор безопасности», как и «гуамская доктрина», исходит из признания безусловной военной гегемонии США. Всякое отклонение от этого незыблемого принципа противоречит планам и расчетам американского империализма, так как сильная в военном отношении Япония сможет проводить такую самостоятельную экспансионистскую политику в Азии, которая будет объективно направлена против интересов американских монополий.

В силу этих соображений Соединенные Штаты Америки, даже с учетом «гуамской доктрины», вовсе не склонны с одобрением отнестись к неограниченному расширению японской военной машины. Соединенные Штаты Америки опасаются «односторонней» ориентации на своего японского союзника. В качестве альтернативы выдвигается принцип «равновесия сил», предусматривающий установление параллельных американских контактов и с Китаем, и с другими азиатскими странами. Американский империализм не может не считаться с фактом превращения Японии в серьезного соперника на международных рынках. Что же касается Китая, то его экономический потенциал не идет ни в какое сравнение с японским. Китай никак не может являться для США конкурирующей стороной в борьбе за экономическое господство. Политическое же лицо нынешних пекинских лидеров все больше освобождается от аляповатого антиимпериалистического грима.

Американо-китайское коммюнике, которое в некоторых разделах носит явно театрално-декламационный характер, в целом представляет собою документ, скрывающий подлинные политические намерения его составителей. В коммюнике, например, говорится как об общей позиции двух держав, что «ни одна из сторон не должна добиваться гегемонии в районе Азии и Тихого океана и каждая из сторон выступает против усилий любой другой стороны или группы стран к установлению такой гегемонии». Совершенно очевидно, что вся история американской политики в Азии, равно как гегемонистские действия пекинского руководства в отношении ряда азиатских — и не только азиатских — государств, раскрывает вопиющее лицемерие этого заявления.

В то же время коммюнике не только подтверждает общность антидемократической позиции американского империализма и пекинских лидеров в отношении индо-пакистанского конфликта, но и содержит пункт, представляющий собою вмешательство в дела третьей страны — Индии, поскольку провокационно поднимается вопрос о Джамму и Кашмире.

Премьер-министр Индии Н. Ганди с полным основанием осудила страны, которые говорят о своей миролюбивой политике и в то же время «пытаются вызвать беспокойство в Кашмире».

Давая оценку результатам визита Никсона в Пекин и влиянию этого визита на развитие японо-американских отношений, можно сделать вывод, что растущее взаимное недоверие, которое сквозит в японо-американских отношениях, еще не означает их разрыва. Точно так же включение Китая в орбиту сложных дипломатических комбинаций крупнейших капиталистических держав отнюдь еще не означает удовлетворения националистических амбиций нынешнего пекинского руководства.

Политика дипломатического маневрирования США не может прикрыть вопиющих фактов американской империалистической агрессии.

Только подлинная политика укрепления мира и делового сотрудничества на базе признания принципа мирного сосуществования государств с различным социально-политическим строем способна оздоровить международную атмосферу и заслужить признание и доверие народов.

Одним из конкретных воплощений такой политики является идея коллективной безопасности в Азии, выдвинутая Советским Союзом. Эта идея вызывает все больший интерес в азиатских странах. И это естественно, потому, что для народов Азии, как сказал на XV съезде профессиональных союзов СССР тов. Л. И. Брежнев: «Становится все яснее, что действительный путь к безопасности в Азии — это не путь военных блоков и группировок, не путь противопоставления одних государств другим, а путь добрососедского сотрудничества всех заинтересованных в этом государств»¹

¹ «Правда», 21.III. 1972 г.

Мы — за развитие добрососедских отношений

*А. К. Черный,
первый секретарь
Хабаровского крайкома КПСС*

Советский Союз придавал и придает большое значение развитию добрососедских отношений со всеми государствами и народами, исключаящими в своей политике экспансионистские и агрессивные цели, установлению взаимовыгодного сотрудничества с ними в самых различных областях.

Миролюбивая политика нашего государства направлена прежде всего на разрядку международной напряженности, на ликвидацию военных конфликтов, на пресечение агрессий и военных авантур в любой точке земного шара. Именно поэтому Советский Союз выступает решительно против милитаризации отдельных государств, видя в этом потенциальную и прямую угрозу делу защиты мира на земле, против военных союзов, договоров и других акций, нацеленных не на оздоровление, а на осложнение международного политического климата.

Мир нужен не только советскому народу, но и всем другим народам в качестве неперемennого условия для прогресса. Вот почему КПСС, Советское правительство, весь советский народ неустанно борются за создание в различных частях света систем коллективной безопасности, зон мира, за полное и всеобщее разоружение. Эти благородные идеи воплощены в программе мира, провозглашенной XXIV съездом КПСС.

Наш Хабаровский край является составной частью советского Дальнего Востока. На Хабаровский край приходится почти девятьсот километров государственной границы Советского Союза с Китаем. Другим его ближайшим соседом является Япония. Быть просто соседями — в наше время мало. Надо быть добрыми соседями.

В нынешнем году исполняется 16 лет со времени подписания Совместной декларации о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Японией. За этот период широкое развитие получили торгово-экономические, технические, научные и культурные связи между Советским Союзом и Японией как по государственной, так и по общественной линиям. Вслед за подписанием Совместной декларации между нашими странами были заключены: первый в истории советско-японских отношений торговый договор 1957 года, конвенция о рыболовстве, соглашение об установлении прямого судоходного сообщения между портами Советского Союза и Японии, консульская конвенция,

соглашения о прямом воздушном сообщении между Москвой и Токио и о туризме. Эти государственные акты отвечают интересам народов наших стран.

За последнее десятилетие советско-японская торговля увеличилась во много раз. В 1970 году ее объем достиг 653 млн. руб., а в 1971 году товарооборот вырос еще больше. Япония вышла на первое место в торговле Советского Союза среди капиталистических стран. С 1963 года развивается новая дополнительная форма советско-японских торговых отношений — прибрежная торговля, то есть непосредственный обмен товарами между дальневосточными и восточносибирскими районами СССР, с одной стороны, и префектурами Японии — с другой. Хозяйственные организации Восточной Сибири и Дальнего Востока выступают на японском рынке через Всесоюзную экспортно-импортную контору «Дальинторг», созданную в 1965 году специально для этой цели. В настоящее время «Дальинторг» имеет деловые связи с семьюдесятью японскими фирмами и кооперативами префектур Иватэ, Акита, Тояма, Ямагата, Эхимэ, Исикава, Фукуи, Симанэ, Яманаси, Ниигата и другими.

Хозяйственные организации Хабаровского края, участвующие в поставках товаров на экспорт по линии прибрежной торговли, заинтересованы в закупке в Японии товаров народного потребления, а также машин, оборудования и материалов, необходимых для выпуска продукции, пользующейся спросом на японском рынке. Начиная с прошлого года в наших контрактах предусматривается закупка машин, оборудования и материалов.

В 1975 году планируется увеличение товарооборота по линии прибрежной торговли в полтора раза по сравнению с 1970 годом. Увеличение экспорта товаров в Японию будет осуществляться за счет роста поставок морепродуктов, деловой древесины, технологической щепы, лекарственно-технического сырья, плодово-ягодных консервов и других товаров, номенклатура которых будет расширена.

В дальнейшем развитии прибрежной торговли большое значение могли бы иметь долгосрочные соглашения по взаимным поставкам товаров между «Дальинторгом» и кооперативными организациями Японии. Такие долгосрочные соглашения способствовали бы расширению производства и поставок многих товаров, ежегодно экспортируемых в Японию. Кроме того, на основе долгосрочных соглашений можно было бы организовать специально для экспорта по линии прибрежной торговли производство товаров, пользующихся спросом на японском рынке с учетом специальных технических условий и рецептуры. Развитие торгово-экономических отношений между соседними районами наших стран на такой долгосрочной основе явилось бы весьма существенным вкладом в расширение прибрежных торгово-экономических связей и содействовало бы дальнейшему укреплению взаимопонимания и дружественного сотрудничества между СССР и Японией.

Развивающийся за последние годы между нашими странами культурный обмен способствует большему взаимопониманию, помогает народам лучше узнать друг друга, что в конечном счете ведет к укреплению дружбы.

Японские зрители неоднократно встречались с лучшими представителями советской культуры — артистами балета, оперы, цирка, эстрады. Советские любители искусства со своей стороны хорошо знакомы с японским театром «Кабуки» и рядом других художественных коллективов, эстрадных групп и отдельными исполнителями. Укрепляются советско-японские связи в области литературы. В Японии, как известно,

русская и советская литература пользуется широкой популярностью. Немалая заслуга в этом принадлежит японским специалистам-русоведам. Трое из них, посвятившие всю свою жизнь переводам русской и советской литературы на японский язык — г-да Хара, Курода и Накамура, — были в 1968 году награждены советскими орденами «Знак Почета». В СССР переводы произведений японской литературы также пользуются успехом. Достаточно сказать, что в Советском Союзе за послевоенные годы вышли переводы книг японских авторов общим тиражом более чем 6,5 млн. экземпляров.

Большое развитие получили советско-японские связи между профсоюзными, молодежными, спортивными организациями, ширится движение за японо-советскую дружбу. В нашей стране с 1958 года активно функционирует общество «СССР — Япония», которое насчитывает около полумиллиона членов и имеет свои отделения во многих городах нашей страны, в том числе и в Хабаровске.

Многообразные межгосударственные, парламентские, экономические, муниципальные, научные, культурные, общественные и иные связи между СССР и Японией способствуют превращению Японского моря, разделяющего нас географически, поистине в море дружбы, мира и взаимовыгодного сотрудничества.

* * *

Территориальная близость Хабаровского края с Китайской Народной Республикой позволяет нам полнее оценивать положительное значение дружественных отношений советского и китайского народов, существовавших в недалеком прошлом, и отрицательные последствия разрыва этих отношений. На глазах у дальневосточников проходила и проходит вся история взаимоотношений двух великих стран.

Каждый из нас, представителей старшего поколения и молодежи, хорошо знает, как рождалась и складывалась дружба двух соседних народов, как она закалялась и была скреплена кровью, пролитой в совместной борьбе за свободу, мир и социальный прогресс.

Образование Китайской Народной Республики в 1949 году трудящиеся Хабаровского края восприняли как большое радостное событие, как торжество нашего общепролетарского дела. Между нашим краем и соседней провинцией КНР Хэйлунцзян стали налаживаться широкие многосторонние связи. Отрадно было видеть, как пограничные реки, веками существовавшие как рубежи для разделения государств, быстро превращались в средства укрепления и развития экономического сотрудничества, основанных на принципах дружбы и взаимовыгоды. Амур и Уссури по праву назывались реками дружбы.

Коллективы многих предприятий, совхозов и колхозов и торговых организаций нашего края устанавливали самые тесные связи с коллективами трудящихся провинции Хэйлунцзян. Многочисленные делегации китайских трудящихся являлись частыми гостями предприятий Хабаровска, Бикина, Биробиджана, Комсомольска-на-Амуре и других городов и районов края. Харбин, Цзямусы, Муданьцзян и другие города и поселки соседней китайской провинции посещали наши делегации. Как правило, они состояли из передовиков производства, активистов общественных организаций, специалистов, которые, не скупясь, делились опытом работы, старались передать свои знания и умение китайским друзьям. С открытой душой, по-соседски принимали посланцев КНР коллективы предприятий края.

С большим энтузиазмом выполняли трудящиеся края заказы КНР. Лесозаготовители поставляли древесину, металлурги завода «Амур-сталь» — прокат черных металлов и жель, хабаровчане производили кабельную продукцию, запасные части к энергетическому оборудованию. Сотрудничество нашего края с провинцией Хэйлуцзян развивалось по нескольким направлениям.

Амурское речное пароходство еще в навигацию 1946 года стало участвовать в перевозках грузов из СССР в КНР и обратно. Наши речники не жалели сил для помощи своим китайским коллегам, флот которых еще только создавался. Начались совместные работы по улучшению судоходных условий на Амуре и Уссури, была создана советско-китайская комиссия для решения практических вопросов судоходства на приграничных реках, с ее участием была введена единая система судоходных знаков. В 1951 году амурские речники по просьбе китайцев обеспечивали судоходную обстановку даже на Сунгари — внутренней реке провинции Хэйлуцзян. Несколько лет подряд наши и китайские речники общими силами проводили дноуглубительные работы на отдельных участках реки Амур.

В 1958 году между Хабаровским краем и провинцией Хэйлуцзян началась приграничная торговля. Эта новая форма экономических отношений была рождена дружбой и обоюдным стремлением к сотрудничеству соседних областей двух социалистических стран. Хабаровский Крайрыболовпотребсоюз и Торговая компания провинции Хэйлуцзян несколько лет подряд заключали контракты на взаимные поставки товаров. Крайрыболовпотребсоюз продавал китайским друзьям бензин, дизельное топливо, моторы, мотоциклы, швейные машины, конные косилки, электродвигатели, часы и широкий ассортимент хозяйственных товаров. Во всем этом остро нуждалась соседняя провинция. В обмен мы получали различные товары пищевой и легкой промышленности, которые пользовались спросом у населения края.

Поставки товаров обеими сторонами выполнялись точно в установленные сроки, торговые операции выполнялись четко, без каких-либо недоразумений. Возрастающие запросы китайских друзей обеспечивались и другими торгующими организациями края.

Наконец, широкое развитие получили и культурные связи. В середине 50-х годов в КНР из Хабаровского края выезжало до 20 групп туристов за сезон. Регулярно обменивались делегациями краевой совет профессиональных союзов и федерации профсоюзов провинции Хэйлуцзян, профсоюзные организации железнодорожников и речников. Китайские делегации посещали не только наши предприятия, но и клубы, школы, библиотеки, присутствовали на концертах художественной самодеятельности. Встречи представителей народов-соседей, как правило, использовались для обмена опытом работы, проходили как демонстрация дружбы и сплоченности.

В свое время на Дальнем Востоке работала Амурская комплексная экспедиция по совместному изучению производительных сил, в которую входили крупные ученые Академий наук СССР и КНР. В задачу экспедиции входило изучение возможностей борьбы с наводнениями в бассейне Амура путем строительства регулирующих водохранилищ и гидроэлектростанций, улучшение условий судоходства, рациональное использование рыбных богатств и совместное решение многих других жизненно важных вопросов для Китая и Советского Союза. Работа комплексной экспедиции продвинулась так далеко, что были определены даже створы плотин для перекрытия Амура. Осуществление этих проектов позволило бы получить огромное количество дешевой электро-

энергии, крайне необходимой прежде всего для Северо-Востока Китая.

Все эти экономические, торговые и культурные связи были взаимопользовными. Особенно в них нуждалась китайская сторона, население которой переживало серьезные трудности из-за разрухи, причиненной войной. Помощь Советского Союза была хорошей опорой для трудящихся Китая в строительстве новой жизни. Она оказывалась в широких масштабах и часто безвозмездно.

Так, например, в период нормальных отношений с КНР для наших медицинских работников и авиаторов стало привычным делом оказание срочной медицинской помощи жителям пограничных уездов Хэйлунцзянской провинции. Тяжелобольные из Фуаня, Лобэя, Фошаня и других пограничных населенных пунктов постоянно доставлялись самолетами и вертолетами санитарной авиации в лечебные учреждения края. Этих больных окружали особой заботой и вниманием. Возвращаясь после выздоровления домой, граждане КНР горячо благодарили советских людей. Наши врачи не раз вылетали по срочным вызовам в КНР для оказания помощи на месте.

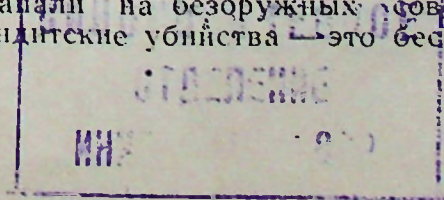
Словом, обстановка на границе в те годы складывалась как нельзя лучше, на полном доверии и понимании, на заинтересованном участии в делах друг друга. И не случайно буквально с каждой страницы журнала «Дружба», издававшегося в Пекине Обществом китайско-советской дружбы, раздавалось «сердечное спасибо». В передовой статье журнала № 1 за 1958 год можно прочесть: «Для нас, китайцев, слово «Сулянь» (Советский Союз) — это самое волнующее слово в нашем сознании, в наших чувствах, означающее воплощение правды, мощной опоры и источника счастья. Для нас Советский Союз — это кормчий, ведущий к победе мирового коммунизма, самый могучий страж мира во всем мире, сеятель счастья человечества, самый замечательный цветущий сад...»

Теперь, много лет спустя, стало ясно, что дальнейшее укрепление дружественных связей между нашими народами, оказывается, вовсе не устраивало Мао Цзэ-дуна. У него были совсем другие соображения и планы. Поэтому совсем не случайно, что еще задолго до обнародования официального курса маоистов на разрыв отношений с Советским Союзом дальневосточники почувствовали перемены к худшему. Китайские власти все чаще стали поднимать надуманные пограничные вопросы и даже выдвигать необоснованные территориальные притязания.

Начиная с 1960 года контакты между пограничными районами нашего края и провинции Хэйлунцзян стали ослабевать по всем направлениям. Происходило это методично, по нарастающей линии. Вот хронология. 1961 год — прекратилось обращение китайских граждан за медицинской помощью. 1963 год — прекратились перевозки грузов в КНР и обратно Амурским речным пароходством. 1964 год — по существу, прекратился обмен туристическими группами. 1967 год — в 30 раз сократилась приграничная торговля. 1968 год — китайская сторона отказалась от поставок дальневосточного леса и перевозок обменных грузов железнодорожным транспортом. В 1969 году китайские власти пошли на открытое вероломство, гнусные провокации на границе.

Всему миру известны мартовские события 1969 года у острова Даманский на реке Уссури, где маоисты совершили вооруженное нападение на наших пограничников. В июле того же года недалеко от Хабаровска китайские военнослужащие напали на безоружных советских речников и убили одного из них. Бандажные убийства — это беспреце-

по-1444

дентные действия в межгосударственных отношениях, к которым прибегли маонисты.

Подоплека подобного бандитизма — это экспансионистские претензии пекинского руководства. Мао Цзэ-дун заявил, что Китаю должны принадлежать не только многие пограничные участки Приамурья и Приморья, но и почти весь советский Дальний Восток. Подобные притязания вызывают у советских людей лишь гнев и возмущение. Ибо всему миру известно, что это земли исконно русские. Историю не переделаешь!

В начале свертывания дружественных связей поведение китайцев было во многом непонятно, вызывало недоумение. А когда окончательно стали ясны причины такого поведения, чувство недоумения сменилось глубоким сожалением и сочувствием к соседнему трудолюбивому и дружелюбному народу. Антисоветский курс маонистской группировки прежде всего ущемил интересы населения Северо-Востока Китая, граничащего с СССР. Отрицательные последствия разрыва отношений, безусловно, сказались на экономике провинции Хэйлунцзян. Достаточно вспомнить, что объем перевозок грузов в Китай и обратно Дальневосточной железной дорогой и Амурским пароходством в отдельные годы превышал миллион тонн. Можно представить серьезные затруднения народного хозяйства провинции после отказа от этих грузоперевозок. Хэйлунцзян не получает многих товаров, потребность в которых в значительной степени покрывалась поставками из нашего края. Связи с СССР были жизненно важными для экономики КНР, ее населения.

Большой вред причиняется нормальному судоходству на пограничных реках. Вот уже несколько лет здесь не проводятся работы по улучшению водных путей. На китайской стороне исчезают судоходные знаи, во многих местах они уже давно не соответствуют фарватеру. Совсем прекращены работы по углублению дна рек, в результате многие перекаты обмелели, глубины судового хода значительно уменьшились, что, естественно, снижает скорости движения судов.

Ущерб наносится речному флоту обеих стран, но маонисты упорно не желают сотрудничать на пограничных реках. Переговоры по этому вопросу на совещаниях смешанной комиссии по судоходству китайская сторона превратила в бесплодные дискуссии по поводам, не имеющим отношения к судоходству, непомерно затягивая продолжительность переговоров. В лучшие времена совещания комиссии проходили за одну-две недели, а 16-е совещание в 1970 году продолжалось 163 дня (!).

Нас радовали успехи китайского народа в первом десятилетии после победы народной революции. Курс на строительство социализма, взятый КНР, отвечал чаяниям китайского и советского народов, всего прогрессивного человечества. Он давал безграничные возможности для взаимовыгодного экономического сотрудничества, развития братских связей, укрепления всей мировой социалистической системы. Этот путь, закрепленный решениями VIII съезда Коммунистической партии Китая, соответствовал завещаниям великого китайского революционера-демократа Сунь Ят-сена.

Отход руководства КПК от этого курса наносит вред делу социализма, самому китайскому народу. А происходящие события в КНР заставляют нас снова и снова вспоминать предостережение В. И. Ленина об опасности мелкобуржуазного национализма и великодержавного шовинизма.

Дальневосточники единодушно поддерживают усилия ЦК КПСС и Советского правительства, направленные на нормализацию отношений с КНР. Они полностью солидарны с положением Резолюции XXIV

съезда КПСС по этому вопросу: «Улучшение отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой отвечало бы коренным, долговременным интересам обеих стран, интересам мирового социализма, интересам усиления борьбы против империализма»¹.

Трудящиеся Хабаровского края хорошо понимают обстановку в современном Китае, не отождествляют Мао Цзэ-дуна и его группу со всем китайским народом. Мы твердо верим, что маоизм потерпит поражение. Не может быть сомнения в том, что коммунисты, рабочий класс и весь трудовой народ Китая не найдут в себе силы вновь встать на путь тесного единения с братскими народами социалистических стран и обеспечить успех великого дела социализма в КНР. Мы убеждены, что в наших отношениях с китайским народом снова восторжествуют доброе соседство, дружба и деловое сотрудничество.

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 192.

Кризис великодержавного маоистского курса

М. И. Дальнев

Политический кризис в Китае продолжается уже в течение ряда лет. Он вновь с особой силой обострился во время «сентябрьских событий» 1971 года, когда с политической арены были устранены «преемник» Мао Цзэ-дуна министр обороны Линь Бяо и ряд других высокопоставленных политических и военных руководителей. Верх пока взяла группа Мао Цзэ-дуна — Чжоу Энь-лая, стоящая на позициях великодержавия и ярого антисоветизма, проводящая курс на сближение с капиталистическим миром.

Новая «перегруппировка» в Пекине является отражением глубокого кризиса «идей Мао», обнаруживших свою полную несостоятельность как во внутренней, так и во внешней политике пекинского руководства. Как известно, маонисты полностью отказались от генеральной линии КПК, утвержденной VIII съездом партии (1956 г.) и направленной на строительство социализма в Китае в соответствии с теорией научного коммунизма. С помощью «большого скачка» они пытались превратить страну в «единый военный лагерь», уничтожить методами «культурной революции» народно-демократические органы власти, партию, профсоюзы, комсомол и закрепить военно-бюрократическую диктатуру личной власти. Этот курс терпит провал. Одним из свидетельств этого явилась оппозиция, возникшая даже среди самого близкого окружения Мао.

Если даже принять на веру впервые опубликованные за последние годы отрывочные данные о состоянии народного хозяйства КНР, то и они достаточно красноречиво убеждают, что в результате маоцзэдуновских экспериментов «большого скачка» и «культурной революции» развитие страны задержалось по крайней мере на целое десятилетие. Сообщаемые данные о сборе зерна в 1971 году в размере 246 млн. тонн и о выплавке стали 21 млн. тонн показывают, что валовой сбор зерновых в прошлом году был ниже показателей, намечавшихся на 1962 год (250 млн. т), и намного ниже уровня, планировавшегося на 1967 год (360—375 млн. т). Что же касается производства стали, то оно достигло лишь тех объемов, которые обеспечиваются металлургическими мощностями, созданными в КНР к концу 50-х годов с помощью Советского Союза, 21—22 млн. т в год. По некоторым данным, политика «большого скачка» привела к падению промышленного производства примерно наполовину, а «культурная революция» — на 20—25 процентов. До настоящего времени, и это подтверждается опубликованными в Пекине данны-

ми, хозяйство КНР все еще далеко отстает от того планового уровня, который был намечен на VIII съезде КПК.

Хотя Китай остается экономически отсталой страной с замедленным и прерывавшимся развитием, маоцзэдуновское руководство делает ставку на ускоренную милитаризацию страны. Значительная часть всех бюджетных поступлений направляется на военные цели, главным образом на ракетно-ядерное вооружение.

Милитаризация отвлекает основные и без того ограниченные средства (по размеру национального дохода на душу населения — около 100 американских долларов в год — КНР находится на одном из последних мест в мире) и тормозит развитие народного хозяйства. Таким образом, маоизм задерживает экономическое и социальное развитие Китая, а следовательно, прямо противоречит коренным интересам китайского народа.

Глубина внутреннего кризиса маоистского руководства подчеркивается и тем фактом, что уже несколько лет страна не имеет конституционного главы государства, конституционного правительства, не функционируют органы народной власти. Созыв Всекитайского собрания народных представителей — высшего органа власти — откладывается вновь и вновь. Пекин, любящий говорить от имени «народов мира», боится своего собственного народа.

Кризис маоистского руководства в области внутренней политики ведет к общей неустойчивости, в области внешней политики — к еще большему авантюризму. «Готовиться к голоду» — этим лозунгом определяется существо внутренней политики маоизма. «Готовиться к войне» — его внешнеполитическое кредо.

Чжоу Эн-лай в нарочито «откровенных» беседах с представителями империалистических держав бездоказательно утверждает, будто бы «главная угроза Китаю» исходит от СССР, будто Советский Союз собирается напасть на Китай и так далее. В последнее время, видимо, в связи с новым обострением внутривосточного кризиса в КНР антисоветские выпады пекинской пропаганды вновь участились. Появились десятки статей, направленных против СССР и социалистического содружества. Усилились попытки расколоть единство братских социалистических стран, противопоставить их Советскому Союзу.

Сейчас китайские руководители для раздувания антисоветской кампании все чаще пользуются услугами буржуазных средств пропаганды. Так, по этим каналам был распространен отчет о некоторых беседах маоистских лидеров с японскими представителями. В этих беседах пекинские деятели превзошли самих себя, придумав «одиннадцать преступлений», якобы совершенных Советским Союзом против Китая. Среди этих «обвинений», как сообщала токийская газета «Майнити», — клеветнические утверждения относительно той огромной материальной помощи, которая бескорыстно оказывалась Советским Союзом китайскому народу, относительно советских специалистов, отдававших все свои силы и опыт социалистическому строительству в КНР, нападки на широкую, всестороннюю помощь нашей страны борющимся народам Индокитая.

Какова цена этим «обвинениям», показывает хотя бы то, что Советскому Союзу ставится в вину... бегство значительных групп населения из Китая, покинувших родину в результате невыносимой политики маоистского режима. Если китайские руководители превращают заведомую клевету в составной элемент своей государственной политики и орудие диверсий против стран социализма, то это еще раз показывает, насколько глубоко зашел процесс деградации маоизма, насколько несостоятельны и лживы его концепции.

Выдавая себя на словах за «революционеров», маоисты на деле солидаризируются с империализмом, упорно борются на международной арене против прогрессивных сил мира. В лице Советского Союза и других социалистических стран, марксистско-ленинских коммунистических партий они видят основное препятствие к достижению своих гегемонистских целей. Из этого маоистами делается вывод: борьба против Советского Союза и других социалистических стран, подрыв мирового коммунистического движения являются их первоочередной задачей на международной арене. Главную цель внешней политики маоисты видят в попытках подорвать экономическую, политическую и военную мощь Советского Союза, его международный авторитет. В качестве средства для достижения этой цели они используют внешнеполитические интриги, направленные на разжигание военных конфликтов, нацеленных против СССР, его друзей и союзников. Мао Цзэ-дун и его приближенные все еще питают иллюзии, что им удастся втравить мир в большую войну, а самим «отсидеться на горе и наблюдать за дерущимися тиграми». Пускай, мол, в этой войне Советский Союз и другие страны истекут кровью, вот тогда, по мнению маоцзэдуновских политиков, Пекин в силу демографических данных страны получит возможность утвердить свое господство на земном шаре.

Для маоистов империализм как источник постоянной напряженности в мире практически становится на данном этапе партнером в борьбе против социалистической мировой системы. Маоисты в последние годы дали империалистическим странам много доказательств своей непримиримости к Советскому Союзу, как оплоту мирового социализма. В Пекине не скрывают готовности пойти на компромисс с империализмом или, во всяком случае, идти параллельным антисоциалистическим курсом.

Практическая деятельность Пекина в международных делах убеждает империалистов в том, что лидеры КНР проявляют все большую готовность к сделкам, лишь бы в основе этих сделок была антисоветская, антисоциалистическая направленность. «Постепенно, — пишет «Нью-Йорк таймс», — политика США и политика Китая приобрели одну общую черту — враждебность по отношению к Советскому Союзу». Вашингтон в стремлении сохранить свои позиции в Юго-Восточной Азии, по признанию этой газеты, «стал возлагать надежды на Китай».

Взяв курс на сближение с империалистическими странами, в том числе и с США, маоисты не постеснялись отбросить свою «архиреволюционность» и отказаться от своих же важнейших политических постулатов. Кто не помнит, что в «Предложениях о генеральной линии международного коммунистического движения», которые, как неоднократно разъясняла пекинская пропаганда, лично составлены Мао Цзэ-дуном, маоисты утверждали, что «ошибочно рассматривать мирное сосуществование как генеральную линию внешней политики социалистических стран», что при оценке перспектив развития мирового революционного процесса Мао Цзэ-дун исходил из того, что «существуют только две возможности: или война вызовет революцию, или революция предотвратит войну».

Сейчас же, как мы видим из документов, опубликованных после визита Никсона в Пекин, маоисты не только забыли свои «проклятия» в адрес мирного сосуществования, но и усиленно занимаются поисками союза с империалистическими странами.

От мировой общественности не ускользнула определенная связь между усилением разбойничьих налетов американской авиации на Демократическую Республику Вьетнам и сдержанной реакцией на это маоистского руководства. Новый шаг в эскалации войны против ДРВ вызвал

волну гневных протестов во всем мире, в том числе и в США, но только не в Пекине. «Нью-Йорк таймс» пришла к выводу, что уже сейчас в результате флирта между Пекином и Вашингтоном Соединенные Штаты получили «значительные дивиденды» и именно это «помогло заглушить критику внешней политики Вашингтона, его позицию в индийско-пакистанском конфликте и возобновлении бомбардировок Северного Вьетнама».

В одном лишь маоисты остаются последовательными — они неизменно и настойчиво продолжают проводить антисоветский курс, курс на подрыв мировых социалистических сил во имя достижения великоханьских целей.

События последних месяцев показывают, что маоисты, расширяя сферу анτισоциалистической борьбы, в первую очередь против Советского Союза, демонстративно солидаризируются по важнейшим международным вопросам с империалистическими кругами США и других капиталистических стран. Так, на последней сессии Генеральной Ассамблеи ООН представители Пекина пытались сколотить группу государств, на которую они могли бы опереться в проведении своей «особой линии» в международной политике. Пекинские лидеры выступили против инициативы Советского Союза и других социалистических стран, направленной на разрядку международной напряженности. Они в штыки встретили предложение СССР о созыве Всемирной конференции по разоружению и категорически отклонили предложение о созыве совещания пяти ядерных держав. В то же время, вопреки протестам мировой общественности и ряда правительств Пекин провел новые испытания ядерного оружия в атмосфере. Пекинское руководство нападает на инициативу СССР и европейских социалистических стран относительно созыва общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества, всячески препятствовало заключению договоров СССР и Польши с ФРГ и так далее. Демократическая печать многих стран отмечала, что делегация КНР на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН заключила своего рода брак по расчету с американским империализмом.

Таким образом, существо современной внешней политики Пекина состоит в том, что, с одной стороны, в ней во все более воинственной и изощренной форме нарастает антисоветизм как главное средство для ослабления мировой социалистической системы, позиций социализма в мире; с другой стороны, усиленно изыскиваются пути сближения с ведущими капиталистическими странами на основе компромиссов.

Сейчас уже трудно не заметить, что маоисты на международной арене смыкаются с империалистическими силами, что их авантюристическая политика противоречит коренным интересам китайского трудового народа.

Пекинские лидеры демонстрируют свою ориентацию на капиталистический мир и в сфере своих экономических связей.

Из общей суммы внешнего товарооборота КНР, составившего в 1970 году 4462 млн. американских долларов, на долю крупных капиталистических стран падает 57 процентов, на долю социалистических стран — 25 и развивающихся стран — 18 процентов. Рост внешней торговли КНР в течение 1965—1970 годов происходил только за счет расширения торговли с крупными капиталистическими странами. В течение пяти лет — 1966—1970 годов — крупные капиталистические страны поставили в КНР товаров на 8450 млн. американских долларов, причем не менее чем на 5 млрд. долларов было поставлено товаров военного назна-

чения. Следует отметить, что торговля с этими странами для КНР крайне невыгодна. Только за шесть лет — 1965—1970 гг. — дефицит от этой торговли достиг 2561 млн. американских долларов. Образующееся пассивное сальдо КНР вынуждена покрывать свободной валютой.

Китайский народ не может забыть плодов экономического сотрудничества с социалистическими странами, взаимовыгодной рентабельной торговли с ними, значительных финансовых, научных, технических успехов, которых удалось достичь КНР в содружестве с миром социализма.

Маоисты утверждают, будто сближение с капиталистическими странами и свое положение в ООН они используют для «защиты третьего мира», для «борьбы с двумя сверхдержавами». На самом деле они претендуют на роль гегемона «третьего мира», пытаются возвести «китайскую стену» между развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки, с одной стороны, и Советским Союзом, братскими социалистическими странами — с другой. Под флагом борьбы со «сверхдержавами» маоисты хотят лишить народы развивающихся стран их главного оружия — классовой солидарности, сотрудничества трудящихся этих стран с международным рабочим движением, с цитаделью мирового социализма — Советским Союзом. Играя на националистических чувствах отдельных лидеров развивающихся стран, маоисты стремятся сколачивать блоки на националистической, расовой основе вне зависимости от их социального характера и политической направленности, противопоставить их социалистическим странам.

В последнее время Пекин делает ставку на проникновение в ряды стран «третьего мира». Он, например, требует предоставления КНР полных прав участника «группы 77», объединяющей развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки в борьбе за равноправные экономические отношения с капиталистическими державами, требует признания КНР в качестве «неприсоединившейся страны» и предоставления ей полных прав участника Бандунгской конференции. Маоисты рассчитывают использовать эти организации для утверждения господствующего положения КНР в Азии, Африке и других районах мира. Фактически же Китай выступает на мировой арене в качестве державы, претендующей на завоевание гегемонии, и сейчас, в ходе американо-китайского сближения, дает понять о своей готовности к откровенному торгу с США о разделе сфер влияния.

Таким образом, тезис о «сверхдержавах» практически используется Пекином для маскировки своей стратегической цели, которая была провозглашена в период «культурной революции», — превратить Китай в «политический, экономический, культурный и военный центр мира». Сейчас изменилась лишь тактика. Существо этой линии осталось прежним. Сохранились и прежние методы политики в отношении афро-азиатских государств: диктат, интриги, натравливание одних стран на другие, вмешательство во внутренние дела, попытки внести раскол в освободительное движение народов.

И еще одно важное обстоятельство: заявив о своей претензии на принадлежность к «третьему миру», Пекин, по существу, отмежевался от социалистического лагеря.

Фальсифицируя факты, маоисты пытаются очернить политику Советского Союза и других социалистических стран по отношению к национально-освободительному движению. Реальная действительность, однако, и здесь опровергает маоистские вымыслы. Помощь Советского Союза имеет важное значение для антиимпериалистической борьбы героического народа Вьетнама, патриотов Лаоса и Камбоджи, арабских и

других стран. Борющиеся с империализмом народы высоко оценивают политику Советского Союза в отношении их стран.

Маоисты создают шумную рекламу своей помощи развивающимся странам. Никто из советских людей и не думает умалять значение любой помощи, если она исходит из искренних побуждений и предоставляется не реакционным правителям, подавляющим народно-демократическое движение, а истинным народным борцам за национальную независимость и социальный прогресс. Деятельность маоистов вызывает осуждение потому, что они отказываются от участия в совместной с социалистическими странами борьбе против империализма, пытаются изолировать народы развивающихся стран от СССР и других социалистических государств и таким образом объективно содействуют политике империализма.

Небезынтересно, что, рекламируя свою помощь развивающимся странам, маоисты в то же время старательно замалчивают тот факт, что именно эти страны и служат основным источником валютных поступлений КНР, размеры которых значительно превышают суммы кредитов, предоставляемых КНР развивающимся странам. Именно из этих активов Пекин покрывает свой пассив в торговле с крупными капиталистическими государствами.

Китайское руководство пустило в ход новый прием борьбы против единства социалистического содружества и сил национально-освободительного движения. Пекинские лидеры обратились к странам «третьего мира» с коварной рекомендацией развивать экономические связи лишь между ними самими, включая, разумеется, Китай. Цель этой «рекомендации» ясна: создать замкнутую группировку развивающихся стран под эгидой Пекина, расстроить, а если удастся, подорвать жизненно важные для молодых государств экономические связи с социалистическим содружеством.

Последнее время пекинские лидеры стремятся придать своей политике в отношении развивающихся стран более гибкий характер. Однако антисоциалистическая сущность этой политики остается неизменной. Она была особенно наглядно разоблачена в глазах всего мира действиями самих пекинских лидеров в связи с событиями в Индостане. Здесь обнажилось истинное лицо маоизма, его подлинная политика в отношении стран «третьего мира». Мало того, что пекинские лидеры подталкивали диктаторский режим Яхья Хана на войну с Индией, всячески провоцировали конфликт. После того как начались военные действия, маоисты старались подлить масла в огонь, расширить масштабы конфликта и помешать его урегулированию. Если Советский Союз и страны социалистического содружества решительно выступили в защиту коренных национальных интересов народа Бангладеш, за прекращение кровопролития и политическое урегулирование кризиса, то представители КНР вместе с делегацией США заняли в ООН диаметрально противоположную позицию. Они выступили на стороне палачей национально-освободительного движения. Само развитие событий совершенно ясно подтвердило правильность линии Советского Союза, всех подлинных друзей национально-освободительных сил. Пекинские лидеры, однако, и сейчас пытаются помешать нормализации положения в этом районе и становлению Народной Республики Бангладеш. Как подчеркивала нигерийская газета «Дейли экспресс», пекинские лидеры «оказались в роли подручных Вашингтона...».

Аналогичную политику маоисты проводят и на Ближнем Востоке, где они открыто солидаризируются со сторонниками нагнетания напря-

женности и нового вооруженного конфликта. Они надеются, что в такой обстановке им будет легче противодействовать миролюбивой внешней политике Советского Союза и других социалистических стран и тем самым распространить влияние маоизма на этот район. Пекинские лидеры, по-прежнему отвергая известную резолюцию Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967 года, стремятся расколоть, противопоставить друг другу арабские страны и тем самым на деле помогают Израилю и США закрепить результаты агрессии, парализовать поиски справедливого политического урегулирования на Ближнем Востоке.

* * *

Нарастающие политические и экономические трудности внутри КНР, провал авантюристической внешней политики вызвали кризис маоцздуновского руководства. IX съезд КПК, перечеркнувший генеральную линию партии, успешно осуществлявшуюся в первые 8 лет существования народной республики, не выдвинул перед страной никакой конкретной альтернативы. Между тем для ликвидации разрушительных последствий «культурной революции» требовалось принятие неотложных мер. Необходимо было в конце концов решить, каким же путем должно пойти развитие страны.

В сложившихся условиях маоцздуновское руководство, как это случалось и раньше, было вынуждено пойти на существенные отступления. Они диктуются не только тактическими соображениями, но и требованиями самой жизни. Как маоисты ни пытались извращать деятельность КПК в период развернутого социалистического строительства, осуществлявшегося в содружестве с Советским Союзом и другими социалистическими странами, как ни порицали социалистические методы хозяйствования, основывающиеся на общенародном планировании, материальном стимулировании производства, на демократическом участии народа, и прежде всего рабочего класса и его авангарда КПК (а не армии, как они утверждали), в управлении государством, они не смогли, однако, погасить в народе веру в социализм, в его преимущества.

Расправившись с оппозиционными силами и приняв, таким образом, всю ответственность за судьбы страны на себя, маоцздуновское руководство сейчас заинтересовано любыми средствами стабилизировать положение в стране, и прежде всего стимулировать материальное производство. Лозунги борьбы с «буржуазным экономизмом», которые в годы «культурной революции» широко пропагандировались по требованию самого Мао, были повсеместно сняты. Эти лозунги провозглашали ликвидацию материального стимулирования труда, личных приусадебных хозяйств крестьян. Сейчас сами пекинские лидеры призывают ко всемерному развитию личных крестьянских хозяйств, к материальному стимулированию производства, к внедрению планового руководства экономикой. Таким образом, они вынуждены возвратиться ко многому из того, что инкриминировалось ими в качестве «тягчайших и капитулантских» преступлений сторонникам решений VIII съезда КПК (1956 г.).

Нельзя не отметить, что даже и эти частичные изменения уже дают некоторые положительные результаты. За последние два года в КНР отмечается рост промышленного и сельскохозяйственного производства. Пекинская пропаганда стремится изобразить это как победу «идей Мао» и все грехи за прошлое, в том числе за бесчинства «культурной революции», свалить на оппозиционные силы. Однако известно, и маоисты сами не решаются отрицать это официально, что «культурная революция», расправа со сторонниками решений VIII съезда (1956 г.) происхо-

дили под личным руководством Мао Цзэ-дуна, при активном участии остающихся и сейчас у власти сторонников «вождя».

Нынешнее пекинское руководство, курс которого на сближение с капиталистическими странами, видимо, натолкнулся на сопротивление в руководящих кругах армии, вынуждено снять один из основополагающих лозунгов Мао — «армия — основная руководящая сила в стране». Вопреки всей своей прежней политической практике оно призывает восстанавливать «руководящую роль КПК», утверждать «коллективное руководство» и так далее.

Однако все эти перемены говорят не об успехах, а о кризисе великодержавного маоцзэдуновского курса, о неспособности его утвердиться на китайской земле. В то же время практика подтверждает жизненную силу народно-демократических, социалистических начал, заложенных китайскими коммунистами-интернационалистами, опиравшимися на содержание социалистических стран, на мировое коммунистическое движение.

Маоизм находится в тисках серьезного кризиса. Однако надо учитывать, что в условиях Китая с его многомиллионным населением, большая часть которого слабо приобщена к политической жизни, многие процессы, вполне определившиеся в условиях других стран, здесь могут притормаживаться и затягиваться на длительные сроки.

Коммунисты всего мира, те, кто сражается за национальное и социальное освобождение, знают, что в Китае подлинные коммунисты — борцы за социализм не склоняют головы перед маоистским режимом, вставшим на путь измены марксизму-ленинизму, социалистическому интернационализму. Борьбе за возвращение Китая на рельсы социалистической политики способствует принципиальная последовательная позиция КПСС и Советского государства, воздействие мировой социалистической системы, международного коммунистического движения. Усилия Советского Союза направлены на нормализацию советско-китайских межгосударственных отношений.

Как говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду, «...наша партия и Советское правительство глубоко убеждены, что улучшение отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой отвечало бы коренным, долговременным интересам обеих наших стран, интересам социализма, свободы народов и укрепления мира. Поэтому мы готовы всемерно содействовать не только нормализации отношений, но и восстановлению добрососедства и дружбы между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой и выражаем уверенность, что в конечном счете это будет достигнуто»¹. Вместе с тем идейно-политическое разоблачение антиленинского шовинистического курса Пекина во внешней политике — непременное условие новых успехов антиимпериалистических сил в борьбе за мир и международную безопасность, за социальное и национальное освобождение.

Борьба с маоизмом — пособником империализма — является важнейшей интернациональной задачей всех марксистов-ленинцев.

¹ «XXIV съезд КПСС», стенографический отчет, М., 1971, стр. 35.

Перспективы советско-японских экономических отношений

В. Б. Спандарьян,
член Госплана СССР,
кандидат экономических наук

Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы предусматривают расширение экономически оправданных внешнеторговых и научно-технических связей с промышленно развитыми капиталистическими странами, проявляющими готовность развивать сотрудничество с Советским Союзом в данных областях. В этом отношении представляет интерес анализ наших торгово-экономических отношений с Японией — одной из наиболее развитых в экономическом отношении капиталистических стран и нашим непосредственным дальневосточным соседом.

Изучение и разработка вопросов советско-японских торгово-экономических отношений имеют практическое народнохозяйственное значение, важный внешнеполитический аспект и определенный теоретический интерес в плане исследования конкретных форм хозяйственного взаимодействия стран с противоположными социально-экономическими системами.

Основопологающим принципом, на котором базируются экономические отношения социалистического государства с капиталистическими странами, В. И. Ленин считал мирное сосуществование двух систем. При этом он подчеркивал активную роль внешнеэкономических связей в осуществлении политики мирного сосуществования.

В. И. Ленин указывал на реальную возможность использования внешнеэкономических связей с капиталистическими странами в интересах социалистического строительства.

В. И. Ленин выдвинул и обосновал принципиальное положение о том, что социалистическое государство не может и не должно являться объектом эксплуатации со стороны иностранного капитала.

В трудах В. И. Ленина неоднократно подчеркивалась глубокая мысль о том, что экономические связи между социалистическим государством и капиталистическими странами являются не результатом какой-то «ошибки» или «доброй воли» того или иного буржуазного правительства, а продуктом общих экономических всемирных отношений.

Ленинские идеи о внешнеэкономических отношениях социалистического государства с капиталистическими странами сохраняют всю свою

силу и актуальность и в современных условиях, когда Советский Союз является могучей социалистической державой, с развитой экономикой и широкими внешнеэкономическими связями. Поэтому вопросы развития торгово-экономических отношений с Японией необходимо рассматривать в свете ленинских идей, с учетом конкретной исторической обстановки.

«Мы видим немалые возможности для дальнейшего расширения взаимовыгодного сотрудничества с Японией», — отметил в своем докладе на XXIV съезде КПСС Генеральный секретарь КПСС Л. И. Брежнев¹.

На основе взаимной выгоды

Основной формой экономических связей между СССР и Японией в настоящее время и в перспективе является внешняя торговля.

Восстановление и развитие советско-японской торговли в послевоенный период тесно связаны с нормализацией политических отношений между СССР и Японией, последовавшей после подписания Декларации в октябре 1956 года. В соответствии с этой Декларацией в декабре 1957 года был подписан первый в истории советско-японских отношений торговый договор, на базе которого была заключена серия соглашений о товарообороте и платежах, об установлении регулярных паромных линий, о прибрежной торговле, техническом порядке расчетов между банками, о решении спорных коммерческих вопросов через арбитражные органы и ряд других. Эти соглашения способствовали созданию необходимой договорно-правовой основы для осуществления регулярного торгового обмена между СССР и Японией. В ходе реализации этих соглашений был накоплен значительный положительный опыт осуществления торговых операций, установлены прочные деловые контакты между советскими внешнеторговыми организациями и японскими фирмами.

Все это нашло свое выражение в значительном расширении советско-японской торговли, особенно в ходе выполнения первого пятилетнего соглашения о товарообороте и платежах в 1966—1970 годах. Если в 1958 году — первом году после заключения торгового договора между СССР и Японией — товарооборот составлял около 35 млн. руб., в 1965 году он достиг 326 млн. руб., а в 1970 году превысил 650 млн. руб. Товарооборот между СССР и Японией за период 1966—1970 годов составил около 2600 млн. руб. против 1300 млн. руб. за предшествующее пятилетие (1961—1966 гг.). В 1971 году было заключено новое долгосрочное торговое соглашение на 1971—1975 годы, предусматривающее, по оценке японской прессы, увеличение объема взаимных поставок товаров до 5 млрд. долларов за указанное пятилетие. Япония стала нашим самым крупным торговым партнером в капиталистическом мире.

Значительно расширилась номенклатура взаимных поставок. При этом наш экспорт в Японию состоит в основном из жизненно важных для ее экономики видов топлива, сырья и промышленных материалов (коксующийся уголь, нефть и нефтепродукты, железная руда, асбест, никель, чугун, калийные соли, деловая древесина, хлопок и др.), а наш импорт из Японии имеет существенное народнохозяйственное значение (оборудование и машины, включая комплектные предприятия для хи-

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 27.

мической, целлюлозно-бумажной, пищевой, текстильной и машиностроительной промышленности, суда, прокат черных металлов и трубы, химикаты и др.). Этот импорт также содействует более полному удовлетворению спроса на товары народного потребления (трикотажные и швейные изделия, обувь, ткани, галантерейные изделия, пряжа шерстяная и синтетическая, искусственная кожа и др.).

Значительно расширились и укрепились деловые контакты между советскими внешнеторговыми и хозяйственными организациями и японскими торговыми и промышленными фирмами и объединениями. Если на начальном этапе восстановления и развития советско-японской торговли контрагентами советских внешнеторговых организаций выступали преимущественно небольшие посреднические фирмы, то в шестидесятых годах в торговлю с Советским Союзом включились практически все крупнейшие японские торгово-промышленные компании: «Мицун», «Мицубиси», «Сумитомо», а также ведущие японские торговые фирмы: «Марубени-Инда», «Итою сёдзи», «Ниссё-Иван», «Канемацу-Госё», «Тоё менка» и др. В настоящее время в советско-японской торговле непосредственно и активно участвуют около 100 торговых фирм, за которыми стоит значительно более широкий круг производителей и потребителей.

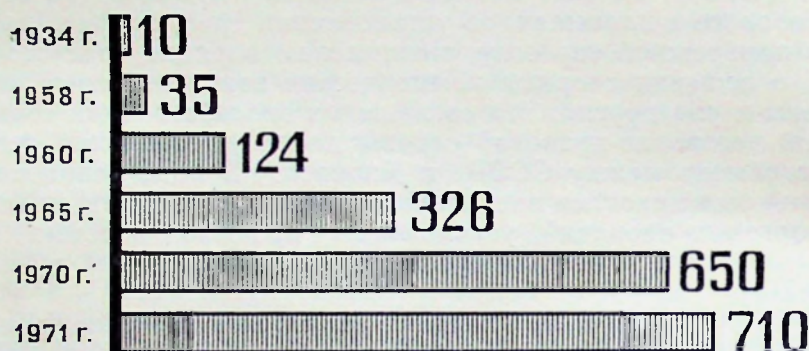

Рис. 1. Товарооборот между СССР и Японией (млн. руб.)

Вопросами торгово-экономических отношений с СССР стали активно заниматься такие ведущие японские торгово-промышленные объединения, как Федерация экономических организаций Японии («Кейдэн-рен») — наиболее влиятельный орган японских монополий, в значительной мере определяющий экономическую политику страны, Торгово-промышленная палата Японии и специальная Ассоциация развития торговли с СССР и социалистическими странами Европы.

Большое значение для развития деловых контактов имели поездки японских экономических делегаций в СССР в конце 50-х и в 60-х годах во главе с Т. Китамура, Е. Каван, К. Уэмура и посещения Японии видными государственными деятелями и хозяйственными руководителями Советского Союза. Этому же содействует регулярный обмен торгово-промышленными выставками (японские выставки в Москве в 1960, 1965 и 1969 годах, советские выставки в Токио в 1961 году, в Осаке в 1966 году и ЭКСПО-70), а также многочисленными специализированными выставками по отдельным отраслям и темам (станки, электроника, синтетические изделия, прибрежная торговля и др.).

Отмечая в целом успешное развитие советско-японской торговли в период, последовавший за нормализацией отношений между СССР и Японией, вместе с тем нельзя не отметить ряд факторов, отрицательно влияющих на рост товарооборота между СССР и Японией.

Одним из таких факторов является сохранение в Японии некоторых ограничений и запретов на торговлю с социалистическими странами, навязанных извне и не отвечающих ее национальным интересам. В результате этого японские фирмы в ряде случаев были вынуждены отказываться от поставок в СССР отдельных комплектных предприятий, машин и промышленных материалов (например, комплектное оборудование для производства ударопрочного полистирола, киноплёнки на лавсановой основе, установки гидрокрекинга, трубы большого диаметра и др.). В результате этого японские фирмы теряли выгодные заказы, а экспорт Японии в СССР искусственно ограничивался. Так, японская Ассоциация по торговле с СССР и социалистическими странами Европы пришла к выводу, что экспортные ограничения оказывают серьезное отрицательное влияние на японский экспорт машин и оборудования в СССР, и в этой связи обратилась с соответствующим запросом к правительству Японии.

«В сложившихся условиях, — писала по этому поводу японская газета «Иомнири», — когда в странах коммунистической зоны имеет место технический прогресс, запрещение экспорта товаров не только в значительной мере теряет свой смысл, но в последнее время приводит к увеличению таких случаев, когда экспорт товаров в страны коммунистической зоны оказывается невозможным».

Серьезной причиной небаланса в торговле Японии с СССР является также и то обстоятельство, что по ряду важных товаров, особенно по комплектному оборудованию, конкурентоспособность японских фирм на советском рынке снижается. Дело в том, что ряд западноевропейских стран (Англия, Франция, Италия, Австрия и др.) предоставил Советскому Союзу долгосрочные банковские кредиты, а Япония по-прежнему предоставляет советским организациям только фирменные кредиты на худших условиях, чем ее западноевропейские конкуренты. Следует отметить, что вопрос кредитования экспорта машин и оборудования встает перед Японией не только в связи с ее торговлей с СССР. Эта проблема является сейчас, по существу, одной из важнейших проблем, связанных с дальнейшим расширением и повышением конкурентоспособности экспорта Японии.

Советская сторона как по государственной линии, так и на советско-японских экономических совещаниях выдвинула развернутую программу развития торгово-экономических отношений в 1971—1975 годах и в последующие годы, включающую заключение нового пятилетнего соглашения о товарообороте и платежах и соглашений об экономическом и научно-техническом сотрудничестве в разработке природных богатств Сибири и Дальнего Востока.

Освоение огромных природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, предусматриваемое в народнохозяйственных планах СССР в качестве одной из главнейших задач и успешно осуществляемое собственными силами и средствами, безусловно, создает хорошие предпосылки для дальнейшего развития советско-японской торговли, в частности благодаря преимуществам географической близости этих районов СССР и Японии.

«При заинтересованности Японии в расширении экономических отношений с нашей страной, — указывал Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин в ответах на вопросы газеты «Майнити дейли

ные», — мы могли бы пойти на некоторое ускорение в развитии этого района (Сибирь и Дальний Восток. — В. С.) с учетом удовлетворения наших внутренних потребностей, а также экспортных поставок в Японию. Здесь, как нам представляется, раскрываются значительные возможности для расширения торговли и экономических связей между Советским Союзом и Японией, разумеется, на взаимовыгодной основе»².

Вместе с тем очевидно, что дальнейшее развитие советско-японской торговли не может идти быстрыми темпами и не приведет к реализации заложенного в ней большого экономического потенциала и эффекта без коренного изменения подхода к этой проблеме. Речь идет о новом этапе в развитии советско-японских отношений, начавшемся после создания советско-японского и японо-советского комитетов делового сотрудничества в 1965 году. Создание этих комитетов знаменовало собой переход от обычных форм развития торговли к более сложному, комплексному развитию экономических связей. Применяя выражение советского представителя на первом советско-японском экономическом совещании, «наши торговые отношения вступают в новую фазу, в фазу роста торгового оборота на базе качественного изменения экономических связей с более широким использованием преимуществ международного разделения труда, географической близости наших стран, научных и технических достижений наших народов».

Богатые возможности

Объективными предпосылками для развития советско-японских экономических связей являются следующие основные факторы:

— необходимость для Советского Союза ускорения развития производительных сил восточных районов, и, в частности ускоренного наращивания экономического потенциала Дальнего Востока;

— настоятельная необходимость для Японии в силу огромной зависимости ее экономики от внешней торговли искать наиболее выгодные и стабильные рынки сбыта и источники поставок жизненно важных для нее сырьевых товаров и топлива.

Совершенно очевидно, что как Советский Союз, так и Япония в силу высокого уровня экономического развития и наличия широких внешне-экономических связей могут решить и решают указанные выше проблемы и без налаживания широкого экономического сотрудничества между ними, однако развитие такого сотрудничества могло бы содействовать более оптимальному решению этих проблем и принести определенные выгоды обоим странам.

В послевоенные годы наша торговля с Японией развивалась главным образом за счет общесоюзных экспортных ресурсов, причем Дальнему Востоку отводилась в этой торговле в основном роль транзитной территории.

Экспортные ресурсы Дальневосточного экономического района, по существу, еще серьезно не вовлечены в торговлю с Японией, что не позволяет должным образом реализовать преимущества географической близости с Японией.

Советско-японская торговля получит свое подлинное развитие только на основе более широкого привлечения экспортных ресурсов Дальне-

² См.: «Внешняя торговля», № 8, 1970.

го Востока СССР. А это в свою очередь возможно лишь при более ускоренном и в значительной мере ориентированном на внешние рынки развитии экономики этого района. С другой стороны, развитие взаимовыгодного экономического сотрудничества с Японией в определенной мере содействовало бы ускорению решения важной народнохозяйственной и политической задачи — наращиванию экономического потенциала Дальнего Востока.

Общая тенденция ускоренного развития экономики восточных районов СССР не должна затуманивать того обстоятельства, что Дальний Восток является все еще относительно менее развитым в экономическом отношении районом нашей страны. В монографии «Дальний Восток» справедливо отмечается, что недостаточная хозяйственная зрелость и освоенность Дальнего Востока, несмотря на его огромные природные богатства, в сильнейшей степени зависят от большой удаленности этого района от основных, наиболее обжитых и экономически развитых районов СССР. «Выражаясь политико-экономическим языком, — указывают авторы этого исследования, — рента плодородия здесь приходит в противоречие с отрицательными показателями ренты положения... Исключение составляют отрасли, экспортирующие продукцию, особенно в соседние страны тихоокеанского бассейна»³.

К аналогичным выводам приходят сотрудники Совета по изучению производительных сил Госплана СССР А. Б. Марголин и Н. В. Дмитриев: «...расчеты показали неэффективность эксплуатации массовых видов минерально-сырьевых и лесных ресурсов Дальнего Востока в целях их вывоза в западном направлении, в районы Средней Азии, Казахстана и Урала. Эта продукция не может экономически преодолеть «сибирский барьер». И далее: «Возможное генеральное направление развития экономики района... заключается во всемерном использовании географического положения советского Дальнего Востока — близости к странам Тихоокеанского бассейна, в пределах которого обитает свыше 40% населения земного шара. В такой связи при ориентировке хозяйства Дальнего Востока на экспорт окраинное положение Дальнего Востока из недостатка становится преимуществом по сравнению со всеми другими районами страны»⁴.

Представляется, что в этих авторитетных исследованиях по экономике Дальнего Востока правильно определено важнейшее противоречие, препятствующее быстрейшему освоению огромных природных богатств этого района СССР и намечен путь к устранению этого противоречия через его экспортную специализацию.

Вопрос об экспортной специализации Дальнего Востока был поставлен серьезно и начал разрабатываться с конца 1963 года после создания в системе Сибирского отделения АН СССР группы (затем лаборатории) по проблемам экспортной специализации народного хозяйства СССР.

Дальневосточный ученый Л. А. Встовский справедливо указывал, что ориентация Дальнего Востока только или в основном на внутри-союзные связи искусственно ограничивает развитие экономики этого района. Если же рассматривать Дальний Восток как экономическую базу не только для мощного подъема народного хозяйства восточных районов нашей страны, но и для установления взаимовыгодных торго-

³ «Дальний Восток», М., 1966, стр. 10—11.

⁴ Бюллетень Института народов Азии АН СССР, НИКИ МВТ СССР, № 75, стр. 91.

во-экономических связей и укрепления межгосударственных отношений Советского Союза со странами Тихоокеанского бассейна, то тогда следует использовать исключительно благоприятное расположение Дальнего Востока для создания и развития там отраслей промышленности и сельского хозяйства, ориентированных в основном на экспорт.

Экспортная специализация позволяет ускорить вовлечение в народно-хозяйственный оборот многие природные богатства Дальневосточного экономического района, которые иначе в ближайший обозримый период не будут активно осваиваться (южнокитские коксующиеся угли, железная руда Якутии и Дальнего Востока, удоканское медное месторождение, якутский и сахалинский природный газ и многие другие виды полезных ископаемых). Более того, как показал опыт развития для экспорта лесного хозяйства дальневосточных районов, экспортная специализация способствует улучшению использования разрабатываемых сырьевых ресурсов — росту объема и повышению экономической эффективности их производства.

Таким образом, огромные потенциальные возможности Дальнего Востока могут быть наиболее эффективно реализованы в общесоюзном и международном масштабах на путях его планомерной и целеустремленной экспортной специализации.

Вряд ли следует опасаться чрезмерной зависимости экономики Дальнего Востока от внешних рынков, так как огромные природные богатства и чрезвычайно выгодное географическое положение этого района во внешнеторговом плане с учетом преимуществ социалистического способа ведения хозяйства обеспечивают высокую конкурентоспособность дальневосточной продукции не только на близлежащем огромном японском рынке, но и на рынках других стран Тихоокеанского бассейна.

Главная проблема заключается в изыскании дополнительных материальных и денежных ресурсов для ускорения развития экспортных отраслей на Дальнем Востоке без отвлечения этих ресурсов от выполнения первоочередных народнохозяйственных задач.

Развитие Дальнего Востока может быть облегчено и ускорено через внешнеэкономическое сотрудничество, в частности через развитие торгово-экономических связей с Японией и другими странами Тихоокеанского бассейна. Концепция экономического сотрудничества с Японией в этих целях, уже нашедшая свое конкретное выражение в ряде соглашений между советскими организациями и японскими фирмами, заключается в следующей формуле.

Советский Союз идет на развитие определенной отрасли народного хозяйства в восточных районах СССР с учетом импортной потребности Японии (например, лесных ресурсов Дальнего Востока). Япония принимает участие в развитии данной отрасли путем предоставления Советскому Союзу кредита на приобретение необходимого для этой цели японского оборудования, машин, промышленных материалов и других товаров. Оплата кредита и начисленных на него процентов производится поставками из СССР в Японию части продукции развиваемой отрасли (в данном случае лесоматериалов) на основе долгосрочных контрактов, которые будут действовать и после погашения кредита. Помимо товаров, необходимых непосредственно для развития данной отрасли (оборудования, машин, промышленных материалов), Япония поставляет Советскому Союзу, также на условиях кредита (рассрочки платежей), товары народного потребления, пользующиеся спросом на советском рынке. За счет реализации этих товаров на внутреннем рынке СССР образуются денежные средства, необходимые для оплаты труда дополнительно

привлекаемой рабочей силы, строительства поселков, дорог, школ и т. п. Сотрудничество на основе такой формулы позволяет развивать данную отрасль без существенного отвлечения собственных материальных и денежных ресурсов, т. е. делает данную операцию в значительной мере самообеспечиваемой и самостоятельной. Более того, на последующем этапе, после оплаты кредита, вся чистая валютная выручка от продажи на экспорт продукции данной отрасли может быть обращена на дальнейшее ее развитие (или развитие других отраслей) или использована для любых других народнохозяйственных целей.

Как показал опыт, эта формула удовлетворяет и японскую сторону, поскольку для обеспечения себя импортными поставками жизненно важных товаров на долгосрочной основе Япония должна предоставлять кредиты или вкладывать собственные капиталы за границу. В данном случае, имея дело с советскими организациями, японская сторона уверена в своевременной оплате кредитов, в точном выполнении долгосрочных контрактов.

Таким образом, развитие экономического сотрудничества между СССР и Японией на основе приведенной выше формулы дает очевидные преимущества и выгоды обеим сторонам, позволяя каждой из них решать свои важные народнохозяйственные задачи через использование преимуществ международного разделения труда и географической близости обеих стран.

Необходимость перемен, новые перспективы

Широкое экономическое сотрудничество с Советским Союзом открывает перед Японией новые перспективы для развития ее внешней торговли. Высокая степень зависимости развития экономики Японии от внешней торговли предопределяется ограниченностью природных ресурсов сырья и топлива и недостатком продовольствия, а также необходимостью вывоза значительной части промышленной продукции на внешние рынки. Высокие темпы развития экономики Японии в послевоенные годы неразрывно связаны с развитием ее внешней торговли.

По темпам роста внешнеторгового оборота Япония значительно опередила другие промышленно развитые капиталистические страны. Среднегодовой прирост внешнеторгового оборота Японии в 1961—1968 годах составил 15%, а всех других промышленно развитых капиталистических стран — 8,9%; удельный вес Японии в мировой торговле капиталистических стран возрос с 3,7% в 1960 году до 6% в 1968 году и, по прогнозу японских экономистов, в 1975 году достигнет 10%.

В 1970 году экспорт Японии увеличился на 20,8%, доля Японии в экспорте капиталистического мира составила 7%. С тех пор Япония занимает третье место, уверенно оттесняя Великобританию на четвертое место⁵.

Очевидно, однако, что без расширения рынков сбыта и источников поставок, без дальнейшего повышения конкурентоспособности японских товаров невозможно дальнейшее быстрое развитие внешней торговли Японии, а следовательно, и ее экономики в целом.

«Япония — это страна с такой экономикой, которая обязывает ее

⁵ См.: «Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран». Обзор за 1970, 1971 гг. Изд-во «Правда», М., 1971, стр. 57, 59.

вести торговлю со всеми странами... Иначе говоря, Япония не может жить без внешней торговли», — заявил президент «Кейданрен» К. Уэмура на первом советско-японском экономическом совещании.

В послевоенный период развитие внешней торговли Японии шло главным образом за счет усиления обмена с промышленно развитыми капиталистическими странами, и прежде всего с США, на долю которых приходится почти треть всего внешнеторгового оборота Японии. В то же время Япония, по существу, далеко еще не использовала возможности развития торговли с социалистическими странами, и в частности с СССР.

Эти возможности приобретают все большее значение по мере возрастающих трудностей расширения внешней торговли Японии в других направлениях в связи с обострением «торговой войны» с США, усилением ограничений на ввоз японских товаров в страны Западной Европы, особенно входящих в Общий рынок, а также возросшим протекционизмом во многих развивающихся странах, ставших на путь укрепления своей национальной экономики.

Развитие торгово-экономических связей с СССР становится в этих условиях объективной хозяйственной необходимостью для Японии. СССР — высокоразвитая в промышленном и научно-техническом отношении страна, обладающая огромными природными богатствами и являющаяся непосредственным соседом Японии, — естественный и наиболее выгодный торговый партнер Японии. Неуклонное развитие экономики СССР, особенно его восточных районов, исключительно богатых энергетическими и другими природными ресурсами, создает прочную долговременную основу для расширения взаимовыгодного товарообмена с использованием преимуществ международного разделения труда и фактора географической близости.

Главный пропагандистский довод противников развития торговли и экономического сотрудничества Японии с СССР — различие социально-экономических систем — не выдерживает серьезной критики. «Наиболее важным событием является тот факт, что обе стороны нашли общий язык в возможности делового сотрудничества, — к такому выводу пришел главный редактор газеты «Осака Асахи» С. Хата. — Активное сотрудничество двух стран в освоении природных ресурсов базируется именно на общих интересах Японии, нуждающейся в ресурсах, и Советского Союза, перед которым предстоит задача освоения ресурсов Восточной Сибири»⁶. Следует отметить, что развитие торговли с Советским Союзом может иметь также положительное значение для более рационального территориального размещения производительных сил Японии, в частности для развития экономически отсталых районов северо-западной Японии.

Соглашение от 1 июля 1965 года о создании советско-японского и японо-советского комитетов делового сотрудничества и о проведении регулярных совещаний представителей этих комитетов ознаменовало собою начало нового важного этапа в развитии советско-японских экономических связей, оформило организационные и юридические основы этого сотрудничества, его цели и формы.

В результате деятельности комитетов делового сотрудничества и советско-японских экономических совещаний наметилась довольно обширная программа сотрудничества между СССР и Японией в экономи-

⁶ «Япония сегодня», № 10, 1969, стр. 7.

ческой, торговой и научно-технической областях, представляющая значительный интерес для обеих сторон. Очевидно, что осуществление этой программы требует решения сложных торгово-политических, договорно-правовых, кредитно-финансовых вопросов, а также соответствующих крупных мероприятий в экономическом плане. Однако, как показал опыт заключения и успешной реализации генеральных соглашений по развитию лесной промышленности Дальнего Востока и о строительстве морского порта в бухте Врангеля, все эти проблемы при наличии доброй воли сторон вполне преодолимы.

Современное состояние реализации отдельных объектов экономического сотрудничества характеризуется следующими данными.

Сотрудничество с Советским Союзом в развитии лесных ресурсов Дальнего Востока предопределяется большой зависимостью Японии от импорта лесоматериалов: в 1968 году на лес приходилось 8,2% всей стоимости импорта Японии (второе место после нефти) — и стремлением рассредоточить источники импорта леса из-за сильной зависимости Японии от поставок североамериканского леса.

Наша заинтересованность в развитии указанного сотрудничества определяется целесообразностью быстрее вовлечения в народно-хозяйственный оборот огромных ресурсов Дальнего Востока (16% общесоюзных запасов) через развитие производства и поставок лесоматериалов на экспорт.

Предложение о сотрудничестве в развитии лесных ресурсов Дальнего Востока было выдвинуто крупным японским промышленником Е. Каван (план обмена японского оборудования на советскую древесину) на втором советско-японском экономическом совещании и после проведения сложных и длительных переговоров было реализовано путем заключения 29 июля 1968 года Генерального соглашения о поставках в СССР из Японии оборудования, машин, материалов и других товаров для разработки лесных ресурсов Дальнего Востока и о поставках лесоматериалов из СССР в Японию. Это было первое советско-японское соглашение об экономическом сотрудничестве, имеющее большое значение в качестве важного прецедента для возможного сотрудничества в других областях.

Заключение Генерального соглашения по лесу было воспринято японскими деловыми и общественными кругами как важное событие в отношениях между СССР и Японией. «Соглашение о сибирском лесу, — писала «Асахи нивнинг ньюс» от 7.XI.1968 года, — открывает новую эру в японо-советских связях».

В конце 1971 года было заключено Генеральное соглашение о сотрудничестве между советскими организациями и японскими фирмами в развитии производства технологической щепы и балансового долготы лиственных пород. По этому соглашению в СССР будет поставлено на условиях кредита необходимое для этого оборудование, машины и материалы, а в Японию в оплату предоставленного кредита будет экспортироваться необходимое для ее целлюлозно-бумажной и лесохимической промышленности сырье. Экспорт этого сырья в Японию будет продолжаться и в последующие годы.

Расширение и модернизация советских дальневосточных морских торговых портов является важнейшей предпосылкой для дальнейшего развития советско-японской торговли и экономического сотрудничества, расширения внешнеэкономических связей СССР со странами Тихоокеанского бассейна, а также имеет большое значение для подъема экономики Дальнего Востока СССР.

В результате обмена мнениями с японскими специалистами и изучения вопроса заинтересованными советскими организациями было принято решение вступить в переговоры с японской стороной о сотрудничестве в строительстве нового морского порта в бухте Врангеля.

Генеральное соглашение о поставках из Японии в СССР оборудования, машин и материалов для строительства морского порта в бухте Врангеля было подписано 18 декабря 1970 года (ранее, в апреле 1970 года, был подписан контракт на выполнение японскими специалистами проектных работ по этому порту).

Поставка советского природного газа в Японию — важный объект возможного советского сотрудничества — обсуждается между представителями сторон с 1966 года. На первом этапе речь шла о поставке в Японию сахалинского газа в сжиженном виде. Однако в декабре 1967 года, когда была достигнута договоренность почти по всем важнейшим коммерческим и техническим вопросам, включая цену на газ, японская сторона прервала переговоры. В то же время были заключены соглашения о поставке сжиженного газа в Японию из Аляски и Северного Борнео.

На втором этапе, после третьего советско-японского экономического совещания, возникла идея о поставке 2—2,4 млрд. куб. м сахалинского (первая стадия) и до 10 млрд. куб. м якутского (вторая стадия) газа по газопроводу, проложенному по территории СССР и под проливом Лаперуза. Однако переговоры по этому вопросу не перешли в конкретную стадию, в частности, из-за крайне низких цен, названных японской стороной.

Новым моментом, который может резко изменить всю концепцию поставки природного газа из СССР в Японию, является возможность разработки весьма перспективных месторождений газа на шельфе острова Сахалин. В случае если подтвердятся оптимистические прогнозы в этом отношении, проблема значительно упрощается с экономической точки зрения, хотя в техническом плане необходимо будет решить ряд сложных вопросов, связанных с разведкой и добычей газа на шельфе.

Японская сторона проявляет в последнее время значительную заинтересованность в получении советского газа, что предопределяется резким увеличением спроса на этот наиболее прогрессивный источник энергии и важнейшее промышленное сырье при крайней недостаточности в Японии собственных ресурсов.

Добыча газа в Японии (1,8—2 млрд. куб. м в год) значительно отстает от потребности (4—5 млрд. куб. м). При этом наличных запасов природного газа в стране при современном уровне добычи хватит на 5—6 лет. По прогнозам, уже в 1975 году потребности Японии в природном газе, даже без учета потребления в химической промышленности и автотранспорте, возрастут до 30—40 млрд. куб. м.

Импорт сжиженного газа из Аляски и Северного Борнео связан с большими дополнительными затратами (строительство заводов по сжижению газа, перевозка специальными танкерами и др.). Так, издержки при импорте аляскинского газа состоят на 30% из расходов по сжижению и на 40% — по транспортировке.

Народнохозяйственный эффект для Советского Союза от вовлечения в оборот сахалинского и в дальнейшем, возможно, якутского газа, помимо внешнеэкономического аспекта, заключается в ускорении планов газификации промышленности и населенных пунктов Дальнего Востока.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о перспективности дальнейшей разработки вопросов советско-японского экономического сотрудничества в этой области. Разведка, добыча и транспортировка нефти — перспективное, но весьма сложное направление возможного экономического сотрудничества между СССР и Японией.

Зависимость японского энергетического баланса от импорта нефти возрастает. По официальным японским прогнозам, на импортную нефть и нефтепродукты в 1975 году будет приходиться 72,5% всех первичных энергетических ресурсов страны, а к 1985 году — до 74,6%. Эта зависимость усугубляется тем, что Япония ввозит нефть главным образом из средне- и ближневосточных источников, контролируемых в основном англо-американскими нефтяными монополиями. Перед Японией стоит первоочередная задача обеспечения ввоза нефти из стабильных, дешевых, независимых и рассредоточенных источников, укрепления национальной японской нефтеперерабатывающей промышленности.

Именно последнее обстоятельство предопределяет интерес японских национальных нефтеперерабатывающих компаний к импорту нефти из Советского Союза, особенно с Дальнего Востока.

В последнее время японские деловые круги активно обсуждают идею сотрудничества с Советским Союзом в строительстве нефтепровода до Находки с целью поставок в Японию на долгосрочной основе значительных количеств (30—50 млн. т в год) тюменской нефти. Имеется в виду предоставить для этой цели советским организациям соответствующий кредит для оплаты поставок труб, насосно-компрессорного и некоторого другого оборудования и материалов из Японии с последующей оплатой кредита поставками нефти из СССР в Японию. Главной трудностью, с которой сталкиваются заинтересованные японские фирмы, является вопрос о предоставлении адекватного банковского кредита на приемлемых условиях. Решение этого вопроса, судя по сообщениям японской печати, в значительной мере зависит от позиции японского правительства.

Обсуждение плана сотрудничества Японии с Советским Союзом в разведке и разработке дальневосточной нефти отражает всю сложность и противоречивость прохождения вопросов советско-японского экономического сотрудничества в японских деловых и правительственных кругах.

«Самым большим препятствием для роста японской экономики, — писала по этому поводу «Асахи симбун» 27 сентября 1970 года, — является дефицит сырья. Чтобы устранить его, деловые круги создали такие компании по разработке нефтяных ресурсов за границей, как «Арабия ойл», «Аляска ойл девелопмент», «Норс слоп». Однако европейский и американский капитал осуществляет свой контроль над эксплуатацией этих месторождений и Японии не удастся добиться гарантированности поставки нефти».

«Когда мы оцениваем темпы экономического роста Японии и других стран на 70-е годы, — указывалось в журнале «Джапэн куотерли» (№ 3, 1971 г.), — то становится совершенно ясно, что Японии придется столкнуться с трудностями в области сырья... Можно смело сказать, что проблема обеспечения Японии сырьем станет в 70-х годах «ахиллесовой пятой японской экономики». Если к этому прибавить, что другим уязвимым местом японской экономики является ее значительная зависимость от рынка США, что особенно болезненно ощутила Япония в период «никсоновского шока», парализовавшего значительную часть японского экспорта, то вполне понятным и актуальным звучит призыв видного руководителя делового мира Японии С. Кикавада «под другим углом посмотреть на экономическое сотрудничество с СССР».

Возможными объектами советско-японского экономического сотрудничества в более длительной перспективе являются: разработка угольных и железорудных ресурсов южной Якутии и Удоканского медного месторождения. В отличие от таких объектов сотрудничества, как развитие лесных ресурсов Дальнего Востока, строительство морского порта в бухте Врангеля и даже поставка советского природного газа, сотрудничество в разработке месторождений меди, угля, железной руды являются значительно более крупными по масштабам объектами, требующими привлечения больших капитальных вложений, материальных и людских ресурсов, а также значительных затрат на создание инфраструктуры: строительства железных и шоссейных дорог, электростанций, поселков и т. п. в весьма трудных природных условиях малообжитых районов.

Предварительное обсуждение этих вопросов в рамках советско-японских экономических совещаний позволяет сделать вывод о возможности сотрудничества и в этих областях, но практически за пределами текущего народнохозяйственного плана СССР на 1971—1975 годы.

Освоение природных богатств южной Якутии — важнейшая народнохозяйственная проблема развития советской экономики в ближайшей перспективе. В районе поселка Чульмен (440 км от Транссибирской магистрали) находится один из крупнейших в стране бассейнов высококачественных коксующихся углей с весьма значительными балансовыми и прогнозными запасами. В 100 км севернее Чульмена находится богатое Алданское железорудное месторождение с высоким содержанием железа. В 400 км западнее Чульмена расположено крупнейшее в стране Удоканское месторождение меди.

Ключом к освоению всех этих богатств является строительство железной дороги Бам-Тында — Чульмен (440 км). В текущем пятилетии намечается строительство только участка Бам-Тында (180 км). Однако активное освоение огромных богатств южной Якутии предполагается за пределами текущей пятилетки. В этой связи привлечение японских кредитов, оборудования, материалов и технического опыта на взаимоприемлемых условиях могло бы содействовать ускорению решения данной важнейшей народнохозяйственной задачи. С японской стороны также проявляется определенный интерес, в особенности к освоению Южоякутского угольного бассейна.

Японские специалисты ведут активный обмен мнениями с нашими специалистами, посетили район залегания коксующихся углей, в Японию поставлена пробная партия южоякутских углей. В результате предварительных переговоров выявлена заинтересованность японских металлургических компаний в импорте 8—15 млн. т южоякутских коксующихся углей в год. Это объясняется обострением проблемы снабжения быстрорастущей японской металлургии коксующимся углем. По имеющимся оценкам, выплавка стали в Японии возрастет к 1975 году до 150—160 млн. т, для чего потребуется около 100 млн. т коксующегося угля, из которых около 90 млн. т необходимо будет импортировать. Несмотря на заключение крупных долгосрочных контрактов по закупке коксующихся углей в Австралии, Канаде и других странах, японская металлургия обеспечена импортным коксующимся углем не полностью (к 1975 г. эта нехватка составит около 12 млн. т).

Менее перспективным является сотрудничество в области освоения железорудных месторождений южной Якутии в связи с огромными капитальными затратами, а также высокой степенью обеспеченности Японии импортными поставками железной руды из Австралии, Индии, Перу и других стран. Тем не менее при комплексном подходе к освоению

южной Якутии с учетом планов создания собственной металлургической базы на Дальнем Востоке можно будет наладить экспорт в Японию определенных количеств железорудных концентратов или окатышей (из южной Якутии и других районов Дальнего Востока).

Интерес Японии к освоению Удоканского меднорудного месторождения предопределен необходимостью обеспечить импорт меднорудных концентратов (до 2,5 млн. т в 1975 г.) из наиболее близко расположенных источников. Однако на первой стадии предварительных переговоров по этому вопросу японская сторона не смогла предложить сколь-либо адекватной суммы кредита. В настоящее время к участию в освоении Удокана проявляют интерес фирмы ряда западноевропейских стран.

На более высокую ступень

Советско-японское научно-техническое сотрудничество, учитывая высокий уровень развития экономики и технический прогресс в обеих странах, имеет весьма широкие перспективы и возможности. Тесно связанное с развитием торгово-экономических связей между СССР и Японией научно-техническое сотрудничество является в то же время мощным стимулятором дальнейшего роста советско-японской торговли и сотрудничества в развитии различных отраслей экономики.

Научно-техническое сотрудничество между СССР и Японией осуществляется по двум основным направлениям: по линии соглашения, заключенного в июне 1967 года между Государственным комитетом Совета Министров СССР по науке и технике (ГКНТ) и японской Ассоциацией торговли с СССР и социалистическими странами Европы, а также по линии двусторонних соглашений, заключаемых ГКНТ с отдельными японскими концернами и фирмами («Мицубиси», «Комацу», «Тосиба», «Сони» и др.).

Однако до последнего времени научно-техническое сотрудничество между СССР и Японией шло в основном по линии взаимных ознакомительных поездок, обмена информацией, организации специализированных выставок и т. п. Сейчас уже созданы условия для налаживания более глубоких форм научно-технического сотрудничества, и можно ожидать его дальнейшего развития в ближайшие годы. Определенный сдвиг наметился и в области взаимных закупок патентов и лицензий, хотя в этом направлении сделаны лишь первые шаги.

К настоящему времени имеются необходимые предпосылки — народнохозяйственные, договорно-правовые и организационные — для развития советско-японского торгово-экономического и научно-технического сотрудничества на основе взаимной выгоды, включая привлечение японских кредитов, оборудования, материалов и технического опыта к развитию отдельных отраслей экономики дальневосточных районов СССР с учетом экспорта части их продукции в Японию.

Развитие экономических связей с Японией способствует решению важнейшей народнохозяйственной задачи — ускоренному наращиванию экономического потенциала Дальнего Востока, содействует развитию ряда важных отраслей советской экономики. Оно открывает перед Японией новые перспективы для расширения ее внешней торговли на стабильной и долговременной основе: обеспечивает надежные источники поставок жизненно важных для развития японской экономики сырьевых

и промышленных товаров, получение крупных заказов на машины и оборудование, промышленную продукцию и потребительские товары.

Все это позволяет с уверенностью говорить о возможности плодотворного сотрудничества между СССР и Японией в текущей пятилетке (1971—1975 гг.) и в более длительной перспективе.

Вместе с тем было бы неправильным не видеть ряда серьезных трудностей, мешающих развитию советско-японского экономического сотрудничества.

Борьба двух тенденций в политической линии японских правящих кругов по отношению к социалистическим странам четко прослеживается в вопросе развития экономических связей Японии с Советским Союзом.

Реакционные силы в Японии, не без поддержки извне, активно препятствуют развитию взаимовыгодных советско-японских экономических связей. Этот курс находит свое выражение в дискриминационных ограничениях и запретах торговли с СССР, включая область кредитных отношений, во взгляде на торговлю с СССР как на второстепенное «запасное» направление. С другой стороны, в условиях меняющегося соотношения сил социализма и империализма на мировой арене, а также внутри самого империалистического лагеря, в обстановке дальнейшего обострения проблемы рынка и нарастания экономических, валютно-финансовых и социальных трудностей в капиталистическом мире японские правящие круги вынуждены становиться на путь развития всесторонних экономических связей с Советским Союзом. А это в свою очередь укрепляет в Японии позиции прогрессивных сил, выступающих за подлинную нормализацию отношений с Советским Союзом.

Все это позволяет сделать общий вывод о том, что, несмотря на серьезные трудности и препятствия, взаимовыгодное экономическое сотрудничество с Японией возможно и целесообразно, а также и о том, что это сотрудничество может иметь определенное положительное значение в плане укрепления независимой, реалистической и добрососедской политики Японии в отношении Советского Союза.

Отмечая прогресс в развитии советско-японских отношений, в том числе торгово-экономических и научно-технических связей, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин сделал в канун 1971 года следующее заявление:

«Дальнейшим позитивным вкладом в развитие торгово-экономических отношений между нашими странами явилась бы реализация ряда конкретных проектов, рассматриваемых на ежегодных совещаниях представителей экономических организаций Советского Союза и деловых кругов Японии. Вслед за первыми шагами в этом направлении — заключением генеральных соглашений о поставках из Японии в СССР оборудования и машин в обмен на лесоматериалы из СССР в Японию, а также о строительстве нового советского порта в бухте Врангеля — вполне реальным, на наш взгляд, является достижение договоренности о разработке в СССР и поставках в Японию природного газа, технологической щепы, медной и железной руд, угля и других сырьевых товаров.

Советский Союз хотел бы строить торгово-экономические отношения с Японией на долговременной основе и с учетом перспектив экономического развития обеих стран, ибо это придает таким отношениям уверенность и стабильность... Мы считаем, что новое торговое соглашение может и должно послужить конкретной основой для дальнейшего роста торговли между Советским Союзом и Японией. В области научно-

технических связей можно было бы в дополнение к уже осуществляемым обменам по государственной линии обсудить вопрос о заключении межгосударственного соглашения по вопросам научно-технического сотрудничества»⁷.

В этом ответе А. Н. Косыгина на вопросы японской газеты «Асахи» изложена, по существу, развернутая программа развития торгово-экономических и научно-технических связей между СССР и Японией.

Эта программа при наличии доброй воли и усилий обеих сторон может быть реализована к несомненной выгоде двух соседних стран — Советского Союза и Японии.

⁷ «За рубежом», № 3, Ответы А. Н. Косыгина на вопросы газеты «Асахи», 1971.

Некоторые особенности современной промышленности КНР

*В. И. Акимов,
доктор экономических наук*

Победа китайской революции, которая ликвидировала реакционный гоминьдановский режим и засилье иностранного капитала, бескорыстная помощь со стороны СССР и других братских социалистических стран, благоприятные изменения на мировой арене в пользу сил социализма открыли простор для развития производительных сил в Китае. В 1952 году была выдвинута генеральная линия КПК в переходный период, согласно которой предусматривалось в исторически короткий срок превращение Китая во всесторонне развитую социалистическую державу. VIII съезд КПК в 1956 году закрепил курс на строительство социализма в Китае.

В развернувшемся в период первой пятилетки социалистическом строительстве Компартия Китая отводила большую созидательную роль отечественной промышленности, являющейся ведущей силой в процессе индустриализации страны. В период планового развития китайский народ добился заметных успехов в создании первоначальной базы современного крупного производства. Однако процесс социалистического строительства был прерван в конце 50-х годов, поскольку мелкобуржуазно-националистической части китайского руководства удалось навязать КПК и стране особый курс во внутренней и внешней политике.

Этот особый курс привел к отходу в период 1958—1960 годов от политики социалистической индустриализации и замене ее политикой «сверхиндустриализации» на основе «большого скачка» и народных коммун. Во внешней политике маоисты сделали ставку на мировую гегемонию, пойдя на ухудшение отношений с социалистическими странами и на обострение международной напряженности. Коренным образом изменялись цели и задачи, выдвигаемые и перед китайской промышленностью. В последнее десятилетие работа промышленности все более подчиняется военным планам Мао Цзэ-дуна и его окружения, прежде всего наращиванию военно-экономического потенциала страны. Рупор маоистов, журнал «Хунци», писал в конце 1969 года, что «подготовка на случай войны, подготовка на случай стихийных бедствий» представляет собой «коренные цели промышленного строительства».

В соответствии с этой маоцзэдуновской установкой уже в течение ряда лет ведется интенсивная перестройка работы промышленности. Все

более углубляется процесс искусственного разделения китайской промышленности на два сектора: военный и гражданский. Первый находится в особом положении с точки зрения централизованного обеспечения сырьем, электроэнергией, оборудованием, квалифицированными кадрами. Этот сектор охватывает вполне современные крупные и средние предприятия военной промышленности и обеспечивающих ее отраслей тяжелой индустрии. Руководство подобными предприятиями строго централизовано и находится под контролем армии. Что же касается второго, гражданского сектора промышленности, то его положение значительно хуже по сравнению с военно-промышленными отраслями. Используя местные ресурсы и силы, этот сектор в значительной степени находится на так называемом «самообеспечении». Он представлен преимущественно средними и мелкими предприятиями системы местной промышленности, которые зачастую технически слабо оснащены и широко используют ручной труд.

Китайское руководство поставило задачу создания «могучей сухопутной армии, могучих военно-воздушных сил и могучего военно-морского флота». Уже в настоящее время КНР располагает самыми многочисленными в мире вооруженными силами. Маоисты настойчиво стремятся развивать ракетно-ядерный потенциал, принося ради этого в жертву интересы национальной экономики. Как известно, к апрелю 1972 года в Китае произвели 14 испытаний ядерного оружия с тротиловым эквивалентом от нескольких десятков килотонн до нескольких мегатонн. Проведены испытания ракет среднего радиуса действия, а также ракет с атомной боеголовкой. В 1970—1971 годах Китай дважды запускал в космос искусственные спутники Земли. В последние годы лихорадочно наращивается выпуск и обычных видов вооружения, особенно, по данным иностранной печати, самолетов, танков, электронного оборудования, военно-морской техники.

Милитаризация промышленности наглядно проявляется также в установлении жесткого военного контроля НОАК над деятельностью заводов, фабрик, рудников и других предприятий, над всей промышленностью страны. В период «культурной революции» немало предприятий оказались военизированными. Там была введена военная дисциплина, вместо участков, цехов, бригад были созданы роты, взводы, отделения. Практически на всех промышленных предприятиях представители армии вошли в состав администрации предприятий и, широко используя различные методы принуждения, добивались укрепления производственной дисциплины, роста производства и повышения эффективности работы. В последние годы армия является, по сообщениям китайской печати, «не только вооруженной силой, но и политической, идеологической, производственной и воспитательной силой». Маоисты широко используют НОАК для осуществления военного контроля и военно-политического обучения населения, для воздействия на работу промышленности и других отраслей экономики. Даже после устранения от управления страной Линь Бяо, Хуан Юн-шэна и некоторых других высокопоставленных армейских деятелей НОАК продолжает осуществлять военный контроль над производством в интересах правящей маоистской верхушки.

Таким образом, как свидетельствуют факты, ныне промышленный потенциал страны поставлен маоцзедуновским руководством на достижение своих великоханьских гегемонистских замыслов, что обуславливает большую актуальность разностороннего и углубленного изучения состояния китайской промышленности как в теоретическом, так и в практическом планах.

* * *

Китай, как известно, располагает благоприятными потенциальными возможностями для своего промышленного развития: обширной территорией с разнообразными природно-климатическими условиями, колоссальными людскими ресурсами, богатыми запасами многих видов полезных ископаемых, крупнейшими гидроресурсами, емким внутренним рынком и так далее. Однако по вине маонистского руководства эти благоприятные возможности не используются для того, чтобы обеспечить необходимое промышленное развитие страны. Как показала реальная действительность, антисоциалистическая деятельность Мао Цзэ-дуна и его окружения стала тормозом в развитии производительных сил страны, в том числе и в промышленности.

За прошедшие двадцать с лишним лет благодаря проводимой Мао Цзэ-дуном авантюристической экономической политике процесс промышленного развития в КНР отличался большой сложностью и противоречивостью. Согласно подсчетам, динамика промышленного производства за 1949—1971 годы выглядит следующим образом¹:

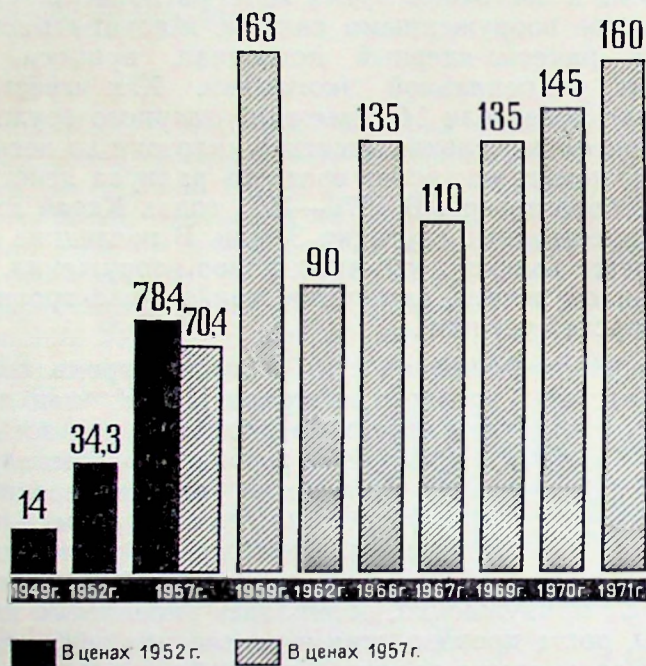

Рис. 1. Валовая продукция промышленности КНР
(в млрд. юаней)

Приведенные данные свидетельствуют о крайне неравномерном промышленном развитии страны. За период 1950—1957 годов, когда экономическое развитие страны осуществлялось в соответствии с социалистическими принципами, промышленное производство возросло в 5,6 раза. За последующие 1958—1971 годы, в течение которых маонистами были развязаны «большой скачок» и «культурная революция», разорваны тес-

¹ Цифры за 1949—1957 гг. взяты из сборника ГСУ КНР «Великие десять лет», Пекин, 1959, стр. 14; 1959 г. — по официальным данным ГСУ КНР; цифры за 1962—1971 гг. — расчетные, полученные на основе информации китайской и другой зарубежной печати, оценок и расчетов советских и иностранных экономистов.

ные экономические отношения с СССР и другими социалистическими странами, промышленное производство хотя и увеличилось в 2,3 раза, но характеризовалось неравномерным, непоступательным, «скачкообразным» развитием.

Нижеследующие рис. 2, 3 и 4 характеризуют динамику производства важнейших видов промышленной продукции за годы существования КНР.

Рис. 2. Производство стали

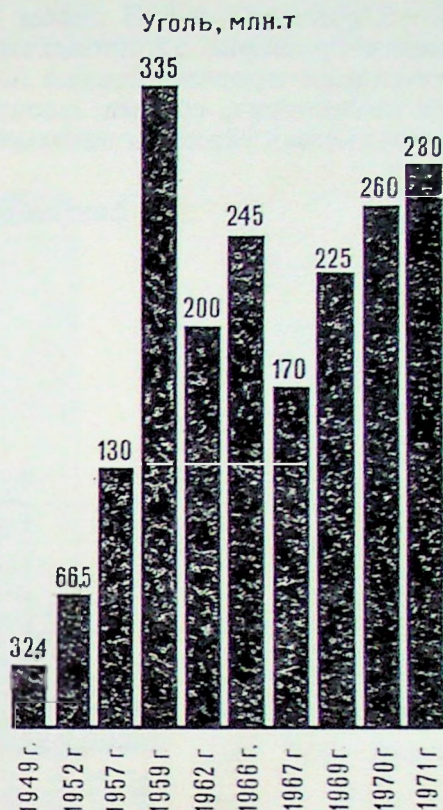

Рис. 3. Добыча угля

Следует отметить, что, если бы Китай после 1967 года продолжал развитие по пути социалистической индустриализации и сотрудничества с социалистическими странами, его промышленный потенциал был бы в настоящее время намного больше, чем это оказалось в действительности. По подсчетам доктора экономических наук, профессора М. И. Сладковского, при условии поступательного планового развития Китай в 1969 году мог бы произвести: угля — 525 млн. т, стали — 43 млн. т, электроэнергии — 180 млрд. кВт·ч².

В действительности фактический объем производства данной промышленной продукции оказался меньше возможного в следующих размерах: угля — в 2,4 раза, стали — в 3,3, электроэнергии — в 2,8, цемента — в 1,9.

Данные показатели убедительно демонстрируют, к каким колоссальным народнохозяйственным потерям привел авантюристический курс Мао Цзэ-дуна и его окружения в области промышленного производства. Однако картина отсталости современного промышленного производства КНР становится особенно удручающей, если привести для

² М. И. Сладковский, Китай и Япония, «Наука», М., 1971, стр. 290.

сравнения данные, показывающие место КНР в мировом промышленном производстве. В 1969 году, по подсчетам советских и зарубежных специалистов, доля Китая в общемировом производстве ряда важных видов промышленной продукции составила в процентном выражении: электроэнергии — 1,4, нефти — 0,7, угля (в пересчете на условное топливо) — 11,5, чугуна — 3,7, стали — 2,3, цемента — 2,4, синтетических смол и пластмасс — 0,7, автомобилей — 0,17, хлопчатобумажных тканей — 15, сахара — 2,4. В целом Китай, численность населения которого равняется примерно 22 процентам населения нашей планеты, является значительным производителем лишь ряда цветных металлов (вольфрамовый концентрат, сурьма, олово, ртуть)³, угля, соли, хлопчатобумажных и шелковых тканей и некоторых других видов продукции.

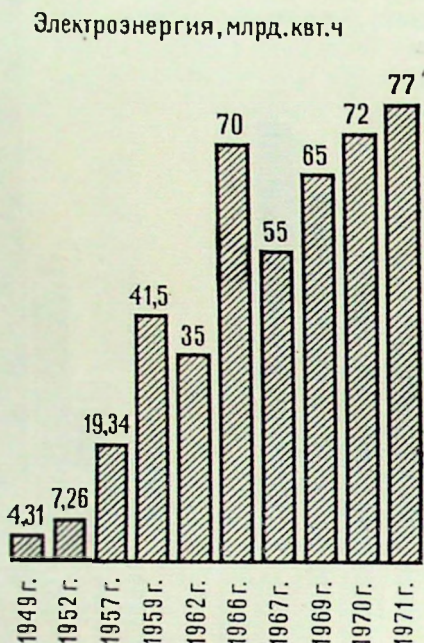

Рис. 4. Производство электроэнергии

В 1969 году Китай занял в общемировой добыче угля (в пересчете на условное топливо) 3-е место, нефти — 20-е, железной руды — 4-е, в производстве чугуна — 7-е, стали — 8-е, цемента — 10-е, металлорежущих станков — 8-е, автомобилей — 24-е, хлопчатобумажной ткани — 3-е, сахара — 9-е, место.

Если в качестве критерия промышленного развития взять такой синтезирующий показатель, как душевой объем производства, то по выпуску многих видов промышленной продукции Китай занимает одно из последних мест в мире. Так, в 1969 году Китай на душу населения произвел лишь 84 квт·ч электроэнергии против 1300 квт·ч в среднем на каждого

³ Доля КНР в мировом производстве составила (в %): вольфрамовый концентрат — 30, сурьма — 24, олово — 13, ртуть — 9. Доля некоторых других видов промышленной продукции равнялась (в %): соль — 13, магнезит — 11, плавиковый шпат — 8, железная руда — 6, алюминий и медь — по 2 («Экономический профиль континентального Китая», Вашингтон, 11, 1967, т. 1, ч. 11, стр. 170).

человека во всем мире. По выработке электроэнергии на душу населения Китай занял лишь 89-е место, уступив всем социалистическим странам (исключая ДРВ, данные по которой отсутствуют), капиталистическим странам Европы, 15 странам Азии, 17 странам Африки, 22 странам Америки, 4 странам Австралии и Океании.

О степени отставания Китая в 1969 году по объему производства важнейших видов промышленной продукции в расчете на душу населения (исключая нефть по Японии) от своих индустриальных соседей СССР и Японии дают наглядное представление следующие данные:

Электроэнергия, квт.ч

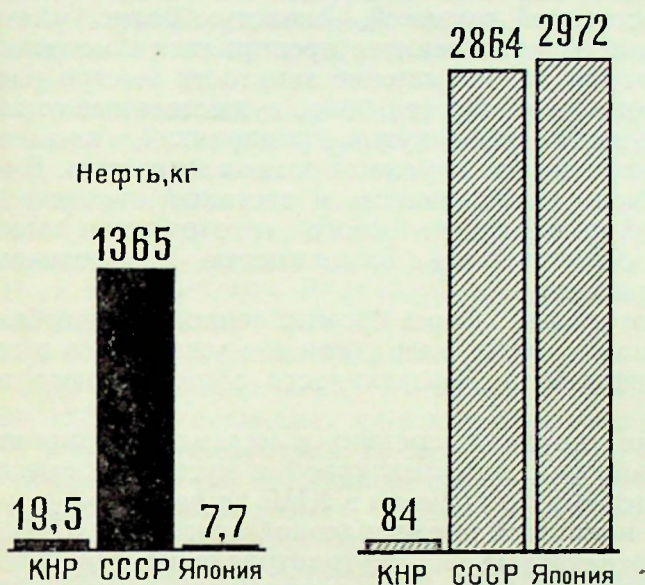

Рис. 5а. Производство электроэнергии

Уголь, кг

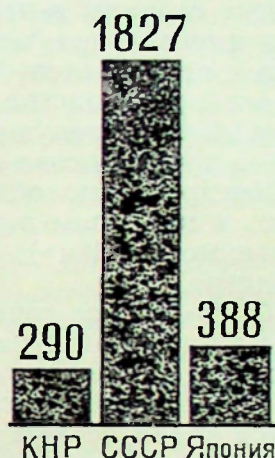

Рис. 5б. Добыча угля

Нефть, кг

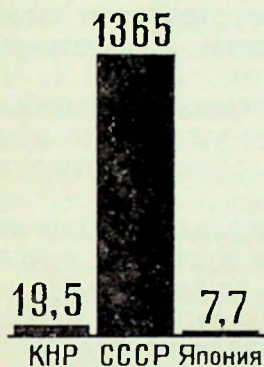

Рис. 5. Добыча нефти

Причины такого отставания по основным показателям промышленного производства объясняются многими факторами. В большой степени это связано, в частности, с тем, что в период «большого скачка» и в последующие годы Мао Цзэ-дун и его группа в своих планах «сверхиндустриализации» главную ставку сделали на примитивное кустарно-ремесленное производство. В результате этой политики значительный удельный вес в промышленном производстве приходится в настоящее время на экономически и технически отсталые формы промышленности, базирующиеся на ручном труде (мануфактурной, кустарно-ремесленной).

По имеющимся сведениям, в период 1958—1960 годов плохо оснащенные мелкие и средние предприятия (в основном типа мануфактуры и кустарно-ремесленной мастерской) дали 40—50 процентов производства чугуна, железной руды, угля, цемента, более 60 процентов бумаги, сахара, пищевых растительных масел⁴. В конце 50-х годов доля отсталых форм промышленности в общепромышленном производстве была

⁴ Китайская Народная Республика, «Наука», М., 1970, стр. 86.

выше, чем в предшествующий период планового развития. (В 1955 году в валовой продукции всей китайской промышленности на долю мануфактурной промышленности приходилось 14 процентов, кустарной промышленности — 18,5 процента, современной промышленности — 67,5 процента.)

В последние годы вновь всемерно форсируется развитие мелкого промышленного производства, основанного преимущественно на отсталой ручной технике. По сообщениям печати, в 1970 году в масштабах всей страны на долю мелкой местной промышленности приходилось около 40 процентов валового промышленного производства. Китайских руководителей привлекают такие «достоинства» промышленных предприятий типа мануфактуры или кустарно-ремесленной мастерской, как небольшие размеры капиталовложений, возможность оснащения таких предприятий несложной отечественной техникой, зачастую более удачное территориальное сочетание производственного предприятия с источниками сырья и районами потребления, повышение занятости быстро растущего населения. Но при этом игнорируются более существенные отрицательные стороны в деятельности упомянутых предприятий, из-за чего они в мировой практике вытесняются крупной промышленностью. В числе этих недостатков — низкая экономичность и отсталый технический уровень производства, невозможность массового изготовления высококачественной продукции, ограниченные возможности по увеличению объема производства и так далее.

Внедрение подобных отсталых форм промышленности неизбежно ведет к провалам в развитии экономики (как это уже было в годы «большого скачка»), к понижению эффективности общественного производства.

Оптимальное сочетание крупных, средних и мелких предприятий, современной фабрично-заводской, мануфактурной и кустарно-ремесленной промышленности до настоящего времени в КНР не найдено.

Второй особенностью, присущей промышленной системе КНР, являются значительные межотраслевые и внутриотраслевые диспропорции, порожденные крайне неравномерным развитием отдельных отраслей промышленности.

Наиболее глубокая диспропорция в настоящее время наблюдается прежде всего между горнодобывающей и обрабатывающей промышленностью. Обширная группа отраслей, занятых добычей руд черных и цветных металлов, некоторых видов горнохимического сырья, а также угля, держит на «голодном пайке» отрасли обрабатывающей промышленности. В частности, в 1969—1971 годах экономика Китая ежегодно недополучала от отечественной черной металлургии по 4—6 млн. т чугуна и стали, поскольку из-за нехватки железной руды и кокса оказались незагруженными значительные производственные мощности доменного и сталеплавильного оборудования. Из-за недостатка сырья, топлива, а также электроэнергии систематически недоиспользуются мощности предприятий многих отраслей цветной металлургии, что вынуждает КНР закупать дефицитные цветные металлы и резко сокращать традиционный экспорт ряда цветных металлов. Неслучайно поэтому в китайской печати сегодня много пишется о необходимости всемерно увеличивать производство сырья, развернуть «битву за минеральное сырье».

Болезненно сказывается на китайской экономике диспропорция между машиностроительной и металлообрабатывающей промышленностью, с одной стороны, и металлургической — с другой. Несоответствие между развитием металлообработки (с машиностроением) и металлургии наблюдалось на протяжении практически всего периода существова-

ния КНР, а в отдельные годы, в особенности в период «большого скачка» (1958—1960 гг.) и начала «культурной революции» (1965—1966 гг.), оно проявлялось особенно остро.

В последние годы металлургическая промышленность оказалась не в состоянии удовлетворить потребности отечественной машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности ни по количеству производимых черных металлов, ни по их ассортименту и качеству. Китай вынужден ежегодно закупать на внешних рынках дефицитные виды стали, проката, прецизионных и специальных сплавов, металлоизделий. В период 1967—1970 годов ежегодный импорт, например, проката, по данным зарубежной печати, составлял 1,7—2 млн. т. Удельный вес импортного проката в его потреблении равнялся 16—19 процентам. В последние годы Китай вынужден закупать лом черных металлов и чугуна (до «культурной революции» страна чугуна экспортировала). По японским данным, Китай в 1971 году закупил около 1,1 млн. т чугуна и лома⁵.

В значительных количествах импортируются такие цветные металлы, как медь, никель, цинк, кобальт, хром, титан, платина и другие платиноиды, а также алмазы. В частности, закупки меди только на Лондонской бирже в 1969 году превысили 60 тыс. т, в 1970 году — 100 тыс. т (это почти равно внутреннему производству в Китае). По данным Международного статистического бюро по металлам, ежегодный дефицит в КНР за период 1967—1970 годов по отдельным цветным металлам составлял: алюминий — 30—36 тыс. т, свинец — 10—32 тыс. т, цинк — 30 тыс. т⁶. Этот дефицит покрывается лишь за счет импорта.

В КНР периодически (особенно в 1956, 1958—1960, 1964—1966, 1969—1971 гг.) возникает диспропорция между развитием промышленности и электроэнергетики. В последние годы в стране введено строжайшее нормированное потребление электроэнергии, всячески ограничивается ее использование в быту. По японским данным, $\frac{2}{3}$ китайских деревень не имеют электрического освещения⁷.

Своеобразие анализируемой диспропорции заключается в том, что она проявляется с неодинаковой остротой в разных районах страны. В Китае многие отдельные энергорайоны и местные энергосистемы не закольцованы, отсутствуют мощные объединенные энергосистемы, охватывающие крупные экономические районы. В подобных условиях исключена возможность переброски электроэнергии из более благоприятных по снабжению электроэнергией районов в менее благоприятные.

Стала своего рода «традиционной» для экономики страны диспропорция между легкой промышленностью и ее сырьевой базой. Основную часть сырья для легкой промышленности по-прежнему поставляет сельское хозяйство, которое не в состоянии в достатке обеспечить им заводы и фабрики. В последнее десятилетие в Китае стали предприниматься меры по укреплению промышленной сырьевой базы (химия и другие отрасли), но развитие последней в значительной степени связано с импортом заграничного оборудования. Вплоть до настоящего времени проблема нехватки сырья для легкой промышленности носит хронический характер и едва ли будет удовлетворительно разрешена в ближайшем будущем.

⁵ «Japan Iron and Steel Commerce», 3. VIII. 1971.

⁶ «World Metal Statistics», VI—VII. 1970.

⁷ «Сэкино то сэкино кагаку», 1971, № 9.

В условиях происходящей в мире научно-технической революции все более сказывается несоответствие между ограниченными возможностями китайского машиностроения и потребностью экономики КНР в современных машинах, приборах, различном оборудовании. Отказ пекинского руководства от широкого научно-технического сотрудничества с СССР и другими развитыми социалистическими странами неблагоприятно отразился на возможностях китайских машиностроителей в области освоения производства новой, стоящей на уровне современных требований продукции. К настоящему времени значительная часть производственного аппарата китайской промышленности морально и физически устарела и требует обновления. С такой сложной задачей китайское машиностроение в настоящее время не в состоянии справиться, а научно-техническое содействие развитых капиталистических стран Китая осуществляется в ограниченных масштабах и обходится дорого.

В настоящее время отечественное машиностроение практически полностью обеспечивает внутренние потребности страны лишь в таких машинах и оборудовании, как подвижной состав для железных дорог, текстильное оборудование, мелкие и средние двигатели, мелкие и средние металлорежущие станки обычной точности, оборудование для мелких и средних электростанций, угольных шахт, металлургических и цементных заводов и так далее.

Слаборазвитые приборостроение, автомобильная и тракторная промышленность, производство оборудования для промышленности органического синтеза и нефтехимии, судостроение, самолетостроение и ряд других важнейших отраслей машиностроения сохраняют большую зависимость Китая от внешних источников снабжения. Так, например, большое значение для КНР приобрел импорт комплектного оборудования для ряда ведущих отраслей промышленности, металлорежущих станков, прокатного и кузнечно-прессового оборудования, точных приборов, инструмента, автомобилей, тракторов, судов, реактивных и турбовинтовых самолетов, вертолетов, машин и оборудования для горнодобывающей промышленности, запчастей для импортированной ранее техники и так далее.

По мнению хорошо осведомленных в китайских делах гонконгских специалистов, общий объем закупок КНР на внешних рынках машин и оборудования недостаточен для модернизации промышленности страны в широких масштабах. Китай не может позволить себе закупать все, в чем нуждается⁸.

На развитии китайской промышленности неблагоприятно отражается техническая отсталость многих промышленных предприятий, входящих в систему не только местной промышленности, но также и промышленности центрального подчинения. В наиболее неблагоприятном положении из-за технической отсталости находятся такие важные отрасли, как металлургия, машиностроение, угольная и электроэнергетическая, строительных материалов, пищевая и легкая промышленность. Многие предприятия этих отраслей обладают морально устаревшими и значительно физически изношенными производственными фондами, в своей массе не подвергнувшимися модернизации в течение последних 10—15 лет.

Приведем примеры, показывающие обеспеченность китайской промышленности современным оборудованием. В автомобильной и тракторной промышленности имеется только по одному вполне современному предприятию-уникуму (Чанчуньский автозавод и Лоянский тракторный

⁸ «China News Analysis», 2.III.1971.

завод), которые были построены с помощью СССР. Остальные предприятия этих отраслей небольшие, в подавляющем большинстве плохо технически оснащенные заводы и мастерские. Китайская черная металлургия оснащена в основном мелкими доменными печами с устарелой технологией (средний полезный объем домен на крупных и средних предприятиях Китая составляет менее 200 куб. м, тогда как в СССР — более 1 100 куб. м, в США — около 1 100 куб. м). Эта отрасль имеет менее 10 доменных печей полезным объемом по 1000—1513 куб. м каждая.

Максимальная мощность одного энергоагрегата на тепловых станциях не превышает 125 тыс. кВт, к тому же таких агрегатов в Китае — считанные единицы (напомним, что в других странах работают в несколько раз более мощные агрегаты, включая установки по 300, 500, 800 тыс. кВт и более каждая). Вплоть до настоящего времени в КНР нет ни одной атомной электростанции, хотя атомная электроэнергетика получила широкое распространение в мировой практике.

Небезынтересны оценки зарубежных экспертов о степени технического отставания Китая в некоторых отраслях промышленности. Считается, что Китаю потребуется 20 лет, чтобы создать автомобильную промышленность на уровне развитых стран. Ряд зарубежных специалистов полагает, что по техническому уровню такие отрасли китайской промышленности, как металлургия, химия, станкостроение, некоторые отрасли военной промышленности, отстают от передового мирового уровня минимум на 10—15 лет⁹.

Следствием технической отсталости китайской промышленности являются такие негативные явления, как недостаточно высокое качество выпускаемой продукции и повышенные издержки ее производства, невысокий уровень производительности труда (в несколько раз ниже, чем в индустриально развитых странах), повышенные затраты на ремонт действующего оборудования.

Техническое перевооружение китайской промышленности задерживается из-за таких причин, как наличие серьезных экономических трудностей, вызванных политикой маоцзедуновской группы, в результате чего страна систематически испытывает недостаток финансовых и материальных ресурсов; огромных расходов на военные нужды; слабости отечественной машиностроительной базы; разрыва выгодных для КНР экономических и научных связей с СССР и рядом социалистических стран и некоторые другие.

Отличительной чертой китайской промышленности является отсталость ее отраслевой структуры. За годы существования КНР произошли известные прогрессивные сдвиги в структуре ее промышленности, возникли новые отрасли и производства. В то же время если исходить из современных стандартов, то нельзя не обратить внимания на очевидную отсталость отраслевой структуры китайской промышленности. Прежде всего в общепромышленном производстве обращает на себя внимание недостаточно высокий удельный вес отраслей группы А.

Несмотря на увеличение за прошедшие годы более чем в 2,5 раза удельного веса таких важных отраслей, как электроэнергетика, машиностроение и химия, их доля в валовой продукции промышленности продолжает оставаться незначительной — около 28 процентов. Между тем хорошо известно значение электроэнергетики, машиностроения и химии как отраслей, непосредственно обеспечивающих технический про-

⁹ «Japan Times», 22.V.1971, «Тюо корон», № 7, 1967, «Revue de défense nationale», V.1969.

гресс в экономике и составляющих основу военно-промышленной базы страны.

По сравнению с развитыми странами мира в китайской промышленности высок удельный вес ряда старых отраслей промышленности, в частности угольной и черной металлургии, а также легкой, текстильной и пищевой. Так, только на долю двух последних приходится около 30 процентов валовой продукции всей промышленности.

Из-за невысокого уровня производства ряда важнейших видов промышленной продукции в структуре промышленности еще не представлены соответствующие специализированные отрасли.

В качестве примера можно назвать добычу природного газа, производство титана. Соответственно в Китае пока еще нет окончательно сформировавшихся отраслей газовой и титановой промышленности, хотя имеющиеся богатые сырьевые ресурсы предоставляют такую возможность.

В целом нынешняя весьма отсталая и недостаточно дифференцированная структура китайской промышленности не отвечает требованиям научно-технического прогресса в деле повышения эффективности общественного производства.

Промышленность КНР испытывает также большие трудности из-за слабого развития производственной специализации, кооперирования и комбинирования. Развитию и совершенствованию этих прогрессивных методов в производстве помешала политика «большого скачка», когда в промышленности стал усиленно внедряться курс на «ведение многоотраслевого хозяйства и комплексное использование ресурсов». Установку на проведение этого курса в жизнь Мао Цзэ-дун дал после посещения осенью 1958 года Уханьского металлургического комбината. Смысл этого курса сводился к тому, чтобы превратить каждое предприятие, включая узкоспециализированные заводы и фабрики, в многоотраслевое, то есть в такое, которое могло бы «самообеспечивать» себя необходимым сырьем, полуфабрикатами, топливом и даже частью машин и оборудования.

Со второй половины 60-х годов в экономическом строительстве усилилась пропаганда доктрины «опоры на собственные силы». Ее цель — превращение отдельных провинций и автономных районов, городов, уездов, производственных предприятий в самодовлеющие хозяйственные единицы. Подобная практика была направлена против основных принципов организации производственной специализации, кооперирования и комбинирования и ничего общего не имеет с характером развития современного общественного производства.

Важность специализации как одной из основных форм общественной организации производства давно доказана теорией и практикой. Разумеется, специализация производства, равно как и связанное с ней производственное кооперирование, имеет свои границы, определяемые экономической эффективностью. Развитие общественного производства вызвало к жизни, как известно, необходимость широкого применения комбинирования, которое организуется с учетом наличия тесных производственных связей, технико-экономического единства и известной пропорциональности разнородных производств. Проводимая же в КНР политика создания замкнутых самообеспечивающихся промышленных комплексов, базирующихся на системе так называемого «многоотраслевого производства», в основе которой лежит доктрина «опоры на собственные силы», противоречит принципам общественной организации производства, основанной на разделении труда. Целесообразно организованные специализация, производственное кооперирование и комбини-

рование — один из важнейших магистральных путей прогресса общественного производства, всемерного повышения его эффективности.

Одной из острейших проблем для промышленности КНР, осложняющей ее работу, является нехватка квалифицированных кадров.

За годы существования КНР подготовлено значительное количество инженерно-технических работников. Если в 1952 году в стране было 164 тыс. инженерно-технических работников, то в 1958 — 618 тыс., в 1962 — 1400 тыс., в 1966 году — 1600 тыс. человек¹⁰. За 1949—1963 годы технические вузы или факультеты окончили почти 388 тыс. чел. (то есть $\frac{1}{3}$ выпускников всех вузов за это время). Несколько тысяч инженеров прошли обучение в СССР и некоторых других социалистических странах, в Западной Европе, Японии.

Следует, однако, отметить, что большой количественный рост инженерно-технического персонала после 1957 года сопровождался ухудшением качественной стороны их подготовки. В Китае появилось много новых вузов, особенно вечерних с упрощенной программой обучения. Массу времени у студентов и преподавателей отнимали бесконечные собрания и заседания, различные маоистские кампании по перевоспитанию. В подготовке кадров плановая система уступила место волюнтаризму и субъективизму.

В результате иностранные специалисты отмечают, что часть инженеров, научных работников, техников, выпущенных в Китае, не имеет должной специальной подготовки.

В период «культурной революции» и в течение нескольких последующих лет высшие и средние учебные заведения вообще не работали. По подсчетам, только за 1967—1968 годы Китай из-за прекращения занятий в вузах недополучил 400 тыс. специалистов, в том числе 140 тыс. технических¹¹.

Очень показательно в этой связи следующее признание газеты «Жэньминь жибао», сообщившей, что в машиностроении г. Шэньяня, одного из ведущих центров данной отрасли в стране, удельный вес инженерно-технического персонала составляет лишь 3,6 процента общего числа работающих¹². На многих небольших и даже средних по размерам предприятиях системы местной промышленности нет ни одного дипломированного инженера или техника.

В обстановке нехватки инженерно-технического персонала в последние полтора-два года китайские руководители начали предпринимать некоторые меры. В частности, ограничиваются гонения на старых опытных инженеров. В печати подчеркивается необходимость шире использовать опыт и знания технического персонала, больше привлекать его к управлению и так далее. Ведется пропаганда опыта шанхайского станкозавода, который готовит техперсонал из числа рабочих. В 1971 году возобновили работу некоторые технические вузы.

¹⁰ Великие десять лет, стр. 163; «Экономический профиль континентального Китая», т. II, ч. II и другие расчетные данные за 1966 г.

¹¹ «Экономическая газета», 1968, № 39, стр. 44.

¹² «Жэньминь жибао», 20.VII.1971. О нехватке квалифицированных специалистов свидетельствуют также следующие факты. По сообщению американских источников, разработанным в 1956 г. перспективным 12-летним планом развития науки и техники предусматривалось, что Китай к 1967 г. будет иметь по крайней мере 4 млн. инженеров и специалистов сельского хозяйства (см. «Экономический профиль континентального Китая», т. II, ч. II). Подсчеты показывают: в действительности в Китае в 1967 г. численность указанных специалистов была в 3,5—4 раза меньше, чем намечалось. Насыщенность китайской промышленности дипломированными специалистами в расчете на каждую тысячу занятых в несколько раз ниже, чем в СССР и ряде других развитых стран.

Китайская промышленность ощущает недостаток в квалифицированной рабочей силе. В стране мала сеть специализированных профессионально-технических учебных заведений, выпускающих квалифицированных рабочих. Предпочтение отдается подготовке рабочих посредством ученичества на предприятиях. Это ведет к минимальным затратам на их обучение (ученики несколько лет подряд получают мизерную зарплату), но качество подготовки оказывается недостаточно высоким. Слабая общетеоретическая подготовленность, узкое профессиональное «натаскивание» вместо систематической разносторонней учебы ограничивают возможности по подготовке полноценных квалифицированных рабочих кадров, способных быстро приспособиться к меняющимся условиям производства, в частности к переходу в сжатые сроки на выпуск более сложных видов продукции.

Большое значение для роста квалификации рабочих имеет возрастающий приток молодежи, выпускников полной или неполной средней школы. В Китае после 1957 года заметно ухудшился процесс обучения школьной молодежи, в результате чего значительная ее часть оканчивает школу с недостаточно высокой общеобразовательной подготовкой. Часть молодежи, особенно сельской, не может посещать школу из-за бедности. В итоге более половины китайских рабочих имеют образование ниже четырех классов начальной школы¹³. Ухудшение отношений Китая с СССР и многими социалистическими странами привело к тому, что китайская промышленность практически лишилась такого важного источника подготовки квалифицированных рабочих кадров, как обучение рабочих за границей, на промышленных предприятиях социалистических стран.

* * *

Таким образом, авантюристический экономический курс Мао Цзэ-дуна и его окружения, подчиненный гегемонистским целям и задачам внешней политики маоистов, основывающийся на волюнтаристских принципах «большого скачка», «сверхиндустриализации» и «опоры на собственные силы», привел в области промышленного производства к тяжелым последствиям. В результате для нынешней промышленной системы КНР характерны следующие особенности:

- наличие значительного удельного веса экономически и технически отсталых форм промышленности, базирующихся на ручном труде;
- наличие серьезных межотраслевых и внутриотраслевых диспропорций;
- милитаризация;
- техническая отсталость многих промышленных предприятий;
- отсталость отраслевой структуры промышленности;
- слабое развитие производственной специализации, кооперирования и комбинирования;
- необеспеченность инженерно-техническим персоналом и квалифицированными рабочими кадрами.

¹³ «Мировая социалистическая система хозяйства», М., «Мысль», 1971, т. 4, стр. 135.

Зерновая проблема в КНР

В. И. Орехов

Обеспечение возрастающего населения продовольствием является одной из важнейших проблем целого ряда развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. По данным Международной организации по вопросам продовольствия и сельского хозяйства (ФАО), в 1966 году в этих странах от голода и хронического недоедания страдало около 1,5 млрд. человек¹.

Ряд зарубежных буржуазных социологов-неомальтузианцев главную причину создавшегося в развивающихся странах положения с продовольствием видят в слишком быстром росте их населения, в так называемом «демографическом взрыве», в оскудении жизненных ресурсов человечества на Земле. Совершенно иное объяснение причин голода дают советские и прогрессивные зарубежные ученые. Не отрицая большого влияния демографического фактора на продовольственное положение в странах, они рассматривают голод и хроническое недоедание населения как следствие социальных причин, низкого уровня развития производительных сил, не позволяющих в полной мере использовать имеющиеся ресурсы.

Не менее остро стоит продовольственная проблема перед Китайской Народной Республикой на современном этапе ее развития. Продовольственное положение оказывало раньше и продолжает оказывать в настоящее время большое влияние на все народное хозяйство страны.

В. И. Ленин, отмечая взаимосвязь развития экономики с решением продовольственной проблемы, подчеркивал: «Лишь будучи фактическим владельцем достаточного продовольственного фонда, рабочее государство в состоянии прочно стоять в экономическом отношении на собственных ногах, обеспечить хотя бы медленное, но неуклонное восстановление крупной промышленности, создать правильную финансовую систему»².

Постоянное недоедание, а в некоторых районах массовый голод, приводивший к смерти значительное количество населения, были присущи старому Китаю — одной из крупнейших азиатских стран. После образования КНР продовольственное положение в стране начало постепенно улучшаться. Однако в последние четырнадцать лет оно вновь ухудшилось, что связано прежде всего с авантюристической политикой, проводимой Мао Цзэ-дуном и его окружением.

¹ «Продовольственная проблема в странах Азии и Северной Америки», М., «Наука», 1968, стр. 5.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 9.

Низкопродуктивному сельскому хозяйству КНР трудно прокормить ее растущее население, которое уже сейчас превысило 750 млн. человек, а к 1980 году может увеличиться до 900—1000 млн. человек.

По данным ФАО, калорийность пищи для подавляющего большинства развивающихся стран Азии, в том числе и для Китая, должна составлять минимум 2300—2500 калорий на человека в день. Суточный же рацион одного жителя Китая в конце 60-х годов составлял около 2000 калорий. По существующей средней норме калорийности пищи Китай значительно отстает от европейских стран, а также от некоторых стран Востока.

Громадное население и низкий уровень производительности труда обусловили ярко выраженную направленность сельскохозяйственного производства Китая — выращивание главным образом продовольственных культур. Примерно 90 процентов всех посевных площадей страны занято под зерновыми, бобовыми, сахароносными и другими продовольственными культурами.

Основным продуктом питания населения Китая, как и большинства развивающихся стран, является зерно³. В пищевом рационе оно занимает примерно 80 процентов. Поэтому развитие зернового производства является решающим фактором в увеличении продовольственного фонда страны.

Главная задача зернового производства в Китае в настоящее время состоит в обеспечении зерном растущего населения. Зерновое производство является основой развития всего сельского хозяйства: под зерновыми занято примерно 75 процентов всей посевной площади, на их долю приходится около 40 процентов валовой продукции сельского хозяйства.

Почвенно-климатические условия страны довольно благоприятны для развития зернового производства. Они позволяют выращивать разнообразные зерновые культуры — от теплолюбивых и высококачественных, каким является, например, рис, и до грубых продовольственных культур, к каким можно отнести гаюлян, кукурузу, овес и т. п.

Сравнительно длительный безморозный и продолжительный солнечный период, обилие влаги позволяют в южных районах Китая выращивать по два урожая зерновых в год, в районах средней полосы — по три урожая в два года, а в некоторых северных — культивировать теплолюбивый рис. Однако неравномерность распределения осадков по сезонам и территории страны оказывает отрицательное влияние на развитие зернового производства. В отдельные годы серьезные стихийные бедствия (засуха или наводнения) наносят большой ущерб зерновому хозяйству.

Китай располагает сравнительно большим пахотным фондом. Пахотные земли занимают около 11 процентов площади страны, или около 110 млн. га. Однако эти земли в результате их интенсивного использования сильно истощены — почти повсюду в них ощущается большой недостаток азота, фосфора и калия. Вместе с тем страна имеет значительный резерв для расширения пахотного фонда. Так, площадь пахотнопригодных целинных земель оценивается примерно в 102 млн. га. Следовательно, при осуществлении определенных мероприятий, требующих больших капитальных вложений, пахотные земли страны могут быть увеличены вдвое.

Среди продовольственных культур различные виды зерновых по своему значению занимают неодинаковое место.

³ В развивающихся странах Азии и Северной Африки на зерно приходится $\frac{2}{3}$ — $\frac{3}{4}$ и более всех калорий («Народы Азии и Африки», 1967, № 1, стр. 31).

Важнейшей продовольственной культурой в Китае является рис. Его удельный вес в валовом сборе всех зерновых культур составляет примерно 45 процентов.

Вторая по значению зерновая культура — пшеница, важный продукт питания главным образом для населения северной и центральной частей страны.

Кроме риса и пшеницы, большим разнообразием видов и сортов представлены другие зерновые культуры: кукуруза, гаолян, ячмень, просо, овес, рожь и гречиха, которые китайская статистика относит к группе так называемых прочих зерновых. Основное место в этой группе занимает кукуруза. По урожайности она уступает только рису, но стоит впереди остальных зерновых культур.

В рационе питания населения многих провинций батат и картофель⁴ (особенно первый) играют значительную роль.

География производства зерна обширна. Практически зерновые выращиваются по всей территории страны. Однако производство основной массы зерна сосредоточено главным образом в восточной части Китая. Западная, малонаселенная часть занимает пока небольшое место в валовом сборе зерна.

Наличие в целом благоприятных почвенно-климатических условий, большого разнообразия видов и сортов зерновых культур создают в перспективе возможности (при соответствующих условиях) для более рационального размещения зернового хозяйства и увеличения производства зерна в стране.

* * *

Экономическую жизнь КНР можно разделить на два сравнительно больших этапа. По своим задачам, формам и методам экономического строительства в стране эти два этапа коренным образом отличаются друг от друга. Первый из них — с момента образования КНР до конца завершения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства (1949—1957 гг.) — примечателен тем, что в этот период были заложены основы нового социалистического строя и китайский народ приступил к плановому строительству экономики. Второй этап (с 1958 года по настоящее время) включает «большой скачок», период «урегулирования» экономики и «культурную революцию». Для этого этапа характерны отход от планового экономического строительства, преобладание авантюристических, волюнтаристских, националистических тенденций в экономической политике КНР, что не могло не оказать отрицательного влияния на решение зерновой проблемы в стране.

Начало первого этапа характеризовалось низким уровнем производства зерна. В 1949 году в стране было собрано всего 108,1 млн. т зерна, или на 22,1 процента меньше, чем в 1936 году (год максимального производства зерновых в старом Китае; в этом году урожай зерна достиг 138,7 млн. т). В 1949 году производство зерна в расчете на душу населения составило только 200 кг вместо 277 кг в 1936 году.

Главная задача зернового хозяйства в первые годы после провозглашения КНР состояла в том, чтобы восстановить производство зерна до довоенного максимального уровня. Успешное осуществление аграрной реформы (300 млн. безземельных и малоземельных крестьян получили от государства безвозмездно около 47 млн. га помещичьей земли) сы-

⁴ Эти клубнеплоды китайская статистика включает в зерновые культуры в пересчете на зерно по соотношению: 4 кг батата и картофеля за 1 кг зерна.

грало решающую роль в восстановлении зернового производства: в 1952 году валовой сбор зерна возрос до 154,4 млн. т, или на 42,8 процента больше по сравнению с 1949 годом. Такого роста удалось достигнуть в результате повышения урожайности зерновых (с 10,6 центнера с га в 1949 г. до 13,8 центнера с га в 1952 г.) и расширения посевной площади под ними (посевы зерновых увеличились почти на 9 млн. га и достигли к концу восстановительного периода 112,3 млн. га). В 1952 году производство зерна на душу населения составило 268,5 килограмма.

В период первой пятилетки закладывались основы для развития зернового производства, которое оставалось главным звеном в сельском хозяйстве Китая. В резолюции VIII съезда КПК от 27 сентября 1956 года подчеркивалось, что «производство зерна является основой сельского хозяйства, а поэтому его необходимо развешивать в первую очередь»⁵. Первым пятилетним планом развития народного хозяйства намечалось в 1957 году произвести 181,5 млн. т зерна, или на 17,3 процента больше по сравнению с 1952 годом. Темпы прироста производства зерновых были намечены сравнительно невысокие (3,25 процента в среднем в год), но они обеспечивали увеличение производства зерна на душу населения.

Однако уже первые годы пятилетки показали, что выполнение намеченных заданий в области зернового хозяйства находится под угрозой срыва. В 1954 году должно было быть собрано по плану 164,6 млн. т зерновых, а фактически собрали 160,4 млн. т. В 1955—1957 годах были предприняты срочные меры: увеличены государственные ассигнования на ирригационное строительство, а также поставки деревне минеральных удобрений, сельскохозяйственных орудий, инвентаря и ядохимикатов; повышены закупочные цены на зерно и так далее. За пятилетие площадь орошаемых полей увеличилась на 14 млн. га и достигла к концу пятилетки примерно 35 млн. га. За это время было освоено 5,5 млн. га целинных земель (из них около 4 млн. га с 1955 г.), сельское хозяйство получило большое количество новых сельскохозяйственных орудий.

Осуществление указанных мероприятий дало положительные результаты. По данным китайской статистики, в 1957 году в стране было собрано 185 млн. т зерна, или на 19,8 процента больше, чем в 1952 году. Пятилетний план по валовому сбору зерновых был выполнен на 101,9 процента. Однако задание пятилетнего плана по урожайности не было выполнено как в целом по зерновым, так и по отдельным культурам. Недовыполнение плановых заданий по сбору зерна за счет повышения урожайности в значительной степени было компенсировано расширением посевов под зерновыми. В 1957 году под этими культурами было занято 120,9 млн. га вместо 114,9 млн. га, намеченных по плану.

В первой пятилетке темпы прироста зернового производства несколько опережали темпы прироста населения, они составляли в среднем в год соответственно 3,7 процента и 2,4 процента. К концу пятилетки в среднем на одного человека в КНР производилось 286 кг, или на 17,5 кг больше, чем в 1952 году.

Однако достигнутые объемы производства зерна лишь смягчили остроту продовольственной проблемы в стране. Уровень производства зерновых не удовлетворял быстро растущие потребности населения в зерне, не давал возможности выделить необходимое его количество для нужд животноводства.

В конце первой пятилетки в Китае был разработан 12-летний план развития сельского хозяйства на 1956—1967 годы, который предусма-

⁵ «Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая», т. I. Пекин, ИЛ, 1956, стр. 119.

тривал более быстрые темпы развития зернового хозяйства по сравнению с первым пятилетним планом.

Главная задача этой программы заключалась в том, чтобы на базе продолжающегося постепенного кооперирования сельского хозяйства поднять производство сельскохозяйственной продукции — в первую очередь зерновых культур. В предложениях VIII Всекитайского съезда КПК (сентябрь 1956 г.) по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства (1958—1962 гг.) подчеркивалось: «За вторую пятилетку необходимо в первую очередь обеспечить рост производства зерна, чтобы дать толчок развитию сельского хозяйства в целом»⁶.

В соответствии с контрольными цифрами второго пятилетнего плана валовой сбор зерновых в 1962 году должен был увеличиться до 250 млн. т, или более чем на 35 процентов по сравнению с 1957 годом. К концу третьей пятилетки (1967 г.) предусматривалось, например, путем повышения урожайности и расширения посевных площадей поднять производство зерна против плана на 1962 год на 44—50 процентов и довести его до 360—375 млн. т⁷, то есть превзойти уровень 1957 года в два раза.

Однако этим планам не суждено было осуществиться. Поворот во внутриэкономической и внешней политике китайского руководства, отход от экономического сотрудничества с социалистическими странами, создание «народных коммун» в годы «большого скачка», нарушение принципов социалистического хозяйствования, ряд крупных ошибок, допущенных в руководстве сельским хозяйством, в том числе ликвидация приусадебных участков, привели к дезорганизации сельскохозяйственного производства.

Непонимание пекинским руководством нужд сельского хозяйства особенно проявилось в ошибочных установках по развитию земледелия в современных условиях — установках о сокращении пахотных площадей до одной трети существующих, о глубокой вспашке и загущенном севе в той интерпретации, которая имела место в Китае, об отвлечении значительного количества рабочей силы из сельского хозяйства на строительство в промышленность, на мелиоративные работы и так далее.

В принятом под давлением Мао Цзэ-дуна и его группы решении VI пленума ЦК КПК восьмого созыва (1958 г.) указывалось: «В области сельскохозяйственного производства... необходимо постепенно переходить к глубокой вспашке и тщательной обработке, чтобы, засевая меньшую площадь, собирать большие урожан... Необходимо добиваться того, чтобы в течение ряда лет в соответствии с местными условиями занятая сейчас под сельскохозяйственными культурами пахотная площадь постепенно была сокращена, скажем, примерно до одной трети...»⁸ Эти установки нанесли большой вред зерновому производству. Так, уже в 1959 году посевная площадь под зерновыми была значительно сокращена по сравнению с 1957 годом.

В области сельского хозяйства период «большого скачка» характеризуется резким падением производства всей сельскохозяйственной продукции, особенно зерна: в 1959 году оно сократилось до 170—175 млн. т, а в 1960 году — до 160 млн. т, то есть упало примерно до уровня 1954 года. Значительное снижение урожая зерна за такой короткий период

⁶ «Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая», М., Госполитиздат, 1956, стр. 246.

⁷ «Основные положения плана развития сельского хозяйства КНР на 1956—1967 гг.», Пекин, Изд-во литературы на иностранных языках, 1960.

⁸ «Материалы VI Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Китая восьмого созыва», Пекин, Изд-во литературы на иностранных языках, 1959, стр. 30—31.

создало в стране крайне тяжелую ситуацию с продовольствием, с обеспечением населения основными продуктами питания по установленным нормам.

В 1960—1961 годах продовольственное положение в стране было угрожающим. Население получало лишь часть установленного ранее зернового пайка. Нередко зерно в значительной части заменялось бататом, картофелем, зерновыми отходами, даже отрубями. В 1960 году были введены низкие нормы на мясо и мясoproductы, сахар, а затем и на овощи. Особенно тяжелое положение с продуктами питания было в деревне. Во многих районах весной, когда запасы зерна и другого продовольствия истощались, крестьяне, чтобы не умереть от голода, вынуждены были питаться съедобными корнями растений, дикорастущими травами и молодой листвой. В ряде мест наблюдался настоящий голод, от которого умерли десятки и сотни тысяч людей.

Практика «народных коммун» (по размерам они соответствовали волости и являлись одновременно низшим органом государственной власти и хозяйственной единицей в деревне, в рамках которых сочетались промышленность, сельское хозяйство, торговля, просвещение и военное дело) показала несостоятельность в условиях Китая этих гигантских по своим масштабам хозяйств. Попытка пекинского руководства резко поднять сельскохозяйственное производство за счет лишь одного энтузиазма крестьянских масс при наличии крайне слабой материально-технической базы сельского хозяйства провалилась.

Китаю потребовалось пять лет, чтобы восстановить в целом сельскохозяйственное производство до уровня конца первой пятилетки.

В соответствии с курсом на так называемое «урегулирование, укрепление, пополнение и повышение», принятым в январе 1961 года IX пленумом ЦК КПК, приоритет во внутрихозяйственной политике отдавался сельскому хозяйству. В период проведения этого курса (1961—1965 гг.) ЦК КПК принял ряд важных решений, осуществление которых сыграло положительную роль в развитии сельского хозяйства.

Реорганизация «народных коммун», в результате которой основной хозяйственной единицей в деревне стала производственная бригада (в некоторых «народных коммунах» — большая производственная бригада), возвращение крестьянам приусадебных участков, использование основной массы рабочей силы непосредственно на сельскохозяйственных работах, частичный возврат к принципу материальной заинтересованности и другие меры позволили восстановить зерновое производство. К концу периода «урегулирования» в стране было собрано примерно 185 млн. т. зерновых.

По мере увеличения производства сельскохозяйственной продукции улучшалось снабжение населения зерном и другими продуктами питания. В 1965—1966 годах в городах в нормированном снабжении возросла доля риса и пшеницы. Расширилась торговля мясом и мясoproductами, домашней птицей, яйцами, сахаром и овощами. Нормированное снабжение этими продуктами было отменено. Нормы сохранились только на зерно и растительное масло. Созданные на селе в период «большого скачка» так называемые общественные столовые во многих местностях были ликвидированы. Снабжение сельского населения зерном стало осуществляться в основном в соответствии с дифференцированными нормами для работающих и членов их семей.

После провала политики «большого скачка» и в связи с тяжелым продовольственным положением в стране государство вынуждено было, начиная с 1961 года, прибегнуть к большим закупкам зерна за границей, превратившись в крупного его импортера. За период с 1961 года по

1965 год ежегодно Китай импортировал в среднем 5,5 млн. т зерна (главным образом пшеницы) стоимостью 300—350 млн. ам. долларов.

Импорт зерна лишь несколько смягчил остроту проблемы снабжения зернопродуктами населения крупных городов по установленным нормам и немного увеличил скудные государственные зерновые резервы. Он составлял только одну пятую часть того дополнительного количества зерна, которое было необходимо Китаю, чтобы выйти на уровень 1957 года по производству зерновых в расчете на душу населения.

Таким образом, в конце периода «урегулирования», несмотря на некоторое улучшение продовольственного положения в стране, оно оставалось напряженным. Вместе с тем частичный отход китайского руководства от волюнтаризма в руководстве экономикой, в том числе сельским хозяйством, создавал определенные возможности для осуществления радикальных мер по более быстрому развитию в последующие годы зернового производства.

Однако развернувшаяся в 1966 году в стране политическая кампания, получившая название «великой пролетарской культурной революции», усугубила и без того тяжелое положение в экономике, созданное политикой «большого скачка», оказала отрицательное влияние на темпы развития сельского хозяйства, затормозила зерновое производство. В 1967—1968 годах, особенно после разгрома провинциальных, окружных и уездных партийных и государственных органов, была нарушена взаимосвязь между производственной деятельностью и управленческим аппаратом производственных бригад и «народных коммун», ослабла трудовая дисциплина и упала производственная активность крестьян, игнорировалась необходимость обеспечения сельского хозяйства материальными ресурсами. Руководители производственных бригад и «народных коммун» из-за преследований в период «культурной революции» — проявляли пассивность в работе, нежелание брать на себя ответственность. В отдельных районах нередко наблюдались случаи, когда крестьяне отказывались работать в коллективных хозяйствах и большую часть времени трудились на своих приусадебных участках.

Маоистское руководство, провозгласив в развитии экономики страны курс «опоры на собственные силы», сократило, а затем почти полностью прекратило оказывать материальную и финансовую помощь деревне. В результате чего и без того слабые коллективные хозяйства вынуждены были рассчитывать только на свои внутренние ресурсы.

В период «культурной революции» во многих районах прекратились работы по ремонту и строительству оросительных и дренажных сооружений, по сбору органических удобрений, снизились поставки в деревню минеральных удобрений, сельскохозяйственных машин, орудий и инвентаря, ирригационного оборудования. Это не могло, естественно, не сказаться на эффективности борьбы со стихийными бедствиями, а следовательно, на урожаях зерновых культур.

Так, например, в 1968 году серьезные наводнения и засуха имели место в 20 провинциях и автономных районах страны. Примерно 50 процентов всех рисосеющих районов и столько же провинций, являющихся важными зонами производства пшеницы, было охвачено засухой или наводнениями, а некоторые тем и другим в течение года. В этот период китайская печать отмечала, что эти стихийные бедствия создали большие трудности для весеннего и летнего сева, оказали отрицательное влияние на рост сельскохозяйственных культур⁹.

⁹ «Жэньминь жибао», 17.VII.1968 г.

Урожай зерновых в 1968 году оценивается в размере примерно 190 млн. т. или всего на 2,7 процента больше по сравнению с концом первой пятилетки. Крайне медленные темпы роста производства зерна в годы «культурной революции» при непрекращающемся увеличении численности населения привели к тому, что производство зерна в расчете на душу населения не увеличилось, а резко сократилось: с 286 кг в 1957 году до 250 кг в 1968 году. Это значительно обострило продовольственное положение в стране.

В годы «культурной революции» было введено более жесткое нормированное снабжение населения зерном и зернопродуктами, растительными маслами и другими продуктами питания. В конце 1968 года были уменьшены нормы на зерно рабочим, служащим и членам их семей. Неоднократное снижение зерновых пайков привело к тому, что в 1968 году по сравнению с 1955 годом (в этом году были установлены во всех городах нормы снабжения населения зерном и зернопродуктами) потребление зерна рабочими, занятыми на тяжелых работах, сократилось на 25—32 процента, а остальными рабочими и служащими — на 14—31 процент. Усугубилось продовольственное положение в деревне, где зерновые распределялись в соответствии с так называемыми «гарантированными» нормами, то есть практически уравнилельно. Эти низкие пайки также были сильно урезаны.

Обострившееся продовольственное положение в стране, естественно, не могло не вызвать беспокойство у китайского руководства. В 1969—1971 годах оно вынуждено было предпринять ряд серьезных мер по подъему сельскохозяйственного и в первую очередь зернового производства, в частности были расширены посевные площади под зерновыми, главным образом высокоурожайными культурами — рисом, кукурузой и бататом. По сообщению китайской печати, посевные площади под ранним рисом, который является наиболее урожайной культурой, увеличились в 1971 году на 1,8 млн. га по сравнению с 1970 годом¹⁰.

В этот период значительно возросли масштабы ирригационного строительства; увеличились поставки в деревню минеральных удобрений и ядохимикатов как в результате роста их производства, так и увеличения ввоза из-за границы. С ускорением развития местной промышленности улучшилось снабжение деревни простейшими сельскохозяйственными орудиями и инвентарем, ирригационным оборудованием. Наряду с этим предпринимались некоторые меры, направленные на повышение заинтересованности крестьян в развитии коллективных хозяйств. В 1970 году, например, во многих производственных бригадах и «народных коммунах» при распределении доходов среди членов «коммун» так или иначе учитывалось количество и качество затрат труда крестьян. Политический фактор (отношение к «идеям Мао» и их активная пропаганда) хотя и продолжал также учитываться, но в ряде районов этот учет носил номинальный характер.

Изменилось отношение к приусадебным участкам и подсобным промыслам крестьян. Стало поощряться развитие их личных хозяйств. С 1968 года китайское руководство, как следует из сообщений пекинской печати, придерживалось политики сохранения приусадебных участков у крестьян, в то время как в годы «культурной революции» в некоторых районах предпринимались попытки вернуть эти участки в коллективную собственность.

Осуществление указанных выше и других мероприятий по подъему сельскохозяйственного производства плюс благоприятные погодные усло-

¹⁰ «Жэньминь жибао», 29.VIII.1971 г.

вия, имевшие место в 1969—1970 годах, позволили увеличить валовые сборы зерновых культур в 1970 году до 210 млн. т, а в 1971 году — до 215 млн. т¹¹, превысив объем производства зерна в 1965 году (уровень 1957 г.) соответственно на 13,5 и 16,2 процента.

В начале 1972 года китайская печать впервые за последние одиннадцать лет опубликовала данные об урожае зерновых в стране (после провала политики «большого скачка» в Китае не публиковались данные, характеризующие развитие сельского хозяйства). По сообщению газеты «Жэньминь жибао» (1 января 1972 г.), в 1971 году в Китае было собрано 246 млн. т зерна, или на 33 процента больше по сравнению с 1957 годом. Такая оценка сбора зерновых вызывает большие сомнения и, видимо, носит чисто пропагандистский характер. Она (эта оценка) не соответствует реальной обстановке с производством зерна и продовольственному положению в стране.

Во-первых, за указанный выше период не наблюдалось большого расширения посевных площадей под зерновыми культурами. Во-вторых, осуществляемые мероприятия, направленные на повышение урожайности этих культур, не могут обеспечить резкого скачка в этой области. Дело в том, что в настоящее время орошаемые площади под зерновыми лишь незначительно превысили уровень 1957 года и незначительно повысилась эффективность орошения. В Китае на $\frac{9}{10}$ имеющихся орошаемых площадях используются мелкие и средние ирригационные сооружения, требующие ежегодно большого ремонта. Несмотря на рост производства и импорта химических удобрений, применение их для подкормки зерновых еще далеко отстает от научно обоснованных норм. Кроме того, качество химических удобрений невысокое, поскольку около 60 процентов объема их производства приходится на отсталую местную промышленность. Не произошло существенных изменений и в качестве обработки земли. По признанию китайской печати, в сельском хозяйстве по-прежнему господствует ручной труд. Так, газета «Жэньминь жибао» отмечала: «В условиях, когда наше сельскохозяйственное производство еще опирается главным образом на ручной труд, развитие сельского хозяйства ограничивается определенными рамками»¹².

В-третьих, в стране продолжает сохраняться напряженное положение с продовольствием. Зерно и зернопродукты выдаются населению строго по установленным нормам. Китай продолжает ежегодно импортировать из капиталистических стран значительное количество зерна, о чем свидетельствуют следующие данные:

Импорт КНР пшеницы в 1966—1970 годах¹³

(млн. т)

Страна	1966 г.	1967 г.	1968 г.	1969 г.	1970 г.*
Австралия	1,5	3,0	1,5	2,2	2,2
Канада	2,7	1,2	2,2	2,0	1,8
Франция	0,1	—	0,5	0,3	0,5
Аргентина	1,3	—	—	—	—
Итого:	5,6	4,2	4,2	4,5	4,5

* Оценка на базе контрактов, подписанных в 1969 г.

¹¹ Оценка.¹² «Жэньминь жибао», 17.IX.1971 г.¹³ «Current scene», 7 October, 1970.

Подводя итоги развитию зернового производства в Китае за истекшие 22 года после образования КНР, следует отметить, что китайские крестьяне добились определенных успехов в производстве зерна. Так, по оценке, валовые сборы зерновых за этот период увеличились на 107 млн. т, или почти в два раза, а производство зерна в расчете на душу населения повысилось с 200,0 кг в 1949 году до 269,8 кг в 1971 году. Эти успехи могли бы быть большими, если бы экономика страны в последние пятнадцать лет развивалась в соответствии с планами, разработанными в годы первой пятилетки.

Сравнительно низкие темпы роста валовых сборов зерновых при непрекращающемся увеличении численности населения приводят к тому, что производство зерна в Китае в расчете на душу населения продолжает находиться на низком уровне.

Производство зерна в КНР на 1 человека

	Год				1971 г. к 1949 г. (в %)	1971 г. к 1957 г. (в %)
	1949	1957	1965	1971		
Население (млн. чел.)	547,0	647,0	729,0	797,0	145,7	123,2
Сбор зерновых (млн. т)	108,1	185,0	185,0	215,0	198,8	115,7
Производство зерна на душу населения (кг)	200,0	285,9	250,3	269,8	134,9	94,4

Примечание. Население 1949 г. и 1957 г. — официальные данные, исключая население о. Тайвань; 1965 г. и 1971 г. — расчет на основе данных 1957 г. при принятом ежегодном минимальном приросте населения в 1,5%.

Данные таблицы наглядно показывают, какие отрицательные последствия в годы после первой пятилетки имел для зернового производства отход китайского руководства от социалистических принципов хозяйствования.

За 1949—1957 годы валовой сбор зерна увеличился более чем на 70 процентов (ежегодный прирост составлял около 7%). В последующий, более длительный период (14 лет) Китай сумел поднять сборы зерновых всего лишь на 16 процентов (ежегодный прирост упал до 1,1%). В результате этого в начале 70-х годов по производству зерна в расчете на душу населения страна оказалась отброшенной на двадцать лет назад — на уровень 1952 года, когда на душу населения производилось 268 килограммов. По этому показателю Китай значительно отстает от социалистических стран — членов СЭВ. В 1968 году, например, в этих странах производство зерна на душу населения составило в среднем 652 кг, в том числе в Венгрии — 821, в СССР — 666, в Румынии — 658, в Болгарии — 625, в Польше — 551, в Чехословакии — 515 и в ГДР — 457 кг¹⁴.

По валовому сбору зерновых и производству зерна в расчете на душу населения Китай еще далек от показателей, намеченных в планах развития сельского хозяйства на вторую (1958—1962 гг.) и третью (1963—1967 гг.) пятилетки. Как мы уже отмечали, производство зерна в конце второй пятилетки должно было увеличиться до 250 млн. т, а в конце третьей — до 360—375 млн. т. В 1967 году, например, предпо-

¹⁴ «Международный сельскохозяйственный журнал», 1971, № 4, стр. 22.

давалось довести подушевое производство зерна до 500 кг. Однако даже в прошлом году это задание было выполнено всего лишь на 54 процента (269,8 кг).

Уровень зернового производства в наши дни далеко еще не удовлетворяет растущие потребности страны в зерне. Слабое развитие материально-технической базы, этой главной отрасли сельского хозяйства, сдерживает ее рост, что вынуждена признать и китайская печать. Так, в мае прошлого года газета «Жэньминь жибао» отмечала, что «средне-душевое производство зерна в стране невысокое, уровень механизации сравнительно низкий, задачи ирригационного строительства еще очень велики»¹⁵.

Может ли Китай решить в основном зерновую проблему, то есть довести производство зерна в расчете на душу населения до 750 кг в год? ¹⁶ С точки зрения природно-климатических возможностей страна располагает для этого необходимыми ресурсами, которые сейчас используются только частично. Например, в стране насчитывается более 100 млн. га пахотнопригодных целинных земель, освоение которых позволяет удвоить имеющийся пахотный фонд в стране.

Однако эти ресурсы не могут быть в значительной степени освоены с помощью примитивной сельскохозяйственной техники. Масштабы и темпы вовлечения этих ресурсов в хозяйственный оборот будут находиться в зависимости от развития тяжелой промышленности, ее способности обеспечить сельскохозяйственное производство в достаточном количестве ирригационным оборудованием, современными сельскохозяйственными машинами, а также химическими удобрениями. Только мощная материально-техническая база сельского хозяйства может создать условия для значительного увеличения в перспективе производства зерна. Общая экономическая отсталость страны и авантюристическая политика маоистского руководства сдерживают выполнение этой задачи.

Если бы Китай после первой пятилетки продолжал развиваться на плановых социалистических началах, то в настоящее время уровень производства зерна значительно превышал бы достигнутый как по валовому сбору, так и по производству на душу населения. Так, при среднем ежегодном темпе прироста в 4 процента, то есть примерно на уровне первой пятилетки, урожай зерновых в текущем году мог бы увеличиться до 320 млн. т, а при приросте в 6 процентов (планировался в годы второй пятилетки) — примерно до 418 млн. т. В этих случаях производство зерна в расчете на душу населения составило бы соответственно 396 кг и 517 кг.

Такой уровень зернового производства значительно смягчил бы остроту продовольственной проблемы, позволил улучшить снабжение населения зерном и зернопродуктами, увеличил бы государственные зерновые резервы и вывоз зерна за границу в обмен на необходимые промышленные товары. Достижение указанных выше объемов производства зерна улучшило бы также кормовую базу животноводства и ускорило развитие этой важной отрасли сельского хозяйства.

В настоящее время в Китае наблюдается большой разрыв между минимальной научно обоснованной и существующей нормами потребления продовольствия, то есть продовольственный фонд для обеспечения населения значительно ниже минимально необходимого.

¹⁵ «Жэньминь жибао», 5.V.1971 г.

¹⁶ По расчетам китайских экономистов, достижение такого производства зерна в расчете на душу населения позволяет в основном решить зерновую проблему в стране («Основные положения плана развития сельского хозяйства КНР на 1956—1967 гг.», Пекин, ИЛ, 1960, стр. 49).

Тяжелое продовольственное положение в Китае является следствием внутренней и внешней политики, осуществляемой группой Мао Цзэ-дуна. Нынешний курс, проводимый руководителями КПК, ставит под угрозу социалистические завоевания китайского народа.

Пронсходящая в настоящее время в Китае борьба за упрочение власти военно-бюрократической диктатуры группы Мао Цзэ-дуна, а также борьба за власть в самой этой группе все дальше отодвигают решение жизненно важных задач, связанных с общественным производством и улучшением материального положения китайских трудящихся.

В огромной стране с ее благоприятными в целом климатическими условиями, позволяющими во многих районах собирать по два и более урожаев зерновых в год, сложилось такое положение, когда большая часть населения, занятого в сельском хозяйстве, не только не может в достаточной степени обеспечить зерном город, но и само вынуждено паходиться на полуголодном пайке.

Главную ставку в деле увеличения производства сельскохозяйственной продукции маоисты делают на использование огромного сельского населения страны. Как и в годы «большого скачка», маоисты пытаются добиться прироста производства сельскохозяйственной продукции путем увеличения абсолютной массы живого труда, оснащенного примитивными орудиями производства.

Анализ положения в зерновом хозяйстве Китая показывает, что возможности увеличения производства зерна за счет роста производительности труда на основе нынешнего уровня сельскохозяйственной техники очень ограничены. Осуществление курса «опоры на собственные силы» и создание натуральных хозяйств по типу Дачжайской большой производственной бригады, применение принудительных методов в руководстве сельским хозяйством, отрицание экономических стимулов в повышении производительности труда будут и дальше усугублять трудности развития зернового хозяйства. Оно будет развиваться медленными темпами. При этом не исключено, что в отдельные годы исключительно благоприятные погодные условия могут несколько ускорить рост производства зерна.

Решение основной задачи в области зернового производства в Китае на данном этапе развития — увеличение валовых сборов зерна — требует в первую очередь осуществления с помощью государства ряда крупных мероприятий по подъему производительных сил китайской деревни, расширения и укрепления материально-технической базы сельского хозяйства.

Путь развития сельскохозяйственного производства, который избран маоистской группировкой, не может обеспечить быстрое развитие зернового хозяйства, отодвигает на неопределенное время решение одной из главных задач страны — продовольственной проблемы.

Путь к воссоединению Кореи и его противники

Ю. И. Огнев

Среди важнейших проблем Дальнего Востока, ждущих своего разрешения, продолжает оставаться проблема ликвидации напряженности на Корейском полуострове, где вот уже более двадцати лет идет напряженная борьба корейского народа за восстановление своего национального единства против вмешательства Соединенных Штатов в его внутренние дела. От решения этой проблемы во многом зависит развитие в будущем общей международной обстановки на востоке Азиатского континента.

Трудовая партия Кореи и правительство Корейской Народно-Демократической Республики видят и реалистично оценивают всю сложность обстановки, создавшейся в Корее, и, учитывая ее, выдвигают наиболее конструктивные предложения, реализация которых могла бы способствовать созданию необходимых условий для ослабления напряженности на Корейском полуострове, обеспечения реальных путей мирного воссоединения страны. Эти предложения отражают сокровенные чаяния 40-миллионного корейского народа.

В концентрированном виде они в последний раз были сформулированы в интервью Генерального секретаря ТПК Ким Ир Сена от 10 января 1972 года корреспонденту японской газеты «Номури». В этом интервью подчеркивается, что «для того, чтобы ликвидировать напряженность в Корее, необходимо заменить соглашение о перемирии в Корее договором о мире...». «Мы настаиваем на заключении договора о мире между Югом и Севером Кореи,— заявил Генеральный секретарь ТПК Ким Ир Сен,— а затем, при условии вывода из Южной Кореи агрессивных войск США, на значительном сокращении вооруженных сил Северной и Южной Кореи... Мы выступаем за проведение политического консультативного совещания между Севером и Югом Кореи в целях развития контактов и связей между двумя частями страны и решение вопросов об объединении родины»¹.

Развернутая программа воссоединения Кореи была выработана сессией Верховного народного собрания КНДР, состоявшейся в апреле 1971 года. Она обобщает многочисленные предложения, выдвигавшиеся со стороны КНДР со времени освобождения страны от колониального

¹ «Нодон синмун», 15.1.1972 г.

ига, с учетом обстановки, сложившейся в Корее на данный исторический момент. В этой программе, состоящей из восьми пунктов, предусматриваются различные возможные варианты решения проблемы с учетом объективной обстановки. Правительство КНДР считает, что наиболее реалистичный путь объединения страны — проведение всеобщих свободных выборов по всей Корее и создание единого центрального правительства Кореи (пункт четвертый программы). В целях проведения абсолютно свободных выборов в демократичной обстановке правительство КНДР считает необходимым устранить все то, что могло хотя бы в малейшей степени ущемить независимое волеизъявление народа. Первым шагом для достижения этой цели должен быть вывод американских войск из Южной Кореи, присутствие которых, как известно, является главной причиной национального раскола Кореи и постоянной напряженности на Корейском полуострове (пункт первый). Ведь вопреки соглашению о перемирии Соединенные Штаты до сих пор сохраняют свои войска и военные базы в Южной Корее и с их помощью держат эту часть Корейского полуострова под своим военно-политическим контролем, грубо попирая священное право корейского народа быть хозяином в своем доме. Как справедливо отмечается в решениях сессии, «в условиях пребывания иностранных войск нельзя ожидать подлинного мира и невозможно свободное, справедливое волеизъявление народа»².

После вывода американских войск правительство КНДР предлагает в целях устранения военного противоборства между Севером и Югом демилитаризовать Корейский полуостров, сократив численность войск Юга и Севера Кореи до 100 тыс. человек и менее, а также предпринять меры к тому, «чтобы были прекращены провокации против Севера» (пункт второй). Вполне понятно, что эти мероприятия облегчили бы бремя военных расходов всего корейского народа, создали бы атмосферу доверия между Южной и Северной Кореей и послужили гарантией сохранения прочного мира в стране.

Правительство КНДР считает также необходимым аннулирование договоров, заключенных Ли Сын Маном и Пак Чжон Хи с Соединенными Штатами и Японией (пункт третий). Эти неравноправные договоры предусматривают экономическую и военно-политическую зависимость южнокорейского режима от США и Японии, ущемляют суверенитет КНДР и идут вразрез с интересами всего корейского народа. Таким образом предусматривается устранить вмешательство внешних сил во внутренние дела Кореи.

Помимо преград, которые воздвигаются на пути объединения Кореи вмешательством внешних сил, существуют еще серьезные препятствия, связанные с внутривнутриполитической обстановкой в Южной Корее. Как известно, на Юге Кореи запрещена деятельность всех прогрессивных партий и общественных организаций. Патриотические и демократические силы подвергаются жестоким репрессиям. Поэтому для обеспечения свободных всеобщих выборов правительство КНДР предлагает на Юге и Севере Кореи обеспечить свободу деятельности различных политических партий, общественных организаций и отдельных лиц, а также освободить в Южной Корее всех политзаключенных (пункт пятый). «Независимо от принадлежности к политическим партиям и различий в политических убеждениях, от имущественного и образовательного ценза, вероисповедания и пола, — говорилось в связи с этим на сессии ВНС, —

² «Минчжу Чосон», 13.IV.1971 г. Доклад министра иностранных дел КНДР Хо Дама на сессии ВНС КНДР.

все граждане должны на равных правах пользоваться активным и пассивным избирательным правом по всей Корее»³.

Правительство Корейской Народно-Демократической Республики реально учитывает, что проведение этих мер возможно лишь в обстановке взаимного доверия между Севером и Югом, для создания которой потребуется время. В связи с этим выдвигаемая им программа объединения предусматривает также осуществление постепенных, переходных мер. В частности, если южнокорейские власти не в состоянии будут сразу избрать наиболее прямой путь к воссоединению — проведение всеобщих выборов и создание единого демократического правительства, ВНС КНДР предлагает на первом этапе введение конфедеративной системы. Имеется в виду при сохранении существующих ныне социальных и правовых порядков в КНДР и Южной Корее образовать Верховный национальный комитет, призванный обеспечить сотрудничество между двумя частями Кореи в интересах единства всей нации (пункт шестой). Этот шаг мог бы быть приемлемым для тех, подчеркивалось на сессии ВНС КНДР, кто сейчас с определенным опасением относится к объединению ввиду различий в социальном строе на Севере и Юге страны. В случае же если южнокорейские власти сочтут невозможным пойти на создание общекорейской конфедерации, правительство КНДР предложило организовать Общекорейскую экономическую комиссию и начать с торгового обмена и экономического сотрудничества между двумя частями страны в целях восстановления единства нации в области экономического развития (пункт седьмой). Одновременно предлагаются меры по восстановлению связей между двумя частями Кореи в области культуры, спорта и так далее. Исходя из принципов элементарной гуманности, правительство КНДР считает необходимым предоставить гражданам, живущим на Юге и Севере Кореи, возможность общаться с друзьями и родственниками. Одновременно ВНС КНДР выразило готовность рассмотреть любые другие предложения и принять их, если только они будут реально способствовать объединению Кореи.

Для обсуждения конкретных вопросов объединения страны Верховное народное собрание КНДР призвало созвать в любое время и в любом месте политическое консультативное совещание представителей различных политических партий, общественных организаций и отдельных граждан Южной и Северной Кореи (пункт восьмой). «Наступила пора, — говорилось в документах сессии, — чтобы все корейцы, невзирая на различия в политических убеждениях и вероисповедании, сели за стол переговоров и решили вопрос о дальнейшей судьбе своей родины»⁴.

Генеральный секретарь ЦК ТПК, председатель кабинета министров КНДР Ким Ир Сен в своей речи 6 августа 1971 года разъяснил, что правительство КНДР готово вести переговоры по вопросам объединения страны с представителями различных политических сил Южной Кореи, в том числе и с представителями правящей так называемой Демократической республиканской партии. Такова позиция Трудовой партии Кореи и правительства КНДР по вопросу мирного объединения Кореи, одобренная верховным органом законодательной власти Корейской Народно-Демократической Республики.

* * *

Программа ТПК и правительства КНДР в вопросе объединения страны вызвала подъем демократического движения в Южной Корее, выступающего за контакты и переговоры с Севером. Она явилась уда-

³ «Минчжу Чосон», 13.IV.1971 г.

⁴ Там же.

ром по агрессивным замыслам империалистов США и сеульских милитаристов. Соединенные Штаты и, особенно, южнокорейские правители испытывают чувство страха перед мирной инициативой КНДР, так как она оказывает революционизирующее воздействие на обстановку в Южной Корее, способствует активизации борьбы прогрессивных сил против американского диктата, за единство и независимость страны. Не случайно сторонники мирного объединения объявляются в Южной Корее самыми опасными «антигосударственными преступниками».

Южнокорейским диктаторам и их американским покровителям памяты события, связанные с апрельским народным восстанием в 1960 году, когда движение народных масс Южной Кореи в поддержку предложений правительства КНДР о мирном объединении приняло особенно широкий размах. Демократические силы решительно выступили тогда за установление контактов и проведение переговоров между Севером и Югом. Правительству США пришлось изворачиваться и даже лицемерно признать справедливость требований корейского народа. Однако за этой словесной ширмой оно готовило удар по демократическим силам страны. Военная хунта, брошенная американцами на борьбу против демократических сил Южной Кореи, жестокими репрессиями, уничтожением десятков тысяч патриотов задушила в 1961 году демократическое движение за мирное воссоединение страны. Однако американской военщине и военно-диктаторскому режиму все же не удалось сломить волю народа. В Южной Корее растут настроения протеста против господства режима военных диктаторов, формируются патриотические, демократические силы, отстаивающие дело мира в Корее, выступающие за мирное объединение страны и демократизацию общества. Эти настроения охватывают широкие массы южнокорейского населения.

За единство Кореи выступают ныне и многие либеральные политические деятели Южной Кореи. Они предлагают, в частности, заключить соглашение между Югом и Севером о неприменении вооруженных сил друг против друга, установить почтовое сообщение, наладить обмен журналами, спортивные связи и другие прямые контакты неполитического характера⁵. Подобные шаги, по их мнению, будут стимулировать поиски путей установления в дальнейшем политических и экономических контактов. Одновременно они заявляют, что «иноземным агрессивным силам, какими бы они ни были, не следует пытаться использовать Корею в качестве театра военных действий»⁶. Подобные заявления отдельных южнокорейских политических деятелей положительно воспринимаются и поддерживаются правительством КНДР. На V сессии ВНС КНДР выступления политических деятелей Южной Кореи против войны, за мир в стране, против господства иноземных сил, за установление связей между Югом и Севером и мирное объединение были расценены как «замечательное явление», «дело, достойное похвалы»⁷.

Под давлением всенародного движения за объединение Кореи в сентябре 1971 года произошли первые официальные контакты между представителями общественности Юга и Севера страны. Состоялась договоренность между обществом Красного Креста Южной Кореи и обществом Красного Креста КНДР провести переговоры о совместной работе по розыску оторванных друг от друга членов семей и родственников. Правительство КНДР придало этим переговорам важное значение. В заявлении представителя МИД КНДР первые контакты между обществами Красного Креста Юга и Севера были расценены как значи-

⁵ «Минчжу Чосон», 13.IV.1971 г.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

тельное событие в жизни корейского народа. «Этим успехам, — говорилось в заявлении — радуется вся нация, ибо они целиком отвечают чаяниям всего народа Южной и Северной Кореи, который горячо желает покончить с расколом страны и скорее объединить родину».

Установление непосредственных официальных контактов между представителями общественности Юга и Севера Кореи было весьма благожелательно воспринято мировой общественностью. Всемирный Совет Мира в своем заявлении от 28 сентября 1971 года отметил, что он усматривает в переговорах между обществами Красного Креста Юга и Севера Кореи «важный шаг, который может способствовать мирному воссоединению Кореи самими корейцами». Что же касается программы восьми пунктов, выдвинутой КНДР, то Всемирный Совет Мира отметил, что она «обеспечивает прочную базу для вывода иностранных войск из Южной Кореи, мир и свободу для всех корейцев. Тем самым может быть устранена серьезная угроза международному миру и безопасности».

В ходе контактов между представителями обществ Красного Креста Юга и Севера Кореи со стороны КНДР были предприняты искренние усилия к тому, чтобы максимально расширить круг вопросов, касающихся установления контактов и связей между двумя частями страны. Совершенно по-иному отнеслись к этому южнокорейские власти. Не решаясь наложить запрет на переговоры, они стараются всячески ограничить полномочия южнокорейских представителей и сузить круг вопросов, подлежащих обсуждению. В связи с началом переговоров сеульские руководители выступили с призывами к общественности Южной Кореи «не возлагать надежд» на эти контакты и не допускать «хаоса» в стране.

Особую озабоченность южнокорейских властей вызвали настроения в пользу обсуждения проблемы мирного объединения, проявившиеся в Национальном собрании Южной Кореи, так как парламентские дискуссии по этому вопросу могли бы поставить южнокорейских правителей в весьма неблагоприятное положение. В связи с этим, выступая на пленарной сессии Национального собрания Южной Кореи 14 сентября 1971 года, южнокорейский премьер предупредил депутатов, что правительство не будет «поощрять дискуссии» по вопросу объединения Кореи, что для создания условий объединения надо «увеличить национальный потенциал». А поэтому «подходящим временем для дискуссии в парламенте по вопросу национального объединения будет начало 80-х годов». Из выступления премьера вполне определенно следовало, что под «национальным потенциалом» имеется в виду милитаризация страны, расширение внутреннего карательного аппарата и так далее.

Южнокорейские власти никогда не выдвигали каких-либо реалистических предложений по вопросу объединения Кореи. Создание единой независимой Кореи не входит в их планы, поэтому они стараются уходить от обсуждения различных предложений КНДР по вопросу объединения, прикрываясь, как правило, ссылками на «резолюции ООН», в которых содержатся требования, чтобы КНДР признала компетенцию ООН решать судьбу корейского народа.

Официальная позиция южнокорейских властей по корейскому вопросу, как она излагается в документах Организации Объединенных Наций, заключается в том, что объединение должно быть осуществлено путем проведения выборов по всей Корее «при пропорциональном представительстве корейского населения». При этом Организация Объединенных Наций в лице ее комиссии «должна осуществлять наблюдение и контроль за проведением национальных выборов», а «вооруженные силы ООН», то есть американские войска, которые незаконно используют

в Южной Корее флаг ООН, должны оставаться в Корее⁸. Планы южнокорейских властей и их американских покровителей строятся на том, что численность населения Южной Кореи почти в два раза превышает численность населения, проживающего в северной части Кореи. Путем так называемых «выборов» по принципу «пропорционального представительства» в условиях оккупации Юга американскими войсками и с помощью послушной Соединенным Штатам «Комиссии ООН» они рассчитывают добиться тех целей, которых они не смогли в свое время добиться военным путем.

* * *

Обсуждение так называемого «корейского вопроса» в Организации Объединенных Наций в связи с докладами «Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи», как известно, продолжается с 1950 года. Однако оно ни в коей мере не содействовало решению проблемы объединения Кореи. Наоборот, это обсуждение лишь препятствовало установлению мира и спокойствия в этом районе. Так называемая «Комиссия ООН» была создана в годы холодной войны и с тех пор находится на службе США и южнокорейского режима для оправдания присутствия американских войск в Южной Корее и сохранения раскола страны. В настоящее время она полностью скомпрометировала себя и из ее состава вышли Чили и Пакистан.

Предложения Соединенных Штатов и южнокорейских властей о проведении выборов в Корее под «наблюдением ООН» не могут быть предметом каких-либо дискуссий. Корейский народ знает, что могут из себя представлять подобные «выборы» по опыту проведения так называемых «выборов» в Южной Корее, где начиная с 1948 года народу с санкции «Комиссии ООН» навязываются марионеточные диктаторские режимы. Американским империалистам давно пора расстаться с замыслами легализовать марионеточный неокOLONиалистский режим в Южной Корее и от имени так называемой «Комиссии ООН» распространить его на всю Корею.

Проблема объединения Кореи является сугубо внутренним делом самого корейского народа. Поэтому Советский Союз и другие социалистические страны решительно выступают против обсуждения так называемого «корейского вопроса» в ООН. Вместе с тем, так же как и правительство КНДР, они считали и считают, что Организация Объединенных Наций может внести полезный вклад в создание необходимых благоприятных условий для мирного демократического решения корейской проблемы. Для этого необходимо принять меры к тому, чтобы заставить США вывести свои войска из Южной Кореи и ликвидировать «Комиссию ООН по объединению и восстановлению Кореи». Именно поэтому по инициативе Советского Союза и других социалистических стран вопросы «О выводе американских и всех других иностранных войск, оккупирующих под флагом ООН Южную Корею», и «Роспуск Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи» в последние годы включались в повестку дня каждой сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Систематические и настойчивые усилия представителей Советского Союза и других социалистических стран на сессиях и в период между

⁸ «Комиссия ООН по объединению и восстановлению Кореи» была создана под нажимом США в соответствии с резолюцией 376/V от 7.X.50 г. в связи с началом американской агрессии в Корее в составе Австралии, Нидерландов, Пакистана, Таиланда, Турции, Филиппин и Чили (документ ООН № 26/A/8026). Доклад «Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи».

сессиями Генеральной Ассамблеи ООН по разоблачению агрессивной сущности политики США в Корее и разъяснению миролюбивого конструктивного характера предложений Корейской Народно-Демократической Республики по вопросу объединения страны способствовали росту авторитета КНДР. С каждым годом все большее число представителей стран-членов ООН убеждается в том, что только после вывода всех иностранных войск из Южной Кореи будут созданы условия для проведения всекорейских выборов. Они присоединяются к поддержке проектов, выдвигаемых социалистическими странами. Делегаты США теперь лишь как приятное воспоминание приводят арифметику пятидесятих годов, когда против американских проектов в ООН выступали лишь пять делегаций, которыми были представлены в те годы социалистические страны.

В 1971 году представители социалистических и ряда афро-азиатских стран вновь предложили включить в повестку дня XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН вопросы о выводе иностранных войск и ликвидации так называемой «Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи», о приглашении представителя Корейской Народно-Демократической Республики для участия в обсуждении вопросов по Корее. Однако Соединенные Штаты и их южнокорейские марионетки, учитывая неблагоприятную для них обстановку, сложившуюся в ООН при обсуждении вопросов по Корее на прошлой, XXV сессии⁹, на этот раз предпочли уйти от их обсуждения. По предложению стран — союзников США, вопросы по Корее были сняты с повестки дня XXVI сессии и отложены до следующей сессии Генеральной Ассамблеи.

В своем выступлении на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН министр иностранных дел СССР А. А. Громыко заявил, что «...ООН должна перестать служить ширмой, прикрывающей иностранную оккупацию Южной Кореи. Эту цель преследуют поставленные перед Генеральной Ассамблеей рядом социалистических и неприсоединившихся государств предложения о выводе из Южной Кореи американских и всех других иностранных войск, о роспуске так называемой «комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи». Приходится только сожалеть, что рассмотрение этих вопросов, требующих неотложного решения, перенесено на следующую сессию Генеральной Ассамблеи. Такой подход никак не содействует разрядке напряженности в районе Кореи. Однако мы с удовлетворением отмечаем, что при обсуждении вопроса о том, включать ли в повестку дня текущей сессии Генеральной Ассамблеи пункты, касающиеся Кореи, около 30 стран выступили против неуклюжих маневров тех, кто боится широкого рассмотрения на сессии назревших вопросов о выводе иностранных войск из Южной Кореи и о роспуске так называемой комиссии ООН»¹⁰.

Позиция социалистических и афро-азиатских стран на XXVI сессии была полностью поддержана правительством КНДР в его заявлении от 12 сентября 1971 года. В этом заявлении указывалось, что правительство КНДР прилагает настоятельные усилия к тому, чтобы ведущиеся сейчас переговоры между представителями организаций Красного Креста Южной и Северной Кореи способствовали успешному разрешению выдвинутых вопросов и послужили началом дальнейших шагов по осуществлению мирного объединения страны. «В подобных условиях, — подчеркива-

⁹ На XXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН за проекты резолюций «О выводе американских и всех других иностранных войск, оккупирующих под флагом ООН Южную Корею» и «Роспуск «Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи» проголосовали 32 страны. Примерно такое же количество стран воздержалось.

¹⁰ «Правда», 29.IX.1971 г.

лось в заявлении, — ООН не должна больше вмешиваться во внутренние дела корейского народа — объединение Кореи. ООН следует положить конец обсуждению «корейского вопроса» по так называемым «докладам Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи», аннулировать все незаконные «резолюции» по «корейскому вопросу», навязанные в прошлом американским империализмом, принять меры к немедленному выводу из Южной Кореи войск США и роспуску «Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи». Правительство КНДР потребовало также, чтобы в случае обсуждения вопросов по Корее в ООН был приглашен представитель КНДР.

* * *

Конструктивная позиция правительства КНДР, его миролюбивые предложения по проблеме объединения ставят южнокорейских правителей-милитаристов в тупик, лишают их воинствующую антикоммунистическую аргументацию всяческой логики и здравого смысла. В последние годы южнокорейские власти, как известно, все реже и реже обращаются к ссылкам на «резолюции ООН» по корейскому вопросу и все больше и больше ратуют за военный путь решения проблемы. Эта тенденция нашла свое отражение даже в докладе «Комиссии ООН» на XXV сессии Генеральной Ассамблеи. В нем, в частности, было приведено высказывание южнокорейского президента Пак Чжон Хи на пресс-конференции 9 января 1970 года. Южная Корея, заявил он, «должна поддерживать абсолютное превосходство над Северной Кореей во всех аспектах, с тем чтобы с готовностью встретить любой подход к проблеме объединения — мирным путем или иным образом»¹¹.

О том, что означает «иной путь» объединения, говорит южнокорейский официоз, газета «Кореа таймс». «Наше горячее желание, — писала она в передовой статье 1 октября 1969 года, — состоит в том, чтобы мы в возможно кратчайший срок смогли освободить наших соотечественников из-под ига коммунистов. Задача вооруженных сил — разрешить трагедию нашей разделенной территории...»

Подобные заявления подкрепляются конкретными делами сеульских правителей. За последние годы Южная Корея стала одной из самых милитаризованных стран в Азии. Армия сеульского режима сейчас насчитывает около 700 тысяч человек. Создан, поспешно вооружается и проходит подготовку военный резерв в количестве 2,5 млн. человек. К югу от 38-й параллели по-прежнему находятся американские вооруженные силы. Южная Корея превращена в огромный военный лагерь, где все подчинено подготовке к войне.

Сеульская милитаристская клика является соучастником и послушным исполнителем авантюристических акций империалистов США, направленных против других народов Азии, борющихся за свою свободу и национальную независимость. 50-тысячная группировка южнокорейских войск приняла участие в агрессивной войне против вьетнамского народа и других народов Индокитайского полуострова. Лишь за пять лет войны во Вьетнаме Пентагон израсходовал миллиард долларов на оплату услуг южнокорейских наемников, прославившихся кровавыми преступлениями на вьетнамской земле.

Частичное сокращение американских оккупационных войск в Южной Корее (с 65 тыс. до 40 тыс. чел.) вызвало немалую панику в сеуль-

¹¹ «Доклад Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи», Нью-Йорк, 1970 г.

ских правящих кругах. Стремясь успокоить своих подопечных, официальные деятели правительства США выступили с заявлениями, в которых разъяснялось, что так называемое американское «военное присутствие» в Южной Корее останется без изменений. Из Вашингтона поступили официальные заверения и намерения американской стороны еще более укрепить этот свой «дальневосточный форпост». Марионеточной армии Южной Кореи была обещана более широкая авиационная и военно-морская поддержка. Вашингтон обещал также предоставить на вооружение и модернизацию южнокорейской армии в течение ближайших пяти лет полтора миллиарда (!) долларов¹².

В соответствии с так называемой «гуамской доктриной» одной из важнейших долгосрочных проблем американской внешней политики в Азии является перекаldывание все большего бремени борьбы с национально-освободительным движением на плечи своих союзников в этом районе мира. При этом Вашингтон гарантирует им свое ядерное прикрытие, поддержку с воздуха и с моря, предоставляет военную и экономическую помощь. От союзников же требуется в отдельности и совместно выставлять все возрастающие контингенты живой силы для реализации агрессивных планов американского империализма. Значительная роль в этих планах отводится сеульскому режиму — самому верному союзнику США по агрессии в Индокитае.

В то же время в самой Южной Корее в последние годы весьма заметно активизируется военно-политическое присутствие Японии, наиболее реакционные круги которой связывают усиление милитаризации страны с надеждами на возобновление экспансии на Азиатском континенте. Корея для них представляет в этом смысле первостепенный интерес. Японская реакция открыто заявляет о «жизненной» заинтересованности Японии в «безопасности Кореи», о том, что «Южная Корея является необходимым элементом безопасности самой Японии» и так далее.

Однако успокоительные «гарантии» и «заверения» о «помощи» не могут успокоить сеульских правителей, испытывающих страх перед общенациональным движением за объединение страны. Сознвая неустойчивость своего положения внутри страны и потерю престижа на международной арене, южнокорейские власти в последнее время прибегли к воинственным акциям и разжиганию военного психоза в стране. В конце 1971 года сеульские диктаторы организовали военно-полевые учения в районе так называемой «фронтальной линии». Тогда же под предлогом «угрозы с Севера» они объявили состояние чрезвычайного положения в стране. Эти авантюристические акции не получили открытой поддержки даже в Вашингтоне. Как сообщало агентство Рейтер, представитель госдепартамента США заявил в этой связи, что Соединенные Штаты не располагают данными о том, что КНДР планирует нападение на Южную Корею. Однако чрезвычайное положение, объявленное в Южной Корее в декабре 1971 года, сохраняется и по сей день. В Сеуле и других южнокорейских городах, расположенных вблизи от демилитаризованной зоны, регулярно объявляются воздушные тревоги, проводятся имитации воздушных налетов, химических атак, во время которых южнокорейские граждане должны укрываться в бомбоубежищах, в подвалах и так далее.

Чем вызвано такое преднамеренное нагнетание напряженности и военного психоза в стране? Прежде всего стремлением создать искусственные препятствия для осуществления контактов между Югом и Севером.

¹² Документ ООН АС I/P.1766.

ром Кореи в связи с растущей популярностью предложений КНДР по вопросу объединения среди широких слоев населения Южной Кореи. Под вой сирен, объявляющих военные тревоги в Южной Корее, принимаются «чрезвычайные меры» против возникновения «социальных беспорядков», проводятся аресты по обвинениям в сочувствии коммунистам, в «клевете на президента» и «создании беспорядков».

Клеветнические измышления южнокорейских властей относительно «агрессивных намерений КНДР» не выдерживают критики. «Правительство КНДР,— говорится в заявлении МИД КНДР от 7 декабря 1971 года,— предлагает терпеливые усилия для того, чтобы разрешить проблему объединения Кореи мирным путем. У нас нет и не может быть намерения «нападать на Юг». Что касается оборонной мощи КНДР, то она в полном смысле этого слова рассчитана на самозащиту, она нужна для отстранения социалистических завоеваний рабочего класса от посягательств империалистов США, японских милитаристов и их прихвостней». Предложения правительства КНДР о переговорах и заключении мирного соглашения между Севером и Югом еще раз наглядно показывают его стремление к ликвидации напряженности на Корейском полуострове и мирному воссоединению страны.

* * *

Советский народ считает своим интернациональным долгом оказывать поддержку патриотическим, демократическим силам Кореи в их борьбе за единую независимую демократическую Корею. На XXIV съезде КПСС Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза товарищ Л. И. Брежнев от имени всего советского народа заявил: «Советский Союз поддерживал и поддерживает предложения правительства КНДР о мирном демократическом объединении страны, требования корейского народа о выводе американских войск с Юга Кореи»¹³.

Позиция КПСС и Советского правительства по вопросу мирного объединения Кореи исходит из интересов как корейского, так и советского народов, всех стран социалистического содружества. Советский Союз так же, как и КНДР, кровно заинтересован в мирном урегулировании и упрочении мира в Корее и на всем Дальнем Востоке.

Большой вклад в дело борьбы корейского народа за мирное объединение страны, против империалистической политики агрессии и войны, в дело обеспечения безопасности двух стран и защиты мира на Дальнем Востоке вносит Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенный между СССР и КНДР в 1961 году. Направленный на дальнейшее развитие дружбы и всестороннего сотрудничества между двумя странами, договор выражает единство взглядов двух сторон в том, что «объединение Кореи должно быть произведено на мирной и демократической основе и что такое решение отвечает как национальным интересам корейского народа, так и делу поддержания мира на Дальнем Востоке»¹⁴.

В феврале 1972 года во время официального визита в СССР министра иностранных дел КНДР Хо Дама с советской стороны было снова заявлено о полной поддержке Советским Союзом проводимой КНДР политики мирного объединения Кореи самим корейским народом на демократической основе при условии вывода войск американских агрессоров из Южной Кореи и без всякого вмешательства извне. «СССР,— под-

¹³ «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971.

¹⁴ «Правда», 7.VII.1961 г.

черкивалось в коммюнике о визите в СССР правительственной делегации КНДР,— целиком солидарен с новыми конструктивными предложениями правительства КНДР, направленными на устранение напряженности на Корейском полуострове, в том числе с предложениями о заключении соглашения о мире и проведении политических переговоров между Севером и Югом Кореи»¹⁵.

В наше время абсурдно считать возможным решение корейской проблемы военным путем. Проблема объединения Кореи может быть решена только мирным путем в соответствии с доброй волей самого корейского народа. Это единственно правильный и реальный путь, отражающий стремления и требования народа Юга и Севера Кореи.

¹⁵ «Правда», 27.II.1972 г.

Индокитай во внешнеполитической стратегии империалистических государств

*Г. Г. Кадымов,
кандидат исторических наук*

Индокитайский полуостров в колониальной политике империалистических государств в бассейне Тихого океана постоянно рассматривался в качестве важного стратегического плацдарма, обладание которым открывало им путь к дальнейшей экспансии в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке.

Со времен начала колониальной экспансии и до наших дней на Индокитайском полуострове неоднократно «перекрещивались» и сталкивались пути империалистических держав на Дальний Восток и в Юго-Восточную Азию. Он всегда представлял собой один из узлов межимпериалистической борьбы за сферы влияния в Азии.

Так, перед второй мировой войной Индокитай стал «камнем преткновения» между США и Японией. Тогда США пытались договориться с японскими милитаристами о разграничении сфер влияния в бассейне Тихого океана. Причем американский империализм поощрял экспансию Японии в Северном Китае, рассчитывая в конечном итоге столкнуть ее с Советским Союзом, но решительно противился захвату Юго-Восточной Азии. Индокитайский полуостров был тем барьером, через который Япония, по замыслам американских стратегов, не должна была переступать, но она, как известно, вторглась в страны южных морей и захватила Юго-Восточную Азию, которую США надеялись унаследовать от Голландии, Англии и Франции.

Разгром германского фашизма и японского милитаризма в ходе второй мировой войны сопровождался ростом национального самосознания народов Азии, включившихся в водоворот мировых революционных событий. Под ударами национально-освободительного движения рушились колониальные империи, возрождались самостоятельные, независимые государства. Естественным союзником национально-освободительных сил стала мировая система социализма. В связи с меняющимся соотношением сил в мире в пользу социализма международный империализм пытался сохранить свое господство и восстановить утраченные позиции в странах, где силы национального и социального освобождения одерживали все новые и новые победы. Мировая реакция во главе с США развернула ожесточенную борьбу против сил социализма и национального возрождения в зоне национально-освободительных революций. Мировое противоборство этих сил как бы сфокусировалось на Индоки-

тайском полуострове. Разрешение комплекса противоречий в этом районе приняло острую вооруженную форму, вызванную прежде всего стремлением американского империализма сохранить под своим контролем важный политико-стратегический плацдарм на Азиатском континенте.

Победы патриотов Индокитая оказывают серьезное воздействие на углубление и расширение антиимпериалистической борьбы во всем «третьем мире», но прежде всего в странах Юго-Восточной Азии. Поэтому империализм, особенно американский, пытается любыми средствами, вооруженной агрессией и политическим маневрированием, затормозить необратимый процесс национального и социального освобождения народов Индокитая и тем самым предотвратить «выпадение» Юго-Восточной Азии с ее богатейшими природными и людскими ресурсами из сферы империалистической эксплуатации и контроля. Перспектива «потери» этого региона расценивается американскими политиками как нарушение «общего баланса сил»¹ в пользу социализма в мировом противоборстве двух противоположных систем.

Страны Индокитайского полуострова на протяжении послевоенного периода находились и находятся в центре внимания американских президентов от Д. Эйзенхауэра до Р. Никсона. При выработке своих внешнеполитических «доктрин» они придавали и придают решающее значение прежде всего политико-стратегическим соображениям². На социально-политические перемены в мире они смотрели через призму военно-стратегических концепций времен второй мировой войны, и поэтому при спасении империалистических владений в Азии отдавали предпочтение военным средствам, применение которых «обосновывалось» соответствующими «доктринами».

В начале 1953 года Д. Эйзенхауэр, исходя из труменовской доктрины «сдерживания коммунизма», сформулировал «теорию домино»³, унаследованную и развитую его преемниками в «доктрину гибкого реагирования», «локальной войны», «эскалации» и «вьетнамизации». Исходные посыпки «теории домино» заключались в том, что национально-освободительные революции в Юго-Восточной Азии рассматривались не как явления, имеющие внутренние побудительные мотивы, а как движения, инспирированные извне. Так, силы национального освобождения в странах Индокитая квалифицировались американским империализмом как «коммунистическая угроза», которая связывалась в США с усилением влияния КНР в Азии, выступавшей в начале и середине 50-х годов в едином фронте со странами социализма и национально-освободительным движением.

Объединенным силам мирового социализма и национально-освободительного движения США стремились противопоставить военные блоки империалистических государств. Весной 1954 года, когда стал очевиден крах французских колонизаторов в Индокитае в связи с разгромом частей французского экспедиционного корпуса у Дьенбьенфу,

¹ Ch. A. Weil, *Curtains over Vietnam*, N. Y., 1969, p. 71—72.

² См. В. Ф. Ли, *Стратегия и политика неоколониализма США*, М., 1971, стр. 41; P. L. Yuon, *War and peace in South-East. Asia*, London, N. Y., 1969, p. 104.

³ В последнее время «теория домино» подвергается критике в США. Так, бывший заместитель государственного секретаря США Дж. Болл пишет о преувеличении в Америке политико-стратегического значения Индокитайского полуострова для глобальных и национальных интересов США, которым непосредственно не угрожают национально-освободительные движения в Южном Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. Он остроумно замечает, что «величайшие капитаны истории извлекали свои уроки из опыта сложной шахматной игры, а не простого домино». «The New York Times Magazine», December 21, 1969, p. 36.

Д. Эйзенхауэр призвал У. Черчилля предпринять совместные действия в этом районе мира, дабы предотвратить «угрозу нашим глобальным стратегическим позициям в Азии и бассейне Тихого океана»⁴.

Творец блоковой политики Дж. Ф. Даллес, отправляясь в Европу накануне Женевских совещаний 1954 года, ратовал за привлечение зависимых от США и Англии стран к «сдерживанию» совместными усилиями национально-освободительных движений во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. Он заявлял, что «защита» Индокитая затрагивает жизненные интересы многих наций Юго-Восточной Азии и западной части Тихого океана, включая Филиппины, Австралию и Новую Зеландию, с которыми у США имеются двусторонние «договоры о безопасности»⁵.

Если социалистические страны и национально-освободительные силы рассматривали Женевские соглашения, заключенные в июле 1954 года, как основу для дальнейшего мирного и независимого развития Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, то США в это время занимались в Юго-Восточной Азии усиленными военными приготовлениями. В сентябре 1954 года они созвали конференцию в Маниле с привлечением Англии, Франции, Австралии, Новой Зеландии, Филиппин, Таиланда и Пакистана. На этой конференции был организационно оформлен военный блок — СЕАТО. В дополнительном протоколе к договору указывалось, что его действие распространяется также на Камбоджу, Лаос и Южный Вьетнам.

В 60-х годах общая обстановка в Азии, особенно на Дальнем Востоке, претерпела серьезные изменения. Национально-освободительные движения в Юго-Восточной Азии одерживали все новые и новые победы. Блок СЕАТО в борьбе против него оказался неэффективным. США выступили в роли гаранта колониальных интересов империализма в Азии, превратив Индокитайский полуостров в одну из самых «горячих» точек земного шара. Срыв американским империализмом Женевских соглашений 1954 года по Вьетнаму, стремление превратить южную часть страны в колонию нового типа, кровавые расправы режима Нго Динь Дьема с народом Южного Вьетнама способствовали новому подъему национально-освободительной борьбы. «В конце 1959 — начале 1960 года, — подчеркивает первый секретарь ЦК ПТВ тов. Ле Зуан, — господствующий режим в Южном Вьетнаме вступил в период глубокого кризиса... марионеточная машина управления в своей основе значительно расшаталась и потеряла силу. В то же время народные массы, особенно крестьянство, испытывали революционный порыв, были полны решимости и готовности к смертельной схватке с врагом»⁶.

Национально-освободительная борьба в Южном Вьетнаме развернулась с новой силой и к 1965 году поставила режим сайгонских марионеток, поддерживаемый США, на грань краха. Ради спасения своих политико-стратегических позиций в Юго-Восточной Азии и марионеточного режима в Сайгоне США пошли на прямую агрессию против вьетнамского народа. В Южный Вьетнам было направлено около полумиллиона американских солдат, поддерживаемых действиями 7-го флота.

Расширяя войну во Вьетнаме, американский империализм, естественно, учитывал прежде всего «особый курс» китайского руководства, которое, предав принципы пролетарского интернационализма, противопоставило единому фронту солидарности социалистических стран с борьбой вьетнамского народа политику антисоветизма. «Особый курс» китайско-

⁴ D. Eisenhower, *Mandate for change, 1953—1956*, N. Y., 1963, p. 346.

⁵ E. Gruening and H. W. Beaser, *Vietnam folly*, Washington, 1968, p. 95.

⁶ Ле Зуан, *Избранные статьи и речи (1965—1970 гг.)*, М., 1971, стр. 226—227.

го руководства на международной арене, его антисоветизм были средствами достижения и прикрытием его гегемонистских планов в Юго-Восточной Азии. Маоисты пытались изолировать патриотов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи от мирового социализма и тем самым обеспечить себе преимущественное влияние на события в Индокитае, поставить борьбу патриотических, национально-освободительных сил на службу шовинистической политике Пекина.

Однако раскольническая деятельность и антисоветизм китайского руководства ослабили прежде всего связи КНР с национально-освободительными силами, мировым социализмом, международным коммунистическим движением и привели к ее самоизоляции на международной арене. Общее ослабление позиций КНР в мире и разрыв с противостоящими США прогрессивными и революционными силами не остались незамеченными в Вашингтоне, где все настойчивее раздавались голоса за перенесение «эскалации» войны из Вьетнама на территорию КНР, учитывая тот факт, что «центральной проблемой конфронтации США на Дальнем Востоке является Китай, а не Вьетнам»⁷.

«Теория эскалации», родившаяся как разработка Гудзоновского института по заданию Пентагона, в большей степени строилась на применении военного давления, чем политического маневрирования, хотя она требовала учета, сочетания и «взвешенного» наращивания двух этих методов⁸.

Политический аспект «эскалации» заключался в применении дипломатического маневрирования для изоляции противника от его союзников. Применительно к Вьетнаму эта тактика исходила из учета «особого курса» маоистского руководства, его отказа от единства действий со странами социализма и была направлена на отрыв ДРВ от социалистического сотрудничества.

Военный аспект политики «эскалации» первоначально носил более локальный характер. Он предусматривал нанесение Соединенными Штатами «репрессивных» ударов с воздуха и моря по промышленным и административным центрам ДРВ в случае ухудшения общей военно-политической обстановки в Южном Вьетнаме для американо-сайгонских войск или критического их положения в каком-либо из районов страны в ходе наступления НВСО⁹.

В процессе нарастания «эскалации» войны во Вьетнаме все больше выявлялось пассивное отношение китайского руководства в оказании действенной помощи социалистической стране, подвергшейся агрессии со стороны американского империализма.— Демократической Республике Вьетнам. Эта пассивность воспринималась в США как следствие ослабления Китая «культурной революцией» и связывалась с провалами маоистов в организации «народных войн» в странах Юго-Восточной Азии. Воинствующие круги США стали в связи с этим уповать на то, чтобы распространить тактику «эскалации» на Китай.

Американские «ястребы» связывали с этим решение не только региональных задач, но и коренное, глобальное изменение соотношения сил. Они предлагали Белому дому прибегнуть к бомбардировкам территории Китая под предлогом пресечения китайской помощи ДРВ, для разруше-

⁷ «Southeast Asia: Focus on China and Vietnam», Institute of World Affairs, 1966, p. 2.

⁸ H. Kahn, On Escalation. Metaphors and Scenarios, N.—Y.—Washington—London, 1965, p. 3.

⁹ Американский обозреватель Дрю Пирсон в «Нью-Йорк пост» 12 октября 1968 г. писал, что решение бомбить ДРВ было принято 7 февраля 1965 г. после нападения НВСО на американскую военно-воздушную базу в районе Плейку.

ния его военно-промышленного потенциала и сведения Китая к роли второразрядной державы, не способной выдвигать какие-либо претензии на признание ее интересов в бассейне Тихого океана. Так, в январе 1966 года сенатор Стеннис Гор ратовал в американском конгрессе за нанесение атомных ударов по территории КНР¹⁰. А журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» в мае 1967 года, когда «эскалация» войны во Вьетнаме была в самом разгаре, опубликовал статью и карту с указанием вероятных ударов воздушных и военно-морских сил США по промышленным объектам КНР¹¹.

Однако предложения американских «ястребов» встретили серьезные возражения со стороны тех политических кругов США, которые выступили за поиски соглашения с китайским руководством в целях превращения Китая в более действенную антисоветскую силу, способную открыть «второй фронт» мировому социализму. Они делали ставку на националистические амбиции группы Мао Цзэ-дуна, на ее антисоветизм, на ее стремление выступать в роли «третьей силы» в международных делах. Все это предлагалось использовать в качестве платформы для поисков «широких соглашений» с КНР. Но для этого необходимо было подвести «теоретическую базу». Американские фонды сделали заказ, в частности, английским исследователям в области теории международных отношений на разработку такой теории, в которой учитывались бы все эти требования. Английские ученые попытались дать правящим кругам США рецепты, как воспользоваться «особым курсом» маоистов и создать преимущество в мире на основе опыта британской политики «блестящей изоляции» второй половины XIX века, обеспечившей Англии привилегированное положение в то время в Европе.

Так появилась концепция «многостороннего равновесия сил». В ней отрицается политика нейтралитета, стабильность на международной арене, прочный мир в условиях коллективной безопасности, протаскивается идея соперничества «великих и малых государств» и возводятся в культ «интересы отдельного государства»¹². Основное назначение ее, однако, сводится к «обоснованию» противопоставления Китая Советскому Союзу и другим странам для создания нового «баланса сил» на мировой арене. Такое «перераспределение сил», по мнению американских стратегов, должно компенсировать общее ослабление позиций США в мировом противоборстве двух противоположных систем. Это «внутренняя» суть теории. Внешне же она выглядит более благопристойно. Один из ее авторов, М. Уайт, подчеркивает, например, что «многостороннее равновесие сил» якобы призвано создать такое положение, при котором ни одно государство не имело бы преимуществ, угрожающих другому¹³.

Президент США Р. Никсон взял на вооружение эту идею и активно ее проповедует. «Я считаю, что мир будет надежнее и лучше, — заявляет он, — если Соединенные Штаты, Европа, Советский Союз, Китай и Япония будут сильными и здоровыми, будут уравнивать друг друга, а не добиваться преимуществ, создадут взаимное равновесие»¹⁴.

Применительно к Юго-Восточной Азии «теория равновесия сил» совпадает с традиционной политикой США не допускать в бассейне Тихо-

¹⁰ «Congressional Record», Senate, February 16, 1966, p. 3024—3025.

¹¹ «U. S. News and World Report», May 22, 1967, vol. 62, p. 38—40.

¹² H. Butterfield and M. Wight, *Diplomatic Investigations. Essays in the theory of international politics*, London, Cambridge, 1966, p. 174.

¹³ Ibid., p. 151.

¹⁴ «Time», January, 3, 1972, p. 11.

го океана чрезмерного усиления кого-либо из своих конкурентов и противников. Апологеты американского империализма утверждают, что преобладание в Юго-Восточной Азии сильного конкурента США, в частности Японии или Китая, способно поколебать их глобальные позиции¹⁵. В этой связи в Юго-Восточной Азии Соединенные Штаты должны, по их мнению, создать противовес Китаю из объединения государств региона, подкрепленного военной и экономической мощью империалистических держав, при сохранении в то же время антисоветской направленности политики современного руководства КНР.

Решить эту сложную и противоречивую задачу призвана небезызвестная «гуамская доктрина» Никсона. Она отражает стремление США изменить глобальное соотношение сил в мире в свою пользу, противопоставляя региональные союзы и отдельные великие державы друг другу без непосредственного участия США в противоборстве со своими противниками. Смысл новой американской «доктрины» заключается в том, чтобы, сохраняя и используя Китай в качестве антисоветского и антисоциалистического фактора, возложить задачу по его «сдерживанию» на союзников США в Азии.

Таким образом, от политики непосредственной вооруженной конфронтации с Китаем США сегодня стремятся перейти к его «сдерживанию» в рамках «многостороннего равновесия сил». В связи с этим предлагается отвести вооруженные силы США с периферии китайских границ на вторую стратегическую линию обороны, расположенную на островах Тихого океана. Однако отвод американских войск отнюдь не означает передачу Китаю американских сфер влияния в континентальной Азии. «Уход» американских войск из Индокитаея сопровождается одновременным укреплением проамериканских марионеточных режимов. Позиции этих режимов на Индокитайском полуострове США надеются укрепить не только с помощью военной, экономической и политической поддержки, но и обеспечением «международных гарантий» их дальнейшего существования путем заключения де-юре и де-факто двусторонних и многосторонних соглашений в соответствии с тезисом о создании «регионального равновесия сил». Иными словами, США стремятся избежать прямой конфронтации с Китаем и одновременно сохранить свой контроль над стратегически важными районами в Азии с помощью политики «вьетнамизации», «кхмеризации», «лаосизации» войны в Индокитае. «При помощи политики «вьетнамизации», — подчеркнул на XV съезде профсоюзов СССР Л. И. Брежнев, — США рассчитывают силами местных наемников задушить национально-освободительную борьбу в Индокитае, чтобы сохранить свои политические и стратегические позиции в этом районе»¹⁶.

Однако маневры американского империализма по сохранению своих политических и стратегических позиций на Индокитайском полуострове срываются успешной борьбой национально-освободительных сил народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Все больше становится очевидным, что правящие круги США, потеряв надежду самостоятельно решить индокитайскую проблему, стремятся прибегнуть к «помощи» Китая. Они подбрасывают маонистскому руководству идею «мирового перераспределения сил», в которой подчеркивается, что решение многих международных проблем, и прежде всего индокитайской, находится в руках только двух держав — США и Китая. Подобная постановка вопроса, как показывают факты, устраивает не только США, но и руководство КНР. Так, в извест-

¹⁵ E. R. Black, *Alternative in Southeast Asia*, N. Y., Washington, London, 1969, p. 8.

¹⁶ «Правда», 21.III.1972 г.

ном шанхайском коммюнике, появившемся после визита Р. Никсона в КНР, зафиксировано обоюдное согласие двух держав выступать «против усилий любой другой страны или группы стран» к установлению преобладающего влияния в Азии и бассейне Тихого океана¹⁷. По существу, американским представителям удалось убедить руководство КНР, что их концепция «многостороннего равновесия сил» отвечает также целям Китая. Конечно, в США и Китае по-разному ее понимают, связывая с этим различные и даже противоречивые интересы. Но вместе с тем обе стороны сделали заявку на свои «особые», «исключительные» интересы и права в бассейне Тихого океана и договорились о совместном противодействии любой «третьей силе».

Возникает вопрос: кого американские политики и маоистское руководство могут квалифицировать такой силой в индокитайском конфликте? Ею, видимо, могут быть, народы Индокитая, укрепляющие свои военные, политические и экономические позиции в ходе борьбы с американским империализмом и выступающие в союзе со странами социалистического содружества и международным коммунистическим движением.

С другой стороны, заявление американских и китайских руководителей об «особых» правах КНР и США в бассейне Тихого океана обостряет существующие межимпериалистические противоречия в Юго-Восточной Азии. Другие капиталистические страны, имеющие значительные экономические интересы в этом регионе, опасаются американо-китайского альянса. Такое беспокойство, в частности, проявляет Япония.

Политические деятели США пытаются убедить правящие круги Японии, что предлагаемая ими концепция «равновесия сил» отвечает также и японским интересам, так как она прежде всего направлена на «сдерживание» Китая и создает надежные гарантии удержания стран Юго-Восточной Азии и бассейна Тихого океана в сфере капиталистической эксплуатации. На деле же на смену американо-китайской конфронтации 60-х годов должно, согласно теории «многостороннего равновесия сил», прийти японо-китайское соперничество, их взаимное «сдерживание», при котором симпатии США могут оказаться на стороне Японии либо Китая в зависимости от интересов и текущих задач американского империализма.

Но перспектива японо-китайской конфронтации не устраивает Японию. Некоторые ее политические деятели готовы разделить «опасение» США, что между Китаем и периферийными с ним странами Юго-Восточной Азии отсутствует равновесие в военно-экономических потенциалах, они даже не прочь дополнить японской экономической мощью потенциал соседних с Китаем стран, находящихся в сфере капиталистической эксплуатации, но выступают против использования Японии как противовеса КНР и установления в бассейне Тихого океана преимущественного американо-китайского влияния.

В качестве альтернативы японскими политическими кругами предлагается идея «азиатско-тихоокеанской сферы» экономического и политического союза развитых стран Тихоокеанского бассейна — США, Канады, Новой Зеландии, Австралии и Японии, — где сама Япония намерена играть внешнюю роль рядового партнера с равной долей ответственности с другими развитыми странами. Причем она, по замыслам японских дипломатов, должна представлять в этой организации азиатскую сторо-

¹⁷ «Известия», 29.II.1972 г.

ну. Именно в этом плане Япония, по их мнению, может принять участие в контроле за «сохранением мира в Индокитае»¹⁸.

Скрытые намерения США вызывают тревогу не только у Японии, но и у других империалистических государств, имеющих значительные экономические, культурные и политические интересы в Юго-Восточной Азии.

В связи с американо-китайским сближением беспокойство проявляется в Англии. А. Иден, например, пишет, что для «прогресса на переговорах с Китаем необходима солидарность в Юго-Восточной Азии и дружба с Японией». Он предостерегает США от соблазна «пожертвовать старыми связями ради новых либо ослабить позиции старых союзников США»¹⁹. В этих словах сквозит плохо скрытое опасение Англии за судьбу своих интересов в Юго-Восточной Азии и тревога по поводу возможного широкого американо-китайского соглашения по региону за ее счет.

С американской агрессией на Индокитайском полуострове правящие круги Англии, как известно, связывали надежду на сохранение своих позиций в Юго-Восточной Азии, в частности на Малаккском полуострове, где английские интересы остаются весьма значительными. Но провозглашение доктрины Никсона вынудило английских политиков пересмотреть «обязательства» Англии в отношении стран британского содружества в Юго-Восточной Азии. Учитывая главное направление американской политики в этом регионе — переложить основное бремя по сохранению позиций империализма в Азии на плечи самих азиатских государств, — правящие круги Англии в свою очередь также пытаются использовать своих азиатских союзников для защиты британских интересов. «Дейли телеграф» 6 января 1971 года охарактеризовала «новый курс» Великобритании в Юго-Восточной Азии как стремление «сократить военную роль Англии и связанные с ней расходы, не принося в жертву ее влияние».

Решить эту проблему в Лондоне надеялись путем создания «оборонительного союза» из пяти стран: Англии, Австралии, Новой Зеландии, Малайзии и Сингапура. На смену двусторонним союзам Англии со странами Юго-Восточной Азии, таким образом, должны прийти «многонациональные обязательства» и «многонациональная ответственность».

В этой идее, которую взяло на вооружение консервативное правительство Хита, легко распознать давнишнюю политику тори с той лишь разницей, что от создания «буферной зоны» на периферии своей сферы господства, в частности на Индокитайском полуострове, они перешли к созданию «оборонительного союза», состоящего из стран британского содружества. Главное бремя в этом союзе должны взять на себя Австралия, Малайзия и Сингапур, опирающиеся на предполагаемый союз с Японией.

Однако сколачивание нового союза в Юго-Восточной Азии под руководством Англии сталкивается с серьезными трудностями. Английскому правительству удалось только создать объединенное военное командование трех стран — Австралии, Новой Зеландии и Англии (АНЗЮК) — и заключить соглашение о консультациях с Малайзией, Сингапуром, Австралией и Новой Зеландией. Большинство его участников расценивают эту меру в качестве временной, переходной, направленной скорее на ликвидацию обязательств по двусторонним договорам Великобритании с союзниками. Такие страны, как Малайзия и Сингапур, не видят

¹⁸ Morinosuke Kajima, *Modern Japan's foreign policy*, Tokio, 1969, p. 213.

¹⁹ «The New York Times», September 19, 1971.

в новых военных блоках достаточных гарантий своей безопасности и строят свою долговременную политику, исходя из перспективы нейтрализации Юго-Восточной Азии.

Новые тенденции в Юго-Восточной Азии учитывает в определенной степени Франция, которая в последнее время стала проводить в этом районе более реалистичную политику, учитывающую происшедшие здесь изменения.

Монополистический капитал Франции убедился на собственном опыте длительной колониальной войны в Индокитае в невозможности средствами военного давления сохранить свои позиции. Необходима была переоценка ценностей, новые идеи, отвечающие духу времени, учитывающие настроение общественного мнения в странах Азии, борьбу их народов против иностранного господства за национальное освобождение.

Принципы новой французской политики на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии были в своей основе определены президентом де Голлем.

1 сентября 1966 года, находясь с визитом в Камбодже, де Голль выступил на митинге в Пномпене с программной речью в отношении урегулирования индокитайского конфликта. Существо его речи сводилось к отрицанию возможностей военного решения проблемы, необходимости вывода американских войск и предоставления народам Индокитая возможности самим решать собственные судьбы²⁰. Большое место в предложении французского президента отводилось идее нейтрализации континентальной части Юго-Восточной Азии с международными гарантиями всех заинтересованных сторон, включая КНР.

Предложения генерала де Голля встретили понимание в различных кругах стран Индокитайского полуострова. Они получили и международную поддержку. В научно-исследовательских центрах Франции эта речь подверглась тщательному изучению. В одном из исследований французских авторов нейтральная зона в Юго-Восточной Азии ограничивается странами Индокитайского полуострова. В нее, по их мнению, пока нельзя включать страны — бывшие британские колонии, так как «их политические и военные традиции удаляют эти страны от нейтралитета»²¹.

Такой же позиции придерживается и современная французская дипломатия. В правительственном заявлении перед Национальным собранием от 28 апреля 1970 года указывается, например, что мир на Индокитайском полуострове «может быть только результатом переговоров, успех которых требует сотрудничества всех заинтересованных сторон». «Его можно добиться, — подчеркнул М. Шуман, — лишь путем создания в Индокитае зоны подлинного нейтралитета»²².

Французский план нейтрализации Индокитайского полуострова с гарантиями заинтересованных сторон вызывает несомненный интерес в странах Азии. Однако обеспечение нейтралитета должно исходить из коренных национальных интересов народов Индокитая. Оно, разумеется, немыслимо без гарантий невмешательства во внутренние дела стран Индокитайского полуострова со стороны заинтересованных и соседних иностранных государств, отказа от внешнеполитических доктрин противопоставления «азиатов азиатам», поддержки марионеточных антинародных режимов и заключения молчаливых или секретно оформленных

²⁰ «South Vietnam: US — Communist confrontation in Southeast Asia 1966—1967», vol. 2, N. Y., 1969, p. 51—52.

²¹ «Politique étrangère», Paris, 1968, № 5, p. 425.

²² «Journal officiel de la République Française», Débats parlementaires, 29 Avril, 1970, p. 1322.

двусторонних соглашений «некоторых» держав об их «особых» интересах в Юго-Восточной Азии.

* * *

Таким образом, империалистические государства с решением индокитайской проблемы тесно связывают будущее своих интересов в Юго-Восточной Азии, свои долгосрочные глобальные и региональные планы по сохранению общих позиций империализма. Однако сужение сферы империалистического господства под напором сил социализма и национально-освободительного движения вынуждает империалистических конкурентов менять внешнеполитическую стратегию и тактику с учетом новых реальностей современного мира. Ослабление своих позиций империализм, особенно США, стремится сегодня компенсировать таким «перераспределением сил» на мировой арене, которое противопоставило бы КНР странам социалистического содружества и мировому национально-освободительному движению. Конфликт на Индокитайском полуострове в этой связи приобрел особое значение во внешнеполитической стратегии США. Используя его, США рассчитывают воздействовать на Китай для создания себе преимущества в мире, основанного на «многостороннем равновесии сил», и сохранить политические и стратегические позиции империализма в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке.

Однако эра старого и нового колониализма безвозвратно прошла, а вместе с ней обречены на провал все планы по сохранению той или иной формы иностранного господства. Народы Индокитая, ведущие борьбу против американского империализма, прочно берут судьбы своих стран в собственные руки. Они хотят жить в мире и дружбе со всеми государствами и решительно выступают против политики силы, агрессии и войны. Они стремятся к созданию такого положения в Азии, которое способствовало бы их экономическому и социальному прогрессу, возможному только в условиях мира и международной безопасности.

О «философской кампании» в КНР

В. Я. Сидихменов,
кандидат экономических наук

IX съезд КПК, проходивший в апреле 1969 года, обозначил новую веку в усилении идеологической обработки всех слоев китайского населения в соответствии с пресловутыми «идеями Мао Цзэ-дуна». Эта идеологическая кампания (или «идеологическое упорядочение партии») подается в китайской печати как «борьба между двумя классами, двумя путями и двумя линиями», которая призвана отстоять так называемую «пролетарскую революционную линию Мао Цзэ-дуна» и раскритиковать так называемую «буржуазную реакционную линию Лю Шао-ци». Журнал «Хунци» в связи с этим писал: «Основная задача упорядочения партии в идеологическом отношении состоит в том, чтобы воспитывать широкие массы членов партии в духе маоцзэдуновских идей»¹.

В последние годы в Китае было опубликовано немало пространных статей о «философской и классовой борьбе», о «революционной линии председателя Мао в области философии», в которых маонисты ополчились на бывшего председателя КНР Лю Шао-ци и преподавателя философии, бывшего ректора Высшей партийной школы при ЦК КПК Ян Сянь-чжэня. Последний именуется не иначе как «агент» Лю Шао-ци².

Развернутая маонистами «философская кампания» не имеет ничего общего с настоящей научной дискуссией. Это заранее продуманная и инспирированная идеологическая кампания, в которой под предлогом критики Лю Шао-ци и Ян Сянь-чжэня ревизуется марксистско-ленинская философия, отвергаются выводы VIII съезда КПК, навязываются идеалистические и волюнтаристские установки Мао Цзэ-дуна.

Подлинную цель этой кампании не скрывает и китайская печать, которая пишет, что это «борьба двух путей, двух линий, двух штабов» и что в ней «кто-то один должен погибнуть»³.

Критика антимарксистской сущности философских взглядов Мао Цзэ-дуна — большая и многоплановая тема, поэтому мы лишь рассмотрим некоторые аспекты этих взглядов⁴.

¹ «Хунци», 1970, № 7.

² См. «Жэньминь жибао», 29 декабря 1970 г.

³ См. «Жэньминь жибао», 9 января 1971 г.

⁴ В советской литературе философские взгляды Мао Цзэ-дуна уже подверглись научной критике. См.: П. Федосеев, Марксизм и маоцзэдунизм. «Коммунист», 1967, № 5; А. Румянцев, Маоизм и антимарксистская сущность его «философии». «Коммунист», 1969, № 2; Э. Баталов, Разрушение практики (Критика маонистской концепции практики). «Вопросы философии», 1969, № 3; Н. Г. Сеенин, Псевдодialeктика — методологическая основа особого курса Мао Цзэ-дуна и его группы. «Антимарксистская сущность взглядов и политики Мао Цзэ-дуна». М., Политиздат, 1969; К. В. Иванов.

«Теория производительных сил». Придавая важное значение роли субъективного фактора в историческом процессе, марксизм-ленинизм в то же самое время не отрывает его от объективных условий. Попытка преувеличить значение субъективного фактора и игнорировать объективные условия ведет к идеализму в теории и к волюнтаризму на практике. Этим как раз страдают маонисты, ополчившиеся против т. н. «теории производительных сил», авторство которой приписывается Лю Шао-ци.

«В соответствии с «теорией производительных сил», — писала «Жэньминь жибао», — в Китае, в условиях неразвитого капитализма и отсталых производительных сил только и можно соглашаться с разгулом капитализма, но нельзя проводить социалистические преобразования частной собственности на средства производства и строить социализм»⁵. Это надуманное обвинение, потому что никто из сторонников «теории производительных сил», в том числе и Лю Шао-ци, нигде не утверждали о необходимости реставрации в Китае капиталистических порядков.

Методологический порок критиков «теории производительных сил» состоит в том, что они чрезмерно преувеличивают роль «личного элемента» и крайне принижают роль «вещественного элемента» производительных сил. В то же самое время они обвиняют своих противников в том, что последние придают большое значение развитию «вещественного элемента» производительных сил и якобы игнорируют важность субъективного фактора.

По существу, нападки на сторонников «теории производительных сил» преследуют цель ревизовать выводы VIII съезда КПК о путях строительства социализма в Китае. На практике это проявилось в следующем: Мао Цзэ-дун, пренебрегая всей сложностью и трудностью кооперирования 500 миллионов китайских крестьян, в 1955—1956 гг. навязал ЦК КПК курс на чрезвычайно быстрый, экономически необоснованный переход от простейших форм кооперации к ее высшим формам. Главную сторону в кооперировании мелкого производителя он видел в изменении форм собственности. Что касается материального производства, то хотя он на словах и признавал его важность для кооперирования, но по существу недооценивал и отводил ему второстепенное место⁶. Особый путь кооперирования китайского крестьянства, по схеме Мао Цзэ-дуна, выражался в переходе от низших форм к высшим формам кооперирования без изменения материально-технической базы.

Кооперированное сельское хозяйство в КНР опиралось, как известно, на крайне отсталую материально-техническую базу: в 1955 г. менее 0,6% общей пахотной площади обрабатывалось машинами⁷. Это создавало серьезные трудности для социалистической перестройки китайской деревни.

Понимая всю опасность «опережения» производственных отношений, VIII съезд КПК призвал партию и народ мобилизовать все силы на раз-

К вопросу об идейных истоках маонизма. «Вопросы философии», 1969, № 7; М. Алтайский и В. Георгиев. Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна. М., «Мысль», 1969; Критика теоретических концепций Мао Цзэ-дуна. М., «Мысль», 1970; П. Н. Федосеев. Об идейно-политической сущности маонизма. «Правда», 5 декабря 1971; В. Лекторский, Г. Батищев, В. Кураев. Диалектика подлинная и мнимая. «Вопросы философии», 1971, № 8; В. Я. Сидихменов. Против извращения ленинского философского наследия. «Ленин и проблемы современного Китая». М., Политиздат, 1971.

⁵ «Жэньминь жибао», 29 декабря 1970.

⁶ Эти взгляды получили наиболее полное отражение в его докладе «Вопросы кооперирования сельского хозяйства», сделанного на совещании секретарей провинциальных, городских и областных комитетов КПК 31 октября 1955 г.

⁷ См.: Цзэн Вэнь-цзин. Социалистическая индустриализация Китая. Москва, 1959, стр. 31.

витие тяжелой промышленности, что должно было обеспечить создание современной материально-технической базы социализма. Съезд ориентировал партию и народ на всемерное развитие материальных производительных сил. «Необходимо и впредь, — говорилось в документах съезда, — придерживаться курса на преимущественное развитие тяжелой промышленности, активно разворачивать строительство металлургической, машиностроительной, электроэнергетической, угледобывающей, нефтяной, химической промышленности и промышленности строительных материалов... Нельзя допускать какого-либо игнорирования основного курса на преимущественное развитие тяжелой промышленности»⁸.

Такая постановка вопроса противоречила взглядам Мао Цзэ-дуня. Маоисты в «теории производительных сил» усмотрели главный «порок» в том, что в ней делается упор не на «революционизацию» сознания производителя, а на развитие «вещественного элемента» производительных сил, а это якобы ведет к реставрации капитализма в Китае. Мао Цзэ-дун все ставит в зависимость от «личного элемента» производительных сил, от производителя вообще, оторванного от средств производства, от «революционизации» его сознания.

Противопоставляя производителя материальному производству, рассматривая его в отрыве от достигнутого уровня развития производительных сил, Мао Цзэ-дун и его сторонники считают, что все зависит исключительно от человека вообще, от степени его физических и духовных сил. Их девиз можно было бы выразить словами: «человек — это все, вещь — ничто».

Конкретно это нашло свое отражение в таких постулатах: решающим фактором в производстве являются люди, а не орудия труда; в социалистическом обществе «командной силой» является политика, а не экономика; в социалистическом способе производства главное — это производственные отношения, а не производительные силы; в социалистическом строительстве основным является моральный стимул, а не материальная заинтересованность; в переустройстве общества главную роль играют идеи, а не бытие.

Разумеется, никто не будет отрицать решающей роли человека в производстве, важной роли политики в социалистическом обществе и т. д. Маоисты все эти компоненты противопоставляют друг другу, рассматривают односторонне, метафизически, а не в диалектическом единстве, не во взаимосвязи. Причем роль человека вообще, роль идей, сознания, политики, роль субъективного фактора непомерно преувеличивается, а роль материального производства и объективных условий принижается и недооценивается.

Провозглашая народ творцом истории, признавая ведущую роль человека в производстве материальных благ, марксизм-ленинизм в то же самое время не отрывает человека от материального производства, не наделяет его какими-то сверхъестественными качествами, не рассматривает его изолированно от средств труда. Человек, оторванный от созданных им средств труда, по существу, низводится до животного. Средства труда хотя и представляют собой мертвые предметы, но они являются продуктом человеческой деятельности.

Классики марксизма-ленинизма учат, что между производителем и средствами труда существует определенная диалектическая взаимообусловленность. Любая попытка противопоставить человека материальному производству, акцентировать внимание на человеке вообще, игнориро-

⁸ «Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая», т. I. Документы. Пекин, 1956, стр. 117—118.

вать роль средств труда в развитии общества есть отход от марксизма-ленинизма, есть прямой путь к субъективизму и идеализму.

Критика маонистами «теории производительных сил» призвана оправдать отсталость экономики Китая, законсервировать архаичные формы производства, защитить взгляды Мао Цзэ-дуна о том, что все зависит только от производителя вообще, от степени его овладения «маоцзэдуновскими идеями», но не от уровня развития материального производства.

«Теория затухания классовой борьбы». Маонистская пропаганда ополчилась против «ревизионистской теории затухания классовой борьбы», которая также приписывается Лю Шао-ци. По существу же речь идет о ревизии выводов VIII съезда КПК о новом соотношении классовых сил в китайском обществе после завершения социалистических преобразований.

VIII съезд КПК, оценивая соотношения классовых сил после проведения социалистических преобразований, пришел к выводу, что в стране уже решен вопрос «кто кого» в пользу социализма. «В настоящее время,— говорилось в резолюции VIII съезда КПК по отчетному докладу,— эти социалистические преобразования одержали решающую победу. А это значит, что в нашей стране в основном разрешено противоречие между пролетариатом и буржуазией, положен конец системе классовой эксплуатации, существовавшей в течение нескольких тысячелетий, создан социалистический общественный строй»⁹.

Означало ли подобное утверждение окончание в Китае переходного периода и полного прекращения классовой борьбы? Нет, не означало. После завершения социально-экономических преобразований в 1956 г. классовая борьба в Китае продолжалась: бывшие помещики и кулаки, гоминьдановские агенты, засылаемые из Тайваня, буржуазные элементы и их представители в демократических партиях — вот те силы, которые явно и скрыто вели борьбу против народно-демократического строя. И тем не менее выводы VIII съезда КПК о завершении в основном классовой борьбы объективно отражали сложившуюся обстановку в стране: земля у помещиков была конфискована, крестьянство кооперировано, капиталистические элементы отстранены от материальных средств производства, кулаки лишены возможности нанимать рабочую силу и заниматься ростовщичеством.

С этими выводами VIII съезда КПК в корне расходились взгляды Мао Цзэ-дуна, существо которых выражалось в следующем:

— после завершения социалистических преобразований вопрос «кто кого» в Китае еще не решен в пользу социализма;

— в течение всего исторического периода социализма существуют классы, классовые противоречия и классовая борьба;

— в Китае новые производственные отношения соответствуют характеру производительных сил, и главная задача китайского народа состоит во всемерном развитии классовой борьбы.

Критику т. н. «теории затухания классовой борьбы» маонистские теоретики тесно увязывают с оценкой соответствия производственных отношений характеру производительных сил. В журнале «Хунци» была опубликована статья Цюань Чжуна «Твердо придерживаться теории диалектического единства между производственными отношениями и производительными силами»,¹⁰ в которой изложены взгляды Мао Цзэ-дуна

⁹ «Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая», т. 1, Документы. Пекин, 1956, стр. 115—116.

¹⁰ См. «Хунци», 1971, № 7—8, стр. 40—47.

на эту проблему. В ней приведено следующее высказывание Мао Цзэ-дун из его статьи «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа»:

«В социалистическом обществе основными противоречиями по-прежнему являются противоречия между производственными отношениями и производительными силами, противоречия между надстройкой и экономическим базисом». «В общем социалистические производственные отношения уже созданы и они соответствуют развитию производительных сил»¹¹.

Обращает на себя внимание следующее. Во-первых, в китайских теоретических статьях между основным противоречием в переходный период от капитализма к социализму и в социалистическом обществе не делается никакой разницы. По существу, переходный период отождествляется с социализмом. Во-вторых, основным содержанием противоречия между производственными отношениями и производительными силами при социализме считается «противоречие между рабочим классом и буржуазией», или «концентрированным выражением основного противоречия в социалистическом обществе является борьба двух классов, двух линий»¹².

Журнал «Хунци» по этому поводу делает такой вывод: «Следовательно, противоречия между производственными отношениями и производительными силами, между надстройкой и экономическим базисом в социалистическом обществе концентрированно выражаются в борьбе между двумя классами, двумя путями, двумя линиями. Это главные противоречия, которые следует разрешать в ходе развития социалистического общества»¹³.

Итак, утверждается, что социалистическое общество — это классово-антагонистическое общество, где существуют два враждующих класса — пролетариат и буржуазия, и главная задача этого общества — развязывание классовой борьбы.

Восьмой же съезд КПК сделал вывод о том, что главным противоречием китайского общества является противоречие между утвердившимися передовыми социалистическими производственными отношениями и отсталыми производительными силами и для разрешения этого противоречия необходимо мобилизовать все силы партии и народа для развития производительных сил (прежде всего тяжелой промышленности).

Мао Цзэ-дун ревизует решения VIII съезда КПК по этому вопросу: в переходный период в классовой борьбе на первое место он ставит не экономический, а идеологический аспект. «Классовая борьба, — писал он в статье «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа», — между пролетариатом и буржуазией, классовая борьба между различными политическими силами, классовая борьба между пролетариатом и буржуазией в области идеологии остается длительной и сложной, а иногда и очень ожесточенной борьбой... В этой области еще по-настоящему не разрешен вопрос: кто победит, а кто проиграет — социализм или капитализм». И далее: «Кто победит, а кто проиграет — эта борьба между социализмом и капитализмом в области идеологии потребует еще значительного времени, и только тогда будет решен исход»¹⁴.

¹¹ См.: Мао Цзэ-дун. К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа. Пекин, 1957, стр. 21 и 25.

¹² См. «Хунци», 1971. № 7—8, стр. 43.

¹³ Там же, стр. 43—44.

¹⁴ Мао Цзэ-дун. К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа. Пекин, 1957, стр. 52.

Последующие события показали, что статья Мао Цзэ-дуна «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» стала «теоретическим» обоснованием массовых репрессий. Марксистско-ленинский критерий определения классов подменен субъективистской установкой — «Кто против идей Мао Цзэ-дуна, тот враг и контрреволюционер».

Несомненно, в Китае все еще существуют остатки враждебных классов и их агентура, которые мечтают реставрировать старые порядки в стране. Поэтому было бы ошибкой утверждать, что в китайском обществе наступил классовый мир. Однако нельзя ничем оправдать ведущиеся одна за другой шумные пропагандистские кампании по искусственному обострению «классовой борьбы», которые направлены не против настоящих классовых врагов китайского народа, а призваны укрепить военно-бюрократическую диктатуру Мао Цзэ-дуна и оправдать расправу над его противниками.

Закон единства и борьбы противоположностей в маоистском понимании. В 1963—1964 гг. в Китае развернулась философская дискуссия о том, как понимать закон единства и борьбы противоположностей. Существо дискуссии состояло в том, что философ Ян Сянь-чжэнь и его сторонники в этом законе якобы делали акцент на единстве («слияние двух в одно»), а маоистские философы — на борьбе («раздвоение единого»).

Теперь эта дискуссия вновь воспроизводится на страницах китайской печати и используется маоистскими философами для того, чтобы навязать свое метафизическое и идеалистическое понимание закона единства и борьбы противоположностей.

Маоистские философы, критикуя точку зрения Ян Сянь-чжэня на закон единства и борьбы противоположностей, обычно ссылаются на ленинский тезис «раздвоение единого», но понимают его не диалектически, а метафизически. В. И. Ленин, как известно, говорил, что раздвоение единого и познание противоречивых частей его есть суть диалектики¹⁵. Это означает, что все явления и предметы живой и неживой природы внутренне раздвоены, противоречивы, и, чтобы познать какое-либо явление, необходимо его исследовать с учетом этого. Раздвоение единого на противоположности В. И. Ленин рассматривал в диалектической взаимообусловленности. «Не голое отрицание,— говорил он,— не зряшное отрицание, не скептическое отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике,— которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент,— нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного...»¹⁶.

Маонисты понимают раздвоение единого по-своему, метафизически, как абсолютное отрицание противоположностей. Закон единства и борьбы противоположностей в представлении маоистских теоретиков выглядит примерно так: на одной стороне расположено единство, а на другой — противоположность, и между ними идет борьба. В результате этой борьбы одно явление переходит в другое явление. И если это единство, то единство в «чистом виде», а если это противоположность, то тоже только в «чистом виде», то есть речь идет о простой смене мест. «Раздвоение единого» маоистские теоретики понимают как непрерывный и бесконечный процесс распада явлений и предметов на противоположные части. По существу, маоистская концепция «раздвоение единого» сводит весь процесс развития только к разрушению.

В законе единства и борьбы противоположностей Мао Цзэ-дун делает акцент только на борьбе противоположностей и замалчивает их

¹⁵ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 316.

¹⁶ См.: Там же, стр. 207.

единство. Такой метафизический подход он пытается оправдать ссылкой на следующие слова В. И. Ленина: «Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»¹⁷.

Это ленинское положение марксистами понимается следующим образом: а) условность, относительность единства противоположностей в том, что они исключают друг друга; б) временный характер единства противоположностей в том, что в них заложены неизбежность распада, неизбежность уничтожения одной противоположности другой; в) если единство противоположностей имеет временный, относительный, преходящий характер, то борьба между ними абсолютна, непримирима; г) всякое единство предполагает борьбу, которая является ведущим началом в любом виде движения.

Ленинское понимание единства противоположностей вовсе не означает, что единство носит какой-то эфемерный, бесформенный характер. Условный, временный, относительный, преходящий характер единства понимается как конечный результат борьбы противоположностей, которая может занять длительное время. Это не исключает, а предполагает взаимообусловленность, взаимозависимость противоположных сторон до известного периода времени.

Маоистские философы в законе единства и борьбы противоположностей отбрасывают единство как отражение различных сторон диалектической связи взаимообусловленных противоположностей и заменяют единство тождеством, то есть сводят первую часть этого закона только к превращению противоположностей друг в друга.

Акцент в законе единства и борьбы противоположностей на борьбу (на «раздвоение единого») потребовался маоистам не случайно: это им нужно для того, чтобы подвести «теоретическую» базу под раскольническую деятельность в международном коммунистическом движении, под искусственно раздуваемую классовую борьбу в китайском обществе и массовые репрессии против инакомыслящих. «Признать раздвоение единого, — утверждала газета «Жэньминь жибао», — значит признать, что в социалистическом обществе по-прежнему существуют классы, классовые противоречия и классовая борьба, существует борьба двух путей — социалистического и капиталистического, существует опасность реставрации капитализма, существует угроза агрессии и диверсии со стороны империализма и современного ревизионизма»¹⁸.

Апология тождества материи и сознания. Диалектический материализм признает монистическую точку зрения на материю и сознание: и материя и сознание имеют один источник — материальный мир. Однако сознание появилось не одновременно с материей, а после длительного качественного преобразования самой материи, и не вся материя обладает сознанием, а лишь живая материя на высшей ступени своего развития.

И если материя и сознание имеют один источник, то это не значит, что между ними существует тождество, что сознание есть та же материя. В отличие от материального сознание всегда идеально. Попытка отождествить материю и сознание ведет к идеализму.

Маоистские философы пытаются доказать, что существует тождество между сознанием и материей. «Марксистская теория познания. — писаво мышления и бытия, признавала, что мышление и бытие взаимно про- ла газета «Жэньминь жибао», — до сих пор всегда признавала тождест-

¹⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317.

¹⁸ «Жэньминь жибао», 29 декабря 1970 г.

тивоположны, но в определенных условиях взаимно связаны и взаимно переходны»¹⁹.

Монизм бытия и сознания, материи и духа в марксистско-ленинском понимании маоисты подменяют тождеством, возможностью «перехода от материи к духу и от духа к материи»²⁰, и это, оказывается, подтверждается... законом единства и борьбы противоположностей.

Закон единства и борьбы противоположностей, как известно, действует в границах одного предмета или явления, где существует и отрицание и взаимопроникновение. Поэтому нельзя любые противоположности загонять в рамки этого закона. Этот закон предполагает **определенное единство и определенную противоположность** в пределах границы одного предмета или одного явления. Это означает, что не каждая пара противоположных понятий составляет один предмет или одно явление. «...Основное положение марксистской диалектики, — говорит В. И. Ленин, — состоит в том, что все грани в природе и в обществе условны и подвижны, что нет ни одного явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность»²¹. Говоря так, В. И. Ленин имел в виду противоположности в пределах данного явления, а не любые противоположности.

Мао Цзэ-дун и его последователи подходят к противоположностям по-своему: они механически объединяют пространственно существующие два совершенно самостоятельных, независимых, хотя и противоположных, предмета, внешне соединенных под одной оболочкой. Например, действие — противодействие, отрицательное — положительное, материя — сознание, война — мир. Если, рассуждают маоистские теоретики, отрицательное и положительное меняются местами, то по такой же аналогии могут меняться местами материя и сознание, война и мир и т. д.

Понятно, что материя и сознание не являются одним явлением и не могут рассматриваться как единство противоположностей. Материя существовала и существует вне зависимости от сознания, которое является порождением материи. И если идеальное есть не что иное, как отражение материального в сознании человека, то ни о какой перестановке материального и идеального не может быть и речи.

Возможность превращения идеального в материальное доказываются маоистами ссылками на классиков марксизма-ленинизма. «Теория становится материальной силой как только она овладевает массами»²². «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»²³. Эти высказывания К. Маркса и В. И. Ленина маоистские теоретики понимают в буквальном смысле слова: «сознание человека творит объективный мир». Журнал «Хунци» в связи с этим писал: «Мао Цзэ-дун глубоко раскрыл марксистско-ленинскую теорию познания о том, что «материя может превратиться в дух, а дух может превратиться в материю»²⁴.

Маркс, как видно из приведенной его цитаты, имел в виду под материальной силой способность людей реализовать их идеи на практике, то есть люди, овладевшие законами развития природы и общества, могут эффективно использовать эти законы в своих целях.

Положение марксизма-ленинизма о превращении идеи в материальную силу маоисты понимают вульгарно, метафизически и идеалистически.

¹⁹ «Жэньминь жибао», 9 января 1971 г.

²⁰ Там же.

²¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 5.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 422.

²³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 194.

²⁴ См. «Хунци», 1971, № 4, стр. 23.

Маоистские философы рассматривают идею как самостоятельное духовное начало, гипертрофируют идеальное и принижают материальное, возносят идею над «бренным миром», крайне преувеличивают роль обратного воздействия сознания человека на объективный мир, считают, что субъективный фактор и без объективных условий может сделать «все и вся». Так подводится философская основа под волюнтаристские установки Мао Цзэ-дуна. И хотя маоисты клянутся в верности материализму, их постулаты можно выразить такими словами: «идея творит мир», «идея правит миром». Эти идеалистические постулаты прикрываются положением К. Маркса о том, что идея, овладевшая массами, становится материальной силой.

Такими универсальными идеями, призванными «творить мир» и «править миром», считаются «идеи Мао Цзэ-дуна». Чтобы доказать «универсальность» этих «идей», китайская пропаганда притягивает их для объяснения любых жизненных явлений.

Отсюда делается вывод: познать мир — это не познать объективные законы развития природы и общества, а овладеть «идеями Мао Цзэ-дуна».

Бульгарный подход Мао Цзэ-дуна к соотношению идеального и материального на деле является чистейшим субъективным идеализмом. Идея помогает людям создавать предметы, переходить в практике от одних предметов к другим, но новый предмет создается не из идеи, а из других материальных предметов. Идеальное, говорил К. Маркс, есть материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней²⁵. Это означает, что материальное — первичное, а идеальное — производное и не обладает самостоятельным бытием, то есть это форма инобытия материального. Вот почему соотношение материального и идеального неразрывно связано с решением основного вопроса философии.

Маркс говорил, что «материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой»²⁶. Это означает, что, например, такие разрушительные материальные силы, как наводнение, засуха, эрозия почвы, суховей и т. д., могут быть одолены не идеями, а материальными же силами, созданными умом и руками человека, — ирригационными и мелиоративными сооружениями, химией, современными сельскохозяйственными машинами и т. д. Маоистские же теоретики материальным силам природы пытаются противопоставить не материальные силы человека, а «идеи Мао Цзэ-дуна».

Маоисты хотя и клянутся в верности диалектическому материализму, однако, по существу, на первое место они ставят сознание, а на второе — материю, и это приводит их в лагерь идеализма.

В. И. Ленин говорил: «Общественное бытие и общественное сознание не тождественны. — совершенно точно так же, как не тождественно бытие вообще и сознание вообще»²⁷. Рассматривая единство и тождество как однопорядковые понятия, В. И. Ленин не ставил между ними полного знака равенства: под тождеством он имел в виду превращение противоположностей друг в друга, а под единством — взаимообусловленность внутренних противоположностей²⁸.

²⁵ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 21.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 422.

²⁷ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 14, стр. 309.

²⁸ См. Марксистско-ленинская философия. Диалектический материализм, М., 1968, стр. 156.

Отстаивая тезис о тождестве между сознанием и материей, маоистские философы пытаются подвести «философскую» базу под субъективистские и волюнтаристские установки Мао Цзэ-дуна. Если между сознанием и бытием существует тождество и при известных условиях сознание может быть первичным, а бытие — вторичным, то, овладев «идеями Мао Цзэ-дуна», можно, оказывается, сделать все независимо от объективных условий.

Извращение ленинской теории познания. Теория познания, как известно, призвана открыть путь к истине и определить критерии ее достоверности. Марксизм-ленинизм считает определяющим критерием любой истины ее объективность.

Маоистские теоретики полностью отходят от ленинского понимания истины. В их представлении критерием истины является не объективная действительность, а «указания председателя Мао Цзэ-дуна». Вопрос ставится в такой плоскости: все, что не соответствует этим «указаниям», — не истина. Такая постановка вопроса перечеркивает материалистическую основу, на которой возникает объективная истина, и все дело сводит к субъективному мнению одного человека.

На словах маоисты признают выводы марксизма-ленинизма о том, что практика является критерием истины, «Истинность знания или теории,— читаем в статье Мао Цзэ-дуна «Относительно практики»,— определяется не субъективной оценкой, а результатами объективной общественной практики»²⁹. Однако практика понимается маоистами вульгарно, примитивно и искаженно. Если марксизм-ленинизм под практикой понимает в широком смысле слова материальную и духовную деятельность людей, направленную на преобразование окружающего мира в интересах человека, то маоистские теоретики сводят практику, по существу, к физическому труду, который рассматривается как единственное средство для познания истины.

В китайской печати часто приводятся следующие слова Мао Цзэ-дуна: «Практика — познание, вновь практика — и вновь познание — это форма в своем циклическом повторении бесконечна, причем содержание циклов практики и познания с каждым разом поднимается на более высокую ступень»³⁰. Уже в такой рокировке: практика — познание — практика проявляется метафизический подход. Разве сама по себе практика не связана с познанием, а познание с практикой? Как видно, здесь практика и познание берутся Мао Цзэ-дуном также в «чистом виде».

В. И. Ленин дал классическое определение процесса познания: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности»³¹. Это ленинское определение процесса познания на словах не отвергается Мао Цзэ-дуном, но понимается по-своему. Он рассматривает переход от абстрактного мышления к практике как переход «от духовного к материальному, от идеи к бытию»;³² изображает теорию познания как бесконечный «процесс перехода от материального к духовному и от духовного к материальному», то есть постоянный процесс «перехода от практики к познанию и от познания к практике». И на этом основании Мао Цзэ-дун делает вывод — материальное может стать духовным, а духовное — материальным³³.

²⁹ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. I, М., 1952, стр. 508.

³⁰ Там же.

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 152—153.

³² См.: Мао Цзэ-дун. Откуда у людей появляются правильные идеи.

³³ Там же.

Следовательно, переход от познания к практике отождествляется с переходом от духовного к материальному. Так родилось, пишет китайская печать, «великое теоретическое положение председателя Мао о возможности перехода от материи к духу и от духа к материи»³⁴.

В китайской печати часто приводятся такие слова Мао Цзэ-дуна: «Правильное познание обычно достигается лишь после многократно повторяющегося перехода от материи к духу и от духа к материи, то есть от практики к познанию и от познания к практике»³⁵. Таким образом, материя отождествляется с практикой, а дух — с познанием. А так как материя не обладает рациональным элементом, то это, следовательно, относится и к практике, которая представляется в вульгарном и искаженном виде. Правильное же познание достигается не с помощью многократно повторяющегося перехода от материи к духу, а путем перехода от явлений к сущности.

Познание, учит марксизм-ленинизм, на всех своих этапах имеет дело с отражением объективной действительности в сознании человека, и это отражение имеет ряд ступеней. Речь идет не о превращении материального в идеальное и идеального — в материальное, как утверждает Мао Цзэ-дун, а о переходе от явлений к сущности, от сущности первого порядка к сущности второго порядка. Причем процесс познания представляет собой неразрывное единство эмпирического и теоретического.

Материальная деятельность людей составляет практику, которая представляет собой прежде всего чувственно-предметную деятельность человека, но практику нельзя сводить только к материальному. Ленинское понимание перехода от абстрактного мышления к практике не равнозначно переходу «от духовного к материальному, от идеи к бытию», о чем говорит Мао Цзэ-дун. Если практику свести к «материальному», то она лишится логического элемента, и это уже будет извращенное понимание практики. Поэтому неправомерно отождествлять практику с «материальным» — в таком случае она будет выглядеть просто как физический труд человека.

Общественная практика немыслима без мышления, хотя неправомерно ставить знак равенства между практикой и мышлением. С другой стороны, абстрактное мышление, о чем говорил В. И. Ленин, представляет собой процесс мышления, основанного на большом обобщении, и оно немыслимо без эмпирического материала, а следовательно, и без практической деятельности человека.

Неправомерно между практикой и теорией ставить китайскую стену. Теоретическая деятельность сама есть практика, то есть преобразование, изменение предметно-чувственного мира — только не материальное, а идеальное. Практика включает в себя также рациональный элемент, ибо материальная практика, реально преобразующая предметно-чувственный мир, опирается на проект, созданный человеком в сознании³⁶.

Если практика является первоначальной и конечной целью познания действительности, представляет собой предметное изменение действительности, то теория имеет целью анализ и обобщение эмпирического материала. Поэтому теоретическая и практическая деятельность человека взаимопроницают.

В самом определении Мао Цзэ-дуна теории познания как перехода от духовного к материальному содержится метафизический подход: если

³⁴ См. «Жэньминь жибао», 9 января 1971 г.

³⁵ Там же.

³⁶ См.: Э. Б а т а л о в. Разрушение практики (Критика маонистской концепции практики). «Философские науки», 1969, № 4.

духовное, то духовное в «чистом виде»; если материальное, то материальное в «чистом виде».

Дискредитируя теоретические знания и опираясь на эмпиризм в качестве своей методологической основы, маоисты в то же время переоценивают роль логического познания, которое понимается ими идеалистически. Именно в этом проявляется эклектический подход маоистских теоретиков к теории познания.

Марксизм-ленинизм не отрывает мышление от чувственного познания, рассматривает последнее в качестве исходной формы познания. Маоисты, наоборот, всячески третируют чувственный элемент познания, растворяют его в мышлении, лишают его права на самостоятельное существование, что подрывает материалистическую основу, на которой вырастает объективное познание мира. Метафизически отрывая чувственную ступень познания от логической, они воспринимают окружающий мир не через практику в научном понимании, а посредством восприятия «идей Мао Цзэ-дуна».

Попытка маоистов оторвать сознание от ощущения и восприятия, представить дело таким образом, что сознание «выше» чувственного элемента, «стоит» над ним и «командует» им, — приводит их к субъективному идеализму.

* * *

Таким образом, так называемая «философская кампания» явилась лишь поводом для усиленной пропаганды в Китае «философских идей» Мао Цзэ-дуна. Она преследует определенные утилитарные цели.

Мао Цзэ-дун и его группа под предлогом борьбы против Лю Шао-ци и Ян Сянь-чжэня ревизуют марксизм-ленинизм по таким важным теоретическим аспектам, как соотношение материи и сознания, классовая борьба, закон единства и борьбы противоположностей, теория познания и др.

Маоистская пропаганда пытается подвести «теоретическую» базу под политические установки Мао Цзэ-дуна, направленные на искусственное обострение классовой борьбы с целью расправы с инакомыслящими, на оправдание волюнтаризма и субъективизма во внешней и внутренней политике и раскольнической деятельности в международном коммунистическом движении.

Полвека борьбы

К 50-й годовщине создания Коммунистической партии Японии

К. Д. Антонов

15 июля текущего года исполняется 50 лет со дня образования Коммунистической партии Японии. Ее создание было подготовлено подъемом японского рабочего и демократического движения под влиянием победы Великой Октябрьской социалистической революции и активизации революционных сил во всем мире. Стихийные выступления трудящихся — так называемые «рисовые бунты», прокатившиеся по всей Японии в 1918 году, — показали неотложную необходимость создания революционной партии рабочего класса, которая соединила бы в своей деятельности социалистическую теорию с практикой рабочего движения и возглавила борьбу трудящихся масс.

Компартия Японии унаследовала боевые интернационалистские традиции японского социалистического движения, наиболее видные деятели которого, и прежде всего Сэн Катаяма, приняли активное участие в создании КПЯ. Большую помощь в консолидации революционных сил в Японии и в создании КПЯ оказал Коминтерн. На IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 года КПЯ была принята в состав Коммунистического Интернационала.

Встав во главе рабочего движения Японии, компартия выдвинула требования ликвидации монархии, введения демократических свобод, роспуска репрессивных органов, использовавшихся для подавления рабочего и демократического движения, предоставления земли крестьянам, вывода японских войск с территорий других государств, в том числе и из колоний, признания Советской России и т. д.

В условиях военно-монархического, полицейского режима КПЯ была вынуждена действовать нелегально, подвергаясь непрерывным преследованиям. Сложная обстановка, а также слабая теоретическая подготовка и недостаточный практический опыт японских коммунистов породили ряд серьезных ошибок в деятельности партии, еще более затруднив ее. Непрекращающиеся репрессии привели к распространению в руководстве КПЯ ликвидаторских настроений, утверждений, будто условия для создания в Японии коммунистической партии еще не созрели и необходимо ограничиться работой в профсоюзах и в легальной рабочей партии. В марте 1924 года сторонники этих взглядов, преобладавшие в то время в руководстве КПЯ, приняли решение о роспуске партии.

Здоровые силы в КПЯ не согласились с этим оппортунистическим решением. С помощью Коминтерна они приступили к восстановлению нелегальных партийных организаций, используя в то же время имевшиеся возможности для расширения легальной работы в массах. С сентября 1925 года был налажен выпуск легальной газеты «Мусанся симбун» («Пролетарская газета»), коммунисты активно участвовали в деятельности созданной в марте 1926 года легальной рабоче-крестьянской партии.

В декабре 1926 года состоялся III съезд КПЯ, восстановивший центральное партийное руководство и создавший условия для дальнейшего развития деятельности партии. Однако в процессе преодоления ликвидаторских тенденций в КПЯ усилились левацкие взгляды, отдававшие приоритет «теоретической» борьбе, недооценивавшие необходимость работы в массах и опоры на рабочих и крестьян, возлагавшие надежды на осуществление революции силами небольшой группы радикальных элементов. Подобный курс был чреват опасностью изоляции партии от масс, скатывания ее на путь авантюристических, путчистских действий.

Правооппортунистические и левосектантские ошибки в деятельности КПЯ были преодолены лишь при помощи Коминтерна, уделившего большое внимание разработке проблем революционного движения Японии.

В июле 1927 года Исполком Коминтерна опубликовал «резолюцию по японскому вопросу», которая известна в Японии под названием «тезисов 1927 года». В выработке этой резолюции, которая подвергла резкой критике имевшие место в КПЯ отклонения от марксистско-ленинской теории вправо и «влево», принимали участие представители КПЯ — Сэн Катаяма, Масаносукэ Ватанабэ, Кюнти Токуда и другие.

В резолюции Коминтерна отмечалось, что Япония стоит перед буржуазно-демократической революцией, задачами которой должны быть свержение абсолютистской монархии, ликвидация полуфеодалного помещичьего землевладения и т. д.; однако, учитывая довольно высокий уровень развития капитализма в стране, резолюция указывала на возможность быстрого развития революции, перерастания ее из буржуазно-демократической в социалистическую. Содержавшаяся в резолюции программа действий КПЯ включала такие требования, как борьба против империалистических войн, в защиту Советского Союза и в поддержку китайской революции, за предоставление полной независимости колониям, за отмену монархической системы и введение демократических свобод, за установление 8-часового рабочего дня и отмену антирабочих законов, за передачу земли крестьянам и т. д.

Резолюция ставила перед компартией задачу завоевания на свою сторону широких масс, в первую очередь рабочего класса, превращения в массовую партию.

В декабре 1927 года расширенный пленум ЦК КПЯ единогласно одобрил резолюцию Коминтерна и призвал партию активно претворять ее в жизнь. Партия усилила свою работу в массах. 1 февраля 1928 года был выпущен первый номер нелегальной газеты «Сэкки» («Красное знамя»), которая активно содействовала распространению в трудных условиях Японии идей марксизма-ленинизма. На состоявшихся в 1928 году первых «всеобщих» выборах КПЯ приняла участие в предвыборной борьбе, выдвинув своих представителей в качестве кандидатов от рабоче-крестьянской партии, которая получила 190 тысяч голосов и 3 депутатских места.

Рост влияния КПЯ в массах напугал правящий лагерь, боявшийся распространения в Японии «революционной заразы». На партию обрушились жестокие репрессии: 15 марта 1928 года по всей стране было аресто-

вано свыше 1,5 тыс. коммунистов и сочувствующих, в том числе большинство членов ЦК КПЯ. Вскоре были запрещены рабоче-крестьянская партия, левые профсоюзные и молодежные организации.

Несмотря на преследования, КПЯ продолжала борьбу. После некоторого перерыва был возобновлен выпуск газеты «Сэкки», созданы новые профсоюзные и молодежные организации. КПЯ продолжала активную борьбу против агрессивной политики японского империализма, против вмешательства японской военщины во внутренние дела Китая. Коммунисты вели широкую антивоенную агитацию среди японских солдат. Активное участие в борьбе против империалистических войн принимал руководимый компартией Антивоенный союз (Хансэн домэй), преобразованный позднее в Японский антимпериалистический союз (Нихон хантэй домэй).

Однако гонения на коммунистов продолжались. В октябре 1928 года полицейскими был убит генеральный секретарь ЦК КПЯ М. Ватанабэ. 16 апреля 1929 года были проведены новые массовые аресты: около тысячи коммунистов, в том числе почти все руководители партии, попали в полицейские застенки.

В 1931 году состоялся суд над арестованными руководителями КПЯ. Они держались мужественно и в максимальной степени использовали процесс для пропаганды идей коммунизма. В речи на суде один из руководителей КПЯ Сэйти Итикава разоблачил попытки представить партию оторванной от народа заговорщической организацией, рассказал о ее борьбе за освобождение рабочего класса, всех трудящихся от капиталистической эксплуатации, против империализма и его агрессивной политики.

Оставшиеся на свободе коммунисты, преодолевая огромные трудности, восстановили партийные организации и руководящие органы. Партия руководила массовыми выступлениями трудящихся, число которых возросло в обстановке углубляющегося экономического кризиса.

Расширение агрессии японского империализма, оккупация Маньчжурии в 1931 году сопровождалась усилением военно-полицейского гнета внутри страны, новыми репрессиями против демократического движения. В этой серьезной обстановке КПЯ нуждалась в правильной ориентации для продолжения борьбы. В 1932 году Коминтерн разработал «Тезисы о положении в Японии и задачах КПЯ» («Тезисы 1932 года»). В выработке этого документа приняли участие Сэн Катаяма, Сандзо Носака, Кэндзо Ямамото и другие представители КПЯ. Этот документ подтвердил линию на буржуазно-демократическую революцию в Японии с целью свержения монархии, конфискации помещичьих земель, нанесения удара по монополистическому капиталу, он стал генеральной линией борьбы КПЯ.

Однако в результате непрекращающихся репрессий к середине 30-х годов все руководители КПЯ и большинство ее членов были брошены в тюрьмы. Прекратилась деятельность партии в общенациональном масштабе, в глубоком подполье продолжали действовать отдельные коммунистические группы, не имевшие единого руководства.

Брошенные в тюрьмы члены КПЯ находились в тяжелейших условиях, некоторым из них пришлось провести в заключении по 18 лет. Но, несмотря на все трудности и лишения, большинство японских коммунистов и в тюремных камерах сохранили свои убеждения, уверенность в победе коммунизма. В тюрьме погибли видные руководители КПЯ Г. Кокурё и С. Итикава.

Правда, среди осужденных членов КПЯ нашлись и такие, которые не проявили достаточной стойкости, капитулировали перед врагом, отказались от своих убеждений. Ренегаты М. Сано, С. Набэяма и некоторые другие пытались оправдать свое предательство рассуждениями о необхо-

димости для компартии быть «независимой», руководствоваться «национальным» социализмом, осуждали принципы пролетарского интернационализма. Однако, несмотря на широкую поддержку со стороны властей, им удалось увлечь за собой всего несколько человек.

После разгрома милитаристской Японии КПЯ вышла из подполья, ее руководители были освобождены из тюрем и сразу же развернули работу по восстановлению партии. В декабре 1945 года был созван IV съезд КПЯ, принявший программу действий и устав КПЯ, избравший Центральный Комитет. Партия требовала строгого выполнения Потсдамской декларации, наказания военных преступников, проведения демократических преобразований, ликвидации монархии, роспуска капиталистических монополий (дзайбацу), аграрной реформы в интересах крестьян, возрождения экономики. Большое внимание партия уделяла расширению своего влияния в массах.

Развернувшийся в Японии в первые послевоенные годы подъем рабочего, крестьянского и всего демократического движения способствовал укреплению позиций КПЯ, которая пользовалась среди трудящихся большим авторитетом за свою несгибаемую борьбу против империализма и реакции. Быстро росла численность КПЯ — с нескольких сот человек в конце 1945 года почти до 200 тыс. в 1949 году. На выборах в палату представителей парламента в 1949 году КПЯ получила около 3 млн. голосов и 35 депутатских мест. Сочетая деятельность в парламенте с руководством массовым внепарламентским движением, КПЯ добилась больших успехов.

Однако в новых для нее условиях легальной деятельности КПЯ не всегда могла правильно разобраться в сложной обстановке в стране. Руководители партии расценили оккупировавшие Японию американские войска как «армию-освободительницу», задачей которой якобы является осуществление в Японии демократической революции, призывали коммунистов оказывать полную поддержку оккупационным властям и даже выдвинули идею совершения мирным путем социалистической революции в Японии в условиях американской военной оккупации. Курс на мирную революцию в условиях американской оккупации был провозглашен «японизацией марксизма-ленинизма». Несмотря на антидемократические и антирабочие акции оккупационных властей (запрещение всеобщей забастовки, намечавшейся на 1 февраля 1947 года, лишение рабочих и служащих государственных предприятий и учреждений права на забастовки и т. д.), эта концепция, которую сами руководители КПЯ позднее охарактеризовали как правооппортунистическую¹, в течение нескольких лет продолжала оставаться основой политики КПЯ, хотя в нее и были внесены некоторые коррективы.

Ошибочность «теории мирной революции в условиях американской оккупации» стала очевидной, когда в июне 1950 года, незадолго до развязывания американской агрессии в Корею, оккупационные власти запретили всем членам ЦК КПЯ заниматься политической деятельностью, закрыли газету «Акахата». Репрессии против КПЯ обострили существовавшие в руководстве партии противоречия по ряду вопросов стратегии и тактики, дошедшие вскоре до фактического раскола партии.

Прежняя тактика руководства КПЯ, возлагавшего главные надежды на американские оккупационные власти, оказалась непригодной в новой обстановке, что потребовало быстрой выработки новых тактических установок. Большое влияние на этот процесс оказала тактическая линия

¹ Акахата», 15.VII.1967.

Компартии Китая периода народно-освободительной революции, несмотря на существенное различие условий Китая и Японии.

Пекинское руководство стремилось догматически навязать опыт китайской революции народам других азиатских стран, в том числе и Японии. На конференции профсоюзов стран Азии и Океании, состоявшейся в Пекине в декабре 1949 года, представитель Китая заявил, что «путь, избранный китайским народом для победы над империализмом и для создания Китайской Народной Республики, — это путь, по которому должны идти народы многих колониальных и полуколониальных стран в борьбе за завоевание своей национальной независимости и народной демократии», что «этот путь есть путь Мао Цзэ-дуна». Япония в этом выступлении была безоговорочно отнесена к числу колониальных и полуколониальных стран.

Руководство КПЯ, вернее, его часть, поскольку партия в то время, по существу, осталась расколотой, некритически применило концепцию вооруженной борьбы за освобождение колониальных и зависимых стран к принципиально иным условиям Японии — страны высокоразвитого капитализма, где даже в обстановке американской военной оккупации господствующее положение занимал монополистический капитал.

Ориентировка партии на не соответствовавшую условиям Японии национально-освободительную революцию, в частности создание партизанских отрядов и «освобожденных районов» в горных местностях, нападения на полицейские участки и другие объекты в 1952—1953 годах, имели серьезные отрицательные последствия для КПЯ. Эти действия изолировали партию от масс, которые не поддерживали ее, по позднейшей оценке самих руководителей КПЯ, «левацкий, авантюристический» курс.

Левацкая тактическая линия была использована властями в качестве предлога для развязывания антикоммунистической кампании, для полицейских преследований и арестов коммунистов. Она нанесла огромный ущерб партии, ее влиянию в массах. КПЯ утратила почти все позиции, завоеванные ею в первые послевоенные годы. На выборах в палату представителей в 1952 году не было избрано ни одного депутата-коммуниста. Большая часть ячеек на предприятиях была разгромлена. Численность партии сократилась до нескольких десятков тысяч человек.

Подводя итоги развития партии, X съезд КПЯ отметил, что в течение первого послевоенного десятилетия «партия не сумела выработать правильный программный курс, который четко определял бы задачи и перспективы революционного движения»².

Поворот в деятельности КПЯ наступил на VI Национальной конференции, состоявшейся в июле 1955 года. Конференция объявила ошибочным левацкий авантюристический курс абсолютизации вооруженной борьбы, восстановила единое руководство партии, ориентировала партию на борьбу за укрепление влияния в массах, за создание единого фронта демократических сил. Конференция означала возобновление легальной деятельности партии.

Намеченная VI Национальной конференцией линия была развита в решениях VII съезда КПЯ (1958 г.). На работу съезда оказали большое воздействие документы международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1957 года, единодушно одобренные делегатами. Многие идеи Декларации 1957 года нашли отражение в обсуждавшемся на съезде проекте программы КПЯ, который, правда, из-за острых внутрипартийных разногласий был утвержден лишь на следующем, VIII съезде в 1961 году.

² «Дзэнэй», 1966, спец. вып., № 258, стр. 47.

Решения VII съезда КПЯ прошли практическую проверку в ходе борьбы партии вместе с другими демократическими силами страны против наступления реакции, в особенности против заключения нового японо-американского «договора безопасности», развернувшейся в 1959—1960 годах. В ходе этой борьбы, когда коммунисты вместе с социалистами, членами профсоюзов и других демократических организаций фактически создали единый фронт, организационным воплощением которого был Национальный совет борьбы против «договора безопасности», имевший более 2 тысяч отделений по всей стране, укрепился авторитет КПЯ в массах, ее численность увеличилась до 100 тысяч человек. Этому способствовало и организованное Центральным Комитетом КПЯ с 1959 года «движение за увеличение сил партии», целями которого было всемерное расширение партийных рядов и рост числа читателей партийной печати.

Однако, несмотря на невиданный подъем классовой борьбы, демократическим силам не удалось предотвратить подписание и ратификацию нового «договора безопасности». После вступления договора в силу начался отлив массового движения, среди его участников возникли настроения разочарования, пессимизма, апатии и неверия в успех дальнейшей борьбы.

Опасаясь перерастания классовой борьбы в массовое революционное движение, правящие круги усилили давление на демократические силы, стремясь вызвать разброд в их рядах. В этом они нашли поддержку со стороны США. Госдепартамент и другие американские организации и ведомства стали приглашать в США большие группы активистов профсоюзов и демократических организаций для ознакомления с «американским образом жизни», с опытом классового сотрудничества.

Вместе с этим усилилось давление на КПЯ и демократическое движение Японии со стороны Пекина. Китайское руководство, провозгласив свою особую линию в международном коммунистическом движении, стало повсюду искать сторонников, не останавливаясь перед открытыми раскольническими действиями в отношении коммунистических партий. Особое внимание в Пекине уделяли Компартии Японии, учитывая ее давние и тесные связи с КПК.

Часть руководителей КПЯ попала под влияние маоистских концепций и попыталась применить их в Японии. Результатом таких попыток было выступление КПЯ против забастовки работников государственных предприятий и учреждений в апреле 1964 года под предлогом необходимости сосредоточить все силы на «борьбе с американским империализмом» и не поддаваться на «провокации». Такая позиция КПЯ нанесла серьезный ущерб ее влиянию в рабочем классе, была использована правым крылом профсоюзного движения для развязывания антикоммунистической кампании, для изгнания из профсоюзов активистов — членов КПЯ.

Партия признала допущенную ошибку и проанализировала ее причины. «Некоторые руководители КПЯ, находившиеся тогда в Японии, отошли от линии программы партии за создание антиимпериалистического, антимонополистического единого фронта и подменили ее односторонним курсом на создание «антиамериканского патриотического единого фронта», на чем настаивал в то время Мао Цзэ-дун, касаясь борьбы японского народа, — указывал, например, VI пленум ЦК КПЯ в марте 1968 года. — Это была ошибка, совершенная в силу ряда факторов, к которым относятся отход от линии партийной программы, вызванный низкопоклонническим следованием установкам зарубежной партии, ряд ошибочных тенденций в руководстве профсоюзным движением — игнорирование экономической борьбы, недооценка забастовочной борьбы, превра-

шение в самоцель стремления избежать опасности репрессий и провокаций, механический отпор сектантским, раскольническим тенденциям внутри Сохио и СПЯ и т. д.»³.

В октябре 1965 года III пленум ЦК КПЯ призвал партию усилить работу по укреплению позиций в широких массах трудящихся города и деревни. Когда осенью 1965 года китайское руководство выступило с открытым призывом к расколу международного коммунистического движения, КПЯ, наоборот, подчеркнула важность создания международного единого антиимпериалистического фронта для борьбы с усилившейся агрессией США во Вьетнаме.

Пекинские лидеры, в том числе и сам Мао Цзэ-дун, используя поездку в Китай весной 1966 года делегации КПЯ во главе с тогдашним генеральным секретарем ЦК КПЯ К. Миямото, вновь пытались навязать японским коммунистам свою линию, в том числе и курс на абсолютизацию вооруженной борьбы, однако это давление было отвергнуто. Неудача переговоров делегации КПЯ в Китае послужила началом ухудшения взаимных отношений. Выступления хунвэйбинов против «ревизионистской группировки» КПЯ, их угрозы «размозжить собачьи головы» руководителям КПЯ, призывы Пекинского радио к японским избирателям не голосовать за кандидатов КПЯ на выборах в палату представителей в январе 1967 года, наконец, избиение представителей КПЯ на пекинском аэродроме — все это привело к разрыву отношений между КПЯ и КПК, к началу открытой полемики, продолжающейся до настоящего времени.

После разрыва с Пекином КПЯ еще настойчивее стала подчеркивать свою «самостоятельную, независимую» позицию, объявленную X съездом КПЯ основой политики партии. Одним из проявлений этой позиции было и неучастие КПЯ в работе международного Совещания коммунистических и рабочих партий в 1969 году.

Внутри страны КПЯ уделяла первостепенное внимание вопросам укрепления своего влияния в массах, сплочения единого фронта демократических сил. Совместные выступления коммунистов и социалистов, правда ограниченные во времени (так называемая «однодневная совместная борьба»), неоднократно организовывались под лозунгами протеста против заходов американских атомных подводных лодок в японские порты, против подписания и ратификации договора Японии с южнокорейским режимом. Компартия приняла активное участие в подготовке и проведении 21 октября 1966 года дня единых действий против американской агрессии во Вьетнаме, который с тех пор проводится ежегодно.

Единство действий демократических сил, в первую очередь коммунистов и социалистов, доказало свою жизнеспособность и силу, когда кандидаты блока этих двух партий побеждали в 1967—1971 годах на выборах губернаторов Токио, префектур Киото и Осаки, мэров городов Киото, Кавасаки и ряда других. В результате прогрессивные органы самоуправления, руководители которых избраны на свои посты при поддержке КПЯ, действуют в районах, где проживает около одной четверти всего населения страны.

Однако, несмотря на эти успехи, не удалось добиться создания единого фронта в общенациональном масштабе на продолжительное время. Отсутствие длительного единства демократических сил было одной из важнейших причин того, что борьба против «договора безопасности» в 1970 году не достигла таких масштабов, как это было десятилетием

³ «Акахата», 6.III.1968 г.

⁴ «Акахата», 16.VII.1967 г.

раньше, хотя в массовых выступлениях против военно-политического союза с США участвовало до 2 млн. человек.

Состоявшийся в том же, 1970, году XI съезд КПЯ уделил большое внимание проблеме создания единого фронта демократических сил. Подтвердив сформулированную в партийной программе задачу борьбы за единый национально-демократический фронт, съезд в соответствии с линией программы высказался за создание единого фронта хотя бы в пределах целей, способных сплотить демократические силы на данном этапе. На съезде был выдвинут лозунг единого фронта, выступающего за мир, нейтралитет, демократию и повышение жизненного уровня трудящихся. Партия считает, что таким путем может быть обеспечено народное единство, выражающее волю подавляющего большинства народа, создана основа образования демократического коалиционного правительства.

Съезд указал на возможность создания демократического коалиционного правительства уже в 70-х годах и разработал примерную программу такого правительства в целях привлечения широких масс на сторону единого фронта. В мае 1971 года, перед выборами в палату советников парламента, IV пленум ЦК КПЯ утвердил документ под названием «Основная политика Компартии Японии», в которой была подробно разъяснена программа демократического коалиционного правительства.

В области внешней политики эта программа предусматривает аннулирование японо-американского «договора безопасности», ликвидацию всех американских военных баз и сооружений на территории Японии, включая Окинаву, провозглашение нейтралитета Японии. Кроме того, демократическое коалиционное правительство должно предпринять все возможные дипломатические действия в целях урегулирования проблем Индокитая в соответствии с принципом права наций на самоопределение и вывод из Индокитая всех войск США и их союзников.

К числу основных задач относятся также восстановление дипломатических отношений между Японией и Китаем, заключение мирного договора между Японией и СССР, установление мирных отношений со всеми государствами в соответствии с принципами взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета, взаимного ненападения и невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства, взаимной выгоды и мирного сосуществования. В области ядерного разоружения предполагается принять закон о запрещении ядерного оружия и содействовать заключению международного соглашения о запрещении применения ядерного оружия.

В области внутренней политики важнейшей задачей демократического коалиционного правительства, к созданию которого призывает Компартия Японии, должна быть защита жизненного уровня народа. В качестве конкретных мер в этом направлении предусматривается создание парламентом специального органа по контролю за монопольными ценами и их снижению; прекращение инфляционной политики и стабилизация цен; разработка и осуществление долгосрочной программы предотвращения загрязнения окружающей среды и ее улучшения; принятие и реализация пятилетней программы жилищного строительства с использованием земельных участков, которые освободятся из-под американских военных баз, а также государственных и муниципальных участков. Далее предлагается введение единой общенациональной системы минимальной заработной платы и 40-часовой рабочей недели; введение целевой системы социального обеспечения, включающей медицинское обслуживание и пособия матерям, детям, по старости и по инвалидности; установление системы гарантированных цен для основных сельскохозяйственных продуктов; обеспечение многоотраслевого развития сельского хозяйства

Японии; ограничение импорта сельскохозяйственных продуктов из-за границы, в особенности из США; достижение самообеспеченности основными сельскохозяйственными продуктами.

Кроме того, КПЯ считает необходимым проведение независимой и мирной промышленно-экономической политики, защиту местного самоуправления и оказание ему финансовой помощи, недопущение ухудшения конституции, демократизацию управления, демократическое развитие образования и культуры.

КПЯ широко пропагандирует в массах идею единого фронта и демократического коалиционного правительства. Вместе с тем коммунисты используют все возможности для практической организации единых действий демократических сил. Большого размаха единые действия достигли в конце 1971 года в связи с ратификацией японским парламентом соглашения с США об Окинаве, которое предусматривает сохранение американских военных баз и после возвращения Окинавы под управление Японии.

Компартия Японии мобилизует массы трудящихся на борьбу за отказ от военно-политического союза с США, против возрождения японского милитаризма, за проведение Японией миролюбивой и нейтральной политики. Она осуждает агрессию американского империализма в Индокитае и активно участвует в борьбе против нее как внутри страны, так и на международной арене. Японские коммунисты выступают за укрепление сплоченности всех сил, борющихся против агрессивной политики империализма.

Большой размах приняло в Японии развернутое по инициативе КПЯ движение по сбору средств в фонд помощи борющимся народам Индокитая. За четыре года было собрано более 200 млн. иен, на эти средства приобретались медикаменты, медицинское и другое оборудование и шесть раз направлялись во Вьетнам.

Коммунисты принимают активное участие в борьбе трудящихся за свои права — в массовых «весенних и осенних наступлениях» рабочего класса, в крестьянском движении. Вместе с тем КПЯ ведет работу по повышению сознательности трудящихся, добиваясь понимания ими важности создания единого фронта.

Одним из важнейших условий укрепления единого фронта КПЯ считает рост своих сил и влияния в массах. В результате тринадцатилетнего «движения за увеличение сил партии» численность КПЯ увеличилась примерно до 300 тысяч человек, тираж ежедневной газеты «Акахата» превысил 400 тыс. экз., а ее воскресного выпуска — 1,5 млн. экземпляров.

О росте влияния КПЯ свидетельствуют ее успехи на последних выборах в парламент и органы местного самоуправления. Партия имеет 14 депутатских мест в палате представителей (из 491) и 10 — в палате советников (из 252). На выборах в палату советников в июне 1971 года за кандидатов КПЯ в местных избирательных округах голосовали почти 5 млн. избирателей, то есть 12% принявших участие в голосовании. После выборов 1971 года в органы местного самоуправления КПЯ имеет 2362 депутата в префектуральных, городских, районных, поселковых и сельских собраниях.

КПЯ придает большое значение разъяснению своей политики во время избирательных кампаний, поскольку в это время она имеет возможность непосредственного общения с широкими массами избирателей. Перед выборами КПЯ разрабатывает специальные документы, в которых популярно разъясняет свою линию по важнейшим вопросам внешней и внутренней политики. Партия уделяет особое внимание разработ-

ке конкретных программ решения наиболее актуальных для всей страны, а также для отдельных районов или слоев населения проблем — от дальнейшей судьбы «договора безопасности» до мер помощи крестьянам, занимающимся выращиванием мандаринов.

В ходе предвыборных кампаний КПЯ проводит большую организационную работу по привлечению избирателей на свою сторону, используя при этом «общества поддержки кандидатов», общая численность которых достигает 900 тыс. человек.

Партийное строительство, массовая работа и участие в избирательных кампаниях — таковы, по терминологии КПЯ, «три опоры», на которых строится вся деятельность партии.

Идя навстречу своему пятидесятилетию, КПЯ в соответствии с решениями состоявшегося в декабре 1971 года VI пленума ЦК осуществляет широкую программу дальнейшего роста численности своих рядов. Она готовится к дальнейшей борьбе за достижение коренного поворота в политике Японии в интересах народа на основе сплочения всех демократических сил.

Сунь Ят-сен — первый президент Китайской Республики

(К 60-летию свержения монархии и
утверждения республики в Китае)

С. Л. Тихвинский
член-корреспондент АН СССР

Восстание в г. Учане 10 октября 1911 года положило начало так называемой Синьхайской революции в Китае, которая свергла господство маньчжурской Цинской монархии, длившееся почти 268 лет, и покончила с феодальной монархией, существовавшей в Китае более двух тысячелетий¹. В ходе революции была провозглашена республика, временным президентом которой и главой временного революционного правительства в Нанкине стал крестьянский сын доктор Сунь Ят-сен.

Сунь Ят-сен (он же Сунь Вэнь, Сунь Чжун-шань, Сунь И-сянь) родился 12 ноября 1866 года в бедной крестьянской семье в деревне Цуйхэи уезда Сяншань провинции Гуандун в Южном Китае. «Сунь Ят-сен вышел из народа, — писала жена и верный соратник Сунь Ят-сена Сунь Цин-лин... — Он происходил из крестьян. Отец его был крестьянином, и все соседи в округе были крестьянами. Его семья, пока он и брат не подросли, перебивалась, еле сводя концы с концами»².

Ценой упорного труда Сунь Ят-сену удалось получить медицинское образование. Со студенческих лет он посвятил себя делу революционного свержения чужеземной феодальной маньчжурской монархии, установил связи с традиционными антиманьчжурскими обществами Южного Китая, а в 1894 году создал и возглавил первую буржуазно-демократическую революционную организацию: «Союз Возрождения Китая» — «Син Чжун хуэй», которая в 1895 году организовала свое первое антиманьчжурское восстание в Гуанчжоу, окончившееся, однако, неудачей. С тех пор на протяжении последующих шестнадцати лет Сунь Ят-сен всецело отдается делу борьбы за свержение Цинской династии, в которой он и его соратники видели олицетворение всех бед и тягот, обрушившихся на Китай и приведших его к положению полукolonии.

В 1905 году Сунь Ят-сен создал в эмиграции «Китайский Революционный Объединенный Союз» — «Чжунго тэмин тунмынхуэй», объединивший многочисленные антиманьчжурские организации в Китае в еди-

¹ Год «Синьхай» по традиционному китайскому лунному календарю длился с 30 января 1911 г. по 17 февраля 1912 г. Революция получила наименование Синьхайской, потому что и Учанское восстание и отречение маньчжурской Цинской династии имели место в году Синьхай.

² Soong Ching Ling, *The Struggle for New China*, Peking, 1952, p. 3.

ную партию, в основу программы которой легли разработанные Сунь Ят-сеном «три народных принципа»: «национализм» (свержение чужеземной маньчжурской династии и восстановление китайской власти), «народовластие» (ликвидация монархии и учреждение республики) и «народное благосостояние» (улучшение положения трудящихся масс в результате введения прогрессивного поземельного налога, на деле сводившегося к национализации земли).

Неоднократные вооруженные антиправительственные выступления, организовывавшиеся «Объединенным Союзом» и примыкавшими к нему революционными организациями, начиная с 1906 года следовали одно за другим и привели 10 октября 1911 года к свержению власти Цинского правительства в крупнейшем торгово-промышленном городе Центрального Китая — Учане — вместе с прилегающими городами Ханькоу и Ханьяном, образующими троюградье Ухань. Восстание в Учане, вспыхнувшее в условиях сложившейся в стране революционной ситуации, быстро, к декабрю 1911 года, распространилось на 15 провинций Центрального, Восточного и Южного Китая, одна за другой провозглашавших свержение цинской монархии и объявлявших себя сторонниками республиканской формы правления.

Во главе провинциальных правительств, создававшихся в ходе революции, становились, как правило, представители местных буржуазно-помещичьих сил, конституционные монархисты — по своим убеждениям ярые противники революционного претворения в жизнь программы «Объединенного Союза». Эти круги накопили известный политический опыт в ходе движения за введение конституции, развернувшегося в Китае после ознакомления с опытом партии кадетов в первой русской революции 1905—1907 годов. Провинции, провозгласившие в ходе Синьхайской революции свою независимость от Цинского правительства, не добивались полной провинциальной автономии и независимости; они ратовали за учреждение централизованной республики в стране путем созыва Национального собрания. Первая республиканская Национальная ассамблея — «Гэшэн дуду фу дайбяо лянхэхуэй» — была созвана в Шанхае и Ханькоу уже в ноябре 1911 г. из представителей военных губернаторов республиканских провинций — «дуду» или «дущюней» — и в декабре того же года переехала в Нанкин. 29 декабря 1911 года делегаты этой ассамблеи, представлявшие 17 провинций, провозгласили учреждение Китайской Республики и избрали Сунь Ят-сена, незадолго до этого вернувшегося в Китай после длительного пребывания в эмиграции, ее президентом. 28 января 1912 года Национальная ассамблея была реорганизована во «Временный сенат» — «Линши Цань и юань» в составе делегатов от провинций, провозгласивших свержение власти цинского двора. В разных провинциях выбор делегатов в Национальную ассамблею осуществлялся по-разному: путем личного назначения главой военного правительства, выбора на провинциальных совещательных ассамблеях или путем прямого избрания населением. В составе Национальной ассамблеи преобладали представители средней буржуазии и обуржуазившихся помещиков.

Официальная церемония провозглашения республики и вступление Сунь Ят-сена на президентский пост состоялись в Нанкине в январе 1912 года.

Вступая 1 января 1912 года на должность временного президента Китайской Республики, Сунь Ят-сен принес присягу, в которой обещал быть преданным интересам страны, всегда служить народу и сложить с себя полномочия лишь тогда, когда будет свергнуто цинское самодержавие, в стране воцарится мир и «Китайская Республика займет подо-

бающее ей место среди других государств мира и будет подобающим образом признана ими»³.

В своей «Декларации при вступлении на пост временного президента Республики» Сунь Ят-сен изложил основные направления внутренней и внешней политики своего правительства. В области внутренней политики Декларация ставила центральную задачу — объединение всей территории страны и всех проживающих на ней национальностей, объединение всех вооруженных сил в масштабах всей страны («военно-административное единство»), создание федерации самоуправляющихся провинций под руководством центрального правительства, объединение в масштабах всей страны финансовой и налоговой системы («финансово-административное единство»)⁴.

Во внешнеполитическом разделе Декларации Сунь Ят-сен выразил признательность правительствам держав за «позицию нейтралитета», а прессу и общественность иностранных государств благодарил за горячее сочувствие. «После учреждения Временного правительства, — писал Сунь Ят-сен в Декларации, — мы возьмем на себя выполнение всех функций цивилизованного государства, дабы воспользоваться всеми данными ему привилегиями. С позорными для нашей страны действиями периода правления маньчжурской династии Цин и духом антииностранинщины должно быть покончено навсегда. Мы будем придерживаться принципа сохранения мира и укреплять узы дружбы с доброжелательными к нам государствами. Следуя этим путем, мы сможем добиться уважения к Китаю на международной арене и способствовать продвижению всего мира к великому единению»⁵.

Основной практической задачей Временного революционного правительства в Нанкине было завершение переговоров с премьер-министром Цинского правительства и главнокомандующим цинской армией генералом Юань Ши-каем, полностью захватившим к тому времени в свои руки власть в Пекине, об условиях отречения Цинского правительства и введения республиканской формы правления. Не менее важной задачей Нанкинского правительства было изыскание средств для обеспечения деятельности правительства, ибо оно не располагало какой-либо собственной финансовой базой, а все налоговые поступления, собиравшиеся на территории, подконтрольной республиканцам, шли в распоряжение контролировавшихся англичанами морских таможен Китая; после вычета сумм, предназначавшихся для возмещения иностранных займов и уплаты контрибуции державам, остальные деньги таможенное управление по-прежнему передавало Пекинскому правительству, при котором был аккредитован дипломатический корпус. Сунь Ят-сен добивался признания Нанкинского правительства державами, рассчитывая, кроме всего прочего, таким путем обеспечить передачу морскими таможнями части налоговых поступлений, собираемых на республиканской территории, его правительству. 2 января 1912 года дипломатические и консульские представители держав в Китае были официально информированы о создании республиканского правительства, а 5 января Сунь Ят-сен обратился с «Воззванием временного президента Республики ко всем дружественным нациям», в котором излагал основные руководящие принципы внешней политики своего правительства и призывал державы признать Китайскую Республику.

³ «Синьхайская революция». Сб. документов и материалов в 8 томах, т. 8, стр. 8 (на китайск. яз.), Шанхай, 1957.

⁴ «Синьхайская революция 1911—1913 гг.». Сборник документов и материалов, М., 1968, стр. 138.

⁵ Там же, стр. 139.

Характеризуя в «Воззвании» 268-летнее маньчжурское правление в Китае как «преступление не только против человеческой морали, но и против всех цивилизованных наций», Сунь Ят-сен подробно перечислял все злодеяния и пороки Цинского правительства и заявил о решимости республиканцев довести до конца борьбу с «преступным правительством», «чтобы Китайская Республика жила в дружбе, основанной на равенстве, со всеми государствами мира»⁶. Далее временный президент Республики излагал следующие принципы внешней политики своего правительства:

1. Республика признает все договоры, заключенные Маньчжурским правительством с другими государствами до начала революции. Те договоры, которые заключены Цинским правительством с державами после начала революции, республиканцами не признаются.

2. Республика принимает на себя обязательства по всем внешним займам, без изменений их условий, если они заключены Маньчжурским правительством до начала революции, а также по уплате признанных ею контрибуций. Займы, заключенные Цинским правительством после начала революции, не признаются.

3. Республиканское правительство обязуется уважать все права, предоставленные Маньчжурским правительством до революции отдельным странам и отдельным гражданам иностранных государств. Права, предоставленные иностранным державам и отдельным лицам Маньчжурским правительством после начала революции, не признаются Республикой.

4. Республиканское правительство обязуется уважать и защищать жизнь и имущество граждан иностранных государств, находящихся на территории, на которую распространяется действие законов и власть республиканского правительства.

В заключении «Воззвания» Сунь Ят-сен выражал надежду, что Китайская Республика «получит всеобщее официальное признание держав и это позволит Китаю не только пользоваться всеми правами и привилегиями, но и внести свой вклад совместно со всеми государствами в дело беспредельного расцвета мировой цивилизации»⁷.

Этот призыв Сунь Ят-сена к иностранным державам, однако, остался без ответа, равно как и обращение 19 января 1912 года к державам министра иностранных дел Нанкинского правительства Ван Чун-гуя с просьбой о признании республиканского правительства. Державы демонстративно игнорировали Нанкинское правительство, продолжая признавать Цинское правительство в Пекине до последних дней его существования.

За короткий срок своего пребывания на посту главы Нанкинского революционного правительства Сунь Ят-сен развил активную деятельность, направленную на консолидацию республиканских сил и свержение Цинской монархии. Временное правительство приняло буржуазно-демократическую конституцию; впервые в истории Китая были провозглашены демократические свободы и права народа, предоставлено избирательное право женщинам, введена всеобщая воинская повинность.

Еще 5 января 1912 года в своем «Воззвании ко всем дружественным нациям» Сунь Ят-сен писал о стремлении республиканского правительства «создать государство на нерушимых и вечных основах» и выработать строго определенные, неизменные принципы, которые «непременно

⁶ «Синьхайская революция 1911—1913 гг.». Сборник документов и материалов, М., 1968, стр. 142.

⁷ Там же, стр. 144.

отвечали задачам развития национальной мощи». Он заявлял о своем неуклонном стремлении к поднятию жизненного и культурного уровня народа, к защите порядка, к изменению законов, пересмотру гражданского кодекса, торгового законодательства и установлений, касающихся разработки недр, улучшению финансов, отмене различных ограничений на торгово-предпринимательскую деятельность и обещал при разработке будущих законов руководствоваться «интересами и счастьем большинства граждан страны».

Вышеуказанные идеи нашли свое отражение и во Временной Конституции Китайской Республики, опубликованной в Нанкине 11 марта 1912 года, где указывалось, что «Китайская Республика создается народом Китая» (§ 1), «верховная власть Китайской Республики принадлежит всем гражданам страны» (§ 2), «народ имеет право избирать и быть избранным» (§ 12) и т. п.⁸

Ряд указов и распоряжений Временного правительства свидетельствовал о стремлении Сунь Ят-сена и его сподвижников не только обеспечить народу демократические права, перечисленные в Конституции («народ Китайской Республики пользуется одинаковыми правами независимо от расы, класса и религии»; «никто из граждан не может быть арестован, взят под стражу, отдан под суд или наказан в нарушение законов»; «проникнуть в жилище граждан или произвести в нем обыск можно лишь в соответствии с законом»; «народ свободен во владении собственностью и занятии предпринимательской деятельностью»; «народу предоставляется свобода слова, дискуссий, печати, а также собраний и организации обществ»; «народу гарантируется тайна переписки»; «народу предоставляется свобода в выборе местожительства и перемещении»; «народу предоставляется свобода вероисповедания» и т. д. и т. п.), но и улучшить материальное положение.

Таковы были указы о помощи пострадавшим от стихийных бедствий, о содействии переселению на целинные земли, о запрещении купли-продажи рабов.

Много внимания уделял Сунь Ят-сен вопросам экономического развития страны. Сунь-Ят-сен активно поддерживал создание «Общества по развитию промышленности в Китайской Республике», устав которого был опубликован 20 февраля 1912 года в официальном правительственном «Вестнике Временного революционного правительства»⁹. Во введении к уставу указывалось, что промышленное развитие Китая является лучшим средством улучшения жизни народа (миньшэн), то есть осуществления третьего из «трех народных принципов» Сунь Ят-сена.

В официальном «Правительственном Вестнике» мы находим также неоднократные обращения министра промышленности Чжан Цзяня к губернаторам провинций с призывами оказывать содействие мероприятиям министерства и создавать «департаменты по промышленности» при провинциальных правительствах, координировать деловую активность в масштабах всей страны и т. д.

Ввиду открытого вмешательства империалистических держав в Китайскую революцию на стороне реакционных феодально-компрадорских сил, группировавшихся вокруг генерала Юань Ши-кая, и из-за быстрого отхода от революции либеральных кругов китайской буржуазии и помещиков, напуганных ростом революционной активности масс, Сунь Ят-се-

⁸ Там же, стр. 181—182.

⁹ Текст официального «Правительственного Вестника» Временного Правительства в Нанкине — «Линши Чжэнфу гунбао» опубликован в специальном номере журнала «Цзиньдайши цзыляо», № 1, 1961 г., посвященном революции 1911 г. и озаглавленном «Синьхай гэмин изыляо».

пу пришлось уступить пост президента республики Юань Ши-каю, который в обмен на это принудил маньчжурский двор 12 февраля 1912 года подписать указ об отречении малолетнего императора Пу И от престола и введении республиканской формы правления¹⁰.

Синьхайская революция не смогла покончить с засильем феодальных и полуколониальных порядков в стране, но, даже потерпев поражение, она стала значительным этапом в истории общедемократической и национально-освободительной борьбы китайского народа. Как писал В. И. Ленин, «революционная демократия в Китае, несмотря на крупные недостатки ее вождя Сунь Ят-сена (мечтательность и нерешительность, зависящие от отсутствия у него пролетарской опоры), сделала очень многое для пробуждения народа, для завоевания свободы и последовательно демократических учреждений»¹¹.

В. И. Ленин относился с большой симпатией к Сунь Ят-сену, называл его представителем «боевой и победоносной китайской демократии», революционным демократом, полным благородства и героизма. Наряду с признанием прогрессивных сторон в программе и деятельности Сунь Ят-сена В. И. Ленин проницательно вскрыл утопические черты его платформы — надежду на возможность в тех конкретных исторических условиях «предотвратить» капитализм в Китае, избежать тех социальных бедствий и угнетения трудящихся масс, которые несет с собой этот эксплуататорский строй.

Деятельность Нанкинского революционного республиканского правительства Сунь Ят-сена, несмотря на кратковременность своего существования, не прошла бесследно; под знаменем борьбы за восстановление разработанной членами «Объединенного Союза» Временной Конституции 1912 года происходило объединение республиканских сил против монархического заговора Юань Ши-кая и произвола китайских милитаристов. Борьба за претворение в жизнь лозунга «Защита Конституции» — «хуфа» — во многом способствовала и возникновению первого мощного революционного выступления китайского народа в новейшую эпоху, после Великой Октябрьской революции в России, в период так называемого «движения 4 мая 1919 г.».

Несмотря на то что советскими учеными за последние годы проделана известная работа по изучению различных аспектов Синьхайской революции¹², деятельность Сунь Ят-сена на посту временного президен-

¹⁰ С. Л. Тихвинский, Свержение маньчжурской монархии в Китае (Революция 1911 года). Доклад на общем годовичном собрании АН СССР 28 мая 1971 г., Вестник Академии наук СССР, 1971, № 9, стр. 28.

¹¹ В. И. Ленин, Борьба партий в Китае, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 140.

¹² В 1962 году коллектив московских китаеведов выпустил специальный сборник статей «Синьхайская революция в Китае», освещающих главным образом экономические, политические и идеологические предпосылки революции. В 1964 г. вышла книга автора настоящей статьи «Сунь Ят-сен. Внешнеполитические воззрения и практика (из истории национально-освободительной борьбы китайского народа 1885—1925 гг.)», в которой глава III посвящена деятельности Сунь Ят-сена в период революции 1911 г. Ряд вопросов, связанных с участием Сунь Ят-сена в подготовке и проведении Синьхайской революции, поднимается в сборнике статей, выпущенном в связи со 100-летием со дня рождения Сунь Ят-сена, и в сборнике статей «Маньчжурское владычество в Китае», в опубликованном в 1968 г. сборнике документов и материалов «Синьхайская революция». Впервые на русском языке были введены в научный обиход материалы Учанского и Нанкинского революционных правительств, документы о ходе революции в различных провинциях Китая. Переведены и изданы «Избранные произведения Сунь Ят-сена», автобиография последнего маньчжурского императора Пу И, «Воспоминания о Сунь Ят-сене» Хэ Сян-нин. В 1971 г. вышла монография Е. А. Белова «Учанское восстание»; находится в типографии капитальная коллективная работа группы новой истории отдела Китая Института востоковедения АН СССР «Новая история Китая», в которой главы по истории Синьхайской революции занимают центральное место.

та Республики еще ожидает своего специального и всестороннего изучения.

В работах современных западных историков, посвященных истории Синьхайской революции и деятельности Временного революционного республиканского правительства в Нанкине, уделяется лишь попутное и весьма поверхностное внимание.

Даже в обстоятельном коллективном труде «Китай в революции: Первая фаза 1900—1913»¹³, вышедшем в 1968 году в США под редакцией профессора, известного китаеведа М. Райт, состоящем из 12 статей различных авторов, посвященных Синьхайской революции, не нашлось места для специального исследования деятельности первого в истории Китая республиканского правительства¹⁴. Это далеко не случайно. Западные авторы в своих работах стремятся принижать роль Сунь Ят-сена и руководимого им «Объединенного Союза» в подготовке и осуществлении революции 1911—1913 годов.

В капитальной работе по новой и новейшей истории стран Восточной Азии, принадлежащей перу ведущих американских востоковедов Джона К. Фэрбенка, Эдвина О. Рэйшауэра и Альберта М. Крэйга, «Восточная Азия. Современная трансформация» о Временном нанкинском правительстве, учрежденном революционерами в ходе Синьхайской революции, мы находим лишь самое беглое упоминание¹⁵.

Не больше внимания уделяет этому вопросу и автор обстоятельной монографии по новой и новейшей истории Китая, американский историк Иммануэль Сю, всю характеристику деятельности Нанкинского правительства излагающий несколькими фразами и сводящий ее «лишь к введению европейского календаря»¹⁶. Историки КНР, в 1949—1965 годах проводившие сбор и анализ большого количества материалов и документов революции 1911 года, проделавшие большую работу по выявлению и опросу ее участников и очевидцев, за последние 7 лет полностью прекратили публикацию в открытой печати своих работ по новой и новейшей истории.

Тем не менее среди китайского народа не угасла память о выдающемся революционере-демократе, первом президенте Китайской Республики докторе Сунь Ят-сене, которому еще в 1925 году был посмертно присвоен титул «отца государства» — «гофу».

Ежедневно сотни посетителей посещают мавзолей Сунь Ят-сена в Нанкине и музей-мемориал в Биюньсы — «Храм лазоревых облаков» — близ Пекина, где на белом мраморе высечены завещание Сунь Ят-сена и текст его предсмертного послания Центральному Исполнительному Комитету Союза Советских Социалистических Республик, в котором Сунь Ят-сен завещал китайскому народу навеки идти рука об руку со своим лучшим другом и союзником — Советским Союзом.

¹³ «China in Revolution: The First Phase 1900—1913». Edited and with an introduction by Mary Clabough Wright, New Haven and London, Yale University Press, 1968.

¹⁴ Лишь в статье французского автора Мари-Клэр Бэржер «Роль буржуазии», помещенной в вышеупомянутой коллективной работе, частично затрагивается вопрос о взаимоотношениях Нанкинского правительства с буржуазией Шанхая. Marie-Claire Bergère, *The Role of Bourgeoisie*, op. cit., pp. 286—290. См. также отдельную работу того же автора: Marie-Claire Bergère, *La bourgeoisie chinoise et la révolution de 1911*, La Haye — Paris, 1968.

¹⁵ John K. Fairbank, Edwin O. Reischauer, Albert M. Craig. *A History of East Asian Civilization Volume Two. East Asia. The Modern Transformation*, Boston, 1965, p. 640—641.

¹⁶ Immanuel C. Y. HSU. *The Rise of Modern China*, New York, 1970, p. 558.

О политических контактах Мао Цзэ-дуна с Эдгаром Сноу

А. С. Титов

Политические контакты Мао Цзэ-дуна с американским журналистом Эдгаром Сноу¹ занимают особое место как в политической биографии Мао Цзэ-дуна, так и в китайско-американских отношениях.

Впервые Мао Цзэ-дун встретился с Э. Сноу летом 1936 года в северной Шэньси в местечке Баоань, куда Сноу прибыл из Пекина нелегально. В организации его нелегальной поездки принимали участие видные деятели КПК, в частности Лю Шао-ци и Кэ Цин-ши, которые тогда работали в Северном Китае и возглавляли Северокитайское бюро ЦК КПК.

В то время руководство КПК было заинтересовано в посещении советского района в северной Шэньси западным буржуазным корреспондентом, который смог бы более или менее объективно проинформировать внешний мир и китайцев, проживающих в гоминьдановских районах, о деятельности КПК и китайской Красной армии, о их целях и задачах, и тем самым разоблачить ложь, распространяемую о них гоминьдановской реакцией. По словам Чжоу Энь-лая, руководству КПК об Э. Сноу тогда было известно, что он является «надежным журналистом», «дружески настроенным к китайскому народу, и ему можно верить, что он расскажет правду»².

Что же касается самого Э. Сноу, то, будучи в те годы корреспондентом американской газеты «Нью-Йорк сан» и специальным корреспондентом английской газеты «Дейли геральд», он поехал в северную Шэньси не ради простого журналистского любопытства, а с важными политическими целями. По собственному признанию, он отправился в красный Китай прежде всего для того, чтобы ответить на вопросы, «которые интересовали всех, имеющих отношение к политике... на Востоке»³.

¹ Э. Сноу (1905—1972 гг.) — уроженец штата Миссури (США), учился в Миссурийском и Колумбийском университетах. Начал свою карьеру в Китае в 1928 г. в качестве корреспондента реакционной американской газеты «Чикаго трибюн». В 1933—1935 гг. работал преподавателем в созданном под покровительством американских миссионеров Яньцзинском университете в Пекине, который в то время являлся одним из политических центров американского проникновения в Китай. В Китае он пробыл до 1942 г., являясь корреспондентом различных американских газет и английской газеты «Дейли геральд». После этого он бывал в Китае в 1943, 1960, 1965 и 1970—1971 гг.

² Э. Сноу, Красная звезда над Китаем, Нью-Йорк, 1961 г., стр. 49 (на англ. яз.).

³ Там же, стр. 4.

Крупный американский специалист по Китаю Джон Фэйрбэнк, характеризуя Э. Сноу, писал: «Эдгар Сноу является деятельным человеком, скорее готовым поддерживать достойные дела, чем быть только пассивным наблюдателем. Более того, он оказался... репортером, способным оценивать главные тенденции эпохи и описывать их в ярких красках для американского читателя. В 1936 году он находился на острие американской экспансии в Азии... достигшей к этому времени своего апогея в результате деятельности в течение целого столетия коммерсантов, дипломатов и миссионеров»⁴.

Во время пребывания Э. Сноу в северной Шэньси во временной столице красного Китая — Баоане он фактически был личным гостем Мао Цзэ-дуна. С последним, подчеркивает Э. Сноу, он встречался ежедневно. «Мао Цзэ-дун приглашал меня регулярно отведать хлеба с горьким перцем или компот, приготовленный госпожой Мао (Хэ Чжи-чжэнь) из местных кислых слив. После этого мы говорили часами, иногда даже до рассвета. В то время было кратковременное затишье в военных действиях и Мао имел некоторый досуг»⁵.

Будучи крайне тщеславным и честолюбивым, претендуя на роль вождя КПК и китайской революции, Мао Цзэ-дун решил использовать приезд в Баоань Э. Сноу не столько в интересах Коммунистической партии Китая, сколько в своих личных целях. К тому времени (ему шел 43 год) он уже вполне сложился как политический деятель, имеющий большой опыт закулисной внутрипартийной и фракционной борьбы. В результате этой борьбы ему удалось укрепить свое положение в руководстве КПК, но как в Китае, так и за его пределами он был малозвестным человеком. Поэтому, обхаживая Э. Сноу, Мао Цзэ-дун преследовал весьма далеко идущие замыслы и честолюбивые мечты. Прежде всего он стремился при содействии американского журналиста нажить себе политический капитал, в частности рассчитывал, что ему удастся через Сноу ознакомить внешний мир со своей «незаурядной» личностью, со своими взглядами и идеями и что все это произведет должный эффект не только в самом Китае, но и за его пределами, привлечет к нему внимание и будет способствовать росту его популярности.

Кроме того, вынашивая основы своего особого мелкобуржуазно-националистического курса развития китайской революции, Мао Цзэ-дун возлагал определенные надежды на Соединенные Штаты Америки, считая, что США — «самая демократическая страна в мире», имеющая свои интересы в Китае, не только окажет помощь китайцам в их борьбе против японской агрессии, но и поможет ему бороться против гоминьдановского режима Чан Кай-ши. Мао Цзэ-дуну было известно, и Э. Сноу это подтвердил, что либерально-демократические круги США недовольны крайне реакционной политикой гоминьдановского режима Чан Кай-ши, которая, по их мнению, мешает объединению Китая под эгидой Вашингтона. Одновременно, он вынашивал надежды и на возможность щедрых капиталовложений США в экономику Китая в случае победы новодемократической китайской революции. Поэтому Мао Цзэ-дун рассчитывал через Эдгара Сноу и при его помощи заинтересовать правящие круги США тем «движением», которое он возглавляет, показать им, что это «движение» ничего общего не имеет с «ортодоксальным» марксизмом-ленинизмом, с международным рабочим и коммунистическим движением и с его авангардом — Советским Союзом.

⁴ Э. Сноу, Красная звезда над Китаем, Нью-Йорк, см. предисловие Джона Фэйрбэнка (на англ. яз.).

⁵ Там же, стр. 124.

При этом следует подчеркнуть, что к тому времени все сильнее и сильнее начала расти неприязнь Мао Цзэ-дуна к Коминтерну и Советскому Союзу. Эта неприязнь вытекала прежде всего из его мелкобуржуазных, крайне националистических, шовинистических убеждений, а также из полного непонимания новой политики КПК о едином национальном антияпонском фронте, разработанной в соответствии с историческим решением VII конгресса Коминтерна, которая предусматривала сотрудничество КПК с гоминьданом на общей платформе борьбы против японской агрессии, без чего нельзя было добиться прекращения гражданской войны и объединения всех национальных сил для отпора внешнему врагу. Кроме того, по своему мировоззрению Мао Цзэ-дун был далек от марксизма-ленинизма и не считал путь Великой Октябрьской социалистической революции приемлемым для Китая. (Хотя в 1949 году он лицемерно говорил о приемлемости этого пути для китайских коммунистов.) Об этом он довольно откровенно заявил американцам в 40-х годах. «Мы не стремимся к социальному и политическому образцу коммунизма Советской России. Скорее предпочитаем думать, что мы делаем нечто такое, за что сражался Линкольн во время Гражданской войны за освобождение рабов. В Китае сегодня мы имеем миллионы рабов, законных в кандалы феодализма»⁶.

Питая в 1936 году определенные иллюзии в отношении США, Мао Цзэ-дун соответственно и строил свои беседы с их представителем — Эдгаром Сноу. Разговор Мао Цзэ-дуна с последним не ограничивался лишь тем, что позднее было опубликовано. По признанию Э. Сноу, с самого начала беседы строились на доверительной основе и «иногда» носили конфиденциальный характер. «Меня просили, — писал Э. Сноу, — не разглашать «противнику» информацию военного характера, и мне, конечно, было рассказано несколько вещей конфиденциально, и я это держал в секрете»⁷. Впоследствии американский журналист кое-что сообщил из этих конфиденциальных бесед, главным образом в своих обобщениях, но в основном придерживался правила не публиковать того, что ему не рекомендовал его собеседник. Этим он, видимо, и снискал к себе огромное доверие Мао Цзэ-дуна.

Ведя с Э. Сноу конфиденциальные беседы, Мао Цзэ-дун прекрасно понимал, что они станут достоянием тех правящих кругов США, в которых он был заинтересован.

Во время этих встреч Мао Цзэ-дун рассказал американцу свою биографию. Отличительной чертой автобиографического рассказа Мао Цзэ-дуна является стремление создать о себе впечатление как об одной из наиболее выдающихся и загадочных личностей XX века с одновременным подчеркиванием своих незаурядных способностей, либерально-демократических устремлений, самобытности суждений, самостоятельности поступков и действий. Это была своеобразная самореклама, рассчитанная на внутренний и внешний рынки.

Будучи членом КПК и являясь одним из ее руководителей, Мао Цзэ-дун, естественно, не мог открыто излагать в автобиографическом рассказе свои подлинные взгляды. Поэтому ему пришлось преподносить их в туманной, завуалированной форме, прибегая к инсинуации, говорить намеками. И тем не менее при тщательном изучении нельзя не обратить внимания на тот факт, что в этом рассказе Мао Цзэ-дун хотя расплывчато, но достаточно ясно проводит мысль о том, что главной

⁶ Г. Форман, Сообщение из красного Китая, Нью-Йорк, 1945, стр. 178 (на англ. яз.).

⁷ Э. Сноу, Черновые заметки о красном Китае (1936—1945), Кембридж (США, 1957, предисловие автора на англ. яз.).

движущей силой всех его побуждений, начиная с ранней юности, был китайский национализм и либеральный демократизм. Он предпочитал говорить о чем угодно, но только не о марксизме-ленинизме. Ни слова не было сказано и о той огромной интернациональной помощи, которую международное рабочее и коммунистическое движение в лице Коминтерна и КПСС оказывало китайской революции и КПК в строительстве и укреплении партии, китайской Красной армии, в разработке теоретических и практических проблем революционного движения в Китае, подготовке кадров и т. п. Напротив, он подверг критике, в сущности, с троцкистских позиций линию Коминтерна в период китайской революции 1925—1927 годов и после ее поражения и изобразил дело так, что все важнейшие теоретические и практические вопросы китайской революции были разработаны лично им, а не ЦК КПК совместно с Коминтерном. Поэтому для Э. Сноу не составляло большого труда распознать истинную натуру Мао Цзэ-дуна, его чаяния и стремления, его политические взгляды.

Как явствует из позднейших публикаций Э. Сноу, на основании этих первых бесед с Мао Цзэ-дуном он пришел к выводу, что Мао Цзэ-дун является прежде всего китайским националистом, мало чем отличающимся от гоминьдановцев периода китайской революции 1925—1926 годов, что он не является приверженцем марксизма-ленинизма и русского пути социалистической революции, что он недружественно настроен к Коминтерну и Советскому Союзу. Более того, по признанию самого Сноу, на основании бесед с Мао Цзэ-дуном и другими в 1936 году он пришел к выводу о неизбежности будущего конфликта между Китаем и Советским Союзом в случае прихода Мао Цзэ-дуна и его приверженцев к власти⁸.

Все это не могло не заинтересовать определенные антикоммунистические и антисоветские круги США и Англии. Поэтому не случайно редакции крупнейших американских и английских буржуазных газет так охотно предоставили свои страницы для пространных публикаций Э. Сноу о Мао Цзэ-дуне.

Эдгар Сноу оказался первым из западных буржуазных журналистов, который энергично приступил к популяризации чуждого марксизму-ленинизму политического курса и взглядов Мао Цзэ-дуна, выдавая их за марксистско-ленинские, а самого Мао Цзэ-дуна стал рекламировать как не сравнимого ни с кем руководителя и вождя КПК, который является «военным и политическим стратегом, напоминающим гений Ленина»⁹.

Естественно, такая идеализированная и чрезмерно преувеличенная характеристика пришлась по душе честолюбивому и тщеславному Мао Цзэ-дуну.

На основании своих газетных публикаций Э. Сноу подготовил и опубликовал в 1937 году в Лондоне, а в 1938 году в Нью-Йорке книгу «Красная звезда над Китаем», которую западная буржуазная печать назвала «пророческой». В этой книге был опубликован и автобиографический рассказ Мао Цзэ-дуна. Американские и другие коммунисты подвергли критике автора и его книгу, написанную с антикоминтерновских и троцкистских позиций. Компартия США запретила своим книжным киоскам распространять и продавать ее. Однако Мао Цзэ-дун встал на защиту Э. Сноу и его книги. Он заявил, что в ней «правильно излагается политика партии и его собственные взгляды». Э. Сноу он назвал «автором правдивой книги о нас»¹⁰.

⁸ Э. Сноу, На другом берегу реки. Красный Китай сегодня, Нью-Йорк, 1963, стр. 69 (на англ. яз.).

⁹ См. Э. Сноу, Человек силы и магической жизни, «Дейли геральд», 11.III. 1937 г.

¹⁰ Э. Сноу, Черновые заметки о красном Китае..., стр. 73.

В 1939 году американский журналист вновь встретился с Мао Цзэ-дуном. По его словам, они беседовали несколько раз, главным образом в неофициальной обстановке. Сноу взял у Мао Цзэ-дуна два официальных интервью. Одно из этих интервью носило откровенно провокационный характер, так как оно было направлено на еще большее ухудшение уже обострившихся отношений между КПК и гоминьданом, могло способствовать расколу единого фронта и разрыву сотрудничества коммунистов с гоминьдановцами. Руководство КПК расценило это интервью как провокационное и вину за него возложило на Э. Сноу. Мао Цзэ-дуну пришлось всячески изворачиваться и утверждать, что он якобы не проверил это интервью, хотя позднее американский журналист говорил, что оно было лично отредактировано Мао Цзэ-дуном. В результате для Э. Сноу проезд в Яньань был закрыт и встречи между ним и Мао Цзэ-дуном временно прекратились. Тем не менее именно Эдгар Сноу положил начало тому флирту между Мао Цзэ-дуном и американскими дипломатами и военными, который особенно активизировался после вступления США в войну против Японии (1941—1945) и после длительного перерыва возобновился вновь в наши дни.

В 1937 году при содействии Э. Сноу началось паломничество американцев в Яньань, куда незадолго до этого переехало руководство КПК и Мао Цзэ-дун. Так, до начала японо-китайской войны (1937—1945) туда отправились издатель журнала «Амерэйша» Филипп Джаффе, работник одного из отделений Института тихоокеанских отношений (разведчик), Т. А. Биссон, известный американский синолог Оуэн Латтимор, жена Э. Сноу (литературный псевдоним Ним Уэлс) и другие. После начала японо-китайской войны в Яньань и в район действий 8-й армии отправился помощник военно-морского атташе США в Китае Эванс Карлсон; в Северный Китай, в район действий 8-й армии, едет журналист Халдор Хэнсон и другие. В Яньани при руководстве КПК и Мао Цзэ-дуне все это время находился американец Джордж Хайтэм (он же Ма Хай-дэ), врач по специальности, который прибыл в северную Шэньси вместе с Э. Сноу летом 1936 года и остался там ¹¹.

Следует отметить, что ряд видных американских дипломатов и военных в Китае, основываясь на сведениях, сообщенных Э. Сноу, и других данных, считали лидеров КПК, и прежде всего Мао Цзэ-дуна, «маргиналовыми коммунистами», «сторонниками аграрных реформ» и «хорошими демократами в душе», с которыми можно иметь серьезные дела. Некоторые из них сравнивали Мао Цзэ-дуна с бывшим лидером английских лейбористов Макдональдом. После вступления США в войну против Японии они были сторонниками одновременной поддержки Чан Кай-ши и использования Мао Цзэ-дуна и вооруженных сил КПК в интересах США. Президент Рузвельт в известной степени разделял эту точку зрения.

Для того, чтобы определить военный потенциал китайских коммунистов, а также изучить политические взгляды руководства КПК, в частности ориентируется ли оно на Советский Союз и т. п., правительство США направило в Яньань в июле 1944 года свою специальную миссию под видом так называемой «союзнической группы наблюдателей» в количестве 18 человек, состоявшую в основном из работников американских раз-

¹¹ Джордж Хайтэм впоследствии женился на китайке, приняв гражданство КНР. В настоящее время проживает в Пекине и работает в Институте венерических и кожных заболеваний.

ведслужб (армии, госдепартамента и др.). В Яньани этой миссии был оказан очень радушный и теплый прием и предоставлены все возможности для ее деятельности, в частности для ознакомления с положением в Особом пограничном районе и антияпонских партизанских базах в Северном Китае, находившихся под контролем КПК, а также для сбора разведывательных данных о японцах и т. п.

Используя пребывание американской специальной миссии в Яньани, Мао Цзэ-дун пытался добиться от правительства США политического признания, оказания военной и экономической помощи с целью укрепления своих позиций в борьбе против Чан Кай-ши, зная, что американское военное командование (генерал Стилуэлл) и работники посольства США в Китае недовольны Чан Кай-ши и его действиями. В этих целях он был готов отказаться от основных принципов марксизма-ленинизма, порвать всякие связи с мировым коммунистическим движением, с КПСС. Он убеждал американцев в том, что «американская дружба и помощь для Китая более важны, чем русская», что они, китайские коммунисты, «независимы от Москвы» и не ждут «русской помощи», что «китайские и американские интересы сходны и взаимосвязаны», что «они согласуются друг с другом экономически и политически», что «Америка и Китай дополняют друг друга экономически: они не будут конкурировать между собой», что «у Китая нет потребности в развитии крупной тяжелой промышленности... Китай нуждается в создании легкой промышленности...», что «Америка не только самая подходящая страна для оказания помощи в экономическом развитии Китая, но и единственная страна, способная участвовать в нем», что «между народами Китая и народом Соединенных Штатов существуют прочные узы симпатии, взаимного понимания и взаимного интереса» и т. д. и т. п.¹²

Одновременно Мао Цзэ-дун пытался убедить американцев в том, что «политика китайских коммунистов является только либеральной», что «даже наиболее консервативные американские деловые люди» не найдут в программе китайских коммунистов ничего такого, против чего можно было бы возразить, что Соединенные Штаты найдут китайских коммунистов более сговорчивыми, чем гоминьдан, что «мы можем и должны работать»¹³.

Мао Цзэ-дун ратовал за объединенное американо-китайское командование на китайско-японском фронте во главе с американским генералом и за ввод американских войск в Китай, против чего возражало Наикинское правительство Чан Кай-ши. Он считал, что пребывание американских войск в Китае будет способствовать «демократизации» страны. Мао Цзэ-дун говорил второму секретарю посольства США в Чунцине Джону Сервису, который находился в составе группы военных наблюдателей в Яньани и одновременно являлся политическим советником американского командующего генерала Стилуэлла, что «мы, китайцы, считаем американцев идеалом демократии». При этом он рекомендовал Сервису, чтобы американские офицеры и солдаты, находясь в Китае, при встречах с китайцами всячески пропагандировали американскую демократию¹⁴.

По данным американцев, в 1945 году руководство КПК обратилось к генералу Ведемейру с просьбой «обеспечить тайный проезд Мао

¹² Д. Ж. Сервис, Документы по делу журнала «Амерэйша». Некоторые проблемы истории отношений между США и Китаем, Беркли (США), 1971, стр. 173—175 (на англ. яз.).

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

Цзэ-дуна и Чжоу Эн-ляя в Вашингтон для совещания с Рузвельтом». Они были готовы «вести серьезные дела» с Соединенными Штатами¹⁵.

Характеризуя позицию Мао Цзэ-дуна в отношении Вашингтона, бывший посланник США в Японии Джон Эммерсон, который посетил Китай в 1944 году и встречался с Мао Цзэ-дуном, Чжоу Эн-лаем, Кан Шэном и другими, в 1971 году писал в японском журнале «Пасифик коммьюнити»: «В 1944 году Мао стремился завоевать доброжелательность американцев. Его ближайшей надеждой было получить военную помощь, которая ему была нужна, чтобы укрепить свои вооруженные силы и свое правительство... Коммунистические руководители в 1944 году, вероятно, считали, что сотрудничество с Соединенными Штатами будет возможно даже после свержения ими националистического правительства. Мао и его сторонники, вероятно, полагали, что Соединенные Штаты... будут сотрудничать с ними после войны. Они считали, что американцы могут помочь и помогут развитию Китая. Это была не такая уж беспочвенная мысль, хотя она теперь может показаться такой». Далее Джон Эммерсон указывает, что «поучительно напомнить, что китайцы в Яньани говорили нам в 1944 году». Прочитав вышеприведенные слова Мао Цзэ-дуна, он пишет, что эти слова «не включены в его красную книжечку с цитатами, но они тем не менее подлинны».

Однако «первый тур» американо-китайского флирта не привел к каким-либо результатам. Одной из главных причин этого явилось то, что американские правящие круги, среди которых было сильно влияние «нанкинского» лобби, не решились в то время делать ставку на Мао Цзэ-дуна. Их преследовал страх. За его спиной им чудился призрак Коминтерна и Советского Союза, хотя лидер КПК из всех сил пытался доказать им свою «независимость» от последних.

Будучи лишенным возможности поддерживать непосредственный контакт с лидером КПК, по указанным ранее причинам, Э. Сноу продолжал интересоваться событиями в Китае и принимал самое активное участие в разработке американской политики в отношении Мао Цзэ-дуна и его сторонников. По его словам, став военным корреспондентом после нападения японцев на американскую военную базу в Пирл-Харборе, он «посетил Китай в 1942 и 1943 годах и разговаривал как с коммунистическими, так и с гоминьдановскими лидерами»¹⁶. В 1942, 1944 и 1945 годах Э. Сноу трижды был принят президентом Рузвельтом и обсуждал с ним положение в Китае и возможности сотрудничества с Мао Цзэ-дуном.

Э. Сноу играл активную роль в разработке американской политики в отношении Китая не только во времена Рузвельта, он продолжал это делать и до последнего времени. Несмотря на то что Э. Сноу с конца 40-х годов и в течение 50-х годов фактически выступал не только с антикоммунистических, но и с антикитайских позиций, в частности по вопросу американо-корейской войны в 1950—1953 годах, при содействии Мао Цзэ-дуна он в 1960 году получил разрешение на въезд в КНР. По его словам, он не ожидал такого теплого и радужного приема, какой встретил в Пекине. Ему были предоставлены самые широкие возможности для ознакомления со страной. Американский журналист посетил районы, куда

¹⁵ См. Джон Гаттингс, Возвращение к старому, «За рубежом», 1969, № 4/449, стр. 18.

¹⁶ Э. Сноу, Красная звезда над Китаем, предисловие автора к изданию 1944 г.

вообще был запрещен въезд иностранцам. Его неоднократно принимал и премьер Чжоу Энь-лай и Мао Цзэ-дун. Если Чжоу Энь-лай дал ему «исчерпывающее объяснение китайско-американских проблем и изложил китайскую политику», то беседы с Мао Цзэ-дуном носили конфиденциальный характер. По данным американцев, все то, что Мао Цзэ-дун говорил Э. Сноу, в течение 9 часов «было адресовано Белому дому. Когда Сноу вернулся домой, его пригласили в госдепартамент для интервью»¹⁷.

После возвращения из КНР в США Сноу написал большую книгу о своей поездке, озаглавив ее «На другом берегу реки. Красный Китай сегодня». В этой книге он более откровенно и цинично противопоставляет Мао Цзэ-дуна и КПК международному коммунистическому движению, и прежде всего КПСС. Книга полна различных антисоветских измышлений и клеветы. В то же время в ней всячески раздуваются «успехи и достижения КНР под руководством Мао Цзэ-дуна».

Некоторые западные буржуазные обозреватели, рецензируя эту книгу, справедливо отмечали ее внешнеполитическую направленность. Так, француз Жан Гийлермас указывал, что Эдгар Сноу предлагает госдепартаменту США определенную программу, а именно: «Прекращение поддержки, оказываемой 7-м американским флотом прибрежным островам Цзиньмэнь и Мацзу, пересмотр политики эмбарго на стратегические товары в отношении китайского континента, обмен визитами и т. п.». «Тогда, по мнению Э. Сноу, — пишет Гийлермас, — мирное сосуществование найдет сторонников в Пекине и соответственно ослабит напряженность между Вашингтоном и Пекином»¹⁸.

Как известно, Эдгар Сноу посетил КНР в 1964—1965 и в 1970—1971 годах и встречался с Мао Цзэ-дуном и Чжоу Энь-лаем. Все эти поездки по времени совпадали с наиболее важными событиями в жизни КНР или в китайско-американских и китайско-советских отношениях. Одной из главных тем, обсуждавшихся с Мао Цзэ-дуном и Чжоу Энь-лаем в 1960, 1964—1965, 1970—1971 годах были китайско-американские и китайско-советские отношения. Хотя «поездки Сноу в Пекин носят «частный» характер, — писала польская газета «Жиче Варшавы», — однако не вызывает сомнения, что он используется обеими сторонами в качестве неофициального посредника»¹⁹.

Политические контакты Мао Цзэ-дуна с Эдгаром Сноу в 60—70-е годы сыграли весьма важную роль в возобновлении диалога между правительствами КНР и США и в создании соответствующих предпосылок для наметившегося в последнее время сближения Пекина с Вашингтоном, в том числе и для переговоров о визите президента США Никсона в КНР. Эдгар Сноу был первым, кто еще в апреле 1971 года известил мир о том, что Мао Цзэ-дун готов принять Ричарда Никсона.

Таким образом, политические контакты Мао Цзэ-дуна с Эдгаром Сноу занимают особое место как в политической деятельности Мао Цзэ-дуна, так и в китайско-американских отношениях. Они практически всегда использовались Мао Цзэ-дуном для налаживания китайско-американских контактов. Косвенным доказательством этого служит доклад президента США конгрессу о внешней политике страны, в котором, в частности, он заявил, что его визит в Пекин в феврале этого года явился «результатом тщательно организованной серии шагов», стал «кульмина-

¹⁷ См. статью Джека Андерсона в воскресном приложении газеты «Вашингтон пост» — «Пэрейд», 6.II.1972 г.

¹⁸ См. рецензию Гийлермаса в газете «Монд», 4.IV.1963, стр. 3.

¹⁹ См. «Жиче Варшавы», 28.IV.1971 г.

цией трех лет взаимных усилий». Бесспорно, что контакты Э. Сноу в 60—70 годы с руководством КПК были составной частью этой «серии шагов» и «взаимных усилий».

Эдгар Сноу использовал свою «дружбу» с Мао Цзэ-дуном в интересах правящих кругов США. С его помощью Белый дом осуществлял непосредственный политический зондаж руководства КПК. Главной целью этого зондажа было выявление тех общих интересов, на основе которых было бы возможно сближение американских лидеров с маоистским руководством и начало ведения переговоров между ними. Посредник правительства Вашингтона Э. Сноу внес свою посильную «лепту» в подготовку американо-китайских переговоров в Пекине.

Однако сам он не дожид до их начала всего лишь шесть дней. 15 февраля 1972 года Э. Сноу скончался в Швейцарии, где жил в последнее время.

Задачи изучения китайской литературы

*Н. Т. Федоренко,
член-корреспондент АН СССР*

Утверждение марксистского мировоззрения ознаменовалось принципиально новым подходом и решением всей совокупности проблем, связанных с идеологической жизнью общества, с творческой деятельностью человека. История подтверждает глубокую научность марксистских положений, относящихся к анализу историко-литературного процесса, художественного творчества, эстетического отношения к действительности. Марксистско-ленинская методология лежит в основе нашего подхода в определении задач в исследовании литературного процесса в Китае.

Создание в СССР марксистской истории китайской литературы — главная задача советских китайствоведов-литературоведов. В соответствии с этим перед ними стоят многие задачи проблемного и частного характера.

Это прежде всего изучение закономерностей процесса развития литературы, исследование основных направлений словесно-речевого творчества — демократического и аристократического, выявление реалистического творчества и т. д. Важную задачу в изучении истории китайской литературы мы видим во всестороннем исследовании связей писателя с жизнью его эпохи, в изу-

чении его мироощущения и творчества, в органическом единстве идейности содержания и художественности.

Задачу историков китайской литературы мы видим также в том, чтобы развитие художественно-речевого искусства Китая показать во взаимосвязи и взаимодействии с различными литературами других народов, с историей мировой литературы. Усилия здесь должны быть направлены на то, чтобы сочетать освещение общих закономерностей, характерных для литератур разных стран, с конкретным анализом национального своеобразия китайской литературы, отличающего ее от других литератур мира.

Существование востоковедов различных специальностей и профилей — явление столь же бесспорное, сколь и новое в нашем востоковедении. Ясно, что такая специализация вызвана к жизни развитием науки вообще, ориенталистики в частности. И можно не сомневаться в том, что именно на этих путях нашему Китаеведению, в том числе синологическому литературоведению, предстоит дальнейшее развитие и успешное решение стоящих перед ним научных задач.

И все же мы далеки от мысли, что специализация вовсе исключает

ет комплексную китаистику. Думается, что одно отнюдь не противоречит другому. Объектом синологической науки неизменно был и остается определенный памятник или конкретное произведение — историческое, философское, этнографическое, литературное и т. п. Всестороннее исследование памятника культуры на основе марксистской методологии требует от нас многозначного подхода в силу его комплексной природы. В соответствии с принципом историзма он должен рассматриваться нами в комплексной взаимосвязи с исторической и социальной реальностью эпохи. Именно этим и обуславливается необходимость его разностороннего анализа, исследование различных его аспектов в органическом единстве содержания и выразительных средств формы. В этом — одна из задач историка китайской литературы, занимающегося изучением художественного творчества древнего периода или современности.

Изучая классическую китайскую литературу, мы сталкиваемся с серьезными трудностями. Прежде всего мы имеем дело с языком древней эпохи, для понимания которого нужны многочисленные сведения по истории китайского литературного языка. Кроме того, число источников, тем более достоверных, из которых можно почерпнуть сведения по древней китайской литературе, весьма ограничено в сравнении с требованиями, предъявляемыми в наши дни к изучению литературы. Наконец, среди исследователей пока нет единого мнения относительно многих вопросов древнекитайского общества, его идеологии, а главное — периодизации истории Китая.

До начала XX в. в старом Китае не существовало истории китайской литературы в строгом смысле этого слова, в которой в систематическом виде излагался бы процесс развития отечественной литературы. «Удивительно, что в такой стране литературы, как Китай, с его столь большой историей литературы, богатей-

шим литературным творчеством, — отмечал профессор Чжэн Чжэнь-до, — мы видим совершенно неразвитое литературоведение»¹.

Тут закономерен вопрос, возникающий по существу проблемы: что считать «литературой»? — т. е. вопрос о природе или о самом составе литературы — «вэньсюэ»? Едва ли у кого-либо может возникнуть сомнение в существовании факта разного состава литературы или неодинакового представления о составе литературы в различные исторические времена.

Причина того, что состав литературы исторически менялся, ведет нас к выводу о существовании диалектической закономерности в развитии определения самого термина «литература» — «вэнь», «вэньчжан», «вэньсюэ», — связанного с историческими корнями китайской литературы. Иными словами, «литература» — «вэньсюэ» — понятие историческое, и потому определение ее содержания или состава развивается во времени, а вместе с тем поразному обосновывается концепциями идеалистического или материалистического миропонимания. Отсюда возникновение проблем субъективного или особенного, объективного или всеобщего, национального и интернационального.

Если обратиться к наследию китайского литературоведения, то нельзя не заметить, что большей части материалов по изучению китайской литературы старой школой филологов присущ общий недостаток — слабость научной методологии, явная субъективность в отборе и оценке произведений литературного творчества. В традиционных работах китайских авторов прошлого нет четкого понимания и определения самого предмета исследования — литературы. Отсутствие объективного взгляда и должных

¹ Чжэн Чжэнь-до, Новые пути исследования китайской литературы. В сб. «Изучение китайской литературы», т. 3, Пекин, «Цзоцзя чубаньшэ», 1957, стр. 1138 (на кит. яз.).

критериев в оценке литературы приводит исследователей к произвольному обращению с литературными явлениями и фактами, к вольному толкованию вопроса о сфере словесно-речевого искусства и т. д. Методика литературоведческого анализа, конкретные приемы исследований и разборов, как правило, не выходят за рамки формального перечисления древних источников и традиционных комментариев.

В старых литературоведческих источниках почти не найти анализа образов и характеров, созданных китайскими художниками слова в различные эпохи. Тут нет даже попыток разбора композиции литературных произведений, установления связи мировоззрения героев с общественной жизнью, идеями и веяниями времени и т. д. В традиционных китайских работах искусство художественного слова не рассматривалось с позиций синтеза теории литературы, эстетики, истории литературы и критики. Отсутствовал даже сам термин «история литературы». Сколько-нибудь последовательного и законченного изложения истории китайской литературы не существовало. В работах приводился скорее материал для ее создания. Лишь в немногих из них прослеживались в лучшем случае истории того или иного литературного жанра либо отдельные стороны истории китайской литературы.

С другой стороны, среди старых китайских литературоведов наблюдалось увлечение «чистой литературой», т. е. литературным творчеством, представлявшим собой «произведения эстетических эмоций». Именно такой взгляд на литературу, подчеркивали они, является «современным, прогрессивным, правильным». Поэтому из понятия литературы исключались как не имеющие к ней никакого отношения не только памятники литературы канонической (цзинсюэ), исторической (шисюэ), философской (чжужэнь), естественнонаучной, но да-

же литературные фрагменты в исторических сочинениях «Цзочжуань», «Шицзи», «Цзычжи тунцзянь». Более того, к «чистой литературе» не относили произведения в стиле «гувэнь» таких художников слова периода Тан и Сун, как Хань Юй, Лю Цзун-юань, Оуян Сю, Су Дун-по и другие.

В подобной позиции некоторых старых историков литературы Китая нельзя не видеть проявления эстетизма, крайней приверженности «чистому искусству».

Чрезмерная однобокость такого рода приводит к отрицанию литературной ценности «Цзочжуань», «Шицзи» и других древних памятников, обладающих большими художественными достоинствами. В действительности же «Цзочжуань» является одним из наиболее ранних литературных памятников, в котором обнаруживаются черты образного мышления. «Комментарий Цзо к летописи «Чуньцю», — отмечает проф. Фань Вэнь-лань, — прекрасный образец прозы литературного стиля»².

Совершенно необоснованно и игнорирование выдающегося историко-литературного сочинения Сыма Цяня «Шицзи», содержащего непревзойденные образцы художественной прозы, особенно литературные портреты (чжуань), характеризующие их автора как одаренного писателя. Этот «китайский историкограф», — справедливо подчеркивал В. М. Алексеев, — есть прежде всего стилист и родоначальник китайской историкографии (не считая отца ее — Конфуция). Сыма Цянь (155—88 гг. до н. э.) считается также одним из родоначальников изяшной повествовательной литературы, извлечения из которого всегда занимают весьма значительную часть любой китайской хрестоматии, а подражать ему в стиле и в методе не перестают китайцы до сих пор»³.

² Фань Вэнь-лань, Древняя история Китая, М., 1958, стр. 271.

³ В. М. Алексеев, Китайская литература, стр. 287.

Наиболее литературной частью династийных историй (чжэнши), с полным основанием отмечает В. М. Алексеев, надо считать последний раздел «биомонографий» (лечжунань), которые представляют собой как бы самостоятельные литературные произведения, написанные ритмически и часто с приложением особого резюме-хвалы (цзань). Это резюме в качестве литературного шедевра обычно помещается во всех хрестоматиях (ср., например, резюме о Конфуции из его биографии у Сыма Цяня — «Кунцзы шицзя цзань»).

Нельзя отделять от литературы и многие философские сочинения, которые либо полностью, либо частично являются подлинными произведениями словесного искусства. Так, например, знаменитый трактат «Даодэцзин» («Книга о пути и добродетели»), связываемый с именем древнего мыслителя Лао-цзы, является своеобразной поэмой, написанной в высшей степени оригинальным литературным стилем.

Попытка нового подхода к освещению литературного процесса в Китае была сделана слушателями Пекинского университета в коллективной работе «История китайской литературы», вышедшей в 1958 г. в двух томах, а в 1959 г. — в переработанном виде — в четырех томах.

В предисловии издания подчеркивается, что задача истории литературы состоит в том, чтобы, правильно применяя положения марксистско-ленинской эстетики, глубоко овладеть богатым литературным наследием, познать процесс литературного развития, обнаружить его закономерности, объективно оценить место писателя и его творчества в общем историческом плане, познакомив народ с лучшими художниками слова и их произведениями. Идеино-художественное значение литературного творчества древних и средневековых китайских писателей авторы стремятся рассматривать в свете исторической перспективы с учетом своеобразия

общественного развития, философских и эстетических представлений в различные эпохи.

Поставленные авторами серьезные цели достигнуты далеко не в полной мере. Многие положения не получили должной научной разработки и освещены довольно схематично. Явно преувеличена роль фольклорного творчества и упрощена оценка некоторых крупных писателей, которым принадлежит значительный вклад в сокровищницу художественной литературы Китая. Литературный процесс изображается с явным перевесом в сторону фольклора. Противопоставление фольклора и книжности вообще едва ли правомерно. Существует их вечный взаимообмен и вечное взаимоопределение. Общеизвестно, что многое из народного творчества искони переходило в письменную литературу, обогащало ее, воздействовало на ее развитие, а многое давно уже собрано в книги и стало фактом литературного обращения.

Отнюдь не во всем можно согласиться с авторами «Истории китайской литературы» и в отношении периодизации истории китайской литературы, которая, на наш взгляд, страдает известным социологическим перекосом. Само собой разумеется, что явления литературного развития неотделимы от исторических событий и общественной жизни во всем их многообразии. Однако история литературы имеет свои специфические задачи и сферу, которые должны быть постоянно в центре внимания историка литературы. Они не должны отодвигаться или оттесняться, а тем более подменяться рассмотрением вопросов, которые относятся к иным научным дисциплинам.

При научном подходе к истории литературы неизбежно рождается вопрос: какие из памятников литературы имеют основания быть отнесенными к художественным произведениям? Ведь наравне с самоочевидными, в строгом смысле слова, литературными произведениями мы

встречаем многочисленные тексты как бы нелитературного характера или предназначения, например мифологические или исторические, философские, теоретические и т. п., порой, однако, весьма оригинальные и своеобразные. Как следует нам относиться к ним? Правомерно ли включать их в состав китайской литературы в точном значении этого понятия?

Несомненно, что формальный подход к разрешению поставленного вопроса недопустим. Когда речь идет о литературе древнекитайского мира, мы нередко сталкиваемся с необходимостью относить к литературе любой текст в независимости от его назначения, если только по своему содержанию и художественным достоинствам он отвечает определенным требованиям, предъявляемым к произведениям литературы. Трудность проблемы, однако, в том, что отнюдь не всегда удается выделение определенного признака, свойственного тому или иному произведению. Сложен сам подход деления памятников на литературные, исторические, философские, теоретические и т. п. Так, например, если взять за основу признак традиционной классификации древнекитайских памятников по разделам «шу» (писание или книга) и «цзин» (канон или классическое сочинение), то комплексы «Сышу» («Лунью», «Дасюэ», «Чжуньюн» и «Мэнцзы») и «Уцзин» («Шуцзин», «Шицзин», «Ицзин», «Лицзи», «Чуньцю») охватывают в равной мере и «Шицзин», представляющий собой антологию древнейшей песенной поэзии, и «Шуцзин», являющийся собранием исторических документальных материалов, и древнейший философский трактат «Ицзин», основополагающий памятник классического компендиума древнекитайской идеологии, и т. д.

Тексты «Шуцзина» («Книги истории»), несомненно, представляют интерес как источник исторических сведений: здесь мы имеем дело с одним из наиболее ранних памятни-

ков китайской старины. Именно данный аспект «Шуцзина» обычно привлекал внимание исследователей. В сущности, на этом основании и название памятника интерпретировалось рядом русских ученых и западных синологов лишь как «Книга исторических документов». Нисколько не умаляя значения «Шуцзина» как ценнейшего памятника древнекитайской истории, мы считаем, что он обладает настолько бесспорными достоинствами литературного характера, что многие его тексты должны рассматриваться прежде всего как произведения литературного творчества.

Достаточно назвать здесь такие главы, как «План Великого Юя», «Уложение Яо», «Уложение Шуня», «Хунфань» и другие, которые, вне всякого сомнения, представляют собой великолепные образцы древнекитайской прозы. Более того, эти произведения высокой словесности по своему жанру и стилевым признакам могут быть с полным основанием отнесены к прозе поэтической. Словесное искусство в них строится на соразмерности хода повествовательной мысли, риторичности фигур, интонационности средств восклицания, обращения, повторения. «...Книга Шуцзин,— отмечал В. М. Алексеев,— написана почти сплошь лапидарным стихом и, во всяком случае, управляется прежде всего древним ритмом».

Следовательно, под термином «китайская литература» подразумевается совокупность не только в узком смысле или, так сказать, собственно литературных произведений, но и всех тех текстов или их отдельных частей, которые вне строгой зависимости от их целевой установки или наряду с этим обладают художественными качествами, эстетической ценностью.

На примере развития китайской литературы можно видеть, как постепенно в ходе исторических изменений состава литературы возникает, принимая все более четкое очертание, и получает самостоятельное

бытие то, чему дано название «литература». Иными словами, это особая категория творческой деятельности общества, не равнозначная философии и науке, но взаимосвязанная с ними уже в силу того, что она применяет многие их средства: понятия, символы, образы, метр, ритм, звуковую форму. Речь идет о понимании истории литературы не как летописи, запятой времени, но как художественного постижения развития жизни, творимой людьми. Характерно при этом, что аналогичные явления обнаруживаются не только в истории китайского художественного творчества, но и в истории других национальных литератур, а потому приобретают не исключительный или частный, но общий характер.

Существенно и то, что складывающийся или признаваемый состав китайской литературы взаимосвязан с представлениями о литературных произведениях. В свою очередь сами представления всегда зависят от первопричины, т. е. определяются общим положением литературы в ту или иную историческую эпоху. Определяются ее местом в культурной жизни страны, ее ролью в этой жизни. Они определяются также отношением общества соответствующего периода к проблемам темы литературного произведения, его сюжета, стиля, жанра, назначения. Отсюда вытекает необходимость быть верным принципам историзма.

Из сказанного вытекает, что исторические изменения состава литературы представляют собой одно из важнейших явлений ее движения, которое отнюдь не сводится к объяснению литературного развития по упрощенной схеме: сперва недифференцированный состав литературы, а затем процесс его дифференциации, т. е. постепенное складывание особого феномена в виде художественной литературы. При таком взгляде исчезает самобытная цельность, неповторимость своеобразия литературных явлений каждой большой исторической эпохи, выпадает

качественная полноценность этих явлений для своего времени и для своего общества.

Подлинная историчность подхода заключается именно в том, чтобы исследователь был в состоянии обнаруживать литературную полноценность наиболее характерных произведений различных видов, каждой эпохи или исторического периода. Весьма существенно при этом не упускать из виду того обстоятельства, что более новые литературные виды отнюдь не непременно совершеннее тех, которые им предшествовали.

Важная задача историка китайской литературы — разработка и создание марксистской периодизации литературы⁴. При исследовании истории литературы мы исходим из марксистско-ленинского положения о вторичности форм идеологии и их производности от общественного бытия. Развитие литературы, как и других форм общественного сознания, являющихся надстройкой над базисом, в конечном счете определяется изменениями в социально-экономическом строе общества. Вместе с тем развитие идеологии и одной из составных ее частей — литературы — в известной мере отстает от развития производительных сил, в силу чего периодизация истории литературного процесса едва ли не более условна, чем периодизация явлений базисного порядка.

В периодизации истории китайской литературы, на наш взгляд, необходимо опираться на главнейшие эпохи социально-исторического и художественного развития Китая. В то же время в ней должны быть учтены важнейшие особенности историко-литературного процесса в Китае. В частности, не следует упускать из виду необычайно длительный период господства феодализма в Китае, продолжавшийся более

⁴ См.: «Проблемы периодизации истории литератур народов Востока», «Наука», М., 1968.

двух тысяч лет. Главными причинами падения царствующих домов часто являлись крупнейшие крестьянские восстания. Эти могучие повстанческие бури глубоко потрясали экономические устои феодального общества, вызвали к жизни новые явления в духовной жизни страны и оставляли глубокий след в художественно-речевом искусстве.

Указывая на взаимосвязь господствующих материальных и духовных сил общества, К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» писали: «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила»⁵.

Таким образом, периодизация должна строиться не просто по господствовавшим социальным формациям или доминирующим литературным формам в определенную эпоху, а путем выделения основной линии общего историко-литературного процесса. В освещении этого процесса вряд ли нужно стремиться исчерпать все частные явления. На отдельные периоды или эпохи должно быть обращено большее или меньшее внимание в зависимости от их удельного веса в общем ходе развития словесно-художественного искусства. В процессе установления новой едва ли следует вовсе игнорировать и старую «династическую» периодизацию, немало послужившую и нашим предшественникам, и нам в исследовании китайской литературы.

При установлении периодизации истории китайской литературы разработка вопроса об идейной направленности словесно-художественного творчества для нас является основополагающим критерием оценки деятельности писателя, поэта, драматурга. При этом из ряда ли-

тературных памятников мы не исключаем наиболее своеобразные произведения, которые отдельными исследованиями ставятся вне художественного творчества в узком понимании. Они рассматриваются нами не только потому, что они констатируют связь словесно-художественного творчества с памятниками культурно-исторического и философско-эстетического характера. К такого рода произведениям китайцев всегда предъявляли строгие литературные требования и с точки зрения стиля и поэтической образности, и в смысле сюжетной занимательности повествования.

В анализе литературных памятников или творчества отдельных авторов основное внимание нами уделяется оценке места мастеров слова во всем литературном процессе, выяснению борьбы литературных направлений. Мы должны также постоянно иметь в виду идейные и эстетические взгляды писателя, своеобразие его мастерства и художественную индивидуальность, отношение к традиции и новаторству, влияние писателя на последующее развитие литературы. Связь с переломным идейным движением мы рассматриваем как фактор, обуславливающий силу и художника, и литературного направления в целом.

Задачи историка китайской литературы мы видим и в необходимости разработки вопросов стилистического анализа художественных произведений древности и современности. До последнего времени в китаеведной литературе крайне мало внимания уделялось стилистическому анализу художественных произведений, раскрытию средств идейно-эстетического воздействия писательского творчества, познанию природы поэтического слова. В стороне оставалась и проблема своеобразия художественно-речевых средств китайской литературы в целом.

В многочисленных работах китайских авторов прошлого литература рассматривается в основном как словотворчество. Любое литератур-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 45—46.

ное произведение, являющееся результатом образного восприятия писателем окружающей жизни, часто выступает в них всего лишь как факт иероглифической письменности. Порой работам китайских исследователей старой школы как бы недостает понимания творческого своеобразия литературного процесса. В этом нельзя не видеть чисто лингвистического подхода к мастерству писателя, к идейно-художественной природе литературного произведения.

В то же время в исследованиях ученых старого Китая наблюдается субъективистский подход к анализу текста художественного произведения. На примере работ китайских филологов старой школы, в частности по изучению «Шинцзиня» («Книга песен»), «Чуцы» («Чуские строфы»), «Юэфу» («Музыкальная палата») и других памятников, видно, как формалистический метод, идущий от китайских начетчиков древности и средневековья, сугубо идеалистическое отношение к литературе с априорных, абстрактных позиций приводят к необоснованным, произвольным и методологически беспочвенным выводам, искажающим истинное значение различных явлений и фактов художественного творчества китайских писателей и поэтов.

Изложенное позволяет вывести заключение, что важнейшее назначение критической мысли, выраженной в словесно-речевом искусстве, состоит в логически определенных, точных дефинициях, тогда как функция воображения призвана к созданию образов, художественных обобщений, типизации. Само собой разумеется, что от автора требуется ясность занимаемой им позиции, мотивированность его суждений, в которых заключена не простая констатация наблюдаемого, но четкая перспектива света и теней.

В своей работе «Об определении китайской «литературы» и об очередных задачах ее историка» В. М. Алексеев подчеркивал, что, начиная

со сборника Сяо Туна (VI в.), «выбором литературных произведений руководит один неизменный принцип: высшее изящество отделки». И потому, продолжал он, «не будет ли при этом осторожнее всего начать с изучения поэтов, как ядра литературы, и не будет ли, таким образом, положено начало научному изучению истории китайской литературы? Вот вопрос, который давно уже пора поставить на очередь».

История литературы Китая, как и литературы других государств древней культуры, свидетельствует о том, что словесное искусство, первоначально устное, а затем и письменное, зарождается как форма общественного сознания, как одна из форм общественной деятельности. Вызванное к жизни общественными процессами и опытом, речевое творчество людей в свою очередь превращается в активный фактор воздействия на деятельность людей и на общество.

История китайской литературы показывает также, что словесно-речевое искусство уже с самого начала возникало в Древнем Китае как художественное самопознание человека и как образное освоение окружающего его мира. Своеобразие литературы и роли писателя формируется под воздействием общественных и культурных перемен, происходящих в существующей реальности. Из этого вытекает правомерность постановки вопроса о соотношении опыта художественного творчества в Китае и в других странах мира с точки зрения типологической близости состава литератур, складывающегося у народов, которые проходят одинаковую или сходную по социально-экономическому содержанию и духовному развитию стадии в своем историческом движении. Едва ли, однако, нужно подчеркивать, что здесь имеется в виду не полная аутентичность и не абсолютное совпадение, но то главное, что характеризует типологическую близость литературных процессов и основных явлений художественного

творчества. При этом, само собой разумеется, могут существовать самобытные черты различных литератур, обусловленные исторической реальностью определенной эпохи в той или иной стране. Они и будут выражать конкретное своеобразие литературы каждой отдельной нации и страны. Задачу историка китайской литературы мы видим именно в том, чтобы выявить корни и первоисточки типологической близости и специфических черт.

Иными словами, наследие, в том числе классическое, — творческое богатство и фундамент литературного развития. Но обладание им не освобождает от необходимости дальнейшего движения. Новое содержание будит творческую мысль художника, оплодотворяет образные средства, язык. И это единственный путь новаторства, ибо из механического сложения нового содержания и старой формы ничего плодотворного не получается, как и само по себе формотворчество — без мысли — подлинного искусства родить не способно.

Из этого вытекает принципиальное положение: революционная действительность непременно должна воспринять старую культуру — все то ценное, что создано предшествующими поколениями в процессе их художественного освоения действительности. Народ существует лишь во всеобщности своей истории. Марксизму чуждо отрицание преемственности, обогащенной каждым поколением и каждой творческой личностью. Культура каждого народа имеет корни, которые уходят в глубь веков. Их развитие создает облик народа, его исторические очертания, его лицо. Национальное своеобразие находит свое воплощение в общественных условиях, в обстановке, в исторической атмосфере, которая настаивается не один век. Традиции наслаиваются.

История литературы свидетельствует, что значительные художественные произведения и их авторы вырастают из своего времени. Они

всегда продукт века. Эпоха дает и крылья, мысли, вдохновение. Социальная значимость — неотъемлемая принадлежность поэтического творчества. И произведения эти располагают к раздумьям, вселяют в сознание и сердце человека чувства прекрасного, светлого, возвышающего. Такие творения — доказательство того, что не проходит бесследно человек по земле. И в этом не просто память времен. Здесь сама летопись движения народа, воплощение художественного его гения.

Когда мы говорим о Китае, что это земля поэзии «Шицзинна», «Чуских строф», «Танской поэзии», «Юаньской драмы» — это, конечно, не метафора. Поистине нелегко представить себе поколения и поколения китайцев, для которых народные песни «Шицзинна», творчество Цюй Юаня, Тао Юань-мина, Ду Фу, Ли Бо, Бо Цзюй-и, драмы Гуань Хань-цзинна, художественная проза и страстная публицистика Лу Синя, содержащиеся в них идеалы, сокровенные думы и поэтические завещания не составляли бы значимую часть их собственной духовной жизни.

Вера в поэтическое творчество была для передовых художников слова Китая верой в возможность создать что-то непреходящее, способное волновать людей, возбуждать в них глубокие чувства патриотизма и гуманности. Если искусство обрело бы себя лишь на «временные» произведения, на сиюминутную конъюнктуру, оно, конечно, вообще едва ли не перестало бы существовать. Тысячелетия назад созданные гением человека художественные ценности и в наш век продолжают сохранять свое значение, эстетическую свою неповторимость. Современный наш мир резко отличается от мира, в котором создавались шедевры опального поэта древности Цюй Юаня (IV—III вв. до н. э.), но разве мы не в состоянии их понять, испытывать от их чтения истинное наслаждение?

Между тем гордость человечества — величайшие шедевры национальной и мировой литературы, оказалась предана анафеме и объявлена маонизмом «ядовитыми травами» и «вредоносными сорняками», таящими в себе «феодалскую отраву, буржуазное и ревизионистское мировоззрение»⁶. Маонизм, таким образом, стал на путь отрицания литературы и искусства как специфических особых форм общественного сознания. Осуществление этой линии маонизма наносит огромный ущерб утверждению марксистско-ленинской эстетической мысли Китая. Минувшее, однако, с авторитетностью засвидетельствовало жизнестойкость великих традиций китайского народа: их не уничтожить, какие бы оскорбительные ярлыки ни наклеивали на произведения, созданные гением китайского народа, талантом выдающихся зарубежных художников.

Основой новой литературы социалистического общества, по мысли В. И. Ленина, является преемственность и критическое усвоение наследия прошлого. Широко известные ленинские положения о преемственности культур. Ленин настойчиво призывал овладевать знаниями, накопленными человечеством, которые прежде принадлежали исключительно господствующим классам. Ленинские положения в области литературы и искусства, как и в других областях жизни, предаются маонизмом забвению, игнорируются.

Чем же в Китае увенчалось в результате нескольких лет «культурной революции» нигилистическое отношение к литературному наследию? Отрицанием прежде всего самых древних памятников словесного творчества, начиная с «Шицзина» — «Книги песен» — («Шицзин» был осужден, поскольку его песни, по выражению хунвэйбинновских газетенок, оказывается, «извращают облик тог-

дашних общественных классов»). А между тем всему миру известно, что поэтические произведения «Шицзина», охватывающие значительный период развития китайского народа (с XI в. до н. э.), представляют собой своеобразную энциклопедию китайской древности, словно впитавшую в себя все поэтические краски этого мира.

По замечанию Маркса, воплощением «наивного» детства человеческого общества была античная Греция, искусство которой возникло и формировалось на почве греческой мифологии. В этом искусстве жила непосредственная и наивная народность. Народность жила и в великом античном искусстве позднейших периодов, особенно в условиях афинской демократии, когда были созданы творения величайших греческих трагиков, в чьих хорах властно звучал голос простого люда, демоса. Прославленные греческие трагики не только пришли к мысли, как Эсхил, что правда сияет в крытых соломой дымных хижинах, но и первые сказали смелое слово протеста против участи раба, социального неравенства, классовых различий. Однако народность проявилась здесь уже не в своей непосредственной и наивной форме, а осложнилась процессом исторического движения, развивающимися общественными отношениями.

Историю реалистических традиций китайской литературы обычно начинают с народных песен, входящих в «Шицзин», для которого характерны глубокая связь с жизнью, с окружающим человека миром и глубокая правдивость. Во многих песнях «Шицзина» звучат мотивы социального протеста, критики общественных отношений, ненависти к жестоким правителям и придворной знати, которые обирают народ, ведут паразитический образ жизни, расточительствуют, предаются разврату. И мы видим, как разворачиваются драматические отношения и конфликты. «Книга песен» — сама душа китайского народа, воплотив-

⁶ Н. М. Надеев, «Культурная революция» и судьба китайской литературы, изд-во «Наука», М., 1969.

шаяся в поэтическом слове. По своей значимости и художественным достоинствам «Шицзин» может быть поставлен в один ряд с такими шедеврами мировой литературы, как «Илиада» и «Одиссея», «Рамаяна» и «Махабхарата», «Слово о полку Игореве». Не будет преувеличением сказать, что китайская поэзия в своей основе вышла из «Книги песен», что ей она в значительной мере обязана и многообразием своего содержания, и совершенствованием художественных форм. В глубокой органической связи с «Книгой песен» по сущности и духу отображения и критике действительности находится большинство выдающихся литературных произведений, исполненных народности и социальных мотивов, начиная с самых ранних художественных творений — «Чуских строф» и песенно-поэтического творчества «Юэфу» («Музыкальная палата») периода Ханьской династии.

«Шицзин» явил собой литературный памятник — оригинальный, истинно национальный и по духу, и по языку, и по всему строю своих необыкновенных песен и од, и по необычайной широте их содержания, охватывающего быт, нравы, многообразные явления духовной и социальной жизни. Стихотворения этого памятника не просто перечитывались на протяжении веков. Ими вдохновлялись, ими жили, видя в них совершенное искусство песен, которое всегда хранило силу, яркость красок, меткость наблюдений, эмоциональную непосредственность. Чем же еще, если не мракобесием, можно объяснять надругательство над национальной поэтической гордостью — «Шицзином»?

Вслед за «Шицзином» были отвергнуты и другие шедевры древнекитайской литературы и искусства.

Искусство прославленного поэта и живописца Ван Вей (VII в.), на протяжении веков неизменно находившее общее признание как поразительный синтез художественного творчества (его «поэзия исполнена

картинности, а картины — поэзией»), теперь объявлено пекинскими вулгаризаторами «унылым и пустым». «Идейное содержание его картин, — декларировали они, — оторвано от действительности и не соответствует духу реализма...» Гуманистическое содержание живописи выдающегося художника Гу Кай-чжи (IV в.), картины которого явились художественным откровением для своего времени и принесли славу китайскому народу во всем мире, объявлено вредным, противоречащим маоистским стандартам.

Враждебную, эксплуататорскую идеологию обнаружил некий Чжан Чжи-и в созданной талантливейшим поэтом древности Тао Юань-мином (IV—V вв.) утопии о Персиковом источнике — сказочной земле, куда гонимые нуждой люди ушли из-под господства деспотического правителя и оказались вдали от мира страданий. В статье «Разве «Персиковый источник» выразил антиэксплуататорскую идеологию?» Чжан Чжи-и с серьезным видом пишет: «Самый важный недостаток «Персикового источника», как стихов, так и записок, в том, что автор в нем замазывает реальные классовые отношения, чрезмерно идеализирует потусторонний персиковый источник, стремясь заставить людей забыть о кровавой системе эксплуатации...»

Вся танская поэзия — «золотой век» в историческом движении китайского художественного творчества — объявлена хунвэйбинскими ордами «феодалной отравой» без всякого разбора, включая величайших мастеров речевого искусства Ду Фу, Ли Бо, Бо Цзюй-и, певцов высшего цветения духовной культуры Китая.

Период времени, охватываемый сороковыми — шестидесятыми годами, характеризуется в истории китайской литературы многочисленными идеологическими дискуссиями, движениями, кампаниями. Начиная с «Выступлений» Мао Цзэ-дуна на Яньаньском совещании (1942 г.),

через зигзаги курса «пусть расцветают сто цветов» (1956 г.), который закончился контрастованием и массовой расправой с «правыми»; новой кампании «за упорядочение стиля работы партии» (1957 г.), «большого скачка» в литературе и «народных коммун» (1958 г.) и вплоть до подъема волны «проработок» (1963—1965 гг.), увенчавшейся «великой пролетарской культурной революцией», в литературной жизни Китая шел процесс форсированного подчинения художественного творчества «идеям Мао Цзэ-дуна». Известно, что на Яньаньском совещании Мао Цзэ-дун декларировал методом революционной литературы пролетарский реализм, который в свое время был провозглашен Лигой левых писателей Китая (1930—1936 гг.). В 1953 году при переиздании «Избранных произведений Мао Цзэ-дуна» термин «пролетарский реализм» в тексте «Выступлений» был заменен на «социалистический реализм». Однако в 1958 году Мао Цзэ-дун объявил новый метод — «сочетание революционного реализма с революционным романтизмом», по существу противопоставив его социалистическому реализму и декларировав тем самым разрыв творческих взаимосвязей китайской и советской литератур.

«Культурная революция» явилась логическим завершением карательных кампаний против творческой интеллигенции, практическим претворением разработанных маоистами установок о том, что, как писалось в «Гуанмин жибао» в 1964 году, «победившему пролетариату не нужны профессиональные писатели, артисты, композиторы и художники; ему нужны наполовину писатели — наполовину рабочие, наполовину артисты — наполовину солдаты, наполовину художники — наполовину крестьяне...».

Подобный взгляд находится в полном противоречии с известным ленинским положением о создании условий для полного раскрытия ху-

дожественного дарования во всей его широте и полноте, во всем богатстве индивидуальности.

В работе В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» положение о специфичности литературы и искусства рассматривается как бесспорное, само собою разумеющееся: «Спору нет, литературное дело всего менее поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством. Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию. Все это бесспорно, но все это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблонно отождествляема с другими частями партийного дела пролетариата»⁷.

В. И. Ленин, решительно отвергая представления, будто народ может ограничиться примитивными сочинениями, подчеркивал, что народные массы заслужили право на большое, подлинное искусство и литературу.

Культурную жизнь Китая постигла трагическая участь. Исчезли произведения прозы, поэзии, драматургии. Подлинная литература перестала существовать.

Произведения наиболее талантливых современных китайских и иностранных писателей, прежде всего приверженцев социалистического реализма, прокляты и преданы анафеме. Забыты, попорчены революционные традиции китайских литераторов, создававших свои произведения в условиях гоминьдановского террора и не щадивших жизни во имя утверждения интернационалистических принципов, марксистской эстетики в литературе и искусстве. Осквернены и растоптаны великие гуманистические идеалы, ради которых китайские передовые худож-

⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 10, стр. 28.

ники слова бесстрашно сражались против сил реакции, расизма, фашистского мракобесия, мужественно отстаивая вместе с советскими единомышленниками и всемирными сторонниками мирового прогрессивного литературного движения революционные завоевания человечества.

В разгар «культурной революции» «Жэньминь жибао» в статье «Старую литературу и искусство — на мусорную свалку»⁸ писала, что от произведений старой литературы и искусства «исходит зловоние, они источают ядовитые плевелы, растлевают массы, одурманивают народ, разлагают диктатуру пролетариата». История Китая за целые столетия не помнит подобного надругательства над культурными сокровищами народа, такого осквернения памятников исторического наследия.

Все это, разумеется, не может оставаться вне поля зрения историка китайской литературы и заслуживает нашего самого внимательного рассмотрения с научных позиций марксистской методологии.

Задача историка китайской литературы состоит и в том, чтобы дать научно объективную оценку маоистскому произволу, надругательству над человеческими ценностями, создававшимися китайским народом в ходе многовекового художественного творчества. Наука всегда обращала и обращает весь арсенал своей воинственности не против стран и народов, но против невежества, дикости, варварства.

Подъем национального сознания нераздельно взаимосвязан с обращением к традициям, к веками создававшейся народом культуре во всем ее богатстве и многообразии.

⁸ 3.IX.1969 г.

Речь, однако, идет не об отступлении в прошлое вообще, не о созерцательном или экзотическом интересе к иным эпохам, к античности. Имеются в виду, конечно, самобытные национальные традиции, присущие определенному народу, культуре. Обращение к минувшему объясняется не желанием вернуться к нему, чтобы уйти от современности, но стремлением осмыслить прошлое поисками осознанных и плодотворных путей для наиболее верного, органического продолжения национальных традиций и дальнейшего развития культуры.

Современность отнюдь не представляет собой нечто статичное: она, в сущности, образуется из каких-то частей прошлого и будущего, из непрерывного процесса борьбы и взаимодействия двух факторов — уходящего и нарождающегося. И главное здесь в том, что над чем доминирует. Литература — это память народа. Литература порицает и утверждает, она призвана разлагать устаревшее, отжившее и способствовать созданию нового, грядущего.

* *
*

В наше время высшей ступенью развития науки об обществе стал марксизм. Историки, философы, социологи, экономисты, литературоведы в нашей стране, а также многие ученые в других странах ведут свои исследования, опираясь на марксистскую теорию общественно-исторического процесса. Действительность этой теории открывается в том, что именно те исследования, которые ведутся на основе марксизма-ленинизма, дают наиболее точное и подтверждаемое реальными историческими фактами знание.

Советская поэзия в Японии

А. И. Мамонов,
кандидат филологических наук

«РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВОСПИТАЛА
ЦЕЛЮЮ ПЛЕЯДУ ЯПОНСКИХ ЛИТЕРА-
ТОРОВ, ОНА И СЕЙЧАС ИГРАЕТ ОГРОМ-
НУЮ РОЛЬ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
ЯПОНСКОГО НАРОДА».

К. КАМЭИ

Проблема взаимовлияния национальных литератур со временем приобретает все большую и большую актуальность, и от решения ее во многом зависит будущее литературоведения. В этой связи хотелось бы привести слова видного японского ученого-литературоведа Ёситаро Ёкэмура, сказанные еще в начале шестидесятых годов, но не утратившие большого смысла и в наши дни: «В настоящее время историки Японии ведут споры о взглядах советских ученых-востоковедов на японскую новую и новейшую историю. Хотелось бы, чтобы и в области изучения японской литературы ожил обмен мнениями между учеными Японии и СССР, проводилось взаимное обсуждение трудов и тем самым как можно быстрее продвинулось изучение литератур обеих стран. Помощь советских ученых ученым Японии особенно необходима для полного освещения вопроса о влиянии русской литературы на японскую. Это сделало бы нашу работу более плодотворной и ценной»¹.

Из года в год растут и креп-

¹ Ёкэмура Ёситаро, К вопросу о влиянии русской литературы на японскую, «Известия АН СССР», ОЛЯ, 1961, т. 20, вып. 2, стр. 98.

нут советско-японские литературные связи. В Советском Союзе в послеоктябрьские годы сотни раз издавались книги японских авторов общим тиражом свыше 7 млн. экземпляров на 24 языках народов СССР. Только за период с 1946 по 1968 год советскими издательствами выпущено 323 книги японских авторов, в том числе 140 художественных произведений². Что касается Японии, то издания там произведений советских авторов значительно превышают эти цифры если не по тиражам, то по числу названий книг. Советская литература — литература социалистического реализма — была и остается притягательной силой для миллионов японских читателей.

Влияние советской поэзии на японскую, особенно двадцатых-тридцатых годов, трудно переоценить. Оно прослеживается в творчестве самых различных представителей левой литературы. Советская поэзия благотворно воздействовала на процесс становления и формирования прогрессивных тенденций в творчестве японских поэтов.

Чем же захватывала писателей и читателей — японцев советская поэзия? Какие струны души задевала она в те трудные годы роста и развития пролетарской поэзии Японии?

Демократические поэты довоенной Японии — представители передовой интеллигенции — видели в поэзии новой России продолжательницу лучших традиций русской классической литературы, ее гражданственности, народности, гуманизма. Понимая необходимость переустройства мира и борясь за него, они считали боевую революционную советскую поэзию знаменем, которое ведет за собой народные массы.

² «The USSR — The World's Biggest Publisher», Progress Publisher, Moscow, 1970.

Олицетворением идеала пролетарского поэта для демократических японских литераторов был и остается Маяковский. Достаточно перелистать подшивки довоенных журналов пролетарского литературного движения, чтобы убедиться, как велико было его влияние, как, перешагивая языковые барьеры, он проникал в сознание и сердца своих собратьев по перу. Влияние это было широким, разносторонним. Оно сказывалось и на манере письма, и в сближении стиха с лозунгом, и главное — в мировоззрении.

Советская революционная поэзия, в частности поэзия Маяковского, сыграла выдающуюся роль в формировании целой плеяды пролетарских поэтов 20—30-х годов. Неоценимо ее значение в идейно-эстетическом размежевании, в поляризации прогрессивных и реакционных течений в японской поэзии тех лет, когда вели непримиримую борьбу два направления — реалистическое, ориентировавшееся на достижения поэзии социалистического реализма, и антиреалистическое, модернистское, сводившее на нет гражданственность поэзии, смыкавшееся с идеологией правящих империалистических кругов.

Рассмотрим это воздействие советской поэзии на конкретном примере творчества одного из крупнейших представителей пролетарской поэзии Хидэо Огума.

Боевая жизнеутверждающая поэзия Хидэо Огума росла и крепла под прямым воздействием творчества советских поэтов, и особенно Владимира Маяковского. Огума высоко ценил и уважал Маяковского, горячо любил его и считал себя его последователем и учеником. Он был хорошо знаком с творчеством Маяковского и нередко цитировал его строки в своих стихах. Своему учителю и другу Огума посвятил взволнованное стихотворение «Языком Маяковского», написанное вскоре после смерти советского поэта.

В этом произведении не только глубокая скорбь, не только боль и

горечь утраты, в нем — убежденность бойца, вера в конечное торжество великого дела, которому служил советский поэт. Огума пытается разобраться в сложной обстановке, в которой жил и творил Маяковский. Он сочувствует его нелегкой, полной превратностей судьбе — судьбе поэта-новатора, поэта-борца. Но одного не может ему простить — преждевременного ухода из боевых рядов.

Умер поэт, но его песни и дела живут, потому что он, Огума, продолжает петь за него эти песни, продолжает бороться за то же дело. И как бы ни было тяжело, он сохранит свою жизнь ради борьбы. В этом клянется Огума перед памятью своего учителя и собрата по революционной поэзии. Именно так воспринимаются заключительные строки его стихотворения «Языком Маяковского»:

Маяковский,
Поэт Маяковский!
Я с собой не покончу, как ты,
о нет!

Буду жить
и нести на плечах глыбу
жизни.

Пусть она тяжела
И порой
Даже смерти самой страшнее —
Буду жить,
чтоб стреляла строка,
Чтобы с нею я в бой устремлялся!
Я — поэт,
я — трибун,
И не вижу цели —
яснее! ³

Влияние Маяковского испытал на себе и другой видный представитель пролетарской поэзии Сигэру Таки. Юношей приобщился он к революционному движению, юношей написал знаменитое стихотворение «Песня под пыткой». Оно было опубликовано в 1929 году в пролетарском журнале «Сэнки» («Боевое знамя»). Созданное в условиях массовых репрес-

³ Огума Хидэо. Сб. стихов, Токио, 1953, стр. 47 (на японск. яз.).

ний против левого движения, прокатившихся по всей стране, это стихотворение явилось как бы ответом на полицейский произвол. Его лирический герой — человек неслышимой силы воли. Под пытками не вырвать у него предательства делу. Он не один. Он — это «мы», множество ему подобных, пролетарии, борющиеся за свое освобождение от ига капитала. В этом их сила, стойкость, спасение их человеческого достоинства.

«Песня под пыткой» — одно из боевых произведений японской пролетарской поэзии. Она впитала в себя лучшие черты советской поэзии — гражданский пафос, революционные идеалы, классовую бескомпромиссность, художественное мастерство. А заключительные ее строки словно повторяют самого Маяковского — настолько ощутима их связь с его поэзией.

Сорок лет спустя «Песня под пыткой» открыла вступительный том собрания сочинений Сигэру Таки, изданный в Японии⁴.

Одним из почитателей и пропагандистов поэзии Маяковского в наши дни является поэт Наоки Усами. Еще в 1952 году, будучи студентом, изучавшим русский и китайский языки, он выпустил в соавторстве с Сёдзи Нисно сборник избранных стихотворений Маяковского, в который включен и фрагмент из поэмы «Владимир Ильич Ленин» (примерно треть поэмы), озаглавленный «Ильич Ленин»⁵. Это была первая попытка в Японии издать поэму Маяковского «Владимир Ильич Ленин», которую позже, в 1965 году, Наоки Усами охарактеризовал следующим образом: «Эта героическая поэма — важнейшее произведение литературы XX века»⁶.

Существуют еще три издания поэмы: полный ее перевод, выполнен-

ный Тоёки Огасавара в 1957 году⁷ и включенный в трехтомник избранных произведений Маяковского в переводе Тоёки Огасавара и Хироси Сэкинэ в 1958 году⁸.

Тоёки Огасавара также один из давних популяризаторов творчества Маяковского: в 1952 году им был составлен и переведен сборник «Стихи Маяковского», включающий в себя ранние произведения поэта⁹.

В 1960 году выходит «Исследование о Маяковском» (составление и перевод Тоёки Огасавара), в котором собраны шесть статей и четыре стихотворения, посвященные поэту, в том числе работы Е. Наумова («Ленин и Маяковский») и З. Паперного («О мастерстве Маяковского») ¹⁰. В 1964 году в переводе того же Огасавара выходит сборник избранных стихов Маяковского ¹¹.

В период с 1952 по 1964 год выходят в свет в Японии работы о Маяковском и его творчестве, принадлежащие перу самых различных авторов — Эльзы Триоле, Ильи Эренбурга, Е. Пажитнова, Б. Шрагина и других.

И наконец, в 1965 году появляется уже упоминавшееся отдельное издание поэмы «Владимир Ильич Ленин» в переводе и с обстоятельными комментариями Наоки Усами.

Рассматривая в послесловии проблему перевода поэзии Маяковского на японский язык, переводчик рассказывает о многочисленных трудностях, с которыми сталкивается японский поэт, перелагая на родной язык творения великого советского поэта, в частности поэму «Владимир Ильич Ленин».

Свободно владеющий русским

⁷ «Новая японская литература», 1957, № 11 (на японск. яз.).

⁸ В. Маяковский. Избранное, пер. Т. Огасавара и Х. Сэкинэ, изд-во «Индзука», Токио, 1958 (на японск. яз.).

⁹ В. Маяковский. Сб. стихов, пер. Т. Огасавара, Токио, 1952 (на японск. яз.).

¹⁰ Исследование творчества В. Маяковского, сост. и пер. Т. Огасавара, изд-во «Индзука», 1960 (на японск. яз.).

¹¹ В. Маяковский. Сб. стихов, пер. Т. Огасавара, изд-во «Яён сёбо», 1964 (на японск. яз.).

⁴ Таки Сигэру. Сб. стихов, Токио, 1969, стр. 9—10 (на японск. яз.).

⁵ Пер. Н. Усами и С. Нисно, изд-во «Оцуки», 1952 (на японск. яз.).

⁶ В. Маяковский. Владимир Ильич Ленин, пер. Н. Усами, изд-во «Синтёся», Токио, 1965, стр. 164 (на японск. яз.).

языком, много раз бывавший в Москве и встречавшийся с советскими поэтами Наоки Усами фундаментально изучил творчество Маяковского, учел недостатки предшественников и создал замечательный перевод поэмы, снабдив его научным комментарием и послесловием.

Книга открывается портретом Ленина во весь рост, с вытянутой вперед правой рукой. На обложке крупным шрифтом начертаны русские буквы: «Владимир Ильич Ленин». С поэтом Наоки Усами неоднократно приходилось встречаться автору данных строк — и в Москве, и в Японии. И не только встречаться, но и переводить его произведения, озаренные, словно маяком, поэзией Маяковского.

Еще в начале 50-х годов Наоки Усами написал стихотворение «С Лениным вместе!», которое позже в моем переводе публиковалось в газете «Правда» и многих других изданиях. В это стихотворение, написанное под влиянием Маяковского «лесенкой». Наоки Усами вводит строки своего любимого советского поэта. Вот концовка этого стихотворения с цитатой из Маяковского:

Я в Токио еду,
 домой еду,
И радостно мне
 не без повода!
Я бросаюсь
 в дремлющий город,
В сонную тишь вокзала —
С Лениным вместе,
 с Лениным
 вместе!
И повторяю
 слова поэта —
Солнцу встающему,
 людям идущим,
Улицам и домам:
«Ленин —
 жил,
Ленин —
 жив,
Ленин —
 будет жить!»¹²

¹² См. «Песни Хиросимы. Стихи», пер. с японск. А. Мамонова, вступит. ст. К. Симонова, М., 1964, стр. 103.

Наоки Усами — прогрессивный поэт. Мировоззрение Маяковского — его, Усами, мировоззрение. Революционные мотивы характерны для многих стихов Наоки Усами. Неслучайно поэт, говоря о себе, подбирает точнейшее сравнение:

Мои строки стремятся к цели,
Словно пули красноармейцев!

Влияние творчества Маяковского, влияние советской поэзии прослеживается во многих его произведениях.

Как же оценивает поэт Усами творчество Маяковского?

Выше уже говорилось о том, что поэму «Владимир Ильич Ленин» Усами характеризует как важнейшее произведение литературы XX века. Но это характеристика из его послесловия, а вот слова, которые написал Усами на дарственном экземпляре, присланном «другу по поэзии и переводу» — автору данных строк: «Если «Илиада» — копей героической эпохи Греции, то «Ленин» (поэма «Владимир Ильич Ленин». — А. М.) — начало эпохи Мировых Советов».

Собравшись по перу из Советской России прогрессивные поэты Японии считали своими верными спутниками жизни, товарищами по борьбе, цитировали их строки. Один из крупнейших пролетарских поэтов Хидэо Огума писал:

На столе у меня
Фотография в рамке стоит
Трех товарищей из России,
Трех поэтов —
Безыменского,
Жарова,
Уткина...¹³

Хидэо Огума был страстным почитателем советской поэзии, и не удивительно, что он назвал имена трех комсомольских поэтов, столь популярных в двадцатых-тридцатых годах. Через все его творчество проходит глубокая и неизменная любовь к советским людям, к Советской России, родине социализма. Показательно в этом отношении

¹³ Огума Хидэо, Сб. стихов, Токио, 1953, стр. 70 (на японск. яз.).

¹⁶ Огума Хидэо, Сб. стихов, Токио, 1953, стр. 69—70 (на японск. яз.).

О характере антологии и ее значении для японских читателей красноречиво свидетельствует текст на суперобложке: «Бастион мира и свободы — сорок две жемчужины ведущих современных поэтов Советского Союза. Первое послевоенное собрание советской поэзии. Эта поэзия, наполненная силой и ароматом литературы, наверняка глубоко западет в души японцев».

Кто же эти поэты, пришедшие в Японию дорогой свободы и мира? М. Исаковский, Н. Тихонов, К. Симонов, М. Алигер, А. Твардовский, А. Сурков.

Каждый поэт представлен своими лучшими стихотворениями, получившими всенародное признание, такими, как поэма Н. Тихонова «Киров с нами», стихотворение «Жди меня» К. Симонова и т. д.

В послесловии переводчики пишут: «В этом сборнике поэзии центральное место занимают произведения шести замечательных поэтов Советского Союза, посвященные Великой Отечественной войне — войне СССР против фашистской Германии. Несколько ранее мы уже познакомились с повестями, репортажами, пьесами того периода, и вот теперь мы надеемся, что данная книга принесет надежду и воодушевление японскому народу, борющемуся с силами фашизма, сыграет роль в понимании Советского Союза и его литературы, а также в развитии прогрессивной литературы Японии»¹⁷.

Как видим, и после войны, подобно своим предшественникам, пролетарским поэтам, прогрессивные поэты Японии видят в советской поэзии источник надежды и оптимизма в тяжелой борьбе, видят в ней мощный двигатель развития прогрессивной литературы Японии.

Советская поэзия ассоциируется у них с любовью к родине, трудовому народу. И неслучайно авторы послесловия пишут: «Советская поэ-

зия и любовь к Родине — два неразрывных понятия»¹⁸.

Японские авторы, анализируя истоки советского патриотизма, преданности советских литераторов Родине и народу, приводят следующие заключительные строки из горьковской статьи «О бесчеловечии» (1929 г.): «И если вспыхнет война против того класса, силами которого я живу и работаю, — я тоже пойду рядовым бойцом в его армию. Пойду не потому, что знаю: именно она победит, а потому, что великое, справедливое дело рабочего класса Союза Советов — это и мое законное дело, мой долг»¹⁹.

В этих словах, отмечают авторы, раскрывается отношение советских писателей к Отечественной войне. Со дня начала войны, продолжают они, советские литераторы участвовали в боевых рядах, превратив в оружие свое перо. Перед ними были поставлены новые задачи. Они должны были способствовать моральной мобилизации советских людей, формировать и укреплять чувство патриотизма. Они должны были воспевать героизм бойцов на фронте и трудовые подвиги народа в тылу. И еще — разоблачать перед всем миром бесчеловечность фашизма. «Они блестяще выполнили свои задачи, успешно проделали работу, не имеющую себе равной в истории мировой литературы»²⁰.

Ненависть к врагу, к озверевшим фашистам — одна из значительных тем советской поэзии военного времени. «В стихах, особенно воспевавших героическую борьбу партизан, блестяще разоблачается антигуманизм фашистов, подчеркивается моральное превосходство создателя жизни — советского человека — над фашистом. Любовь к Родине и ненависть к фашистам — так в советской поэзии претворяется тема «любви» и «ненависти», воинствующий гуманизм»²¹.

¹⁷ «Победы Родины и поэтов», сост. и пер. Н. Усами, К. Минамото, Токио, 1952, стр. 187 (на японск. яз.).

¹⁸ Там же, стр. 191.

¹⁹ Там же, стр. 188.

²⁰ Там же, стр. 189.

²¹ Там же, стр. 192.

Богата и разнообразна советская поэзия военного времени. И конечно, многое не вошло в антологию, ограниченную размерами небольшой книги. Переводчики в своем эссе о советской поэзии восторженно пишут о крупных полотнах — поэмах «Василий Теркин» Твардовского, «Сын» Антокольского, «Зоя» Алигер и т. д. Образ Кирова, созданный поэтом в осажденном Ленинграде, стал символом негибаемой силы и мужества «железных бойцов — большевиков».

Рассказывая о советской поэзии военных лет, японские переводчики, сами поэты, восхищаются мужеством не только лирического героя, но и его создателя — автора. Последнему воздают они должное, глубоко понимая миссию поэта в социалистическом обществе. «Советские поэты, — заключают они, — участвовавшие в боевых рядах наравне с другими литераторами, используя замечательный творческий метод — социалистический реализм, — вглядываясь в завтрашний день, светлый день победы, создавая образы военных героев, разжигая в сердцах народа пламя советского патриотизма, сыграли большую роль в победе Советской Родины над фашистской Германией»²².

«Победы Родины и поэтов» — антология избранных произведений советской поэзии, сражавшейся с фашизмом, глубоко импонировала прогрессивным силам Японии, борющимся в тяжелых условиях репрессий и преследований начала пятидесятых годов за лучшее будущее своего народа, своей родины. И опыт советского народа, обобщенный в поэзии его талантливых представителей — поэтов, несомненно, помогал, воодушевлял, вселял надежду.

Вторая попытка представить японским читателям советскую поэзию была предпринята в конце пятидесятых годов.

В 1959—1960 годах в серии «Шедевры мировой поэзии» вышли в Токио два объемистых тома (свыше четырехсот страниц каждый) — «Русская поэзия» и «Советская поэзия». Дооктябрьская поэзия представлена стихами поэтов от Кантемира до Гумилева, послеоктябрьская — произведениями Маяковского, Блока, Брюсова, Демьяна Бедного и многими другими советскими поэтами. Богато представлена и поэзия национальных республик.

Во втором томе имеются краткие очерки, один из которых — «Цветник советской поэзии» — написан по просьбе составителей тогдашним послом СССР в Японии Н. Т. Федоренко, остальные принадлежат японским авторам — Кимура и Сасаки (о творчестве Маяковского и Есенина, а также о советском песенном творчестве).

Любопытно, что том советской поэзии открывается произведениями Горького: «Девушка и смерть», «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике».

Выход этих двух томов в свет вызвал положительные отклики как в японской, так и в советской печати.

Большую роль в пропаганде советской поэзии и прозы в Японии играет журнал «Собэто бунгаку» («Советская литература»).

Во главе журнала «Собэто бунгаку» стоит старейший переводчик и пропагандист советской литературы профессор Тацуо Курода. Журнал популярен среди читателей, особенно среди молодежи, студенчества. Он издается в Токио совместно японским Обществом изучения советской литературы и московским журналом «Советская литература».

В 1968 году вышел специальный выпуск журнала, посвященный советской поэзии, ее раннему послеоктябрьскому периоду: стихи Брюсова, Блока и других.

В феврале 1970 года вышел второй спецвыпуск, озаглавленный «Современные советские поэты. Избранное». В отличие от предыдущего номера, в котором была только рус-

²² «Победы Родины и поэтов», стр. 193.

ская поэзия, в нем широко представлены авторы географически. Здесь и грузинский поэт Ираклий Абашидзе, и дагестанский — Расул Гамзатов, и башкирский — Мустай Карим, и русский — Александр Твардовский, и молдавский — Андрей Лупан, и многие другие. Двадцать поэтов и около ста их произведений. Каждому автору предпослана краткая биографическая справка с характеристикой творчества, а также фотография поэта.

Особо следует рассказать об исключительной популярности советской песни в Японии. Почти два века назад пришла в Японию первая русская песня. В послеоктябрьский период, и особенно в послевоенные годы, японцам полюбились новые песни, прилетевшие из соседней России. Однако песни эти в основном были народные, старинные, да и число их было очень невелико, буквально несколько названий. И лишь в пятидесятые годы, когда стали восстанавливаться японо-советские отношения и налаживаться культурные связи, прерванные войной, в Японию пришла наконец и советская песня. Пожалуй, наибольшее распространение получили «Катюша» и «Подмосковные вечера», но популярны также «Уральская рябинушка», «Огонек» и другие.

Трудно сказать сейчас, какая именно песня была первой. Японские слушатели знакомились с советским песенным творчеством и по отдельным записям на пластинках, и по выступлениям советских певцов, приезжавших на гастроли в Японию. И все-таки репертуар русской песни долгое время ограничивался народными произведениями и советскими песнями времен Великой Отечественной войны.

Отдельные выпуски советских песен в грамзаписи были осуществлены издательством «Синсэкай» («Новый мир»): это русские народные песни, а также песни в исполнении Людмилы Зыкиной. Оба выпуска были подготовлены и составлены из-

вестным музыкальным деятелем Го Китагава.

Весной 1971 года японская фирма «Нихон Виктор» распространила рекламный проспект, предшествовавший выпуску первого собрания послевоенных эстрадных советских песен. Проспект начинался словами: «Лучший путь для ознакомления с Советским Союзом и русским языком — слушать этот музыкальный альбом! Первая в Японии грамзапись советских популярных песен».

Красочный альбом, содержащий стереозаписи тридцати лучших произведений советского песенного творчества, явился как бы антологией советской песни за последние четверть века²³. Первая из песен, составленных по хронологическому принципу — «Дороги», — датирована 1946 годом, последние две — «Русское поле» и «Клён ты мой опавший» — 1968 годом.

Издание альбома советской поэзии, переложенной на музыку, — важное звено в дальнейшем углублении и укреплении литературных и музыкальных связей. Ведь среди авторов тридцати произведений альбома такие поэты, как С. Есенин, И. Сельвинский, М. Матусовский, Е. Евтушенко, Р. Рождественский, Л. Ошанин, К. Ваншенкин. Их поэтическое слово, бесспорно, найдет дорогу к сердцам японских почитателей советской песни, тем более что поэтические переводы их произведений выполнены знатоком советской поэзии и русского языка Наоки Усами. Прелесть и сила этих переводов, на мой взгляд, состоят в том, что переводчик не стал переводить песню песней, т. е. далеким от оригинала «японским текстом» (по аналогии — русский текст такого-то), а передал стихи стихами, удивительно точными и обаятельными.

В альбоме параллельно русским стихам даны стихи японские, и сравнительный анализ оригинала и пе-

²³ «Большая серия популярных советских песен», Токио, 1971 (на японск. яз.).

ревода позволяет судить о высоком мастерстве японского переводчика, глубоко чувствующего проникновенное русское слово и сумевшего передать своим соотечественникам его задушевность и оптимизм.

Некогда переводчик первой послевоенной антологии советской поэзии Наоки Усами стал переводчиком и первой антологии послевоенной советской песни. Читая его обстоятельные комментарии к каждой песне, проникаешься чувством признательности к автору, пропагандисту и другу советской поэзии.

Вот начало его исследования, дающее представление о масштабах влияния советской песни, советской поэзии на примере одного из современных поэтов Японии:

«Русское поле...

Ты моя юность,

Ты моя воля —

То, что сбылось, то, что

В жизни сбылось, —

поется в песне, помещенной в этом альбоме. Когда я слушаю популярные послевоенные советские песни, которые целый год собирал, отбирал, составлял и переводил, то воедино соединяются Советский Союз и его стихи и песни, в один голос сли-

ваются различные события в моей послевоенной жизни... Дни студенческих выступлений и профсоюзной борьбы, несколько сборников моих стихов и переводов из советской поэзии, эти десять лет, которые я провел в Японии и в Советском Союзе. Разные люди, с которыми я встречался на бескрайних просторах от Дальнего Востока до берегов Балтийского моря, раздумья об идеалах и действительности социализма... Я слушаю эти песни, и душа моя утрачивает покой, и слово «разлука» наполняется физически ощутимым смыслом...»²⁴

Итак, нами рассмотрены некоторые аспекты сложной и мало разработанной еще в нашем японоведении темы «Советская поэзия в Японии». Налицо нерасторжимая связь поэтической традиции советской революционной поэзии и современной поэзии Японии, взаимное обогащение, взаимное насыщение «гормонами революции», по меткому выражению пролетарского поэта Хидэо Огума.

²⁴ Там же, стр. 1.

Судьба китайского театра

М. В. Тарасова

О китайском театральном искусстве давно уже разнеслась по земле слава, и правы те истинные его ценители, которые называли Китай одной из самых театральных стран мира.

Это действительно так, и сама история тому свидетель.

Еще в X—XIII веках театр в Китае вступил в полосу становления и развития, а в XIV веке он уже достиг расцвета, став самым распространенным и массовым искусством в стране. С тех пор из века в век он все глубже пускал корни в самую гущу народных масс, и миллионы китайцев проникались к нему искренней, сердечной любовью.

Это и понятно. Ведь источником китайского театра является народное творчество: песня, танцы, цирк, пантомима. Не во дворцах знати, а в народе родились первые известные нам сейчас пьесы; не придворные учреждения, а народные общества «книжников» были первыми организациями, объединявшими профессиональных писателей и драматургов, чьи произведения и составили ранний репертуар китайского театра. Именно близость к народу опре-

делила его язык, доступный для всех слоев населения. Театр расцветал в городах и достигал самых отдаленных деревень.

Господствующие классы, конечно, учитывали силу театрального искусства. Они стремились использовать его как средство воспитания трудового народа в духе феодальной идеологии, для укрепления своей власти. В результате этого театральное искусство стало приобретать двойственный характер: с одной стороны, как и прежде, на протяжении всей своей истории, оно черпало силу в народе; с другой стороны, в него все сильнее проникала господствующая феодальная идеология.

Та и другая сторона китайского театра объективно существовали, но это ни в коей мере не умаляло значения этого искусства как самого массового, самого доступного из всех других искусств.

Таким был вчерашний день китайского театра. А каков же его сегодняшний день?

Сегодня назвать Китай одной из самых театральных стран мира затруднительно. Но не потому, что его народ перестал любить театр. Причина такого положения кроется в болезненных процессах, которые, как и вся китайская культура, переживает театр. Эти болезненные процессы были порождены так называемой «революционной линией Мао Цзэ-дуна в литературе и искусстве».

По свидетельству самой китайской прессы, «революционная линия Мао Цзэ-дуна в литературе и искусстве» была сформулирована им еще в 1942 году

в выступлениях на Яньаньском совещании. Однако ныне в Китае подчеркивается далеко не все, что было тогда сказано Мао Цзэ-дунем, а делается упор лишь на тех положениях его выступлений, которые соответствуют духу «культурной революции».

Это — сугубо утилитарный подход к литературе и искусству как к служанке пропаганды «идей Мао Цзэ-дуна»;

это — подмена реализма в литературе и искусстве «идеализацией» и «романтизацией» действительности;

это — принижение профессионального творчества и, как следствие, пренебрежительное отношение к творческой интеллигенции, непомерная переоценка самодеятельного творчества.

И все же в 1942 году, в Яньани, Мао Цзэ-дун изложил свои концепции по вопросам литературы и искусства в довольно завуалированной форме.

Более обнаженно они предстали в других документах, опубликованных лишь летом 1967 года в связи с 25-й годовщиной яньаньских выступлений Мао Цзэ-дуна. Это — резолюции Мао Цзэ-дуна от 12 декабря 1963 года¹ и от 27 июня 1964 года² и трижды исправлявшийся Мао Цзэ-дунем «Протокол» совещания по вопросам работы в области литературы и искусства в армии, созданного Цзян Цин (февраль 1966 г.).

И в резолюциях и в «Протоколе» содержатся главные установки, которыми определялась и определяется политика китайского руководства в литературе и искусстве с начала «культурной революции» вплоть до настоящего времени.

В резолюции Мао Цзэ-дуна, датированной 12 декабря 1963 года, дана

резкая негативная оценка состояния литературы и искусства КНР и выносятся суровый приговор руководителям, творческим работникам литературы и искусства. В результате большинство руководителей культуры и творческих работников оказались в опале прежде всего потому, что выступали в защиту национального культурного наследия, не скрывали своих симпатий к прогрессивной мировой культуре и прежде всего к социалистической культуре Советского Союза.

Спустя полгода в резолюции от 27 июня 1964 года Мао Цзэ-дун уже обрушивается на творческие союзы и их литературно-художественные периодические издания. «На протяжении 15 лет,— заявлял Мао Цзэ-дун,— эти союзы и большинство их периодических изданий... не проводили в жизнь политику партии...»

По сути дела, обе эти резолюции, вместе взятые, ставили под обстрел критики весь фронт искусства и литературы.

Официальным документом, закрепившим содержащиеся в двух резолюциях установки Мао Цзэ-дуна, явился «Протокол» совещания по вопросам работы в области литературы и искусства в армии, проходившего в феврале 1966 года.

«Протокол» формально посвящен вопросам армейской литературы и искусства. На самом же деле его директивы распространялись на все сферы культурной жизни Китая. Это действительно так, поскольку совещание проходило в обстановке массовой кампании «учиться у НОАК», основные же установки этой кампании сводились к тому, что НОАК является для всех слоев населения, для людей всех профессий лучшим примером верности «идеям Мао Цзэ-дуна». Поэтому директивы «Протокола» совещания по вопросам литературы и искусства в армии воспринимались как обязательные для всех без исключения деятелей литературы и искусства.

Официально закрепляя оценки состояния литературы и искусства,

¹ Имеется в виду резолюция Мао Цзэ-дуна по докладу Кэ Цин-ши.

² Резолюция по докладу отдела агитации и пропаганды ЦК «О положении с упорядочением стиля работы творческих союзов и их организаций».

данные в двух резолюциях Мао Цзэ-дуна. «Протокол» констатирует: «...все годы после провозглашения КНР работники литературы и искусства в основном не выполняли указаний (имеются в виду указания Мао Цзэ-дуна.— Авт.). Хуже того, мы находились под диктатом антипартийной, антисоциалистической черной линии, противостоящей идеям Мао Цзэ-дуна». Вследствие этого «Протокол» во имя «утверждения в литературе и искусстве идей Мао Цзэ-дуна» узаконивал новое толкование известной его формулы «туйчэнь чусинь» — «отбрасывать старое, создавать новое»³.

Жонглируя словами «покончить со слепой верой», «Протокол» фактически предписывал полное отречение:

от классической китайской литературы и искусства;

от литературы и искусства Китая 30-х годов XX века, в недрах которой, как известно, шел процесс становления демократического, революционного направления;

от достижений литературы и искусства, имевшихся за годы существования КНР;

от мировой классической и прогрессивной современной литературы и искусства;

от русской и советской литературы и искусства.

Предписывая китайскому народу подобное отречение, «Протокол» пользуется в основном единственным «аргументом»: все это, дескать, не отвечает «линии» Мао Цзэ-дуна. Особенно неприглядно выглядят те разделы этого документа, которые порочат русскую и советскую литературу и советское искусство. Не прибегая ни к каким здравым доводам и доказательствам, «Протокол» низвергает Белинского, Добролюбова, Чернышевско-

го. Заодно с ними объявляется война против Станиславского и его системы, против Шолохова и его произведений «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Судьба человека». В «Протоколе» отчетливо выражается мысль, что-де влияние советской литературы и искусства на китайский народ и другие народы мира является вредным, что дискредитация советской культуры «имела бы большое значение не только для Китая, но и для всего мира».

Что же предлагает «Протокол» взамен низвергаемой им национальной и мировой культуры?

Выдвигая задачу создания «самой блестящей и лучезарной литературы и искусства, открывающей новую эру в истории человечества», «Протокол» называет «образцы», на которые следует ориентироваться: применительно к театру — «революционные образцовые спектакли»: «Красный фонарь», «Шацзябан», «Налет на полк Белого тигра», «Захват горы Вэйхушань» и балет «Красный женский батальон». Из произведений других видов искусства были названы лишь симфония «Шацзябан» и скульптурная композиция «Двор сбора арендной платы».

В соответствии с осуждением Мао Цзэ-дуном всего прежнего руководства в области литературы и искусства, всех творческих союзов и их периодических изданий «Протокол» призывает «ликвидировать... черную линию» на культурном фронте, на что, по заключению этого документа, потребуется «несколько десятков и даже сотен лет».

Суммируя установки резолюций Мао Цзэ-дуна от 12 декабря 1963 года и 27 июня 1964 года и директивы «Протокола» совещания по вопросам работы в области литературы и искусства в армии (февраль 1966 г.), нельзя не заметить их общей черты: в них нет четкого определения того, каковыми должны быть социалистическая литература и искусство, каковы их конкретные задачи. Лишь в годы «культурной революции» китайская пропаганда стала открыто гово-

³ До 1966 года это же высказывание интерпретировалось, как «в старом найдем новое». Такая трактовка предусматривала определенную правомерность преемственности в вопросах литературы и искусства.

рить, что единственной их целью, единственной задачей является пропаганда «идей» Мао Цзэ-дуна.

О том, как происходил постепенный процесс превращения литературы и искусства Китая в придаток маоистской пропаганды, могут свидетельствовать события последних десятилетий театральной жизни Китая.

Ко времени провозглашения КНР в театральном искусстве Китая царил хаос. В стране бесконтрольно действовали частные труппы. Театральный репертуар был засорен слабыми в идейном и художественном отношении пьесами. Все еще сохранялась старая система подготовки кадров. Фактически отсутствовал аппарат управления искусством.

Перед страной встала задача — полностью перестроить всю прежнюю постановку театрального дела.

На это ушло пять лет.

В течение пяти лет было проведено немало действенных мероприятий, способствовавших развитию театрального искусства нового, демократического характера. Была проведена реформа традиционного театра сицзюй. Создавалась система государственных театров и специальных театральных училищ. Организовывался аппарат управления театральным делом в рамках министерства культуры в центре и департаментов культуры на местах. Многочисленные деятели культуры объединялись в творческие союзы, что помогало координировать их деятельность. В эти же годы начинается серьезная работа над созданием новых для Китая видов театрального искусства — оперы и балета, над дальнейшим развитием явившегося в Китае лишь в начале XX века театра разговорной драмы. В связи с этим проводилась интенсивная работа по подготовке режиссеров, балетмейстеров, которых в Китае до тех пор, по существу, не было.

И все же центральной проблемой китайского театра уже в тот период был репертуар, который, как известно, определяет лицо любого театра.

В начале пятидесятых годов репертуар традиционного театра резко сократился. Он составлял всего лишь около двух десятков переработанных пьес старого репертуара. Это явилось следствием объективных трудностей, связанных с нехваткой специалистов-либреттистов, и весьма строгих цензурных ограничений.

Судя по сообщениям полуофициальной прессы первых лет «культурной революции», в середине 50-х годов цензурные ограничения значительно сократились, и репертуар традиционного театра снова расширился за счет подправленных старых пьес.

После того как в 1956 году был объявлен курс «пусть расцветают сто цветов», на сценах театров стали появляться даже такие постановки, которые до этого были строго-настроено запрещены. Однако это был сложный период, когда раздавались голоса и явных приверженцев буржуазной идеологии, и апологетов феодализма и всего старого, и истинных сторонников социалистического реализма, часто ставивших под сомнение курс «пусть расцветают сто цветов».

В 1957 году по указанию Мао Цзэ-дуна провозглашается призыв — отделить «благоухающие цветы» от «ядовитых трав». А вслед за этим объявляется кампания против правых буржуазных элементов, в ходе которой пострадало много честных и талантливых работников театрального фронта.

В результате этих событий репертуар китайского театра снова резко сократился.

Новые трудности принес театральному искусству Китая начавшийся в 1958 году «большой скачок». Лозунги — «больше, быстрее, лучше и экономнее», «три года усилий, а потом бесконечное благоденствие» — распространились и на театр. Равняясь на далекие от реальности цифры роста экономики, многие драматурги, режиссеры, актеры вынуждены были брать на себя

столь же фантастические и нереальные обязательства. Сообщения печати того времени рекламировали театральные коллективы, которые за одну ночь якобы подготовили сто, а то и больше номеров, посвященных «скачку», демонстрировали за один день десятки постановок и т. д. Это было явное распыление сил на создание рекламных однодневок, на поддержание силами многочисленных работников театра видимости успеха «скачка». И все же в этой сложной обстановке, в обход общей официальной ориентации театрального искусства на пропаганду «большого скачка» многие театральные коллективы и драматурги ведут серьезную и сложную работу по созданию современного репертуара для традиционного театра и для более молодых его видов — театра разговорной драмы, оперы. Не выпускались из поля зрения вопросы повышения уровня профессионального мастерства, знакомства через гастрольные поездки широких масс с лучшими работами театров.

Результаты этой полезной деятельности оказывали благотворное влияние на репертуар. В 1958 году силами различных коллективов театра сицзюй, в том числе коллективов театра пекинской музыкальной драмы, осуществляется постановка спектаклей на современную тему: «Седая девушка», «Красные боги».

Над современной тематикой работали и другие театральные школы КНР. Театр разговорной драмы в 1958 году демонстрировал интересные спектакли на революционную тему — «Красная буря» и «Мать». В репертуар оперного театра входили оперы «Седая девушка» и «Женитьба маленького Эр Хэя» композитора Ма Кэ, «Лю Ху-лань» композиторов Чэн Цзы, Мао Юаня и Хэ Гуан-жуя, «Ван Гуй и Ли Сян-сян» композитора Лян Хань-гуана, «Песнь степей» композитора Ло Цзун-сяня. В то же время шла работа над новой оперой. «Весенний гром», компози-

торов Чэн Цзы и Ду Юй, посвященной революционным событиям 1927 года.

Все эти факты свидетельствуют о том, что репертуар китайского театра периода «большого скачка» в своих наиболее значительных работах отражал современную и революционную тематику. Эти же факты опровергают нынешние утверждения китайской пропаганды, что разработка современной темы якобы была начата лишь в канун «культурной революции».

Работа театров Китая над репертуаром на современную тематику продолжалась и в последующие годы. Тем не менее Мао Цзэ-дун заявлял о том, что «на сцене слишком много феодализма — императоров, сановников, талантливых барчуков и красавиц», что центральный театральный журнал «Сицзюй бао» пестрит демонами и чудовищами», «социалистических пьес очень мало», что работников театра «нужно гнать на низовую работу»⁴.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что обвинения Мао Цзэ-дуна по адресу журнала «Сицзюй бао» были необъективными. Конечно, в то время в театре сицзюй ставилось немало спектаклей, заимствованных из традиционного репертуара. Новый, современный репертуар еще находился в стадии становления и не мог занимать доминирующего положения на китайской сцене. И все же материалы, опубликованные в «Сицзюй бао», дают основание полагать, что в центре внимания деятелей театра КНР в 1963 году стояла проблема создания репертуара на современную тематику. Об этом, в частности, говорит даже неполный перечень спек-

⁴ В том, что это не было случайно брошенной фразой, убеждает повторенная Мао Цзэ-дуном в феврале 1964 г., по сути дела, та же мысль. В дни праздника Весны он заявил: «Нужно выгнать из городов артистов, поэтов, драматургов, литераторов в деревню». «Нечего им просиживать в учреждениях, там они ничего не создадут. Если они не отправятся в низы — не выдавать им продовольствия. Кормить лишь тех, кто поедет».

таклей, поставленных театром силой, которые обсуждались на страницах журнала: «Захват знака власти» (о борьбе со старыми пережитками в сознании крестьян); «Боевая молодость», «Буря 1 августа», «Вечно живое», «Дочь партии», (постановки на историко-революционную тему); «Молодежь на дальних окраинах», «Товарищ, ты пошел по неправильному пути» (постановки, отражающие новую действительность Китая) и т. д. В этом же журнале публиковались материалы, посвященные спектаклям на современную тему театра разговорной драмы и опере на революционную тему — «Река Дацинхэ».

Резолюции Мао Цзэ-дуна игнорируют эти новые явления в театральной жизни Китая, а обвинения по адресу деятелей литературы и искусства, содержащиеся в них, имеют в своей основе конкретную цель: полностью подчинить литературу и искусство пропаганде «идей Мао Цзэ-дуна», дабы они стали действенным средством внедрения в сознание масс культа его личности. Руководствуясь этой целью, Мао Цзэ-дун в июле 1964 года (почти одновременно с появлением его второй резолюции) заявил: «Мы должны пройти через культурную революцию... и создать массовые отряды служащей социализму и красной и квалифицированной пролетарской интеллигенции». Им была названа и главная форма проведения «культурной революции» — «революционная практика классовой борьбы».

Таким образом, еще в 1963—1964 годах Мао Цзэ-дун в общих чертах уже определил план переворота в китайской культуре. Вслед за этим открылось и «опытное поле», на котором отрабатывалась тактика будущих «сражений»: таким «опытным полем» прежде всего стал театр. Позднее сама китайская пропаганда не скрывала этого. «Революция» в театре, совершенная под руководством Цзян Цин, расценивалась китайской прессой как «боевой сиг-

нал к... великой пролетарской культурной революции», как ее «великое начало»⁵.

Каковы были установки в театре, с которыми в преддверии «культурной революции» выступила Цзян Цин?

Она, обосновавшись в 1964 году в одном из ведущих театральных коллективов — в 1-й труппе театра пекинской музыкальной драмы, — заявила: «Эта труппа будет вести экспериментирование, она не будет ставить старые пьесы. Если вы будете играть старые пьесы, то такая труппа мне не нужна... Со времени освобождения прошло десять с лишним лет, но все еще показывают помещиков, жен помещиков. Разве не стыдно? Я решительно отвергаю подобные пьесы!»

Совершенно очевидно, что эти установки Цзян Цин по духу совпадают с теми положениями, которые содержались в резолюциях Мао Цзэ-дуна.

Чего же добивалась Цзян Цин? Известно, что на одном из «митингов клятвы», которые она проводила на своих «опытных полях», она потребовала: «Всю жизнь играть революционные современные пьесы!» Конкретно под ними имелись в виду первые варианты так называемых «революционных образцовых спектаклей» «Огни в камышах» и «Красный фонарь», ставших с 1966 года эталонами маонистского искусства периода «культурной революции». Левацкие, ингилистские установки Цзян Цин не встретили поддержки в кругах китайских деятелей театра. В ходе смотра спектаклей на современную тему театра пекинской музыкальной драмы, который проходил летом 1964 года, спектакли, подготовленные на ее «опытных полях», были встречены холодно.

Это свидетельствует о том, что намерение Цзян Цин подчинить театр

⁵ «Идеи Мао Цзэ-дуна освещают путь революции в театре пекинской музыкальной драмы», «Гуанмин жибао», 5.VI.1967.

пропаганде культа личности и «идей Мао Цзэ-дуна» встретило молчаливый отпор со стороны деятелей театра КНР.

Этой цели удалось добиться лишь силой, принудительными мерами в ходе «культурной революции».

Каковы плоды «великой культурной революции» применительно к области театра?

Прежний аппарат управления театральным делом страны в рамках прежнего министерства культуры в центре и департаментов культуры на местах разрушен.

Руководство этой областью в настоящее время осуществляет Группа по делам культуры при Госсовете КНР, которую возглавляет У Дэ — член нынешнего ЦК КПК⁶, в прошлом политкомиссар одного из военных округов Китая. Фактическим руководителем в области театра остается Цзян Цин. Союз драматургов и Союз театральных работников наряду со всеми другими творческими союзами разогнаны.

Прежние театральные периодические издания раскритикованы и закрыты.

Подавляющее число театральных коллективов бездействует; из общего числа трупп в стране (по данным Цзян Цин, их было к 1964 году почти три тысячи) к 1972 году в центральном Китае фигурировало не более десяти.

С начала «культурной революции» занятия в специальных театральных учебных заведениях прекратились. Сообщений о возобновлении занятий нет.

Из прежних видных деятелей театра в позитивном плане в печати никто не упоминается. Критика же деятелей театра продолжается. В последние годы особенно резким нападкам подвергались бывший председатель Союза театральных работников Тянь Хань, драматурги Ся Янь, Ян Хань-шэн; наряду с ними к числу представителей «контрреволюционной линии в литературе и искусстве Лю Шао-ци» относят драматурга Чэнь Бай-чэня, режиссера те-

атра пекинской музыкальной драмы А Цзя, крупнейших актеров этого театра Ма Лянь-ляна, Чжоу Синь-фана. Что же касается прежней армии работников театра в целом, то на нее распространяется общая официальная точка зрения, согласно которой «работники литературы и искусства в различной мере отравлены ядом феодализма, капитализма и ревизионизма, перестали идти по столбовой дорожке служения рабочим, крестьянам, солдатам, дезертировали и даже разложились»⁶; это проявляется в том, что они «упорно отказываются преобразовать мировоззрение при помощи идей Мао Цзэ-дуна, не жалеют, чтобы в искусстве командной силой были «идеи Мао Цзэ-дуна...»⁷.

Для их «перевоспитания» в духе «идей Мао Цзэ-дуна» наряду с кампаниями «критики и осуждения» в последние годы в КНР широко практикуют высылку работников театра (так же как деятелей литературы и других видов искусства) в отдаленные районы на длительные сроки. Цель этой меры состоит в том, чтобы в трудных условиях они «революционизировали» свою идеологию.

В последнее время появляются сообщения о том, что в свободное от работы время им разрешают участвовать в деятельности «литературно-художественных отрядов по пропаганде идей Мао Цзэ-дуна», однако на условиях строгого контроля.

С начала «культурной революции» прошло почти семь лет, однако положение дел в театре вызывает недовольство нынешнего руководства КПК. Ныне маонистское руководство культурным фронтом делает ставку на исчисляющиеся в КНР десятками тысяч «литературно-художественные отряды по пропаганде идей Мао Цзэ-дуна», в основе своей носящие самостоятельный характер.

⁶ «Гуанмин жибао», 16.VI.1970.

⁷ Там же.

А что осталось от профессионального театра, каков его репертуар, чем он живет?

Как известно, на первом месте по количеству театральных трупп, охвату зрителей в КНР стоял национальный театр сицуй, на втором — драматический театр или — как его называют в Китае — театр разговорной драмы.

Опера и балет — самые молодые виды театрального искусства в КНР — были представлены небольшим числом коллективов, работавших в наиболее крупных городах Китая.

В этой последовательности мы и будем говорить о состоянии театра КНР.

Нынешний курс в области литературы и искусства нанес серьезный ущерб национальному театру сицуй. Из всех местных разновидностей театра сицуй в репертуарных афишах фигурирует лишь театр пекинской музыкальной драмы.

Цзян Цин сократила репертуар этого театра до пяти спектаклей («Шацзябан»⁸, «Красный фонарь», «Захват горы Вэйхушань», «Налет на полк Белого тигра», «Порт»), полностью переключила его, следуя общей направленности «культурной революции», на пропаганду «идей Мао Цзэ-дуна»⁹.

Это основное требование, предъявляемое к театру, ко всей литературе и искусству, формулируется следующим образом: «Самое большое требование эпохи состоит в том, чтобы революционные литература и искусство пропагандировали идеи Мао Цзэ-дуна, чтобы идеи Мао Цзэ-дуна

навсегда утвердились в сфере идеологии и культуры»¹⁰.

Что же представляют собой пять перечисленных пьес, из которых с 1966 по 1970 год и состоял весь театральный репертуар КНР?¹¹ Не пересказывая подробно их содержания, ограничимся перечислением тем: «Захват горы Вэйхушань» воссоздает один из эпизодов борьбы НОАК на Северо-Востоке против остатков гоминьдановских войск, укрепившихся на горе Вэйхушань. Главное содержание «Шацзябан» составляет история спасения с помощью подпольщицы А Цин и «народных масс» восемнадцати раненых бойцов НОАК во главе с комиссаром Го Цзяньгуаном.

«Красный фонарь» рассказывает об участии в революции и антияпонской борьбе рабочего класса на севере Китая.

Сюжет «Налета на полк Белого тигра» — подвиги китайских добровольцев в войне корейского народа против американской агрессии.

«Порт» — спектакль о портовых рабочих Шанхая.

Как видим, главное место среди пяти пьес занимала историко-революционная тема, за ней следовали тема боевой дружбы с корейским народом и тема молодежи. Каждая из них важна и правомерна. Однако здесь есть одно «но», на которое трудно не обратить внимание. Не воссоздание славных страниц революционного прошлого китайского народа, не образы героев с их индивидуальными человеческими чертами интересуют авторов этих пьес. И то и другое привлекается лишь как иллюстрация к «идеям Мао Цзэ-дуна». В том, что это так, убеждает статья газеты «Жэньминь жибао»¹², возвестившая в июне 1970 года о разрывании в масштабах всего

⁸ Шацзябан — название местечка, где разворачивается действие пьесы.

⁹ Представляется важным напомнить, что пьес и спектаклей, отмеченных печатью культа маоизма, было немало и в предшествующие годы. Достаточно вспомнить серию спектаклей, посвященных «хорошему солдату Мао Цзэ-дуна» Лэй Фэну, а также такие спектакли 1965 года, как «Долг врага», «Железный Ван», «Рабочий пост». Однако с 1966 года пропаганда определенных установок Мао Цзэ-дуна стала единственной темой театров КНР.

¹⁰ «Гуанмин жибао», 30.V.1970.

¹¹ В 1967 году в печати встречались упоминания о других спектаклях, поставленных коллективами театра разговорной драмы, но в дальнейшем ни в театральных афишах, ни в печати они не фигурировали.

¹² «Жэньминь жибао», 15.VI.1970.

Китай кампании по популяризации «революционных образцовых спектаклей»¹³. В ней сказано следующее: «Революционные образцовые спектакли, ставящие на первое место пропаганду всепобеждающих идей Мао Цзэ-дуна, являются мощным духовным оружием, вдохновляют и стимулируют революционные народные массы на продолжение революции в условиях диктатуры пролетариата»¹⁴.

Что же из арсенала «идей Мао Цзэ-дуна» прежде всего пропагандируют спектакли?

Это было определено самим Мао Цзэ-дуном, который 23 июня 1964 года после просмотра спектакля «Искры в камышах» (позднее по его совету переименованного в «Шацзябан») выдвинул указание относительно исправления текста пьесы: «Главное — вооруженная борьба»¹⁵. Разъясняя это «указание», китайская печать напоминает слова Мао Цзэ-дуна: «В Китае главной формой борьбы является война, а главной формой организации — армия»¹⁶.

Таким образом, сверхзадача всех трех пьес — прославление войны как главного средства борьбы и способа решения всех проблем; прославление армии как главной силы. Это относится даже к спектаклю, внешне посвященному участию китайских добровольцев в борьбе с американской агрессией в Корее. Не тема интернациональной боевой дружбы составляет лейтмотив спектакля, а те же «идеи Мао Цзэ-дуна».

В 1971 году в театральной афише КНР появились названия трех новых спектаклей, поставленных в стиле пекинской музыкальной драмы. Пока что мы можем сказать лишь то, что они идут как «пробные пред-

ставления» и один из них (а возможно, и два) не новы. Они ставились в КНР в 1963 и 1964 годах, затем попали под общий запрет, а в 1971 году за неимением новых пьес в доработанном виде снова появились на сцене Пекина.

Театр разговорной драмы в значительной мере развивался под влиянием русского и советского драматического театра, системы Станиславского. Влияние советского драматического театра и системы Станиславского особенно возросло после 1949 года, когда по приглашению китайского правительства в КНР приезжала ряд специалистов-режиссеров, читавших курс лекций по режиссуре и участвовавших в постановках спектаклей по произведениям русской и советской драматургии. Сыграл значительную роль и перевод на китайский язык основных работ К. С. Станиславского. Объективно система Станиславского стала в 50-х годах ведущей системой молодого театра разговорной драмы.

Последние спектакли театра разговорной драмы китайский зритель увидел в 1967 году. Затем (в несомненной связи с установкой «Протокола» 1966 г.) разворачивается «критика» системы Станиславского, которая с наибольшей интенсивностью проводилась в 1969 году. После этого китайский театр разговорной драмы был полностью парализован, обречен на вынужденное молчание.

В результате стало ясно, что внесение в «Протокол» решения о разрывании борьбы против системы Станиславского не случайно. В этой установке следует видеть две стороны. Одна — проявление антисоветизма, попытка через критику системы Станиславского дискредитировать в глазах китайского народа советское искусство. Другая — очернение системы Станиславского, обусловленное тем, что все его основные концепции резко расходятся с нормами, которые предписываются китайскому театру.

¹³ В 1966 г. названные пять спектаклей, а также балеты «Седая девушка» и «Красный батальон» были удостоены названия «революционные образцовые спектакли» и стали рекламироваться как эталоны «революционного искусства».

¹⁴ «Жэньминь жибао», 15.VI.1970.

¹⁵ «Хунци», 1970, № 6, стр. 40.

¹⁶ Там же.

Что было для Станиславского основным источником актерского творчества? Жизнь, реальная действительность. Как говорил К. С. Станиславский, чтобы «найти верную дорогу к творчеству, необходимо знать, что такое правда и жизнь». Ныне в КНР сам принцип «писать правду» расценивается как реакционный, буржуазный. Правде, реализму в искусстве противопоставляется «идеализация и романтизация». Таким образом, исходная установка К. С. Станиславского вступает в резкое столкновение с одним из главных нынешних направлений театра КНР. Не устраивает китайских теоретиков в области театра и требование К. С. Станиславского показывать на сцене человека «во всей сложности его свойств, характера и поведения», раскрывать психологический подтекст роли.

Это положение Станиславского тоже выглядит явной «ересью». Центральный партийный журнал КНР «Хунци» на своих страницах четко указал, какими должны быть положительные и отрицательные черты, которыми должны быть в обязательном порядке наделены персонажи пьес.

Явно противоречат курсу, действующему в театре КНР, и положения Станиславского о классике, о сатире. Если же к этому прибавить, что сама система Станиславского складывалась на основе реалистических традиций Пушкина, Гоголя, Островского, Шекспира, Мольера, которые с первых лет «культурной революции» зачислены в Китае в «феодалную рухлядь», то система Станиславского оказывается прямо таки «бомбой», подрывающей установки нынешних руководителей театрального фронта. Как писала «Гуанмин жибао», она «является орудием формирования общественного мнения, направленного против партии, против социализма, предмостным укреплением, предназначенным для свержения диктатуры пролетариата»¹⁷.

«Культурная революция» заставила замолчать и молодой оперный театр. Он заявил о себе во весь голос в 40-х годах интересными современными спектаклями, посвященными китайской революции, и получил дальнейшее развитие в первое десятилетие после провозглашения КНР. Стали хорошо известными такие спектакли оперного театра 50-х годов, как «Лю Ху-лань», «Песнь степей», «Под сенью акаций». Эти спектакли были показаны в СССР во время гастролей Центрального экспериментального оперного театра Китая в 1958 году. Силами одного из подразделений этого театра были поставлены русские и советские оперы — «Евгений Онегин», «Аршин Мал-Алан», «Молодая гвардия», а также оперы западных композиторов — «Чио-Чио-Сан», «Травиата».

До сегодняшнего дня остаются под запретом не только перечисленные зарубежные произведения, но и все национальные произведения оперного жанра, созданные за недолгую историю этого молодого вида театрального искусства Китая. Сейчас мы не находим в театральной афише КНР ни одного оперного театра. Он безмолвствует.

Из молодых видов театрального искусства сохранился лишь балет. Хотя в настоящее время в Китае существует только два балетных коллектива (один в Пекине, другой в Шанхае), на них возлагаются большие надежды, для их работы создаются благоприятнейшие условия. Эти крупные коллективы направляли в гастрольные поездки за границу, при этом издавались великолепные пособия к постановкам, рассчитанные на зарубежного зрителя.

Все это свидетельствует о том, что нынешние балетные постановки — «Седая девушка» и «Красный женский батальон», — с одной стороны, призваны создавать видимость благополучия и процветания китайского театра; с другой — быть одним из средств пропаганды маоистских «идей» за рубежом.

¹⁷ «Гуанмин жибао», 30.X.1969.

Знакомство с нынешними балетными постановками оставляет двойственное впечатление. Они убеждают в высоком художественном мастерстве танцоров, художников, композиторов, но вместе с тем бросается в глаза, что под предлогом воссоздания героического прошлого китайского народа проводится все та же назойливая, однотонная пропаганда «идей Мао Цзэ-дуна» о войне и армии. Это особенно четко проявляется в балете «Красный женский батальон», в котором основная тема (путь в революцию крестьянки У Цин-хуа) перекрывается тезисами Мао о вооруженной борьбе и важности военной дисциплины. Спектакль изобилует сценами военной подготовки и соответствующими изречениями Мао Цзэ-дуна. Даже героическая смерть партийного руководителя Хун Чан-цина, показанная в балете, воспринимается не как проявление гражданского и революционного мужества, а как очередная иллюстрация к тезису Мао Цзэ-дуна: «Не бояться трудностей, не бояться смерти».

Итак, пять спектаклей театра пекинской музыкальной драмы и два балетных спектакля — вот к чему сводился репертуар почти трех тысяч театральных коллективов КНР, действовавших в период с 1966 по 1971 год.

Крайняя скудность репертуара накануне 30-й годовщины яньяньских выступлений Мао Цзэ-дуна по вопро-

сам литературы и искусства вынудила руководящих деятелей культуры КНР принять срочные меры. Как всегда в такие критические моменты маонисты прибегли к «указанию председателя Мао Цзэ-дуна». Оно гласило: «Надеюсь, что появится еще больше еще более хороших произведений»¹⁸.

Это указание (которое было сделано Мао Цзэ-дуном давно, но осталось нереализованным) было подкреплено в конце 1971 года призывами «показывать в опытным порядке» даже «спектакли, еще недостаточно зрелые», и обещаниями прощения за допущенные в них ошибки¹⁹.

Каковы конкретные результаты этих срочных мер? Новых оригинальных пьес в театральных афишах пока нет. Репертуар пришлось пополнить за счет возрождения в «исправленном» варианте спектакля пекинской музыкальной драмы «Луницзянский гимн», относящегося к 1969 году, и спектакля пекинский музыкальной драмы «Красный женский батальон» (пьеса была написана на основе либретто балета под тем же названием).

Такова реальная картина, характеризующая китайской официальной печатью как «небывало хорошая обстановка».

¹⁸ «Жэньминь жибао», 16.XII.1972.

¹⁹ «Жэньминь жибао», 22.XI.1971.

У истоков советско-китайской дружбы

*А. Я. Калягин,
генерал-лейтенант
инженерных войск*

Накануне нового, 1972 года издательство «Наука» опубликовало книгу генерал-лейтенанта А. И. Черепанова «Записки военного советника в Китае»¹. Генерал Черепанов — видный советский военачальник, участник боев под Псковом в феврале 1918 года, которые он описал в книгах «Под Псковом», «Боевое крещение». Дважды в своей жизни — в 1923—1927 и 1938—1939 годах — он направлялся в Китай в качестве военного советника делил с китайским народом все тяготы и лишения, связанные с борьбой против китайских милитаристов и иностранных империалистов. В 1964 и 1968 годах он опубликовал две книги, в которых рассказывал о военно-политических событиях в Китае в годы китайской революции и о деятельности специалистов, направленных Советской страной для оказания помощи китайскому народу.

Новая книга генерала Черепанова «Записки военного советника» — второе издание книги, опубликованной в 1964 году и ставшей уже библиографической редкостью. Она значительно переработана, дополнена новым материалом и отлично оформлена, автор снабдил книгу 27 photographиями советских советников — своих боевых товарищей по работе в Китае, многих из которых уже нет в живых, выдающихся деятелей революционного движения в Китае — Сунь Ят-сена, Лю Чжун-кая и других. Пронизанная от начала до конца верой в неминуемое окончание торжества братской дружбы советского и китайского народов, книга Черепанова повествует о ярком периоде освободи-

тельного движения китайского народа 1923—1926 годов.

Ясная память, природная наблюдательность и огромный опыт помогали автору воссоздать яркую картину участия советских людей в мужественной борьбе китайских трудящихся масс против феодально-компрдорской реакции и стоявших за их спиной империалистических держав. Не полагаясь только на свою память, А. И. Черепанов тщательно собрал и изучил архивные материалы, литературу, прессу, советовался со своими старыми друзьями по работе в группе наших советников в Китае.

«Записки военного советника» — яркое свидетельство подлинного интернационализма советских людей, верности КПСС ленинским идеям поддержки антиимпериалистической борьбы колониальных и зависимых народов. Направленные в Китай по просьбе выдающегося китайского революционера-демократа Сунь Ят-сена и его сподвижников, советские гражданские и военные советники отдали весь свой талант, все свои знания делу китайской революции.

Автор воспоминаний приехал в Китай в июне 1923 года. Это было время подготовки и начала китайской революции, крупнейшего события середины 20-х годов. Огромную и разностороннюю помощь китайской революции оказывал Советский Союз. Отказывая себе в самом необходимом, советские люди посылали революционному Китаю оружие и боеприпасы, горючее и продовольствие. Важнейшей формой помощи китайской революции была помощь специалистами, передача китайским товарищам опыта нашей революции, в частности опыта Красной Армии. В 1919 году В. И. Ленин предвидел, что «то, что проделала Красная Армия, ее борьба и история победы будут иметь для всех народов Востока гигантское, всемирное значение». В «Записках» Черепанова хорошо показано, как воплощалось в жизнь предвидение вождя, какие трудности и препятствия приходилось преодолевать, чтобы наиболее эффективно применялся опыт гражданской войны Советской России в условиях Китая.

Советское правительство направило в Китай своих лучших сынов, прошедших школу гражданской войны, имевших опыт политической работы и заслуги перед революцией. Главным советским военным советником в Китае был В. К. Блюхер, будущий маршал Советского Союза, главным политическим советником — М. М. Бородин, один из старейших советских коммунистов.

¹ А. И. Черепанов, Записки военного советника в Китае, издание 2-е, М., «Наука», 1971, 310 стр.

Важнейшей сюжетной линией «Записок» является деятельность советских советников в Китае. На историческом фоне 20-х годов автор и показывает роль советников в оформлении первого в истории революционного движения в Китае единого национального фронта, создании кузницы военных кадров революции — школы Вампу, национально-революционной армии и, наконец, в боях с милитаристами за освобождение Гуандуна и в создании там базы революционного движения китайского народа.

При этом автор большое внимание уделяет описанию хода основных военных операций по освобождению Гуандуна, приводит богатый военно-картографический материал, иллюстрирующий военную обстановку и ряд важнейших операций. Перед нами проходит целая галерея ярких, запоминающихся портретов видных советских партийных и военных деятелей, работавших в то время в Китае: М. М. Бородин, В. К. Блюхера, Л. М. Карахана, Н. В. Куйбышева, А. И. Егорова, В. М. Примакова и многих других. С большой теплотой А. И. Черепанов пишет о М. М. Бородине, который «был не только реальным советником Сунь Ят-сена по решающим вопросам, но и большим личным другом. Он проявил при этом настоящую политическую зрелость большевика-ленинца». А. И. Черепанов подчеркивает, что «...в течение двух лет после смерти Сунь Ят-сена Бородин сохранял в среде революционеров, искренних последователей Сунь Ят-сена, свое исключительное положение» (стр. 40).

Рассказывая о деятельности В. К. Блюхера, Александр Иванович подчеркивает, что «он был не только блестящим полководцем, но и трезвым политиком, оценивающим события не только с позиций нынешнего дня, но и с позиций будущего». Каждую военную операцию В. К. Блюхер готовил с величайшей тщательностью. «Перед тем как принимать решение о той или иной операции, — вспоминает автор, — он никогда не выслушивал наших общих соображений. Вместо этого он заранее давал каждому отработать для него отдельный вопрос... Собрав все данные, Блюхер внимательно изучал их, потом принимал решение и объявлял его нам для выполнения» (стр. 149). О военном таланте Василия Константиновича ходили легенды. Он не только в короткий срок помог китайской революции создать собственную базу в Гуандуне, разгромив многочисленные армии милитаристов, но сумел с точностью до одного дня предсказать продолжительность известного Восточного похода.

Называя фамилии десятков советских военных советников и рассказывая о их деятельности в Китае, А. И. Черепанов пишет, что в мирное время «советник помогал командиром оценить обстановку, сделать соответствующие выводы, отдать необходимые приказания, предусмотреть всевозможные

случайности... Главное содержание деятельности советников составляла повседневная работа в воинских частях, соединениях и учреждениях. Советник старался возможно глубже изучить состояние войск, близко познакомиться с комсоставом, с солдатской массой. Он активно участвовал в боевой подготовке подразделений, в выработке различных инструкций. Нередко советнику приходилось читать лекции офицерам, организовывать показательные занятия» (стр. 307—308).

Работать советникам приходилось в крайне сложной обстановке. Вспоминая о прошлом, А. И. Черепанов пишет, что «в любой момент можно было ждать контрреволюционного мятежа» и в этом случае безопасность советских людей была не обеспечена. В этой связи можно вспомнить, как зверски расправились китайские милитаристы с работниками советского консульства в Кантоне в 1927 году.

Книга проникнута глубоким уважением к китайскому народу, его революционным традициям. Судьбы и чаяния простых людей Китая воспринимались автором, а также другими нашими советниками, как тревоги и надежды своей Родины. «Уезжая, — пишет Черепанов, — я уносил в своем сердце любовь к китайскому народу, к солдатам революционной армии, к курсантам школы Вампу... и к Коммунистической партии Китая» (стр. 310).

В Китае Черепанову пришлось познакомиться и вместе работать со многими выдающимися деятелями революционного движения. «В те дни, — пишет он, — судьба свела нас с людьми поистине удивительными из числа небольшой по составу группы первых руководителей китайских коммунистов» (стр. 95). Страницы, посвященные верному последователю Сунь Ят-сена Ляо Чжун-каю, убитому китайской реакцией, пламенному китайскому коммунисту-интернационалисту Цюй Цю-бо, замученному гоминьдановцами в 30-х годах (память о котором шельмуется в нынешнем Китае), Чжан Тай-ляо, ближайшему помощнику и доверенному сотруднику Бородина, погибшему в дни Кантонской коммуны 1927 года, — яркое свидетельство советско-китайской дружбы.

Книга А. И. Черепанова глазами очевидца и участника революционных событий в Китае воскрешает один из ранних этапов боевой советско-китайской дружбы. Интересно написанные и строго соответствующие историческим фактам записки Черепанова еще раз свидетельствуют, что помощь Советского Союза являлась важным фактором революционного процесса в Китае. Возвращаясь из прошлого к нашим дням, читатель обретает уверенность, что нынешний анти-советизм, насаждаемый группой Мао Цзэ-дуна, в конечном счете потерпит провал, ибо он противоречит традициям дружбы и сотрудничества между советским и китайским народами, коренным интересам КНР.

Книга на злободневную тему¹

К. М. Попов,
доктор экономических наук

С середины 60-х годов в японской буржуазной печати, а вслед за этим и в западной прессе особенно много стали писать о необычайных для послевоенных лет высоких темпах развития японской экономики. По ряду важных показателей — по валовому национальному продукту, а также по общему объему промышленной продукции и по многим товарам, производимым новыми отраслями японской тяжелой и химической индустрии, — Япония вышла на второе место в капиталистическом мире.

Характерно при этом, что, давая свои оценки достижениям Японии в самых высших тонах, такие авторы как бы «не замечают» никаких трудностей, никаких негативных моментов в процессах развития экономики Японии, тех уязвимых мест и новых диспропорций, которые возникли именно в результате неравномерностей, сложившихся внутри новой экономической структуры страны. Почти как правило, вне поля зрения остаются неравномерное распределение среди различных слоев населения национального дохода, резкое усиление и без того высокой интенсификации труда, особенно в промышленном производстве. Умалчивается правда об огромных прибылях, которые во все больших размерах выкачиваются монополиями посредством усиления эксплуатации японских трудящихся за последние годы.

Не удержался от восторженных панегириков даже известный в кругах зарубежных японоведов компетентный французский журналист Робер Гийен, многократно посещавший Японию. Он пишет в своей книге «Япония — третья великая держава», вышедшей в Париже в 1969 году, следующее:

«В Японии весь народ устремлен к будущему, все общество ориентируется на будущее. Размах преобразований в этой стране становится вполне понятным лишь тогда, когда на месте наблюдаешь динамичность людей, осуществляющих эти преобразования. Мы на Западе, и прежде всего в Европе, еще слишком часто думаем о японцах как о людях, которые идут позади нас, которые еще отстают из-за необычности и отдаленности их островов. Короче говоря, мы думаем о них как о людях, которые прилагают все силы, чтобы догнать нас. Но ничего подобного уже нет. Они обогнали нас!»²

Как видим, Гийен начисто игнорирует какие бы то ни было социальные конфликты и классовые противоречия в японском обществе.

Немало зарубежных японоведов, особенно американских, анализируя специфику развития японской экономики за последние десятилетия, придают особое значение воздействию США, ее политике в отношении Японии.

В свете сказанного становится ясно, как важна для советского читателя книга, которая глубоко, всесторонне, на научной основе ориентирует в тех сложных и противоречивых процессах, которые происходят в этой стране. Советский ученый А. М. Шарков своим исследованием японо-американских отношений вносит ценный научный вклад в изучение современной Японии.

В книге А. М. Шаркова «Япония и США», содержащей шесть глав, рассматриваются такие темы: значение внешней торговли в экономике Японии и США, масштабы торговых связей, японская политика либерализации и проникновения в Японию американских капиталов, научно-технический прогресс и его значение в японо-американских отношениях. В заключительной главе автор рассматривает весьма актуальный вопрос исследуемой проблемы — сравнительную конкурентоспособность японских и американских товаров.

Одной из важнейших особенностей исследования является то, что автор подходит к анализу японо-американских отношений не статично, а исторически, выявляя их эволюцию. Хотя в центре внимания остаются экономические вопросы, но, учитывая большую сложность тесно переплетающихся

¹ А. М. Шарков, Япония и США (Анализ современных экономических отношений), изд-во «Мысль», М., 1971, стр. 406.

² Robert Guillaín, Japon-Troisième Grand, Paris, 1969, p. 28.

ся экономических и политических процессов, они рассматриваются во взаимосвязи, комплексно.

Следует напомнить, что в 1945—1951 годы, когда в Японии господствовал американский оккупационный режим, страна находилась в очень сильной зависимости от США, внешнеэкономические связи Японии в то время были до предела ограничены. Советское правительство еще в тот период предлагало заключить такой мирный договор с Японией, который предоставил бы ей независимость и обеспечил возможность развиваться стране по демократическому пути. Однако США заключили в 1951 году в Сан-Франциско сепаратный мирный договор с Японией, преследовавший совершенно противоположные цели, и СССР, естественно, отказался его подписать.

В пятидесятые годы, после восстановления Японией довоенного уровня производства, в японо-американских отношениях было положено начало некоторым уступкам со стороны США. Япония уже не удовлетворялась односторонним характером ориентации на США и с конца 1950-х годов начала поиски новых экономических связей.

С середины 1960-х годов Япония выступает уже как самостоятельный субъект американо-японских экономических отношений. Она проводит политику широкой «интернационализации» своей экономики, выдвигая лозунг «развивай и импортируй».

В результате существенных сдвигов, происшедших за 25 лет после капитуляции, Япония, оставаясь военно-политическим союзником США, становится их сильнейшим торговым конкурентом.

Как справедливо пишет А. Шарков, в конечном счете суть перемен состоит в том, что соотношение сил между США и Японией менялось в пользу последней. К 1970-м годам японо-американские отношения вступили в новую фазу: Япония ведет себя все более независимо, ее экономическая экспансия приобретает весьма активный характер, а внешняя политика становится гораздо более самостоятельной.

Характерной чертой исследовательского метода ученого является стремление выявить экономические основы внешнеполитических процессов, показать их как бы изнутри. Так, например, разбирая еще мало освещенную в нашей литературе о Японии проблему — конкурентоспособность японских и американских товаров, автор как бы расщепляет ее на составные части. Он анализирует заработную плату рабочих, производительность труда, расходы предпринимателя на рабочую силу (в расчете на единицу продукции), роль сырья в издержках производства. В результате этих исходных слагаемых вывод становится научно обоснованным, а в силу этого и убедительным.

Сделанные ученым конкретные расчеты подтверждают (на примере Японии и США) следующее положение: «Чем выше организационный состав капитала, тем скромнее значе-

ние зарплат в образовании себестоимости, и наоборот» (стр. 342).

Значительное место уделяется исследователем сравнению уровней производительности труда в Японии и в США. Такие показатели помогают оценить степень интенсификации труда в Японии и в других капиталистических странах. Важно учесть при этом, сумеет ли Япония длительное время сохранить и далее высокий темп прироста производительности труда и в этом отношении удержать превосходство над США. Если да, то империалистическим странам, и в первую очередь США, придется вести против Японии экономическую борьбу с гораздо большей силой, чем раньше. Отсюда вывод — еще большее обострение противоречий Японии не только с США, но и на более широком международном фронте.

В книге «Япония и США» обоснованно важное место занимает проблема внешнеторговых связей, показ их большой значительности в различных направлениях, но вместе с этим и тех новых, глубоких противоречий, которые возникают в ходе развития японо-американских экономических отношений.

В книге нет специальной главы, посвященной монополиям, но их главенствующая роль, их воздействие на ход развития внешнеэкономических связей стоит в центре внимания автора. Читатель найдет много новых интересных данных о схватках монополистических гигантов двух ведущих стран капиталистического мира, о формах и методах борьбы японских монополий за завоевание наиболее выгодных позиций на новых рынках.

В связи с усилением в Японии курса на милитаризацию большой интерес представляет то место в главе второй, где освещается вопрос о новом виде японского экспорта — торговле оружием. Автор отмечает большое политическое значение этой новой тенденции, которая уже в недалеком будущем сможет стать важным фактором усиления Японии в развивающихся странах, особенно в Южной Азии и в Африке.

Специальное внимание уделено в книге анализу механизма внешнеэкономических отношений, своеобразию системы американской и японской торговли. Обычно эти стороны капиталистической действительности обстоятельно не раскрываются.

Характеризуя важный для современной конъюнктуры Японии процесс либерализации, автор стремится и в этом сложном вопросе выявить новые черты. Особенно подчеркивается воздействие либерализации на рост процессов концентрации и централизации капитала и производства в Японии, резко усилившихся в 1960-е годы. В условиях этого активно развивающегося процесса шло образование предприятий-гигантов.

Рассматривая широкий круг вопросов, связанных с ходом развития японо-американских отношений, автор приходит к выводу об ослаблении экономической зависимости Японии от США. Он обращает внимание читателя на то, что процесс этот идет уже

не первый год, протекая неравномерно, с колебаниями, но явно по нисходящей кривой, при столкновении интересов и при все нарастающих противоречиях. Последние все более и более усиливаются по мере сближения экономических структур Японии с США на путях дальнейшей индустриализации и активного развития прогрессивных отраслей промышленности.

Открылся новый фронт борьбы между почти однотипными производствами Японии и США, поскольку основу японского экспорта стали составлять товары уже не легкой промышленности, а тяжелой индустрии.

Внешне складывается весьма парадоксальное положение: японо-американская торговля — в эпоху нынешнего научно-технического прогресса! — облекается как бы в «колонизальную» форму — Япония вывозит в США индустриальные товары, а закупает на американском рынке сырье (металлический лом, медь, уголь, нефтепродукты, лес, сельскохозяйственные товары: хлопок, кожаное сырье, соевые бобы, пшеницу, кукурузу, продукты питания европейского типа и другие). В результате — финансовая выгода в пользу Японии, то есть активный торговый баланс.

Но и как поставщик сырья, США теряют для Японии привлекательность из-за высоких цен и дороговизны фрахтовых ставок за дальние перевозки. Гораздо выгоднее для Японии становится закупать сырье не только в развивающихся странах — в Южной Азии, Африке, в Латинской Америке, но и в Австралии, о чем пишет автор в специальном разделе: «На пути к комплексу Япония — Австралия» (стр. 59—65).

А. Шарков отнюдь не переоценивает при этом противоречия между Японией и США, показывая все еще сохраняющуюся общность интересов, но все же обращает внимание на то, что «перед нами яркий пример развития межимпериалистических противоречий в рамках военно-политического союза...» (стр. 406).

Очень большое место в научном исследовании А. М. Шаркова уделяется проблеме научно-технического прогресса. Автор не только посвящает этому специальную главу (стр. 279—337), но анализирует его воздействие на ход экономического развития Японии во многих направлениях.

В современных условиях научно-технический прогресс оказал огромное влияние на всю систему американско-японских экономических отношений. Почти невозможно уже рассматривать старые стороны этих отношений (торговлю, экспорт капитала, предпринимательскую деятельность и т. п.), не анализируя новые. Япония возвела в ранг государственной экономической политики импорт результатов «мозговой деятельности», сгустков передовой научной и технической мысли (патенты, лицензии, опыт).

С начала 1946 года и до середины 1971 года Япония импортировала около 13 тыс. патентов и лицензий. Благодаря это-

му японцы получили возможность доступа к передовой технике и на этой основе реконструировали свою экономику. Это позволило создать благоприятные условия для развития национальной научной и исследовательской деятельности с новых рубежей, сэкономить средства и выиграть время в ходе борьбы за второе место в капиталистическом мире.

Не все патенты и лицензии, конечно, равнозначны по своему техническому и научному значению, даваемой ими экономии времени и общему экономическому эффекту. Но даже средние данные приводят к впечатляющему итогу, о чем подробно говорится в книге.

В литературе о Японии порой делаются поспешные выводы о том, что будто заимствование иностранных знаний как фактор экономического развития Японии к 1970 году себя, в общем, исчерпало. Между тем основная линия в развитии научно-технического прогресса Японии — это сочетание собственных научно-технических исследований с непрерывающимся использованием передовой зарубежной техники, технологии, практического опыта.

В США рассматривали продвижение своих научно-технических достижений в Японию как средство повышения доходов, укрепления позиций американских монополий, привязывания японских монополий к американскому военно-промышленному комплексу. Однако нельзя не видеть усиления влияния науки на производство, и это привело к тому, что товары нового вида становятся предметом острой конкурентной борьбы между монополиями США и Японии.

Борьба на этих фронтах носит все более упорный характер, так как ее участниками являются гигантские компании, пользующиеся поддержкой государства, имеющего возможность широко финансировать развитие научно-технического прогресса.

Как всякая интересная книга, труд А. М. Шаркова, конечно, вызывает много размышлений. У читателя возникает желание получить ответы на ряд вопросов, например как сказываются на Японии кризисные явления в американской экономике, как в условиях ускоренного развития Японии могут сложиться японо-китайские отношения и другие. Чем содержательнее книга, тем больше может возникнуть вопросов. Такие мысли по прочтении рецензируемой книги становятся активным стимулятором дальнейшего изучения актуальных проблем современности.

Книга «Япония и США» не только обогащает читателя своим ценным материалом, своим анализом, но она раскрывает более глубоко и широко различные аспекты исследуемых вопросов, нередко завуалированные буржуазной наукой и пропагандой.

Новая книга о Китае в Польше

Петр Каторжинский (ПНР)

В 1971 году в Польше была издана книга С. Зыги «Китайская Народная Республика в 1965—1970 годах»¹.

Эта книга привлекла внимание польской общественности тем, что в ней впервые публикуются многие оценочные данные о происходящих событиях в Китае в настоящее время.

Автор, исследуя социально-политические корни маоизма, приходит к выводу о том, что еще в двадцатые годы в руководстве КПК не было единого мнения о роли различных классов в китайской революции. Согласно одному из них, гегемон китайской революции должна была выступать китайская мелкая буржуазия. Это положение разделял Мао Цзэ-дун. Особенно четко, отмечает Зыга, Мао Цзэ-дун развил его во время войны против японских захватчиков, когда им делался упор не на классовые противоречия, а на национальные. В то время, как известно, в КПК принимались люди, руководствовавшиеся либо патриотическим чувством защиты родины, либо просто узконационалистическими соображениями. Большинство из них не понимало социальную программу партии, а многие ее даже отвергли. Исследование документов за 1939—1940 годы показывает, что около 80 процентов членов КПК в Освобожденных районах не могли ответить на вопрос: в чем заключается различие между КПК и гоминьданом? Автором приводится выдержка из документа КПК 1949 года, в

которой говорится, что КПК в основном состоит из представителей крестьян и интеллигенции, и поэтому со стороны Народно-освободительной армии в городах наблюдалось индифферентное отношение к пролетариату (стр. 29). Бойцы НОА, отмечает Зыга, не могли найти общего языка с рабочими и нередко отказывались принимать в партию лучших представителей пролетариата.

Националистическая линия в руководстве КПК усилилась, по мнению автора рецензируемой книги, в период «большого скачка». Его печальные результаты маоисты пытались сначала объяснить «стихийными бедствиями», а потом прибавилось еще одно объяснение — отзыв советских специалистов.

Зыга считает, что в руководстве КПК всегда были два противоречивых мнения о значении помощи СССР и других социалистических стран. Не случайно поэтому на VIII съезде КПК критиковался имевший место в китайском руководстве взгляд, будто такая большая страна, как Китай, могла бы развиваться исключительно с помощью собственных ресурсов. На съезде подчеркивалось, что для создания в Китае целостной промышленной системы в течение длительного периода времени по-прежнему будет нужна помощь Советского Союза и стран народной демократии. Даже в будущем, когда страна станет социалистической и индустриальной, Китай не сможет «замкнуться» и обходиться без помощи. «Отсюда, — делался вывод на съезде, — изоляционистские настроения в деле строительства являются ошибочными»².

Изоляционистские настроения были приписаны той группе в КПК, которая руководствовалась узконационалистическими устремлениями. Она-то и воспользовалась кризисным положением в стране для того, чтобы нанести удар по традиционной советско-китайской дружбе.

Зыга считает, что главной причиной экономического кризиса 1960 года являлась авантюристическая политика «большого скачка», когда огромные капиталовложения, колоссальные финансовые и материальные средства, затраченные на ее осуществление, оказались замороженными.

¹ S. Zygą, Chińska Republika Ludowa 1965—1970, Biblioteka Wiedzy Współczesnej, Omega 194, Warszawa 1971, 295 s.

² Приложение к журналу «Народный Китай», 1956, № 20, 35.

когда происходило «массовое оттягивание» крестьян от сельскохозяйственного производства для проведения «необдуманных, — по словам автора книги, — мероприятий и в недолгом исполнении» ими многих работ.

Что же касается обвинений китайских руководителей по адресу Советского Союза, то они, по мнению Зыги, лишены всякого основания. Во-первых, потому, что резкое ограничение экономического сотрудничества между СССР и КНР началось по инициативе Китая. Советские же предложения о его возобновлении и вторичном направлении специалистов в Китай были, как известно, отвергнуты Пекином. Во-вторых, советские специалисты меньше всего работали в тех отраслях экономики страны, где трудности проявлялись с наибольшей остротой, — в сельском хозяйстве и в угольной промышленности. В-третьих, признаки наступающего кризиса, по мнению Зыги, появились еще задолго до того, как Мао Цзэ-дун и его окружением поднялся вопрос «о советских специалистах», а именно в 1958—1959 годах. Уже тогда в китайском руководстве политика «большого скачка» вызвала острые споры. В сентябре 1958 года Мао Цзэ-дун жаловался, например, представителю агентства Синьхуа, что в КПК «есть товарищи, которые не хотят развернуть в большом масштабе «массовое движение» в промышленности», что они определяют «массовое движение» на промышленном фронте как ненормальное и умаляют его значение, характеризуя его «деревенским стилем работы» или «партизанским методом» (стр. 52).

Не исключено, пишет Зыга, что в связи с этим спором и той неблагоприятной ситуацией, которая начала складываться в ходе осуществления политики «большого скачка», Мао Цзэ-дун отказался от поста председателя КНР и ушел в тень, чтобы его имя, видимо, не связывали с последними начатой политики.

Автор обращает внимание читателя на еще одно «движение», развязанное Мао Цзэ-дуном и его группой перед началом «большого скачка», — на неизвестное движение «ста цветов». Почему Зыга останавливается на этом «движении»?

Дело в том, что, по его мнению, намерения Мао Цзэ-дуна в этот период для многих исследователей Китая остаются тайной. Автор считает, что весь цикл событий, начавшийся от движения «ста цветов» (1956 г.) до движения «борьбы против правых элементов» (1957 г.), был инициирован Мао Цзэ-дуном для опровержения основного вывода VIII съезда КПК о том, что вопрос «кто кого» в Китае решен в пользу социализма. Мао Цзэ-дун же с помощью движения «ста цветов» и «борьбы против правых элементов» намеревался, по мнению Зыги, доказать правоту своего тезиса, что исход классовой борьбы в Китае еще не решен. Не

случайно в этот период появляется и работа Мао Цзэ-дуна «О правильном разрешении противоречий внутри народа» (1957 г.), в которой, как известно, были ревидированы основные положения марксизма-ленинизма о классовой борьбе. Однако, по мнению С. Зыги, среди исследователей Китая существует еще один взгляд по данной проблеме. Он состоит в том, что Мао Цзэ-дун и его группа якобы действительно стремились к улучшению отношений с массами, но просчитались и не предполагали, что они имеют столь большое количество противников их политики. С данной оценкой автор рецензируемой книги не согласен.

Среди других польских исследователей по этому вопросу существует и такое мнение, что Мао хотел в это время доказать, что в Китае будто бы нет культа личности и существует полная свобода критики. Когда же эта критика приняла слишком большой размах против политики Мао Цзэ-дуна, оппозиция была подавлена. Тогда появился тезис о «ловушке», то есть о том, что Мао Цзэ-дун намеренно дал возможность оппозиционерам высказываться открыто, чтобы выявить их, а затем и устранить. Таким образом, смысл этого тезиса сводился к попытке доказать, что из неблагоприятной для маоистов ситуации, сложившейся в результате широкой волны критики, они все-таки извлекли некоторую пользу — разоблачили оппозицию.

Большое внимание автор уделяет «культурной революции». Он приводит много фактов, свидетельствующих о бесчинствах хунвэйбинов, показывая основные моменты «культурной революции», ее повороты. Интересно показана обстановка в тот период в разных провинциях Китая, сделана попытка разъяснить позиции отдельных враждующих между собой группировок. Перечень событий «культурной революции» заканчивается IX съездом КПК, на котором, как известно, была принята новая программа партии «индей» Мао Цзэ-дуна.

Автор удачно вводит определенный порядок в чрезвычайно запутанный и сложный ход событий «культурной революции», объясняет ее отдельные термины, показывает сложную «технику натравливания» одних социальных слоев населения страны против других, к которой прибегали руководители «культурной революции».

Специальная глава книги посвящена внешней политике КНР, в которой автор стремится рассмотреть подход китайского руководства ко многим актуальным международным проблемам. В подразделе «Война, но без Китая» Зыга показывает, как китайское руководство на протяжении последних десяти лет выступало против любых миролюбивых предложений социалистических стран, направленных на смягчение международной напряженности, как оно пыталось использовать любую конфликтную ситуацию в своих корыст-

ных целях, стремясь прежде всего втянуть СССР и США в войну. Особенно ярко проявилась политика «войны, но без Китая», как отмечает Зыга, во время карибского кризиса. Когда возрастала напряженность, китайское руководство хранило гробовое молчание, когда же конфликт был урегулирован и угроза войны была устранена, китайское руководство стало обвинять Советский Союз в «предательстве» Кубы. В это время, считает Зыга, во внешней политике КНР особенно четко проявились две тенденции, которые в дальнейшем все более усиливались: высказывания китайских руководителей в критические моменты направлялись на то, чтобы спровоцировать военные действия между конфликтующими сторонами, с одной стороны, а с другой — китайское руководство избегало любых действий, кото-

рые могли бы повлечь КНР в военный конфликт. Оно ограничивается лишь всякого рода декларациями, не имеющими никакого практического значения. Именно такой политики, по мнению Зыги, китайское руководство придерживается в настоящее время в отношении вьетнамского вопроса. Основным компонентом этого внешнеполитического курса Пекина является антисоветизм. С его помощью китайское руководство рассчитывает «завоевать авторитет в странах буржуазного мира и на платформе антисоветизма объединиться с ними» (стр. 245).

В целом независимо от некоторых недостатков, которые, видимо, обусловлены изобилием исследуемого автором материала, работа С. Зыги представляет интерес как для широкого круга читателей, так и для научных работников.

Исследование о японском милитаризме

В. Т. Тихонов

Выход Японии в последние годы на второе место в капиталистическом мире по объему валового национального продукта способствовал ускорению начавшегося задолго до этого процесса расширения внешнеэкономической экспансии японского монополистического капитала и возрождения милитаризма. Национальные монополистические объединения все настойчивее толкают правительство на поиски новых рынков сырья и сбыта готовой продукции, все быстрее наращивают военное производство, масштабы которого уже сейчас позволяют удовлетворять не только постоянно растущие внутренние запросы, но и осуществлять экспорт в ряд стран Азии некоторых образцов боевой техники и вооружения.

Как известно, 9-я статья Конституции Японии, носящая недвусмысленное название «Отказ от войны», запрещает ей иметь вооруженные силы; в этой статье прямо говорится, что в стране «никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны». Однако вопреки конституционному положению Япония уже сегодня располагает одной из наиболее сильных армий в Азии, оснащенной современным вооружением и боевой техникой. Она была создана в результате выполнения трех «оборонных программ», по которым на военные нужды в течение 14 лет (с 1958 г.) было израсходовано около 4,4 триллиона иен. Скоро правительство приступит к выполнению очередного пятилетнего плана «упорядочения войск само-

обороны» (1972—1976 гг.), проект которого предусматривает, что ассигнования на военное строительство (модернизация вооружения и военной техники, наращивание огневой мощи и повышение мобильности всех видов вооруженных сил) составят свыше 5 триллионов иен, то есть значительно превысят расходы на военные цели в течение предшествующих 14 лет. При этом намечается, что в 1972 году военный бюджет Японии возрастет почти на 20% по сравнению с прошлым годом.

Прогрессивные силы страны единодушно осудили подписанное в 1969 году премьер-министром Японии Сато и президентом США Никсоном совместное японо-американское коммюнике как «опасный» документ, имеющий целью дальнейшее укрепление военного союза двух стран и «превращение всей территории Японии в базу агрессии против КНДР, Китая, ДРВ и других соседей Японии». В соответствии с этим коммюнике в июне 1970 года вопреки протестам демократической общественности было осуществлено пролонгирование на неопределенный срок японо-американского «договора безопасности».

Не случайно также, что в стране развернута кампания за возвращение Японии так называемых «северных территорий» — принадлежащих Советскому Союзу островов Хабоман, Сикотан, Кунашир и Итуруп. Показательно, что высшие государственные руководители страны высказывают намерение еще шире развернуть эту реваншистскую кампанию после произведенного 15 мая возвращения Японии Окинавы, незаконно оккупируемой американской армией части японской территории.

Примечательно, что Япония до сих пор не ратифицировала договор о нераспространении ядерного оружия.

На фоне быстрого роста националистических настроений в стране с каждым годом усиливается идеологическая обработка населения, призванная подготовить общественное мнение к восприятию милитаристских идей и оправдать мероприятия правительства в направлении возрождения милитаризма. С этой целью широко используется весь арсенал пропагандистских средств, имеющихся в распоряжении буржуазного государства: печать, радио, телевидение, кино и т. д. Характерно, что

к концу 1971 года количество солдат и офицеров императорской армии, посмертно награжденных правительством за участие во второй мировой войне, превысило 2 млн. человек.

Как и в прошлом, принимаются энергичные меры к тому, чтобы поставить школьное и высшее образование на службу интересам правящих классов, все настойчивее требующих привести военный потенциал Японии в соответствие с ее возросшей экономической мощью.

С «благословения» властей быстро растет число разного рода объединений бывших фронтовиков, членов их семей и т. д., а также ультраправых организаций, широко проводящих среди населения пропаганду милитаризма и шовинизма.

Набирающий темпы процесс милитаризации Японии, который можно воочию наблюдать в ее экономической, политической и идеологической жизни, вызывает серьезное беспокойство во многих зарубежных государствах, особенно в странах Азии, явившихся в недавнем прошлом жертвами империалистической агрессии со стороны японского милитаризма.

В данных условиях особенно актуальной и важной представляется оценка положения в Японии, данная в итоговом документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 года: «Усиливается японский империализм, нарастает его экспансия, прежде всего в Азии. В Японии вновь поднимает голову милитаризм. Связанные многими узами с американским империализмом, правящие круги Японии фактически превратили страну в один из арсеналов США в войне против вьетнамского народа и участвуют в происках против корейского народа».

В этой связи можно с большим удовлетворением приветствовать появление военно-исторического исследования «Японский милитаризм», являющегося коллективной работой группы советских историков-востоковедов: академика Е. М. Жукова, доктора исторических наук Б. Г. Сапожникова, кандидатов исторических наук С. Т. Мажорова, А. П. Маркова и А. С. Савина¹. Это первое в нашей стране крупное исследование, посвященное данной проблеме. Вооруженные марксистско-ленинской методологией, они внимательно прослеживают процесс зарождения и становления милитаризма в Японии, дают анализ экономической, политической и идеологической сторон этого многогранного процесса.

К числу несомненных достоинств рецензируемой работы следует, на наш взгляд, прежде всего отнести глубокий и аргументированный показ исторических корней японского милитаризма, отличающегося своеобразием и, в сущности, во

многом не похожего ни на какой другой милитаризм в мире. Без этого невозможно было бы составить правильное научное представление о характере и особенностях современной японской империалистической военщины, которая, как говорится в главе I данного исследования, «связана своим происхождением с самурайством феодальной Японии». Следует отметить, что в своей работе авторы руководствуются основополагающим ленинским указанием о «военно-феодальных» чертах японского империализма.

Авторы внимательно прослеживают процесс зарождения самурайства и его превращения в господствующее сословие (вторая половина XII века), роль самураев в междоусобных феодальных войнах и в объединении Японии. В первой главе весьма обстоятельно рассказано о двух грабительских походах военачальник 2 Тобитоми Хидэёси в Корею, наглядно продемонстрировавших авантюризм и алчность японских феодальных завоевателей.

Далее в книге вскрываются причины внутреннего разложения и последующего деклассирования японского военного дворянства — отделение самураев от земли и превращение их в чисто паразитический класс. Рассказывая об участии этого сословия в политической жизни страны и его экономическом положении, автор первой главы академик Е. М. Жуков подробно освещает также идеологические основы самурайства, постоянно памятуя о том, что связь между ним и «современной японской империалистической военщиной... носит прежде всего идейный характер». На основании изучения обширного фактического материала показано, как в соответствии с изменениями в материальном положении военно-феодального сословия трансформировалась его идеология, которая, однако, всегда оставалась мировоззрением привилегированного военного сословия, привыкшего презирать «простолудников» и считавшего верность сюзерену, презрение к смерти и другие подобные качества высшим проявлением «самурайской доблести».

Вообще, для рассматриваемого военно-исторического исследования в целом характерно, что экономический, политический и идеологический аспекты милитаризации Японии рассматриваются в нем не изолированно друг от друга, а в тесном единстве и взаимосвязи. В этом состоит одно из основных достоинств данной работы.

Фундаментально освещается вопрос о том, как в результате возникновения капиталистического уклада в недрах феодального строя сёгунат Токугава оказался в 50-х и 60-х годах прошлого столетия в тисках жесточайшего экономического и политического кризиса и пал под ударами самурайской оппозиции, главной движущей силой которой являлось низкоранговое самурайство, стремившееся обеспечить себе в будущем, после свержения сёгуна,

¹ «Японский милитаризм» (Военно-историческое исследование), «Наука», М., 1972.

«привилегированное и паразитическое существование за счет крестьянства». В связи с этим в работе подчеркивается, что «принимавшее участие в революции 1868 года рядовое самурайство было, как правило, реакционной силой, боровшейся за ограждение своих феодальных привилегий и совершавшей прямое предательство по отношению к подлинно революционным участникам событий 1866—1869 годов — крестьянским массам и городскому плебейству».

Автор второй главы Б. Г. Сапожников, опираясь на данную В. И. Лениным характеристику японского буржуазного государства, рассматривает специфические черты империализма и милитаризма в этой стране (XIX в. — 1917 г.). Здесь обстоятельно анализируются причины, в силу которых сразу же после незавершенной буржуазной революции 1867—1868 годов, приведшей к замене сёгуната властью императора, Япония встала на путь внешней экспансии: посылка в 1876 году военно-морской эскадры в Корею и заключение японо-корейского неравноправного договора о «дружбе и торговле», японо-китайская война 1894—1895 годов и подписание неравноправного Симоносекского договора, русско-японская война и новые территориальные и иные приобретения.

Началу указанных агрессивных акций предшествовал целый ряд мер политико-экономического и идеологического характера: введение в ноябре 1872 года всеобщей воинской повинности, открытие в 1873 году военной академии, создание крупного военно-морского флота. Эти мероприятия «нанесли сильнейший удар по самурайству как сословию, считавшему военное дело своей наследственной и неотъемлемой монополией и привилегией», тем не менее «командные кадры сохранили свою самурайскую специфику» (стр. 51).

Известно, что важную роль в подготовке подрастающего поколения Японии к службе в армии играла система народного образования. Б. Г. Сапожников обстоятельно исследует причины и сущность осуществленной в 1871—1872 годах реорганизации народного образования, убедительно показывает, что смысл мероприятий в этой области сводился к тому, чтобы систему образования подчинить задаче дальнейшего укрепления монархии и «воспитания в народе верноподданнических чувств, беспрекословного повиновения императору и тем, кто выступает от его имени».

Представляется, что в рамках второй главы, возможно, было бы уместно показать и роль религии в деле пропаганды новой шовинистической, монархической идеологии. Дело в том, что эта роль, как и в предшествующий период, была весьма значительной. Так, уже в первые годы после «переворота» Мэйдзи правительство разработало и приступило к выполнению программы сооружения большого количества синтоистских храмов, призванных выпол-

нять роль очагов распространения шовинизма и милитаризма. Именно в этот период, в 1869 году, в Токио был построен храм Сёконся, позднее получивший новое название — Ясукуни-дзиндзя. Это тот самый храм, вокруг которого сейчас, сто лет спустя, идет борьба реакционных и демократических сил страны (частично об этом сказано на 329 стр. книги). Сразу же после завершения строительства Ясукуни-дзиндзя превратился в один из крупнейших центров милитаристской пропаганды в стране: в нем совершались молебны в честь солдат, погибших под знаменами императора в грабительских войнах, почитались души воинов, погибших во время переворота, приведшего императора Мэйдзи к власти, и т. д.

В главе II значительное место уделено рассмотрению вопроса о подготовке офицерских кадров для императорской армии, которые рассматривались как главный оплот японского государства, выразителя воли императора в войсках. Автор показывает идейное родство самурайства и нового офицерства, выступавшего как продолжатель самурайских традиций; исследует формы и методы подготовки для армии солдат-фанатиков, воспитывавшихся в духе полного, беспрекословного повиновения воле командира и неукоснительного выполнения всех приказов и распоряжений офицеров.

В работе глубоко прослеживается взаимосвязь между военно-экономическими успехами Японии в конце XIX — начале XX века и последующим насаждением идеологии милитаризма и шовинизма. По мере роста и укрепления японского буржуазного государства и завоевания новых территорий милитаристские идеи находили в стране все более питательную среду, они все легче усваивались населением.

Хочется отметить еще одно важное обстоятельство. Используя богатый фактический материал, авторы военно-исторического исследования о японском милитаризме на всем протяжении работы уделяют значительное внимание показу фактического состояния японской армии на том или ином этапе ее развития: сообщаются подробные данные о численности различных видов вооруженных сил, об их структуре, степени их оснащения различными образцами оружия и боевой техники; приводятся тактико-технические характеристики стрелкового, артиллерийского и иного оружия и т. д. Это, по нашему мнению, является еще одним свидетельством серьезного и глубокого подхода авторского коллектива к рассматриваемой проблеме.

Давая исторический анализ различных сторон японского милитаризма, авторы неизменно рассматривают его в развитии, как меняющийся, живой социальный организм, в котором при сохранении ряда общих, типических черт постоянно появляется что-то новое, характерное именно для данного, конкретного этапа истории Японии. Это

проникновение в самую суть процесса зарождения и развития японского милитаризма, разумеется, было бы невозможно без обстоятельного анализа экономического состояния страны в тот или иной период, который дан авторами книги.

В работе разоблачаются грабительские планы японских монополий в отношении советского Дальнего Востока и обширных знатных территорий вплоть до границ между Азией и Европой, исследуется ход подготовки и осуществления военной интервенции против нашей страны и вскрываются коренные причины кризиса политической и военной стратегии японского империализма. Нам следует всегда и при любых обстоятельствах помнить и знать, какую роль в борьбе против Советского государства сыграл в тот период милитаризм Японии.

Необходимо обратить внимание и на обстоятельное исследование природы японского фашизма (30-е годы XX в.), на показ его идеологического родства с германской фашистской диктатурой и ряда его специфических черт (гл. IV). Здесь же прослеживаются истоки и движущие силы военно-фашистских выступлений и их влияние на процесс милитаризации страны, ход военно-экономической, политической и идеологической подготовки Японии ко второй мировой войне.

Пятая глава работы посвящена характеристике японского милитаризма в период второй мировой войны.

Авторский коллектив счел необходимым широко показать роль американского империализма в сохранении и укреплении японского милитаризма в послевоенный период, описание которого содержится в VI главе. Без этого было бы невозможно разобраться в процессах, происходящих в Японии в наши дни.

Автор этой главы А. П. Марков пишет, что «с самого первого дня односторонней оккупации Японии американскими войсками Вашингтон проявлял постоянную заботу о сохранении реакционных основ политического режима в стране, а также экономической базы для последующего восстановления военного потенциала». В результате обобщения многочисленных материалов он приходит к выводу о том, что, проводя линию на возрождение японского милитаризма, американские империалисты одновременно стремились взять этот процесс под контроль, с тем чтобы «не выпустить джина из бутылки» и в случае необходимости обезвредить потенциального противника.

В книге показано, как после первых лет оккупации, когда американские власти бы-

ли вынуждены пойти на осуществление в Японии некоторых демократических мероприятий, начался (1948—1949 гг.) процесс превращения этой страны в основной военный плацдарм и «оплот против коммунистической опасности» на Дальнем Востоке. Начавшаяся в этот период при поддержке военной администрации США ремилитаризация Японии сопровождалась наступлением против демократических сил: был издан ряд антирабочих законов, начались гонения против коммунистической партии, левых профсоюзных объединений, возобновилась деятельность многих распущенных прежде фашистских и милитаристских организаций, стали освобождаться из тюрем военные преступники. Под видом так называемого «резервного полицейского корпуса» осуществлялось возрождение армии.

Важное место в рецензируемой работе занимает заключительная, седьмая глава, в которой показано нынешнее состояние вооруженных сил Японии: ее сухопутных войск, военно-морских и военно-воздушных сил. Знакомство с этими материалами показывает, что ныне Япония (в нарушение конституции!) располагает одной из наиболее технически оснащенных сильных армий в Азии. В свете совместного японо-американского коммюнике 1969 года и доктрины Никсона, предусматривающих изменение политических и военных функций Японии в рамках двустороннего военного союза с Соединенными Штатами, абсолютно очевидно, что японская реакция видит в этой армии (а она будет в плановом порядке расти и укрепляться) не средство «обеспечения обороны» страны, а орудие внешней экспансии...

В порядке пожелания можно было бы заметить, что хотелось бы видеть в подобном исследовании более полную картину борьбы прогрессивных сил Японии против возрождения в стране милитаризма, за мирную, демократическую и нейтральную Японию.

С другой стороны, следовало бы более подробно остановиться также на росте националистических тенденций в Японии в наши дни.

В целом военно-историческое исследование «Японский милитаризм» представляется своевременной, нужной работой. Авторский коллектив на обширном фактическом материале, часть из которого публикуется впервые, сумел проследить процесс возникновения и развития милитаризма в Японии и показать нам его нынешнее состояние.

Древняя японская антология в русском переводе

И. Л. Львова,
кандидат филологических наук

Вышла в свет трехтомная антология классической японской поэзии «Манъёсю»¹ в переводе и с предисловием А. Е. Глускиной; ей же принадлежат и обширные комментарии. Два тома уже поступили в продажу в конце минувшего года, третий должен появиться в ближайшее время. Далеко не все желающие смогли приобрести эту книгу — спрос намного превысил предложение, и это закономерно в свете того повышенного интереса, который вызывает культура Японии во всем современном мире. В нашей же стране, где поэзия занимает огромное место в духовной культуре советского народа, интерес к поэтическому богатству Японии особенно велик — ведь известно, что ни в чем так полно и ярко не отражается духовный мир целого народа, его эстетические, моральные и эмоциональные представления, как в поэзии!

В последние годы советские читатели получили возможность познакомиться с творчеством ряда известных японских поэтов, древних и современных. В Государственном издательстве художественной литературы двумя изданиями был выпущен сборник «Японская поэзия»; были изданы также сборник трехстиший великого поэта XVII века Басё, сборник пятистиший («танка») выдающегося поэта XX столетия Исикава Такубоку. Журнал «Иностранная литература» публиковал подборки стихов крупнейших поэтов наших дней — Дзюн Таками, Мицухару Канэко. Выходили стихи современных поэтов и в издательстве «Прогресс». Но все эти публикации ни по своим масштабам, ни по значимости не идут в сравнение с нынешним изданием полного перевода антологии «Манъёсю». Без преувеличения можно сказать, что в нашем япо-

новедении ни в советское, ни тем более в дореволюционное время — никогда еще не был создан такой фундаментальный труд, посвященный японской литературе.

Название «Манъёсю» означает в переводе на русский язык «Собрание мириад листьев». Японский поэт X века Ки-но Цураюки, характеризуя поэзию своей страны и оглядываясь на пройденный ею путь, насчитывавший несколько веков уже в те отдаленные времена, писал:

«Песни Ямато!»² Вы вырастаете из одного семени — сердца и разрастаетесь в мириады лепестков речи — в мириады слов...» В этих словах Ки-но Цураюки подчеркивал преобладание лирического начала в японской поэзии, и действительно, знакомясь с содержанием антологии «Манъёсю», мы убеждаемся, что она выросла из одного семени — народного сердца. Составленная на заре исторического существования Японии как государства, в VIII столетии, она собрала в себя все особенности, все неповторимое своеобразие японского поэтического гения.

Это монументальное произведение, масштабы которого показались бы значительными и в наше время (в «Манъёсю» включено около четырех с половиной тысяч стихотворений), как бы подвело итог развитию поэзии предыдущих веков и надолго, на целое тысячелетие вперед, определило дальнейшие судьбы национальной поэзии. На протяжении долгих веков антология служила многим поэтам Японии неиссякаемым образцом для подражания, пользовалась самой широкой популярностью в японском народе, являлась объектом изучения для японских ученых. И в современной Японии эта древняя поэзия, проникнутая духом гуманизма и народности, близка и понятна самым широким массам.

Вполне закономерно, что с первых же шагов знакомства европейцев с японской литературой внимание переводчиков было привлечено к этой антологии. Попытки перевести стихи «Манъёсю», представить прекрасную поэзию данного собрания европейским читателям предпринимались еще в конце XIX века. Но это были работы обзорного характера и переводы отдельных стихов, отобранных в соответствии со вкусом и интересами переводчиков. Многие переводы были сделаны с помощью японцев. Так, в 1940 году тысяча стихотворений из «Манъёсю» была переведена и издана на английском языке в Англии и США; в по-

¹ «Собрание мириад листьев», пер. с японск., изд-во «Наука», М., 1971.

² Ямато — древнее название Японии. — *Прим. авт.*

словесное время вышло второе издание этой книги³.

Избранные стихи из «Манъёсю» появлялись и в нашей стране, некоторые даже в предреволюционный период. Был сделан двойной перевод с западноевропейских языков, отмеченный привкусом «экзотики» и модной в те годы декадентской эстетики. Разумеется, подобные переводы не могли дать ни малейшего представления об истинном характере японского подлинника. В советское время в соответствии с общим неизмеримо возросшим искусством художественного перевода появились русские переводы отдельных стихотворений из «Манъёсю», выполненные с большим мастерством. Однако все это были лишь разрозненные, немногочисленные произведения. Полного представления об антологии в целом они дать не могли.

Тем более велика заслуга А. Е. Глускиной, сумевшей завершить огромный труд — дать полный перевод всех стихотворений, входящих в «Манъёсю». Впервые за пределами Японии японская поэзия стала доступна иноязычным читателям, в первую очередь русским, а через русский язык — и всем многочисленным народам СССР. Но разумеется, не только масштабы данного перевода делают его выдающейся вехой на пути нашего знакомства с японской культурой. Переводчику удалось преодолеть неисчислимые трудности, чтобы передать своеобразие японской национальной поэзии, ее неповторимое очарование.

Поэзии Японии уже с древних времен были свойственны специфические особенности, своя особая система средств художественной выразительности, трудно поддающаяся передаче на другом языке. Это в первую очередь необычайный лаконизм, умение в малом высказать многое, делающее некоторые стихи похожими на отточенный афоризм, немногословное изречение. Конкретность, органическая связь с жизнью, с бытом, с реальной жизненной ситуацией сочетается в этой поэзии со своеобразной недосказанностью поэтической мысли и эскизностью художественного изображения. Это поэзия, обязательно требующая дополнительной реакции от тех, для кого она предназначена, — поэзия, вызывающая к читателю или слушателю, рассчитанная на его поэтическое воображение, на способность «дополнить» мысленно то, что в стихотворении дается лишь в подтексте, в виде намека. Все это и многое другое, не говоря уж о совершенно отличном от русского языка фонетическом строе, исключительно затрудняли стоявшие перед переводчиком задачи.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что во времена создания «Манъёсю» (куда

вошли стихотворения, сложенные в VI, VII и VIII вв.) литературная авторская поэзия только начала выделяться из фольклора, и потому всей поэзии была свойственна некоторая общность — если не сами темы, то поэтические приемы могли быть общими и в стихах, сложенных знатной придворной дамой, и в песнях безымянной крестьянки; культура аристократии в тот период была еще органически связана с народным фольклором. Переводчик (А. Е. Глускина), превосходя чувствуя поэтический дух подлинника, сумел найти разные интонации и стилистические приемы для передачи народной и авторской поэзии. Народные песни звучат безыскусно, искренне, просто, без малейшего налета «экзотики». В них проникновенно передана любовь к природе, ко всем милым приметам родного края; бесхитростно звучит любовная песня крестьянской девушки, жалоба крестьянина, изнывающего от тяжелых поборов, тоска юноши, насильно отданного в солдаты, тревога матери, мечтающей обогреть сына, уехавшего в далекий путь. Это истинно народная поэзия, содержание ее близко и понятно всем людям земли, в какой бы стране они ни жили, и переводы этих песен звучат просто и искренне. Авторская поэзия более изысканна, более совершенна по форме, иногда в ней звучат отголоски философской мысли и социального протеста, навеянные великой континентальной культурой соседних стран, к которой уже начал приобщаться господствующий класс Японии в ту далекую пору. Таков цикл «Песен о вине» поэта Табито, «Лирика старости» поэта Окура и множество других прекрасных стихов, с большим мастерством переданных А. Е. Глускиной. Нельзя не отметить также удачные переводы чудесных народных баллад, этих настоящих жемчужин японского фольклора, таких, как сказание о рыбаке Урасима, о юной деве из Унан, и других.

Перевод антологии «Манъёсю», осуществленный с безупречной научной добросовестностью и точностью, снабженный обстоятельным предисловием и обширнейшим комментарием, говорящим о высокой научной эрудиции его автора, убедительно свидетельствует об успехах отечественного японоведения. Этот перевод вместе с его научным аппаратом, несомненно, явится неопенимым пособием не только для всех изучающих древнюю культуру Японии, но и для широкого круга филологов, занимающихся изучением поэзии в ранний период ее развития. И все же думается, что главная ценность настоящего издания состоит в том, что благодаря ему широкие круги советских читателей смогут приобщиться к поэтическому богатству Японии, ощутить радость от соприкосновения с поэтическим гением ее древних поэтов, узнать и полюбить поэзию, которая до сих пор живет в японском народе и пользуется его любовью. Это самый ценный вклад в дело укрепления дружбы и взаимопонимания между народами СССР и Японии.

³ The Manyōshū, The Nippon Gakujutsu Shinkokai Translation of One Thousand Poems, Columbia University Press, New York and London, 1965.

Русско-китайские отношения в XVII веке¹

*Л. Г. Бескровный,
доктор исторических наук*

В последние годы в капиталистических странах появилось значительное количество книг, посвященных русско-китайским отношениям. Внимание буржуазных ученых Запада приковано к истории формирования русско-китайской границы. Россия в их изображении выступает как захватчик не только Сибири и Дальнего Востока, но и китайских территорий². Подобную же точку зрения пропагандировали китайские буржуазные ученые и отстаивают современные маоистские фальсификаторы истории. Они также пытаются доказать, что дореволюционная Россия вела в Сибири и на Дальнем Востоке колониальную политику, что земли на Восток от Байкала принадлежат Китаю, что Россия навязала Китаю неравноправные пограничные договоры и т. п.³

Все это утверждалось в целях обоснования территориальных претензий маоистов к Советскому Союзу. Поскольку у англо-американских и современных маоистских

историков нет убедительных документов и материалов для обоснования культивируемой китаецентристской концепции, то они стараются обосновать её псевдонаучными домыслами.

Выход в свет публикации, посвященной русско-китайским отношениям в XVII веке, имеет большое значение. Введение в научный оборот значительного количества новых материалов в сочетании с уже известными позволяет раскрыть подлинную картину освоения русскими Сибири и Дальнего Востока, определения границ с соседними странами и установления с ними экономических и политических связей.

Сборник составлен опытными археографами Н. Ф. Демидовой и В. С. Мясниковым, зарекомендовавшими себя рядом изданий.

В рецензируемый сборник вошло 214 документов, из которых 130 публикуется впервые. Составители проделали большую работу по проверке текстов и их комментированию.

Обстоятельные историческое и археографическое введения, комментарии и справочный аппарат свидетельствуют о большой взыскательности, с которой подошли составители и редакторы сборника к раскрытию его темы. Хронологический порядок расположения материалов позволяет проследить процесс складывания русской территории в Сибири и на Дальнем Востоке и установление отношений с соседями, в данном случае с Китаем.

Россия и Китай в рассматриваемый период являлись феодальными монархиями, однако пути развития феодального строя в них имели свои особенности.

Россия в XVII столетии представляла собой многонациональное государство. Складывавшийся в это время всероссийский рынок связывал в единое целое обширную территорию. Утверждение феодально-крепостнического строя вызвало необходимость усовершенствования государственного аппарата и наиболее важной его части — войска, без чего невозможно было осуществлять внутреннюю и внешнюю политику господствующего класса. Рост и укрепление русской державы выдвинули на первый план сложные внешнеполитические проблемы. Россия в XVII веке вела ряд войн: в начале XVII века — с иностранной интервенцией, в середине века — с Речью Посполитой и Швецией за возвращение западнорусских земель и воссоединение с Украиной, во второй половине XVII века — против Турции, стремившейся к захвату украинских земель.

¹ Материалы и документы. В двух томах, т. I, 1608—1683, изд-во «Наука», М., 1969, стр. 612.

² Например, Г. Хинтон, Медведь у ворот. Формирование китайской политики под советским давлением, Вашингтон, 1972.

³ Вэй Юань, Шен-у-цзи («История священных войн»), Шанхай, 1848, (пер. В. Васильева, «Примечание к первому выпуску китайской хрестоматии», СПб., 1896); Хэ Цю-тао, Шофан бэйчэн, П., 1881; Вэй Чун-чжи, История агрессии России в Китае, Шанхай, 1928; Хэ Хань-вэй, История сношений Китая с Россией, Шанхай, 1935; Лю Пэй-хуа, «Краткая история Китая», Пекин, 1954.

Распространение феодально-крепостнических отношений почти на всю территорию европейской России вызвало социальный протест масс крестьянства, проявившийся в форме крестьянских войн и побегов на необжитые места. Крестьяне и казаки тысячами уходили в Приуралье, Зауралье, Сибирь и оседали вдоль сибирских рек. Перед ними открывались огромные просторы, слабо заселенные народами (коряками, тунгусами, якутами, чукчами, киргизами, саянцами, предками бурят, эвенками и др.), развитие которых находилось на уровне родо-племенных отношений. Удивительно быстрое продвижение русских поселенцев было возможно только при условии добровольного вхождения этих народов в состав русского государства.

В конце XVI века и в первой четверти XVII века русские освоили бассейн Оби и Енисея. К этому времени относится образование многих поселений и острогов на путях движения русских крестьян, торговых людей и казаков. Наиболее крупными из них были Пелым (1592 г.), Березов (1593 г.), Сургут (1594 г.), Верхотурье (1598 г.), Тобольск (1597 г.), Мангазей (1601 г.), Томск (1604 г.), Верхотазск (1606 г.), Тухарявск (1607 г.), Кузнецк (1618 г.), Енисейск (1619 г.), Красноярск (1628 г.) и ряд других. Русские поселенцы вышли к Байкалу.

В середине XVII века столь же быстро стали строиться русские города и остроги в Забайкалье, вдоль Лены и ее притоков, в Приамурье и Приморье. Назовем лишь главные: Братск (1631 г.), Якутск (1632 г.), Верхотурье (1642 г.), Верхне-Ангарск (1647 г.), Баргузинск (1648 г.), Тунгирск (1650 г.), Албазин (1650 г.), Нерчинск (1659 г.), Селенгинск (1665 г.) и многие другие⁴.

Вся Сибирь к середине XVII века была разделена на уезды (Тобольский, Томский, Енисейский, Якутский, Нерчинский) и воеводства. С вхождением всех этих земель в состав Русского государства окончились межплеменные распри. Русские крепости-остроги стали служить надежной защитой местного населения от грабительских набегов кочевников. Введение же твердого обложения ясаком, не превышавшим налога, взимаемого с русских крестьян, установило определенные обязательства аборигенов. Вполне понятна поэтому готовность местного населения давать присягу на верность Русскому государству. Все это дало основание Посольскому приказу в наказах послам сообщить о том, что «Сибирское государство в государеве жаловании и в повеленье по-прежнему и изобильно всем» и во время смуты «Сибирь в те поры ни в чем не поколебалась, и от Московского государства не отставала, и в нем меж людей никакие смуты, и розни, и несоединения, и рати, и войны

не бывали, то в Сибири всякие люди наживали и богатели»⁵.

Вхождение всей Сибири и Дальнего Востока в состав Русского государства повлекло установление новых границ на юге Сибири с монгольскими княжествами.

Первыми монголами, с которыми русскому правительству пришлось иметь дело, были ойроты. Часть ойротских племен в 1608 году приняла русское подданство. Русское правительство взяло на себя обязательство защищать их от «всех недругов, от казачьих орд и от нагай и от Алтына-царя»⁶. Другие же группы ойротов объединились в 1634 году в Джунгарское государство (ханство), начавшее ожесточенную борьбу с государством Алтын-ханов, сложившимся в конце XVI века на территории между озерами Убса и Хубсугул. В критический момент борьбы Алтын-ханы старались опереться на Россию и в связи с этим не раз принимали русское подданство (1617 и 1634 гг.)⁷. В то же время Алтын-ханы, стремясь сохранить независимость, нарушали шерть (присягу на верность) и продолжали борьбу с Джунгарией и Монголией, в результате которой держава Алтын-ханов была разгромлена. В дальнейшем России в этом районе пришлось иметь дело с джунгарскими ханами, которые неоднократно вели переговоры о принятии русского подданства в обмен на военный союз против китайского Китая. Русское правительство готово было принять Джунгарию в состав России с вытекающими отсюда последствиями, но решительно отказывалось от наступательных действий против Китая.

Продвижение русских в Забайкалье и Приамурье привело к установлению связей с монгольскими княжествами, переживавшими период острой внутривременной борьбы и вынужденными отражать грабительские набеги со стороны маньчжур (чжурчженей), государство которых сложилось к 1616 г. Стремясь оградить себя от грабежей и насилиев, эвенки и дауро-дючеры приняли русское подданство. Вместе с ними присягнули на верность России и некоторые монгольские князья⁸.

Основные усилия маньчжур были направлены вначале на захват юга Ляодунского полуострова, а затем на захват Внутренней Монголии. Их войска подошли к Великой Китайской стене. В Китае в это время буше-

⁵ Русско-китайские отношения в XVII веке, т. I, док. № 19, стр. 65.

⁶ Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607—1636. М., 1959, док. № 1, 2, 3, стр. 21—27. Эта группа ойротов переселилась в середине XVII в. в низовья Волги и образовала там Калмыцкое ханство.

⁷ Там же, док. № 27, 43 и 44, стр. 68—69, 108, 111.

⁸ Русско-китайские отношения, т. I, док. № 57, стр. 129—130, док. № 60, стр. 192—194.

⁴ История Сибири, т. II, Л., 1968.

начала крестьянская война, завершившаяся крушением империи Мин (1368—1644). Китайские феодалы, не имея сил для подавления крестьянского движения, изменили своему народу и перешли на сторону маньчжур. С помощью последних они нанесли решающий удар по крестьянскому ополчению и захватили Пекин. Маньчжуры образовали в 1644 г. новую династию — Цинь.

Цинская монархия развернула борьбу в двух направлениях. Первоочередной задачей считалась борьба с крестьянским ополчением на юге Китая, которая продолжалась более 40 лет. На Севере и Северозападе цинские правители решили создать безлюдные буферные зоны. Придавая особенно большое значение своей вотчине — Маньчжурии, — цинские правители стремились оградить ее от внешних влияний. Их особенно беспокоило появление русских в Приамурье. В связи с этим Цины построили укрепленные города сначала на Сунгари (Гирин, Цицикар), а позднее на Амуре (Айгунь).

Такова была обстановка, определившая характер и формы русско-китайских отношений до 80-х годов XVII в. О Китае в первой половине XVII века в России имели лишь смутные представления. Москва лучше знала Индию, экономические связи с которой вылались задолго до XVII в. Торговля с Индией шла через Астрахань, Закавказье и Иран. Особенно интенсивной она стала во второй четверти XVII в. В это время индийские купцы торговали не только в Астрахани, но и в Саратове и Казани⁹. О возможности вести выгодную торговлю с Востоком через Россию было известно в Европе. Английское правительство предпринимало попытки организовать транзитную торговлю с Индией через Архангельск — Астрахань — с Китаем через Сибирь по Оби. Однако русское правительство не сочло возможным дать разрешение на торговлю по этим путям, сославшись на войну между Персией и Турцией и другие обстоятельства¹⁰. Главной же причиной отказа было опасение, что в результате поисков путей «в Персиду и Обью рекой... в китайское государство» будет нанесен убыток «в государеве пошлине»¹¹.

Учитывая интерес к торговле с Китаем в Европе, русское правительство предприняло сбор сведений о Китайском государстве. Первые известия о Китае были получены в Москве в начале XVII в. Служилые люди В. Тюменец и И. Текутьев, докладывая завоеводе Ф. В. Бабарыкину о результатах поездки к Алтын-хану, сообщили о существовании Китайского государства, во главе

которого стоит Тайбын. По их данным, оно «стоит на край губы морской»¹². Столь же туманными были сведения, сообщенные служилыми людьми Т. Петровым и И. Куницыным, побывавшими в Монголии¹³. В связи с неопределенными сведениями Дума приговорила в 1606 г.: «С Китайским государством ссылки не быти», но продолжать «разведывать про них еще подлинно»¹⁴.

Впервые более или менее точные сведения о Китае были представлены в Москву И. Петлиным, побывавшим в Китае со специальным посольством (1618). В задачу Петлина входило обеспечить интересы русской торговли с Китаем. И. Петлин привез из Пекина грамоту императора Чжу И-цзюня, разрешавшую русским вести торговлю с Китаем¹⁵. Петлин представил также подробное описание маршрута в Китай и обрисовал возможность ведения торговли с последним¹⁶. Так было сделано важное географическое открытие неведомой доселе в России страны.

Однако сведения Петлина не убедили Москву в необходимости продолжать установление отношений с Китаем. Более того, Боярская дума признала нецелесообразным направлять послов ни к Алтын-ханам, ни в Китай, ни в Монголию, «потому что те государства дальние и торговым людям ходити от них в наши государства далеко». Но тем не менее было дано указание собирать необходимые сведения «против нашего указу»¹⁷.

Новое посольство в Цинскую империю было направлено из России только в 1654 г. Ф. И. Байков получил из Посольского приказа «наказную память», определяющую не только цели поездки, но и церемониал вручения посольской грамоты императору, соответствующий положению Российского государства. В Москве знали о стремлении китайских правителей рассматривать присылку послов как изъявление покорности, и поэтому Байкову предписывалось обеспечить полное титулование взойшедшего на престол Алексея Михайловича как «великого государя, царя и великого князя... всея Руси самодержца» и соблюдение общепринятого в Европе церемониала. Главной же задачей Байкова было довести до сведения

¹² Там же, док. № 7, стр. 48.

¹³ Там же, док. № 9, стр. 53.

¹⁴ Там же, док. № 10, стр. 54.

¹⁵ Там же, док. № 25, стр. 72—76. Грамота осталась без ответа из-за отсутствия возможности в Посольском приказе перевести ее на русский язык.

¹⁶ Там же, док. № 26, 27, 28, 29, стр. 79—95.

¹⁷ Там же, док. № 33, стр. 99. После Петлина в Китае неофициально побывали Е. Вершинин и П. Ярыжкин, представившие дополнительные данные о внутренней борьбе в Китае. О событиях в Китае стало известно также от К. Корякина и Я. Тухачевского, побывавших у Алтын-ханов.

⁹ Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М., 1958, док. № 24—55, стр. 48—120.

¹⁰ Русско-китайские отношения в XVII в., т. I, док. № 3, стр. 41—42, док. № 16 и 17, стр. 60—63.

¹¹ Там же, док. № 17, стр. 63.

маньчжуро-китайцев, что Сибирское царство входит в состав Русского государства, что «в Сибири устроены города многие и всякие служилые и жилецкие люди пожалованы государевым многим жалованьем и пашни устроены великие и живут служилые и жилецкие люди в тишине и покое» и поскольку «ваше Китайское царство подошло наше ц. в. отчины и украинным городом Сибирского царствия, хотим мы, великий государь, наше царское величество, с вами, богдыханым царем, от нынешнего времени вперед быти в приятной дружбе и любви и в сссылке...»¹⁸, как и с другими соседними державами. Русское правительство было серьезно озабочено столкновениями с маньчжурами на Амуре и желало устранить их¹⁹. Оно решило, что причиной задержки Байкова в Пекине было обострение отношений на Амуре. С этим связана посылка в Китай И. Перфильева и С. Аблина (1657—1662). В начале предполагалось, что это посольство должно добиться возвращения Байкова в Россию. Но в разгар подготовки посольства Байков в 1657 г. возвратился в Россию, и миссия Перфильева получила задачу установить главным образом торговые связи²⁰. В 1662 г. Перфильев вернулся в Россию.

Между тем обстановка в Приморье все более и более осложнялась. Сначала у берегов Амура появились разведывательные маньчжурские отряды. Не желая обострять отношения, нерчинский воевода дал наказ «в походы не ходить» и соблюдать осторожность. В 1670 г. по предложению цинского императора Шен-цзу нерчинский воевода Д. Аршинский послал в Пекин И. Милованова для урегулирования спорных вопросов. И хотя последний был встречен в Пекине с помпой, однако ему не удалось ликвидировать разногласия по вопросу о русских поселениях на обоих берегах Амура²¹.

В начале 1671 г. якутский воевода Я. Волконский сообщил об осаде маньчжурскими войсками Албазинского острога. В целях обороны Даурии из Якутска в Нерчинск были направлены дополнительные силы. Весной 1672 г. под Нерчинск прибыл маньчжурский отряд под водительством Монготу. Последний требовал от присягнувших русским «ясачных иноземцев» порвать с Россией, в противном случае он угрожал явить-ся с большим войском, — «Нерчинский-де острог разорят, а их-де, ясачных иноземцев, возьмут себе неволею»²². В этой связи в 1673 г. было решено направить в Китай по-

сольство Н. Спафария (Милеску). Это была последняя попытка наладить отношения с цинским Китаем. На подготовку этого посольства ушло более двух лет. Посольский приказ постарался обеспечить Спафария всеми необходимыми справочными материалами. Официально Спафарий получил наказ установить дипломатические и торговые отношения. Русское правительство подчеркивало, что Россия хочет быть с Китаем «в дружбе и любви».

Но главная задача состояла в устранении опасности войны с Китаем из-за обладания Даурией. В ответ на угрозы китайского представителя разорить Нерчинск и Албазин Спафарий отвечал: «А мы войной не хвалимся, а и бою их не боимся ж. Наш великий государь не желает войны и ссоры, но желает з бугдыхановым величеством великий государь дружбу и любовь и для того послал меня»²³.

Спафарий держался с большим достоинством. Он потребовал соблюдения международных правил. Отстаивая суверенитет России, он отказался от соблюдения уничижительного ритуала, обязательного при китайском дворе для представителей вассальных стран. Он решительно отверг домогательства цинского правительства о выдаче князя Гантимура, присягнувшего России, и об уничтожении русских укреплений на Амуре. Он убедился в том, что в конкретных условиях, когда цинские правители заняты борьбой с крестьянскими отрядами на юге страны, Китай не может начать войну с Россией, но поскольку угроза такой войны оставалась, то он рекомендовал укреплять остроги в Приамурье. «Надобно, — писал он, — тотчас для обережения тех крепостей послать войско большое, потому что и сами китайцы удивляютца: как смеет такое малолюдство жить близ такого их великого государства»²⁴.

Миссия Спафария не принесла ожидаемых результатов. Ему не удалось наладить дипломатические и торговые отношения, отвечающие достоинству Русского государства. Однако она позволила уяснить, что нападение маньчжур на русское Приамурье — лишь вопрос времени. Будучи занятой войной с султанской Турцией, Россия не могла направить в Приамурье крупных сил, но ряд мер был принят.

Подводя итог, необходимо отметить следующее. Трудно говорить о наличии русско-китайских отношений в первой половине XVII в. Дело в том, что само понятие «Китай» для этого времени весьма условно. Фактически на международной арене в это время выступало не китайское национальное государство, разгромленное завоевателями — маньчжурами, а новая деспотия — империя Цин, образованная маньчжурами в результате длительной и упорной борьбы с китайским народом. Маньчжурские завоева-

¹⁸ Русско-китайские отношения в XVII в. т. I, стр. 167.

¹⁹ Там же, док. № 75, стр. 192—196.

²⁰ Там же, док. № 87, 90, 91, стр. 218—227.

²¹ Там же, док. № 135, 136, 137, 138, стр. 274—280.

²² Там же, док. № 151, стр. 301, док. № 180, стр. 333, док. № 182, стр. 335—346.

²³ Там же, док. № 183, стр. 373.

²⁴ Там же, стр. 433.

тели, взяв на вооружение концепцию гегемонизма, отказывались от установления добрососедских связей. Они рассчитывали решить на решение вопросов путем применения силы. Это и было главной причиной негативных результатов попыток русских наладить нормальные отношения с Китаем.

Предлагаемый читателям сборник документов содержит обильный материал, характеризующий политику России на Дальнем Востоке. С выходом в свет этой ценной публикации не будет нужды обращаться к предшествующим изданиям, вышедшим как в нашей стране, так и за рубежом. Сборник включает все важные документы и материалы, что позволяет ему всесторонне освещать русско-китайские связи в рассматриваемый период. В этом состоит его научно-познавательное значение.

Политическое значение этого сборника документов состоит в том, что он позволяет правильно охарактеризовать действия России и Китая в рассматриваемый период.

Маньчжурская династия Цин выступала по отношению к соседним народам в роли завоевателя, несущего порабощение и истребление. Россия же выступала в Сибири и на Дальнем Востоке как объединитель народов. Малые народы этих районов искали в ее лице защитника от грабительских походов джунгар, и маньчжур.

Отмечая положительные стороны данного издания, следует указать и на его недостатки.

Было бы целесообразно поместить большее количество документов и материалов, характеризующих процесс освоения Сибири и Дальнего Востока и административного устройства этих районов. Этому изданию не хватает и специальной карты, показывающей пути движения русских крестьян, купцов и служилых людей, маршруты посольств и торговых караванов в Китай, а также обозначающей границы уездов. Такая карта значительно облегчила бы знакомство с документами и материалами сборника.

Закулисная политика США на Дальнем Востоке

В. Б. Воронцов

Рецензируемая работа¹ является специальным монографическим исследованием идеологических форм колониальной экспансии США в странах Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Океании в прошлом столетии. Автор продолжает исследование темы, нашедшей отражение в ранее опубликованной им работе по истории политики США в Тихоокеанском бассейне². Автор, привлекая богатый фактический материал, показал, что в политике США в этом регионе важное место занимала идеологическая экспансия. Идеологическим авангардом американских экспансионистов — это хорошо прослеживается на страницах работы — стали миссионеры. Актуальность предпринятого исследования вполне очевидна. Многие современные американские авторы, про-

славляющие нововведения Вашингтона в деле формирования и осуществления дальневосточной, прежде всего «китайской», политики, пытаются на страницах своих работ любыми путями обелить экспансионистский характер деятельности американцев на Востоке, представить США в качестве друга Китая. Ф. Плимтон, например, выступая в сентябрьском номере «Нью-Йорк таймс мэгэзин» (1971 г.), выдвинул утверждения, призванные убедить читателя в существовании давних традиций дружбы и сотрудничества в отношениях между США и Китаем. Он писал: «Американские клипперы, отнюдь не навязывая Китаю опиумную торговлю с помощью войны, стали вести мирную торговлю... американцы создали и содержали в Китае десятки миссий, школ и университетов, вначале главным образом для того, чтобы избавить языческие души от вечного огня, а позднее ради просветительских целей». Разве это не проявление апологетики империалистической политики США? Такого рода утверждения характерны не только для ординарных пропагандистов, каким, скорее всего, является Ф. Плимтон, но и для многих представителей буржуазной историографии. Последние стремятся приукрасить коммерческую деятельность американских торговцев и предпринимателей на Востоке и в лучшем случае изобразить миссионерское движение как обособленное от торгово-политической экспансии США.

В рецензируемой работе автор довольно хорошо показал, как американские миссионеры способствовали проникновению в страны Азии и Океании американского торгового и промышленного капитала, содействовали различным дипломатическим, политическим и военным акциям правительства США, помогали распространению идеологического влияния правящих кругов своей страны. В первой главе разбирается характер коммерческих и военно-политических интересов США на Дальнем Востоке в прошлом столетии (стр. 18—25). Такой подход вполне оправдан, поскольку именно совпадение общих интересов американской торговой и промышленной буржуазии и внешнеполитических интересов государства со специфическими интересами миссионерского движения послужило прочным основанием для сотрудничества и взаимной помощи миссионеров, коммерсантов и дипломатов США (см. стр. 23—24). Приходится лишь сожалеть, что проблеме экономических и политических интересов США на Востоке в книге отведено сравнительно мало места.

¹ А. А. Мурадян, Американские миссионеры в странах Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Океании в XIX в. М., 1971.

² См.: Н. А. Халфин, А. А. Мурадян, Янки на Востоке в XIX в., или Колониализм без империи, «Мысль», М., 1966. Эта работа советских историков получила любопытную оценку в американской научной литературе. Проф. Ричард Пирс, выступая с позиций американского реализма, писал в своей рецензии в журнале «Пэсифик историкал ревью», что «злая, но основывающаяся на хорошо проведенном исследовании небольшая книга Халфина и Мурадяна... не бесполезна», так как она способствует развенчанию «национальных мифов», «прокалывает мыльный пузырь нашего чувства самовлюбленности и заставляет нас немного изменить мнение о нашей добродетели» («Pacific Historical Review», 1968, № 4, р. 466).

Это особенно важно в свете усилий американской буржуазной историографии, стремящейся доказать альтруистский характер внешней политики американского государства, которое якобы имело в виду защиту интересов стран Востока. Все эти проблемы хорошо знакомы автору, и следовало бы шире рассмотреть и осветить их в данной работе³. Эти проблемы получили бы дополнительное звучание при сопоставлении их с формами сотрудничества американских торговцев и миссионеров на Востоке. Автор показывает, что важной причиной развития американского миссионерского движения в странах Востока являлась его поддержка финансовыми и торгово-промышленными кругами США: здесь и организация, и оплата переездов через океан миссионеров и членов их семей, расходы на снаряжение, экипировку, жилье, взносы на сооружение и эксплуатацию больничных и школьных зданий и т. д. Автор показывает, как зависимое положение миссионеров непосредственно сказывалось на противоречивости их позиции по ряду вопросов торговой политики США. Брать, например, опиумную торговлю. Как пишет автор, миссионеры в целом отрицательно относились к торговле опиумом. Они сами признавали, что «влияние этого наркотика на Китай ужаснее и вреднее, чем влияние любого рома в любой стране», что «последствия опиумокурения для его жертв хуже, чем любое рабство» (стр. 41). Один из крупнейших деятелей американского миссионерского движения Х. Малколм отмечал в этой связи следующее: «У нас мало оснований удивляться нежеланию Китая расширять связи с иностранцами. Почти все такие связи приносят ему эпидемии, бедность, преступления и беспорядки» (там же). И в то же время американские миссионеры фактически способствовали опиумной торговле своих соотечественников в Китае, принимая участие в опиумных рейсах в качестве переводчиков (стр. 42).

Значительный интерес представляет глава о международно-правовом статусе американских миссионеров в странах Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Океании. Исследование этого вопроса приводит автора к выводу о том, что нередко миссионеры не имели закрепленных договорами прав вести религиозную пропаганду в странах пребывания, а также заниматься другими видами деятельности, в частности, коммер-

цией. Автор показывает, что присутствие миссионеров вне районов, где им было разрешено проживать, в некоторых случаях вело к нападению на них местных жителей. Последнее обстоятельство использовалось правительством США для политических акций, хотя инциденты такого рода возникали из-за нарушения миссионерами договорных прав.

В буржуазной историографии, как правило, переоценивается роль миссионеров в области просвещения и медицины. Автор показывает, что в действительности скрывалось за желанием «избавить языческие души от вечного огня», как просветительская деятельность миссионеров использовалась для достижения религиозных целей. Американский миссионер в Китае следующим образом оценил преимущества идеологического оружия: «Школьный учитель сильнее солдата, и алфавит эффективнее штыка» (стр. 68). Автор показывает, что миссионеры видели в просвещении отнюдь не самоцель, а использовали его, если прибегнуть к их собственной терминологии, как «служанку религии», как «важное вспомогательное средство в распространении религиозных истин» (там же).

Выпукло показана в работе и политическая роль миссионеров и как работников дипломатического аппарата США в странах Востока, и как служащих правительств восточных государств. Автору удалось показать многогранную роль миссионеров как проводников американского политического и идеологического влияния в странах Азии и Океании, как инструмента, с помощью которого правительственные и предпринимательские круги США оказывали воздействие на общественное мнение в собственной стране в отношении восточных стран.

Несколько слов о документальной и литературной базе исследования А. А. Мурадяна. Автор привлек солидный документальный материал. Это различные документы миссионерских организаций, дневники и мемуары церковных деятелей, периодические журналы американских миссионеров в Азии, сборники договоров и соглашений США со странами Азии и Океании, в которых отражен международно-правовой статус миссионеров в странах пребывания и другие материалы. Можно с удовлетворением отметить обстоятельный исторический раздел, в котором изложены различные концепции и точки зрения американских буржуазных историков по данной проблеме.

В качестве недостатка следует указать на некоторую фрагментарность изложения. Книга несколько теряет и из-за отсутствия в ней анализа организационной структуры американского миссионерского движения в целом. Отмеченные недочеты высказываются как пожелания, которые можно было бы учесть при продолжении исследования, и, разумеется, не влияют на общую весьма положительную оценку этой полезной и своевременной работы.

³ В упоминавшейся выше книге «Янки на Востоке» приведены, например, интересные факты о размерах и характере опиумной торговли американцев. Авторы показали, как хорошо вооруженные опиумные клипперы американцев расстреливали из пушек лодки китайской таможенной береговой охраны и нередко продолжали свой путь в Аомынь, «идя по китайцу, повешенному на каждой кок-рее в качестве предостережения» (см.: Н. А. Халфин, А. А. Мурадян, Указ. соч., стр. 35).

Фельетоны Дэн То

*В. Н. Желоховцев,
кандидат филологических наук*

Публицистика Дэн То в китайской прессе печаталась настолько скромно и незаметно, что годами не находила понимания за пределами Китая. Ее оценили только после того, как официальная критика обрушилась на Дэн То и его единомышленников. Статья Яо Вэнь-юаня¹ и последующие за ней выступления китайской критики в апреле — июне 1966 года привлекли внимание публицистов и китаеведов. Поэтому изучение публицистики Дэн То до сих пор велось по произведениям, подвергнутым разносу в маоистской печати и в тех аспектах, на которых сосредоточивался огонь проработчиков. Но от этого страдала картина в целом. Ведь в статье Яо Вэнь-юаня для критики отбиралось именно то, что, по мнению китайской пропаганды того времени, было наиболее выигранным и удобным, а многие острые моменты обходились молчанием, ибо критиковать их было невыигривно по тем или иным причинам. Проработка Дэн То была нарочито односторонней, стремилась представить его в основном как очернителя, прибегающего к личным выпадам в адрес «вождя» и его «идей».

Первоначально фельетоны из «Вечерних бесед» регулярно публиковались пекинской городской вечерней газетой «Бэйцзин ваньбао» с марта 1961 по сентябрь 1962 года. Есть их публикации и в других органах печати. Однако общее число фельетонов Дэн То известно с недостаточной точностью. 153 фельетона напечатано за подписью Ма Нань-цунь, из них 150 появилось в виде пя-

ти отдельных выпусков по 30 в каждом под заглавием «Вечерние беседы у подножия Яньшань».

Такой перевод заголовка дается в официальных китайских материалах на русском языке. Он вызывает сомнения. Можно предположить, что Дэн То имел в виду не горы Яньшань вблизи Пекина, а город Яньшань, то есть сам Пекин, как он назывался в Сунскую эпоху. Но и в том и в другом случае «Вечерние беседы» — это беседы в Пекине.

Три фельетона остались только на страницах газет, Дэн То не включил их в сборник кн. Яо Вэнь-юань воспользовался этим, чтобы унижить автора обвинением в трусости за то, что он якобы не решился их перепечатывать, и двум из них отвел особое место в проработочной статье². Однако вряд ли дело в робости автора, который печатал в сборниках и более смелые вещи. Видимо, за время, которое проходило от газетной публикации до выхода отдельной книжки, Дэн То, учитывая изменения во внутрисполитической обстановке, считал уже невыигранным или прямо неразумным помещать отдельные (их, напомним, всего три) фельетоны.

Кроме того, Дэн То участвовал в рубрике журнала «Цяньсянь» «Записки из села Трех». С октября 1961 года по июнь 1964 года журнал поместил 67 произведений под этой рубрикой, как правило, на одну страничку. Подпись «У Наньсин» составлена из трех имен и фамилий: У Хань, Ма Нань-цунь и Фань Син. Не ясно, кто именно писал тот или иной фельетон, авторство определяется только частично: например, потому, что У Хань включил некоторые свои фельетоны в сборник «Учеба»³, или потому, что официальная критика сообщает точное авторство. В основной проработочной статье Яо Вэнь-юаня, которого, надо полагать, снабжали наиболее полной информацией, и то заметна нерешительность в определении авторства, хотя официальный критик нуждался в его точном установлении. Так, он затрудняется, кого именно привлечь к ответу за статью «Специфические

¹ Яо Вэнь-юань, О «селе Трех» или реакционная суть «Вечерних бесед у подножия Яньшань» и «Записок из села Трех», русск. пер. в сб.: «Великая социалистическая культурная революция в Китае», вып. 1, Пекин, 1966, стр. 48—111.

² Там же, стр. 71.

³ У Хань, Учеба, Пекин, 1963 (на кит. яз.).

средства против амнезии», содержащей предвзятые выпады лично в адрес Мао Цзэ-дуна, и пишет о ней в общих словах «авторы статьи...»⁴.

В западных изданиях ошибки в авторстве нередки. Примером может послужить путаница с фельетонами У Ханя о морали, которые приписываются Дэн То⁵.

Хунвэйбины установили, что название «Село Трех» заимствовано из стихотворения великого поэта Лу Ю (1125—1210)⁶. В 1190 году Лу Ю был уволен в отставку и уехал в горную деревню, где вел уединенную жизнь. Стихотворение написано им спустя семь лет: в нем поэт мечтает о победе над врагами, хочет передать свой дух детям и внукам, поговорить «с друзьями-бедняками». Слова «цю ю» хунвэйбины истолковали иначе: не с бедняками, а с притесненными людьми. Они также ухватились за строку: «В одном бою очистились и небо и земля», в которой Лу Ю имел в виду битву Цао Цао с Юань Шао при Чжунмоу в 200 году. Дэн То и его друзья посредством стихотворения Лу Ю намекали на собственное разжалование, на намерение сопротивляться и даже дать решительную битву. Это похоже на правду, поскольку Дэн То прекрасно знал историю и действительно в 1959 году лишился поста главного редактора центрального органа КПК, газеты «Жэньминь жибао». Стихи Лу Ю начинаются строкой: «Уже семь лет, как я не подходил ко двору, имея мое не звучит у ворот власть имущих...»⁷. Поэт, бесспорно, говорит о своей отставке.

По зарубежным сообщениям, Дэн То был арестован в апреле 1966 года⁸. Его возраст к 1966 году определялся приблизительно в 55 лет⁹. Сейчас Дэн То, если он жив, уже, должно быть, за шестьдесят.

Публицистика Дэн То — особое явление в современной китайской литературе. Все его фельетоны напоминают пестрые заметки Лу Синя богатством содержания, но самобытны по стилю. Дэн То выступал под флагом популяризации знаний. Поэтому его фельетоны просты и ясны. В них, правда, присутствуют отрывки из древних исторических текстов, но Дэн То подбирает более или менее доступные для понимания тексты, а когда нужно, дополнительно разъясняет их смысл. Но простота фельетонов только внешняя, подтекст их серьезен и глубок. Их справедливо считают примером использования древнего ради современности. Фельето-

ны производят впечатление не столько своими прямыми намеками, ясными для китайского интеллигентного читателя, но главным образом своей независимой манерой, собственным взглядом на вещи, что, как небо от земли, отличало их от всего появлявшегося в те годы на страницах китайской периодической печати.

Основной творческий принцип фельетонов хорошо изложил сам Дэн То. Прощаясь с читателями в предисловии к последнему выпуску «Вечерних бесед в Яньшани», Дэн То говорит: «Многие друзья спрашивают меня в письмах, как следует относиться к пестрым заметкам этого рода? Как их писать? Какие требования предъявлять к ним? Я думаю, что на такие вопросы ответы будут разными, однако важнейшее положение — «распахнуть дверь и увидеть горы»¹⁰.

Это выражение, которое здесь дается в буквальном значении, означает также «искренность и откровенность». То есть, помимо значения внешнего, в смысле видения окружающего мира и его перспектив, оно обозначает открытость внутреннюю, душевную. В тексте Дэн То использует оба эти значения, не боясь многозначности. Далее он гневно говорит об обычной для Китая публицистике, когда в статьях только «крупинки нового», а то и вовсе ничего интересного нет, и вся статья повторяет «многократно высказанную другими чепуху». Дэн То смело заявляет, что подобные статьи — это «умышленный обман и ничего более»¹¹. А умышленный обман, согласно Дэн То, оказывается «общей болезнью современной публицистики».

Дэн То сделался публицистом в тяжелое для Китая время. Апогей его деятельности падает на 1961—1962 годы. Это было время голода, разрухи и политики упорядочения. Дэн То издал свой исторический труд «История спасения от стихийных бедствий в Китае» и взялся за пропаганду популярных знаний. Но его статьи сразу же приняли остро политический злободневный характер. Это не была популяризация в обычном смысле слова.

Какова была позитивная программа Дэн То? Вот вопрос, запутанный не без умысла его противниками. Маоистская критика с самого начала пыталась представить Дэн То и его единомышленников как людей без позитивной программы, изощрявшихся в нападках на «партию и социализм» во имя реставрации капитализма. Отсюда, начиная с официальной статьи Яо Вэнь-юаня, положившей начало травле, много места уделяется критическим заявлениям Дэн То и мало — его положительным заявлениям. Создается, таким образом, чуть ли не гипнотическое впечатление, что у Дэн То ничего нельзя найти, кроме критицизма.

¹⁰ Ма Хань-цунь, Вечерние беседы в Яньшани (на кит. яз.), вып. 5, Пекин, изд-во «Бэйцзин», 1962, стр. 1.

¹¹ Там же, стр. 2.

⁴ «Великая социалистическая культурная революция в Китае», вып. 1, Пекин, 1966, стр. 74.

⁵ С. Пань, Р. Егер, Пекинские красногвардейцы, Нью-Йорк, 1968, стр. 30.

⁶ «Жэньминь жибао», 3.VI. 1966 г.

⁷ Лу Ю, Избранные стихи, Пекин, 1958 (на кит. яз.).

⁸ С. Пань и Р. Егер, Пекинские красногвардейцы, Нью-Йорк, 1968, стр. 30 (на англ. яз.).

⁹ Избранные фельетоны и стихи Дэн То (на кит. яз.), Гонконг, 1966, стр. 5.

Сейчас, когда позади остались бурные годы «культурной революции», выплывшие на поверхность многочисленные, прежде неизвестные материалы, гораздо легче полностью оценить позиции сторон и, в частности, Дэн То.

Было бы неправильным отождествлять политические позиции Дэн То и Лю Шао-ци. Публицист Дэн То был вполне самостоятелен и позволял себе высказываться независимо в тех стилистических рамках, которые определялись общей политической атмосферой 60-х годов в Китае.

Основное, кардинальное отличие Дэн То от всех остальных политических деятелей Китая того времени, — открытые симпатии к Советскому Союзу, его политическому опыту, к политике и курсу КПСС в социалистическом строительстве. Это вызвало бешеную ненависть к нему маоистов. Во всех их статьях используются советы Дэн То вернуться к политике дружбы между народами наших стран, его открытые призывы учиться у СССР, который он прозрачно называет «учителем». О многочисленных случаях дружеских высказываний в отношении Советского Союза Дэн То говорит в проработочной статье Яо Вэнь-юань. Почти все эти моменты старательно отмечены в китайской прессе и использованы для разжигания ненависти как к самому Дэн То, так и в антисоветских целях. Примером может служить разбор Яо Вэнь-юанем статьи Дэн То «Законы дружбы и гостеприимства»¹² и статьи «От трех до десяти тысяч». В первой из них Дэн То говорит: «Мы, китайцы, самые гостеприимные и самые дружелюбные люди. После освобождения народ нашей страны с восторженным энтузиазмом принимал гостей, съезжавшихся со всего мира... Крупный ученый сунского времени из Линнани Хэ Тань в книге «Обычные речи западной окраины» считает: «Надо выбирать друзей сильнее себя, которые обычно говорят прямо и дружески, что приносит пользу». Иными словами, надо радоваться, если друг сильнее тебя, это принесет пользу тебе самому, потому что можно у него учиться и самому расти»¹³.

Важным представляется то обстоятельство, что критика «идей Мао Цзэ-дуна» в фельетонах Дэн То в ряде случаев оставлена без ответа, и сделано это, видимо, намеренно — с тем, чтобы под кажущейся прямо-той и откровенностью проработки скрыть особо болезненные моменты.

«Идеи Мао Цзэ-дуна» опирались на старый опыт изолированной Яньани и партизанских баз. Его понимание культуры опять-таки было исчерпывающе выражено в яньаньских выступлениях 1942 года. Между тем Дэн То выступал с ясным требованием считаться с сегодняшней китайской действительностью.

Это требование было справедливым и очевидным, и официальные испровергатели постарались обойти его молчанием. В последнем выпуске «Вечерних бесед в Яньшани», который вышел после X пленума ЦК КПК и после заявления Мао Цзэ-дуна о классовой борьбе в партии, Дэн То мужественно оставил в неприкосновенности свои формулировки. В фельетоне «Поговорим о разведении собак» он пишет: «Обстоятельства нашей жизни совершенно не похожи на период антияпонской войны...»¹⁴ — и приводит яркий пример: стремясь помочь партизанам, китайское крестьянство истребляло в деревнях собак, которые своим лаем выдавали партизан японским и марionеточным полициям. Но почему же не разводить собак теперь, когда нет ни оккупантов, ни их марionеток? Разве не изменились обстоятельства?

Это блестящий фельетон, в котором проявилось незаурядное мастерство писателя. Дэн То с полной серьезностью рассказал и о разведении собак в древности, и о потреблении собачьего мяса в пищу, и о том, кто его любит, а кто нет; процитировал исторические источники, а в целом нанес удар по догматизму современной политической линии.

Для Дэн То был особо важен тезис учета объективной действительности. Он посвятил ему основную часть «Замечаний от составителя» в четвертом выпуске «Вечерних бесед в Яньшани». «Некоторые товарищи спрашивают меня, почему в последнее время по отдельным вопросам при совершенно ясном расхождении во мнениях не видно прямого непосредственного столкновения между вами, взаимной полемики? Считаете ли вы правильной такую позицию?

Я считаю, что это относится к проблеме того, как правильно понимать принцип «соперничества всех ученых». Побольше выслушивать разных мнений — в этом одна польза и никакого вреда. Если, едва заслушав иное мнение, сразу же разносить его, то результат часто окажется нехорошим и даже могут возникнуть непредвиденные последствия. Правильный способ в том, чтобы сначала дать изложить свое мнение, дать высказать все, что хочется сказать, то есть по-настоящему осуществить «соперничество всех ученых». Даже если найдутся взгляды, по-вашему, крайне ошибочные, — и то не следует обдавать их сразу же ушатом холодной воды; читатель сам способен разобраться, где правда, а где ложь. Даже если он сразу и не поймет, то стоит ли беспокоиться? Что же касается таких проблем, в которых вообще затруднительно вынести суждение, кто прав, а кто нет, то тем более не следует чрезмерно волноваться. Может быть, некоторые вопросы после постановки следует отложить, и затем, когда многие люди постепенно их изучат, прежде разные взгляды постепенно придут к единству, ибо

¹² «Великая социалистическая культурная революция в Китае», вып. 1, Пекин, 1966, стр. 68—69.

¹³ Ма Нань-цунь, Вечерние беседы в Яньшани, 1961, стр. 50—52 (на кит. яз.).

¹⁴ Там же, вып. 5, 1962, стр. 52.

есть же, в конце концов, объективные критерии того, что правда, а что ложь»¹⁵.

Именно в реальной действительности Китая видит Дэн То своего важнейшего союзника и опору своим взглядам, к ней, объективному критерию, а не к «идеям» или цитатам он и апеллирует против своих врагов. Конечно, богатство мыслей в приведенном отрывке не исчерпывается одной темой. Здесь еще высказано чрезвычайно важное и острое мнение о критике в Китае и об отношении к инакомыслящим, о чем подробнее будет сказано в дальнейшем.

Апелляция к действительности пронизывает острейший фельетон Дэн То «Наука не терпит произвола». Официальная критика также обошла его молчанием, и не удивительно: в нем Дэн То прибегает к использованию цитат Мао Цзэ-дуна прежних лет против сегодняшнего курса.

Наличие этих цитат многих смущает само по себе, хотя трудно писать и печататься в Китае Мао Цзэ-дуна без ссылок на него. Однако роль таких цитат может быть неодинаковой. Это может быть бессмысленное апологетическое цитирование, которое исходит не логики и рассудка, а эмоциональному выражению преданности и верности, которое подменяет собой и аргументацию, и реальную действительность. Принципиально иное — цитаты из Мао Цзэ-дуна в фельетонах Дэн То, даже если они подаются внешне в самом почтительном тоне. У такого противоречивого автора, как Мао Цзэ-дун, всегда можно найти слова в подтверждение нужного положения. Например, Дэн То цитирует статью «Перестроим нашу учебу», в которой Мао Цзэ-дун в 1941 году призывал, между прочим, учитывать объективные факты и разобрав подробно выражение «браться за дело по существу» («ши ши цю ши»). Словари возводят происхождение этого выражения к «Ханьской истории» Бань Гу, однако в современном языке оно стало вполне разговорным и часто употребительным. Поэтому напыщенно и пустопорожне звучат философские термины у Мао Цзэ-дуна, анализирующего это общепринятое и всем понятное выражение: «Реальные факты» — все это объективно существующие предметы и явления; «подлинная сущность» — это внутренняя связь, то есть закономерность, всех объективно существующих предметов, явлений; «раскрывать» — это значит изучать»¹⁶. И Дэн То почтительно добавляет: «Сказанное здесь «браться за дело по существу», не только всеми нами общепризнано как наилучший подход к учебе, но и правильный подход, необходимый для хорошего исполнения любой нашей работы»¹⁷ (подчеркнуто нами. — А. Ж.). Если раскрыть скобки, то получает-

ся, что Дэн То обвиняет Мао Цзэ-дуна в том самом субъективизме, в котором последний обвинял своих политических противников в 1941 году. Вот для чего потребовалось Дэн То почтительное цитирование. «Занимающиеся наукой, — завершает свой фельетон Дэн То, — должны правильно ее использовать, и нет сомнения, что невозможно даже вообразить какой-либо иной подход, кроме как браться за дело по существу. У такого подхода нет ничего общего с манерой произвольного толкования. Только если браться за дело по существу, то и в отдельном научном исследовании, а также во всякой другой работе будет надежда на успех»¹⁸.

Позиция Дэн То была активной. Среди общего молчания он призывал открыто высказываться и даже написал фельетон «Правильное понимание «критики», в котором, на словах защищая необходимость критики, показывал, что принятая в Китае пролаборочная критика совсем не то, что нужно. Его позиция, исходящая из широкого толкования тезиса «пусть соперничают все ученые», уже приводилась выше. Сам Дэн То был уверен в справедливости своих взглядов, твердо опиравшихся на действительные нужды страны, и осуждал грубое подавление инакомыслящих. В фельетоне «Без ритуала не...», высмеивая древний начетнический стиль экзаменационных сочинений на должность, так называемый «багуэнь» (т. е. восьмичленное сочинение со строго фиксированной структурой), он написал: «В полную противоположность восьмичленным сочинениям мы можем с полной свободой рассуждать о разнообразных вопросах»¹⁹. Легко представить себе впечатление от этих иронических строк у читателя, живущего в Китае.

Активная позиция Дэн То проявилась внутри его общего подхода к современности через историю Китая. Если прежде он выступал инициатором составления «Новых трехсот танских стихотворений», в которые включил прежде всего стихи обличительные, то позднее в своих фельетонах он последовательно выдерживал манеру обращения к древности. Выше уже был яркий пример этого: рассуждая о дружбе с СССР, Дэн То приводит цитату из исторического трагедия Сунской эпохи (X—XII вв.)²⁰. Подобная форма фельетона Дэн То глубоко закономерна, она возникла не только потому, что автор был историком и обладал широкой эрудицией в бескрайнем море китайской исторической литературы. Этот прием был обусловлен и общей теоретической посылкой Дэн То. Призывая обратиться к реальной действительности Китая, к учету насущных нужд китайского народа, он искал в истории уроки, привлекая древних в поучение. Уроки истории в Китае — давняя традиция.

¹⁵ Там же, вып. 4, стр. 1—2.

¹⁶ Мао Цзэ-дун, Перестроим нашу учебу, Избр. произв., М., т. 4, 1953, стр. 32.

¹⁷ Ма Нань-цунь, Вечерние беседы в Яньшани, вып. 5, 1962, стр. 8 (на кит. яз.).

¹⁸ Там же, стр. 8.

¹⁹ Там же, вып. 2, стр. 57.

²⁰ Там же, стр. 7.

Они придавали ссылкам Дэн То на исторический опыт особую силу и убедительность.

«Из опыта древних,— писал Дэн То в фельетоне «Побольше учиться, поменьше критиковать»,— мы должны усвоить одну истину, а именно: во всяком деле надо побольше учиться, поменьше критиковать, оставаться скромными... Что касается нас, мы во всякое время должны побольше учиться теории марксизма-ленинизма, а также со всей скромностью учиться у масс, учиться на практике»²¹.

В фельетоне «Просвещенная монархия и деспотическая тирания» он прямо сказал: «Из древней истории людям нетрудно извлечь урок»²². Об исторических одеждах своего творчества Дэн То рассказал в «Слове от автора», обращенном к читателям третьего выпуска «Вечерних бесед в Яньшани»: «Мой метод работы в основном лишен плана, если не считать того, что фиксирован срок газетной публикации, но ничего, кроме этого, нельзя отнести к планированию... Многое из того, что я обычно думаю, вижу, слышу, наводит на мысль о скрытых проблемах, и так возникает тема; что же до материалов и точки зрения, относящихся к теме, то я могу посвятить им только вне рабочее время и использовать то, что я уже знаю... когда же я пишу, то в основном стараюсь сохранить ход своих мыслей, перелагая его в текст. Подобный способ писать довольно удобен для автора, а читатели со своей стороны следуют за его ходом мысли и, кажется, тоже неплохо улавливают генезис и тенденцию вопроса»²³.

Итак, Дэн То нисколько не скрывает, что его темы рождает окружающая действительность Китая шестидесятых годов, которую он видит и слышит, о которой размышляет. Ход своих мыслей он и поверяет газетной странице в коротком фельетоне. А история — это его запас, то, что он знает, что у него всегда при себе, — его обширная историческая эрудиция. Разумеется, это не прямой способ выражения, но читатели, очевидно, в письмах к автору показали, что понимают его правильно.

Дэн То рассказывает в фельетоне «Карикатура в древние времена» о художнике Ло Лян-фэне, который «прославился картинами, изображающими духов»: «Сатирическое изображение духов есть фактически сатира на людей. В обществе того времени художник, писавший карикатуры на живых людей, неминуемо навлекал на себя беду. С другой стороны, когда он высмеивал только духов, то находился в полной безопасности. По-видимому, только из этих практических соображений художники решились писать карикатуры на духов»²⁴.

Итак, нет сомнения, что современность была определяющим фактором для творчества Дэн То, что фельетоны его остры и злободневны, что им свойственно не просто гражданское мужество, но скорее даже самоотверженность. Дэн То решился выступить на страницах печати, сознавая грозящую ему опасность и не закрывая на нее глаза. Он действовал не вслепую, и опосредованная форма выражения была для него важна не для самосохранения, а для длительного воздействия на общественное мнение страны. Он хотел открыть глаза возможно большому числу людей, бескорыстно жертвуя собой во имя истины и блага китайского народа. О том, что Дэн То все это прекрасно понимал, свидетельствуют те фельетоны и стихи, в которых он обратился к традиции оппозиционной группировки конфуцианцев времен Минской династии, так называемой дунлиньской школы²⁵. Эта группировка состояла из ушедших в отставку или уволенных чиновников, которые, рассуждая о морали, представляли свою политическую борьбу как выступление честных людей против негодяев. На собраниях дунлиньцев раздавалась постоянная критика центральных властей и императора. Именно таков их образ, оставшийся в памяти потомков. Поэтому упоминания дунлиньцев в фельетонах Дэн То имели острый политический смысл и воспринимались его противниками крайне болезненно.

«Ухо всякий звук ловит: шум ветра, дождя или чтение вслух.

Сердце всякое дело тревожит: в семье, в государстве, во всей Поднебесной»²⁶.

Эта парная надпись принадлежит Гу Сянь-чэну, главе дунлиньской группы, и написана, как указал Дэн То, в фельетоне «Заботиться обо всем», более 360 лет назад. Он использовал ее для фельетона настолько многозначительного, что на нем следует остановиться.

«Дунлиньская академия, в которой выступал Гу Сянь-чэн, прежде была основана сунским конфуцианцем Ян Гуй-шанем, который был учеником братьев Чэн и их ортодоксальным продолжателем. Такие люди, как Чжу Си, учились у Ян Гуй-шаня. Когда Гу Сянь-чэн отстроил Дунлиньскую академию, он ясно объявил, что будет проповедовать учение братьев Чэн и Чжу Си, что он наследует традицию Ян Гуй-шаня. Если кто-нибудь попытается найти у него что-либо антифеодальное или революционное, боюсь, что не сможет. Нам ни к чему возрождать дух Дунлиня, пусть он навсегда останется достоянием старой истории. Если только мы поймем, что усердное чтение и интерес к политике теснейше взаимосвязаны».

²¹ Ма Нань-цунь, Вечерние беседы в Яньшани, вып. 2, 1962, стр. 84 (на кит. яз.).

²² Там же, вып. 4, стр. 15.

²³ Там же, вып. 3, стр. 1—2.

²⁴ Там же, стр. 53.

²⁵ Подробнее о Дунлиньской академии см.: О. Л. Фишман, Китайский сатирический роман, М., 1966, стр. 16—17.

²⁶ Ма Нань-цунь, Вечерние беседы в Яньшани (на кит. яз.), вып. 2, 1962, стр. 60.

ны, то нам достаточно этой истины... Так были иначе, но должны же мы понимать полнее, глубже и проникновеннее, чем древние!»²⁷

Китайские проработчики указывали, что обращение к дунлиньской школе говорит об оппозиционных настроениях самого Дэн То. Это верно: ведь из фельетона делаются выводы не исторические, а для сегодняшнего дня; но зато они умолчали, что Дэн То сказал больше. Дунлиньцы, оставаясь конфуцианцами, выступали против «негодяев», захвативших власть в стране и при дворе. Сравнивая себя с ними, он хотел утвердить свои собственные позиции. Этим развернутым и хорошо продуманным примером Дэн То хотел сказать, что, несмотря на свою оппозицию, он остается коммунистом, как дунлиньцы оставались конфуцианцами. Причем они были более близкими к первоначальному конфуцианству, к учению и самого Конфуция и его сунского интерпретатора, создателя господствовавшей в те времена неоконфуцианской школы Чжу Си, чем их гонители. Опасность, которую ощущал минский двор со стороны дунлиньской школы, заключалась в общепризнанном авторитете конфуцианства, который никто, вплоть до императора, не смел оспаривать. Опираясь на этот авторитет, оппозиционные чиновники, несмотря на свою малочисленность, становились опасными. Дэн То, пропагандируя классиков марксизма и подбирая исторические примеры в доказательство своей правоты, подрывал идейные основы маоистского курса, лучше прямых обвинений показывая его беспочвенность и вредность, его неправомерность ни перед историческим опытом, ни перед объективной реальностью Китая, ни перед учением марксизма-ленинизма. Он с его самозабвенной проповедью, столь близкой китайской интеллигенции, был опасен для маоистской политики, строящейся на призывах к националистическим чувствам. Недаром Яо Вэнь-юань, опровергая альтернативную линию Дэн То и его единомышленников, патетически восклицал: «Если бы мы следовали этой линии, у нас не было бы ни Дачина, ни Дачжая, ни атомной бомбы, более того, наша страна превратилась бы в колонию империализма!»²⁸ Что это, как не обращение к националистической демагогии? Дэн То был опасен и ждал неминуемых гонений. Он хорошо знал, что сулит ему грозное будущее. В стихах «Воспеваю Тайху» у него есть такие строки о судьбе дунлиньцев: «Не говори, что книжники впустую рассуждают: их срубленные головы оставили кровавый след»²⁹.

Стихотворение было опубликовано примерно за год до того, как Дэн То начал ре-

гулярно выступать на страницах пекинской вечерней газеты и городского журнала «Цяньсянь».

Не удивительно, что некоторые из обличительных фельетонов Дэн То страшны, что в них говорится о вещах ужасных и отвратительных. Они продолжают традиционную, восходящую к глубокой древности тему политического людоедства. Деспотизм, столь многие столетия поражавший китайское общество, породил эту тему в китайской литературе, к которой в минуты отчаяния не могли не обращаться лучшие умы. В разговоре о тигре-людоеде сам Конфуций в глубокой древности сказал, что жестокое правительство страшнее самого лютого тигра. В Китае его слова не случайно вошли в пословицу. С тех пор тема политического людоедства сопутствовала истории китайского общества в китайской литературе. В XX веке ей посвятил свое гениальное произведение — «Записки сумасшедшего» — великий писатель Лу Синь. Сумасшедшему герою Лу Синя кажется, что все окружающие его люди — людоеды, что они уже привыкли к вкусу человеческого мяса. «Может быть, есть еще дети, которые не отвевдали человечины? Спасите, спасите детей!» — кончается страшная повесть о людоедстве.

Дэн То идет вслед Лу Синю и пишет о судьбах тех, кто при Лу Сине был детьми, о тех, которых тот хотел спасти от вкуса человечины. Фельетон назван «Можно ли поедать знания?»³⁰.

В нем Дэн То рассказывает об опытах некоего американского ученого с червями, которые поедали друг друга и таким образом усваивали условные рефлексы, то есть, по выражению Дэн То, «без труда усваивали знания». Не щадя слов для обличения «хищного обличья», «изуверской природы» и «паразитической философии лентяйства» американского империализма, его «кровавых людоедских экспериментов», Дэн То заключает: «Если сделать выводы, то всякому человеку, который хочет овладеть знаниями, проще всего съесть знающего. Овладение знаниями без труда, так же как и прочие замыслы о присвоении без труда, если говорить по существу, есть крайне отвратительная эксплуататорская психология. Однако, как бы то ни было, идеи всяких лентяев, с которыми можно встретиться в нашем обществе (подчеркнуто нами. — А. Ж.), не имеют ничего общего с американской людоедской наукой... Лентяи, которых мы видим, хотя и выскивают легкий способ преуспеть, но к тому же одержимы сонмом бредовых затей, подобно Мао Жуну во время Поздней Хань...»

Далее следуют волшебные истории с проглатыванием во сне небольшой черепашки, которая затем приснилась вторично, что сулило счастье: успех на литературном по-

²⁷ Там же, стр. 62.

²⁸ «Великая социалистическая культурная революция в Китае», вып. 1, Пекин, 1966, стр. 68.

²⁹ «Гуанмин жибао», 7.IX.1960.

³⁰ Ма Нань-цунь. Вечерние беседы в Яньшани (на кит. яз.), вып. 4, 1962, стр. 115—118.

прище. И напротив, когда приснилось, что черепашка выскочила из рта, то сновидец вскоре утонул. «Все это было во сне, это не настоящая действительность», — замечает Дэн То. И иронически рассуждает: «Хотя найдутся такие, что обнаружат большую разницу, ибо Лю Цзань во сне проглотил золотую черепашку, а Ма Жун глотал цветы; в одном случае было проглочено живое, а в другом — растение. Но ведь все это происходило во сне, и это никак нельзя сравнивать с «поеданием себе подобных существ, обладающих познаниями». Впрочем, все проглоченное впоследствии все равно изрыгалось обратно!.. Люди, которым угрожает опасность быть съеденными, должны сплотиться и заставить людоедов собственной жизнью заплатить за жизни съеденных. Око за око, зуб за зуб, кровь за кровь, жизнь за жизнь — вот одна из важнейших истин, которой обучилось современное человечество в революционной борьбе. Знания, накопленные человечеством, — не съест, а те, кто собирается съесть их, должны быть готовы к тому, что погубят самих себя!»

Итак, в Китае имеются «идеи всяких лентяев», которые превосходят американскую «людоедскую науку» тем, что одержимы вдобавок «бредовыми затеями»... Только здесь, в самом страшном своем произведении, Дэн То обратился с прямым призывом к сплочению жертв, которым угрожает людоедство в политике, напоминая им об истинах, выученных в революционной борьбе. Это было прямое обращение к лучшим силам КПК перед лицом смертельной опасности, надвигавшейся на них. По остроте и страстности обличения этот фельетон превосходит другие, и не случайно проработчики Дэн То обошли его молчанием. Даже в список Ци Бэнь-юя³¹, где перечислены двенадцать наиболее «ядовитых трав», он не был включен, настолько боялись привлечь к нему внимание. Причина, видимо, в том, что в 1966 году готовилось новое массовое «поедание» в Китае, и заострять критику именно на этом вопросе сочли неполитичным, тем более что для обвинений было более чем достаточно и других причин.

В статье Яо Вэнь-юаня перечислено немало примеров, когда Дэн То высмеивал Мао Цзэ-дуна. «Жэньминь жибао» приводила длинный список высказываний Дэн То, прямо противоположных идеям Мао Цзэ-дуна. Достаточно прозрачны и примеры, которые уже здесь приводились, в том числе об объективности в суждениях, о произвольных толкованиях, наконец, об «идеях всяких лентяев, с которыми можно встретиться в нашем обществе». К этому надо добавить высмеивание претензий Мао Цзэ-дуна на славу гениального поэта. Может быть, официальная печать именно поэтому, щадя са-

молюбие «вождя», не сочла возможным публично обвинить Дэн То в нападках на поэтические творения?

В 1961 году Дэн То написал фельетон о старых и новых стихах. «Каков у нас уровень поэзии старых форм? — спрашивает он. — Кроме произведений нескольких руководящих товарищей, если говорить в общем, положение с другими произведениями весьма неблагоприятное. Бросается в глаза явление: у некоторых авторов стихи старых форм не укладываются в размер, а, значит, вызывают сомнения. Вдобавок их поэтичность весьма слаба, что вызывает еще больше сомнений»³².

Дэн То здесь под отрицанием скрывает утверждение. И кончает он свой фельетон язвительным советом: «Если ты используешь размер цы «Мань цзян хун» и не соблюдаешь его, то лучше дать какое-нибудь другое название этому размеру, например «Мань цзян хэй», чтобы оно отличалось от «Мань цзян хун»...³³ Именно стихотворение Мао Цзэ-дуна «Новый год», написанное в жанре цы, не укладывается в размер «Жу мэилин»³⁴. Чтобы полностью оценить убийственную иронию Дэн То, укажем, что название размера-мелодии «Мань цзян хун» можно передать по смыслу приблизительно как «река красная...», а «Мань цзян хэй», который предлагает Дэн То, — как «река черная... Замена красного на черное есть замена революционного реакционным, на что и указывает Дэн То, предлагая новый размер «руководящим товарищам», о которых он говорил выше. При всей двусмысленности фельетона трудно отрицать, что здесь Дэн То намекнул на реакционность «новой линии» китайского руководства.

В настоящее время творчество Дэн То стало привлекать к себе внимание за пределами Китая. Избранные его фельетоны опубликованы прогминеядановским издательством «Цзылян чубаньшэ» в Гонконге. Во вступлении к этому сборнику сообщается не без сожаления, что «Дэн То в «Вечерних беседах в Яньшани» показал себя по-прежнему коммунистом с очень сильно выраженной партийностью, многократно цитирует классические сочинения Маркса и Энгельса, приводит и идеи Мао Цзэ-дуна, но только он, кажется, более предан первоначальному идеалу Маркса и Энгельса»³⁵.

В Японии публицистика Дэн То переведена полностью и издана в одном томе вместе с «Вечерними беседами в Яньшани» объединены с фельетоном «Села Трех».

Среди западных синологов Дэн То не

³² Ма Нань-цунь, Вечерние беседы в Яньшани, 1961, стр. 20 (на кит. яз.).

³³ Там же, стр. 21.

³⁴ Тайдзюн Такэда, Минору Такэути, Мао Цзэ-дун, его стихи и его жизнь, Токио, 1965, стр. 109 (на япон. яз.).

³⁵ Симма Лу, Введение в кн. Дэн То «Вечерние беседы в Яньшани», Гонконг, 1966 (на кит. яз.).

³¹ «Великая социалистическая культурная революция в Китае», вып. 2, Пекин, 1966, стр. 88.

встречает особого сочувствия, видимо именно благодаря своей ярко выраженной коммунистической партийности. О нем судят с открытой предвзятостью. Так, во французской работе Жана Эсмэ творчество Дэн То снисходительно третируется, о его фельетонах сказано: «Их нагловатая манера вела к легкой популярности среди недовольных»...³⁶

Позволительно ли так отзываться о произведениях, ювелирно отработанных, в которых взвешено каждое слово и продуманы все нюансы, о произведениях, оснащенных всей необъятностью китайской культурной истории и написанных вопреки личной опасности, с полным сознанием возможной гибели? Такое непонимание объясняется одной лишь политической враждебностью. Составитель гонконгского «Избранного» сказал о Дэн То: «Мы полагаем, что такие люди, как Дэн То, представляющие совесть китайской интеллигенции, готовые отречься от славы и выгод, пренебрегающие собственной жизнью, выражающие голос народной

души Китая своего времени, неподсудны никакой партии и никакой господствующей клике»³⁷.

Дэн То и его друзья действительно отреклись сознательно от славы и выгод, выразили народные нужды Китая шестидесятых годов, их с полным правом можно назвать совестью китайской интеллигенции и голосом народной души. При всей справедливости сказанного нельзя обходить молчаливым главное: Дэн То и его друзья были коммунистами. И можно гордиться, что в трудную для страны минуту совестью и голосом народа Китая стали именно коммунисты. Тем самым они с честью выполнили, не щадя жизни, и свой интернациональный долг перед всем коммунистическим движением.

Фельетоны Дэн То — крупное явление китайской публицистики, лучшее, что было создано в китайской литературе за шестидесятые годы. Они написаны талантливым, широкообразованным, мужественным человеком и убежденным коммунистом.

³⁶ Жан Эсмэ, Китайская культурная революция, Пекин, 1970, стр. 58.

³⁷ Дэн То, Избранные стихи и проза, Гонконг, 1966, стр. 4 (на кит. яз.).

Го Мо-жо: «Возрождение» из пепла

И. С. Голубев

*«НАШУ КУЛЬТУРУ МЫ СОЗДАВАЛИ
ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ...»*

Го Мо-жо, «Поэзия и оборона»,
27.VI.1940 г.

*«ЕСЛИ ПОДХОДИТЬ К ЭТОМУ С КРИ-
ТЕРИЯМИ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ, ТО
ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ МНОИ,
СТРОГО ГОВОРЯ, ВСЕ НУЖНО СЖЕЧЬ».*

Го Мо-жо. Из выступления на
заседании Постоянного комитета
ВСНП 14.IV.1966 г.

Го Мо-жо на шестом году «культур- ной революции»

Я не овладел идеями Мао и не преобразовал себя», — заявил президент Академии наук Китая Го Мо-жо накануне «культурной революции». С тех пор в течение нескольких лет он как ученый и писатель хранил молчание. Можно было подумать, что он навсегда ушел из науки и литературы.

Но в 1971 году оказалось, что это далеко не так: вышли в свет новые исследовательские работы Го Мо-жо, посвященные классической литературе Китая. В том числе книга «Ли Бо и Ду Фу»¹.

Оценивая этот факт, прежде всего задаешься вопросом: что кроется за самоотречением Го Мо-жо в 1966 году и его возрождением в 1971 году?

Хотя весной 1966 года он категорически отказался от своего прежнего творчества, его самокритика и тогда казалась странной и неубедительной. В Китае и за рубежом его знали не только как крупного общественного и государственного деятеля, но и как авторитетного историка, археолога, литературоведа, поэта, новеллиста, драматурга, публициста. Его произведения издавались и перепечатывались в разных странах мира. Поэтому были основания недоуме-

вать: почему автор вдруг выразил готовность сжечь все свои книги?

Сейчас, после нескольких лет «культурной революции», поступок Го Мо-жо становится менее загадочным. Внешне это была «самокритика», а фактически — показательная демонстрация обязательного для всех научных и творческих работников Китая отказа от прежних идеалов. Наввно было бы думать, что Го Мо-жо не знал заранее — хотя бы в общих чертах, — чего от него хотят и куда поведет китайскую науку, литературу и искусство «культурная революция». Уже тогда было ясно, что утилитарный подход Мао Цзэ-дуна, например, к современному и древнему художественному творчеству как к средствам пропаганды его собственной политической линии несовместим с такими понятиями, как «писать правдиво», «создавать реалистические образы людей», «бережно относиться и глубоко изучать национальное наследие» и т. д. «Культурная революция» требовала разрушения всего, что было создано в этой области, отстранения всех творческих работников — добровольного или принудительного — от их прежней деятельности.

Она этого требовала, так как одна из главных ее задач состояла в том, чтобы оторвать китайский народ от всего, что мешало утверждению «идей Мао Цзэ-дуна» как единственного источника духовной жизни Китая. Ясно, что литература и искусство — как древние, так и современные, как национальные, так и зарубежные — не только отвлекали народные массы от пресловутых «идей», но и порождали в народе тягу к знаниям, к правдивой информации, к самостоятельному мышлению, что в свою очередь вызывало естественный протест против маонизма в целом.

Именно поэтому «культурная революция» начиналась исподволь в форме кампаний против интеллигентов — носителей культуры, правды, прогресса.

По плану организаторов «культурной революции» президент Академии наук Китая должен был устроиться добровольно, чтобы дать яркий личный пример интеллигенции по части безоговорочной «самокритики». Не случайно Го Мо-жо от самокритики в своей покаянной речи переходил к таким «обобщениям»: «У интеллигенции много зазнайства, самоуверенности, она не может как следует выполнять указания председателя Мао Цзэ-дуна, поэтому топчется на месте...» Однако и это, видимо, не произвело эффекта, и на инакомыслящих, не пожелавших подобно ему, саморазоблачать-

¹ Го Мо-жо, Ли Бо и Ду Фу, «Жэнь-минь вэньсюэ», Пекин, 1971 (на кит. яз.).

осы, были натравлены толпы хунвейбинов, начались жестокие репрессии. О судьбе большинства представителей литературы и искусства, о многих деятелях науки до сих пор ничего не известно.

Однако Го Мо-жо не пострадал. Сделав услугу организаторам «культурной революции», продемонстрировав в форме «самокритики» верность «идеям Мао Цзэ-дуна», он завоевал еще большее доверие к себе со своих могущественных покровителей и молча переживал годы смут в стране.

В 1971 году пекинские руководители пришли к выводу, что настало время расширить слишком уж узкие рамки навязываемого китайскому народу в ходе «культурной революции» так называемого «нового пролетарского искусства». Разумеется, абсурдно ограничивать культурную жизнь Китая примитивными «образцовыми спектаклями», число которых можно пересчитать по пальцам. Сама жизнь заставила тех, кто ответственен за культуру в Китае, взглянуть на эту проблему с большей трезвостью, чем в 1966—1970 годах. Тут, надо полагать, и вспомнили о классической китайской литературе, преданной анафеме в 1966 году. И в книжных магазинах, помимо трудов Мао Цзэ-дуна, появились другие книги. Пекинское руководство этим самым демонстрировало (особенно перед иностранцами, которым, кстати сказать, в основном лишь и разрешалось свободно покупать новые книги), что «культурная революция», дескать, вовсе не заглушила в Китае художественное творчество, как об этом давно уже говорят в мире, а, наоборот, дала в этой области свои плоды.

Факты показывают, что дальше этой формальной демонстрации дело не пошло. Не изменилось главное: отношение к литературе и искусству как к служанкам пропаганды «идей Мао». Объемистый² трактат Го Мо-жо «Ли Бо и Ду Фу» являет собой яркое свидетельство этому, поскольку в нем учтены все продиктованные свыше...

«Критерии сегодняшнего дня»

Было время, когда Го Мо-жо мог подходить к исследуемым им проблемам как первооткрыватель, как ученый, доказывавший свою собственную концепцию. В 30-х годах, находясь в эмиграции в Японии, он написал ряд исторических и археологических работ о древнем китайском обществе³. Вокруг его исследований были споры, им давались и посторженные, и весьма сдержанные оценки. Но факт оставался фактом:

ученому в то время свыше не навязывались «идеи» его исследований, он сам определял их.

Книга «Ли Бо и Ду Фу» написана в условиях, когда любому пишущему необходимо исходить из «критериев сегодняшнего дня». Такими «критериями» могут быть только «идеи Мао Цзэ-дуна», поэтому все, что написано не Мао Цзэ-дуном, должно быть обязательным подтверждением его «идей». Поэтому же весь собранный автором материал о Ли Бо и Ду Фу — двух великих китайских поэтах эпохи Тан — подчинен заранее определенной задаче: оценить их роль в китайской литературе, основываясь на указанной Мао Цзэ-дуном так называемой «классовой позиции».

То, что имеет в виду автор, часто повторяя в книге термин «классовая позиция», нетрудно понять. Это, говоря кратко, не что иное, как, по сути дела, вульгарное понимание марксистских определений «феодалская литература», «буржуазная литература», и т. д. Мао Цзэ-дун, а за ним и Го Мо-жо считают, например, «феодалскую литературу» не литературой народа, находящегося на стадии феодальной общественно-исторической формации, а лишь достоянием господствующего класса феодалов⁴.

Го Мо-жо, оценивая в своей книге творчество Ли Бо и Ду Фу (в его понимании представителей литературы, служащей лишь помещицкому классу), противопоставляет их народу. Таким путем он пытается показать, что данная ранее китайскими и другими исследователями оценка Ли Бо и Ду Фу как поэтов истинно народных, как творцов, поднявшихся выше интересов своего класса, как создателей шедевров, проникнутых духом гуманизма и патриотизма, неправомерна. Какую бы главу книги мы ни раскрыли, вывод автора один: говорить о народности творчества Ли Бо и Ду Фу ни в коем случае нельзя. Такой вывод делается даже в тех случаях, когда пример, взятый для его подтверждения, доказывает совершенно обратное.

«В скитаниях до и после восстания Ань Лу-шаня, — пишет Го Мо-жо, — Ду Фу лично познал классовые противоречия феодального общества. Стала крылатой его фраза: «Вина и мяса слышен запах сытый, а на дороге — кости мертвецов»⁵. («Стихи в пятьсот слов о том, что было у меня на душе, когда я направлялся из столицы в Фынсянь».) Конечно, мысль эта заимствована из слов: «В погребках жирное мясо, в конюшнях жирные кони — у народа голодный вид, в поле трупы от голода павших (Мын-цзы, «Лянхуэйван»). Тот факт что поэт, живший в феодальную эпоху, бо-

² В книге 429 страниц.

³ «Изучение надписей на бронзовой утвари династий Инь и Чжоу», «Изучение надписей на костях», «Лексика оракулов», «Исследование племен древнего периода», «Развитие мировоззрения в эпоху ранних Циней», «Изучение творчества Цюй Юаня» и другие.

⁴ И. М. На дее в, «Культурная революция» и судьба китайской литературы, изд-во «Наука», М., 1969, стр. 117—125.

⁵ Ду Фу. Стихи, пер. с китайского А. Гитовича, изд-во «Художественная литература», М., 1955.

лее 1200 лет назад, мог так ясно осознать это, трудно недооценить. Тем не менее вопрос упирается в другое: если ты даже познал противоречие, как ты можешь приступить к его разрешению? Иными словами: на какой в конце концов классовой позиции ты стоишь, кому служишь? Если говорить в этом плане, то нельзя не видеть отчетливо классовую позицию Ду Фу. Он стоял на классовой позиции помещиков, на позиции господствующего класса и служил этому классу⁶.

Вывод, сделанный автором из приведенного им стихотворения Ду Фу, совершенно несостоятелен, нелогичен. Знаменитые «Стихи в пятьсот слов...» являются искренней и глубокой думой поэта о горестной судьбе простых людей, о бездушном и жестоком отношении к ним феодальной знати. Поэт целиком и полностью стоит на стороне народа, а гневные строки, обращенные к его угнетателям, звучат с большой обличительной силой. Право же, от чистого сердца идут его слова:

Нет, просто во дворце я не пригоден,
И надо мне безропотно уйти,
Умру — поймут, что о простом народе
Всегда я думал до конца пути.
И сердца жар, бредя тропой земною,
Я отдавал народу всей душой —
Пусть господа смеются надо мною,
Но в громких песнях слышен голос мой!⁷

...Именно таким и был Ду Фу, именно за то, что он «о простом народе... думал до конца пути», исследователи творчества этого корифея древнего Китая до Го Мо-жо называли его народным поэтом. Лишь Го Мо-жо вопреки истине, вопреки здравому смыслу утверждает, что Ду Фу служил помещикам.

Так анализирует Го Мо-жо литературное наследие Китая с точки зрения «критериев сегодняшнего дня», в соответствии с «идеями Мао Цзэ-дуна».

Но это лишь один пример такой «классовой позиции». В книге...

...Подобных примеров много

Даже композиционно труд Го Мо-жо подчинен общей ложной идее — доказать, что два великих поэта Танской эпохи были и остались чуждыми и даже враждебными простому народу. План исследования, как в отношении Ли Бо, так и в отношении Ду Фу, строится по одинаковой схеме: а) помещичье происхождение поэтов; б) стремление их обоих слыть знатными, занять высокие посты в феодальной империи; в) их уход от реальной жизни в мир религиозной мистики; г) моральная надломленность того и другого, выливающаяся в пристрастие к вину.

Уже из этой структуры труда Го Мо-жо видно, что автора интересует не столько анализ произведений великих поэтов, сколько внешние детали, факты и обстоятельства их личной жизни. О поэтах как о людях исследователь говорит с предвзятой недоброжелательностью, даже не пытается заглянуть в их внутренний мир, задуматься о сложной, противоречивой, но богатой содержанием жизни того и другого.

Это ощущается с первой главы, особенно в тех местах, где затрагивается вопрос о происхождении Ли Бо.

Вопрос этот до сего времени считался туманным, о родословной Ли Бо, как и о его рождении, было сложено немало легенд и преданий. Достоверных же, неоспоримых сведений об этом мало, и едва ли те данные, которые приводит в своей книге Го Мо-жо (он часто сам их ставит под сомнение), могут добавить что-то новое к биографии поэта. Но и не для этого ведется разговор о социальном происхождении Ли Бо в книге. Все сводится к тому, чтобы доказать, что, хотя Ли Бо и не принадлежал к высшей знати, сознание своей родовитости якобы наложило на его личность неприглядный отпечаток, породило в нем аристократическую спесь. Легенды о родовитости, по мнению Го Мо-жо, являются «либо его собственным вымыслом, либо вымыслом его предков; цель же их заключалась в том, чтобы поднять на высокую ступень знатности свой род».

«Это, — подчеркивает Го Мо-жо, — вскрывает крайне филистерскую сторону Ли Бо»⁸.

Стремясь подкрепить столь неожиданную по своей резкости характеристику поэта, основанную на сомнительных версиях о его родословной, Го Мо-жо обращается к Энгельсу.

«Энгельс, — замечает он, — в труде «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии», критикуя немецкого поэта Гете и философа Гегеля, писал: «Гете, как и Гегель, был — каждый в своей области — настоящий Зевс-олимпиец, но ни тот, ни другой не могли вполне отделаться от немецкого филистерства».

«Эти слова, — делает заключение Го Мо-жо, — вполне можно отнести и к критике Ли Бо и Ду Фу. Родившись в расцвете китайского феодального общества, оба они не могли отделаться от атмосферы китайского филистерства»⁹.

Приведя эти слова Энгельса, исследователю, казалось, нужно было бы не ограничиваться объяснением, кто такой «Зевс-олимпиец», а дать читателю более широкое представление о том, как Энгельс относился к великому немецкому поэту Гете. Очень уместны были бы слова Энгельса о том, что «в нем постоянно происходит борьба между гениальным поэтом, которому убо-

⁶ Го Мо-жо, Ли Бо и Ду Фу, стр. 193.

⁷ Ду Фу, Стихи, пер. А. Гитовича.

⁸ Го Мо-жо, Ли Бо, и Ду Фу, стр. 18.

⁹ Там же.

жество окружающей его среды внушало отвращение, и осмотрительным сыном Франкфуртского патриция...»¹⁰.

Тут, видимо, было бы кстати напомнить слова Энгельса и о том, например, что «великие мыслители XVIII века, так же как и все их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха»¹¹.

Эти слова Энгельса могли бы натолкнуть автора на исторический и разносторонний подход к творчеству двух великих китайских поэтов. Но Го Мо-жо не заинтересован в этом. Подходя к китайским поэтам-классикам с точки зрения «критериев сегодняшнего дня», он доказывает лишь одно: мол, они принадлежали к помещичьему классу, мечтали о знатности и богатстве, поэтому окружающая атмосфера китайского феодального филлистерства якобы их вполне удовлетворяла.

«Взгляды Ли Бо,— пишет Го Мо-жо,— несут на себе влияние его классовой ограниченности и идеологии Танской эпохи. В основном это смесь конфуцианства, буддизма и даосизма»¹². Далее он говорит, что Ли Бо не достиг успеха ни как конфуцианец, стремившийся служить добром Поднебесной, ни как приверженец даосизма, желавший достичь высшего самоусовершенствования, а лишь подорвал в результате религиозных радений свое здоровье.

Автор приводит многочисленные сведения о сложности этих радений, о вреде алхимии, отравлявшей людей «пилюлями бессмертия» и снадобьями, и т. д. Подтекст всего этого ясен, он прежний: Ли Бо, по мнению Го Мо-жо, была чужда жизнь народа; не добившись высоких придворных чинов, он как типичный представитель феодального класса ищет успокоения в отшельничестве, в даосских заклинаниях.

Как будто и не было Ли Бо — поэта, а был лишь неудачник — филлистер и мистик. Тут Го Мо-жо указывает на еще одно...

...«Пристрастие» Ли Бо

«Пристрастие к вину,— пишет Го Мо-жо,— конечно, дурное дело. Но если говорить о Ли Бо, оно имело не только вредную сторону, но и полезную. Надо иметь в виду, что вино было для него средством преодоления религиозного дурмана»¹³.

Еще никто из исследователей творчества Ли Бо не приходил к такому выводу. Анакреонтические мотивы в его творчестве действительно занимают значительное место.

¹⁰ «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», «Искусство», т. I, М., 1967, стр. 468.

¹¹ Там же, стр. 350.

¹² Го Мо-жо, Ли Бо и Ду Фу, стр. 134.

¹³ Там же, стр. 145.

В этом нет ничего удивительного. Большинство древних и средневековых китайских поэтов (и не только китайских) использовали в своих стихах такие мотивы. Если же на долю Ли Бо выпала особая «слава» в этом отношении, то только потому, что вино присутствовало во многих его наиболее ярких произведениях, воплотивших мятежный дух поэта, его вольнолюбивый характер, тонкое восприятие природы, жизни, глубоко эмоциональное выражение радости и печали. Этому не мешало ничто и никто, в том числе и даосские монахи. Поэтому едва ли можно со всей прямоотой сопоставлять, характеризуя все поэтическое творчество Ли Бо, его религиозные заблуждения и пристрастие к вину. Оба увлечения поэта существовали одновременно, то и другое нельзя ставить в упрек Ли Бо, жившему в специфических условиях танского общества, в определенной, немислимой для сегодняшнего дня среде.

Иначе смотрит на это Го Мо-жо.

«Большинство лучших стихов Ли Бо,— пишет он,— написано после опьянения. Возьмите его «Мотив у реки» — и вы убедитесь, как вино и поэзия, вступив в единый фронт, побеждают духов, святых, пилюли бессмертия и стремления к чинам и богатству, воспевавшихся им в торжественных одах»¹⁴.

Вот строки из этого стихотворения:

Святой вознесся б, но, увь,—
Умчался Желтый Аист,

А я — как чайка над волной,
Как вольный челн — скитаюсь.

Нет Цюй Юаня, но живут
Пояныне скорби строки,

А там, где чуский был дворец —
Лишь холмик одинокий...

За чаркой опушу я кисть —
И вздрогнут гор отроги,

А кончу стих — к моим ногам
Падут небес чертоги!

Зря о бессмертье грезят те,
Кто славен знатным родом,—

Не быть им вечною Ханьшуй,
Что мчит на запад воды!¹⁵

Толковать это стихотворение, конечно, можно по-разному. Но думается, основная его тема — бессмертие человеческой мудрости, гения, их неодолимость перед коварством и корыстью «сильных мира».

Го Мо-жо дает другое толкование. «Здесь,— пишет он,— сила, достигнутая

¹⁴ Го Мо-жо, Ли Бо и Ду Фу, стр. 146.

¹⁵ Пер. И. Голубева.

благодаря «тысяче доу вина», во мгновение, как миллион храбрых воинов, разбивает всех духов, святых, оборотней, императоров и полководцев. Увы, это лишь временно. Проходит опьянение, и он (то есть Ли Бо — И. Г.) опять становится филистером»¹⁶.

Такой трактовке стихотворения можно возразить. В ней не учитывается, что в центре внимания Ли Бо в этом стихотворении — образ Цюй Юаня, который в китайской классике по традиции символизирует гражданское мужество, твердость в убеждениях и непримиримость к продажным властям. Следовательно, основную мысль стиха нужно искать в словах: «Нет Цюй Юаня, но живут поныне скорби строки». Неправоммерно поэтому, акцентируя внимание на словах «За чаркой опущу я кисть...», считать, что это произведение посвящено вину и даже написано, как говорит Го Мо-жо, «после опьянения». Следовательно, и делать заключение о том, что здесь «вино и поэзия, вступив в единый фронт, побеждают духов, святых, пилюли бессмертия» и т. д., нет полных оснований. Суть стихотворения не в этом. И уж совсем сомнителен вывод Го Мо-жо, утверждающего: «При чтении стихов Ли Бо создается впечатление, что, когда он бывал пьян, это были мгновения истого рассудка, а когда не был пьян, его голова была всего сильнее затуманена»¹⁷.

Спору нет, сначала конфуцианство и буддизм, а затем даосизм в определенной степени владели умом поэта, оказывали влияние на его мироощущение. Однако Ли Бо всегда оставался в первую очередь, человеком с яркой индивидуальностью, способностью самобытно, по-своему преломлять явления жизни в своей душе и изливать свои чувства и мысли в изумительных, образных, неожиданных по форме и колориту стихах. В жизни, в поисках истины, в раздумьях о природе и судьбах людей находил поэт щедрый источник вдохновения. В конце концов и религия, и вино не были для него мерилом жизни; не они владели им, а он владел ими и, разочаровавшись, отрекся сегодня от тех заповедей религии, которые еще вчера считал священными. Не отрекся он лишь от себя, не переделал себя, не прервал самого главного в себе — поэтического творчества¹⁸.

Вряд ли, учитывая все это, можно согласиться с Го Мо-жо в том, что-де трезвый Ли Бо «опять становится филистером». Такая поистине филистерская характеристика Ли Бо как человека и художника диктуется автору все той же «классовой позицией», согласно которой поэт, вышедший из феодально-помещичьей среды, не может быть человеком с чистой душой и высокими по-

мыслами, не может искренне служить своему творческому народу.

Еще грубее и прямолинейнее представление в книге Го Мо-жо...

...«Критика» стихов Ду Фу

«Удивительно то, — пишет Го Мо-жо, — что до и после освобождения некоторые исследователи творчества Ду Фу, стоя по традиции на старых позициях, не подходят к Ду Фу критически, а, как и раньше, полностью восхваляют его и даже добавляют в отношении его новые хвалебные определения. Старые исследователи называли его «корифеем», новые — «народным поэтом». Народ не спрашивал первых, что они имели в виду под термином «корифей», но народ, вероятно, захочет спросить вторых — тех, кто называет его «народным поэтом», — что это значит?»¹⁹

И Го Мо-жо отвечает на поставленный им вопрос, взяв для анализа известные стихотворные циклы Ду Фу — «Три прощания», «Три чиновника» и стихотворение «О том, как осенний ветер разломал камышовую крышу моей хижины».

Надо отдать должное исследователю: он сделал полезное дело, переведя эти стихи на современный язык. Благодаря этому читатель, не обладающий достаточными познаниями древнего языка и стихосложения, может сам судить, насколько прав или не прав критик, оценивая эти стихи, опровергая взгляды прежних исследователей Ду Фу.

Каковыми конкретно были такие взгляды? Возьмем для примера некоторые из многих прежних оценок творчества Ду Фу.

Китайский литературовед Фу Гэн-шэн в книге «О поэзии Ду Фу» писал: «Отличительной особенностью творчества поэта Ду Фу является то, что он шел к народу и всюду, где бы ни был, помышлял о народе, говорил для народа... сумел подняться выше своего класса»²⁰.

Известный китайский поэт и исследователь творчества Ду Фу Фэн Чжи посвятил ему стихотворение, в котором есть такие строки:

Если все глубже любовь народа
Вот уже столько лет, —
Значит, в глубины сердец народных
Сердцем проник поэт!²¹

Один из крупнейших знатоков китайской литературы Чжэн Чжэнь-до, характеризуя циклы «Три прощания» и «Три чиновника», писал:

¹⁶ Го Мо-жо, Ли Бо и Ду Фу, стр. 147, 148.

¹⁷ Там же, стр. 148.

¹⁸ О. Л. Фишман, Ли Бо. Жизнь и творчество, изд-во восточной литературы, М., 1958.

¹⁹ Го Мо-жо, Ли Бо и Ду Фу, стр. 196.

²⁰ Фу Гэн-шэн, О поэзии Ду Фу, «Вэнь лянъкэ», Шанхай, 1955, стр. 87 (на кит. яз.).

²¹ Пер. И. Голубева.

«В то время непрерывных войн и бедствий, когда военные события захлестнули Китай, Ду Фу запечатлел в своих горьких стихах все, что пережил и увидел. Поэтому его произведения стали называть великой «поэтической историей»²².

Ученый Ли Чан-чжи подчеркивал, что, «обогащенный глубоким знанием жизни, поэт пришел к идеям великого гуманизма, патриотизма, глубокого уважения к народу, к мечтам о мире»²³.

«С появлением корифея поэзии Ду Фу, — заявил критик Дин Ли, — в литературе еще более утвердился принцип народности. Стихи Ду Фу проникнуты духом высокого гуманизма. Жизнь сблизила поэта с народом, и его полные горячей любви к простому народу произведения выражают народные страдания, смело разоблачают преступления правящих верхов»²⁴.

Можно было бы привести множество других высказываний китайских ученых-литературоведов, которых объединяет единодушная высокая оценка творчества Ду Фу. Их-то Го Мо-жо и называет «новыми исследователями», с ними он и ведет полемику.

Красноречивой иллюстрацией того, как вводится эта полемика, являются комментарии Го Мо-жо к стихотворению «О том, как осенний ветер разломал камышовую крышу моей хижины». В этом стихотворении поэт, рассказывая, как в непогоду ветер сорвал с его хижины камышовую крышу и обрек его на холод, невольно задумывается о горькой судьбе «бедняков, обиженных судьбой»:

О, если бы такой построить дом,
Под крышейю огромною одной,
Чтоб миллионы комнат были в нем
Для бедняков, обиженных судьбой,
Чтоб не боялся ветра и дождя
И, как гора, был прочен и высок,
И, если бы, по жизни проходя,
Его я наяву увидеть мог,
Тогда — пусть мой развалится очаг,
Пусть я замерзну — лишь бы было так!²⁵

«В прошлом комментаторы этого стихотворения, — пишет Го Мо-жо, — толковали его по-разному. Одни усматривали в нем скрытый смысл, другие считали, что в нем описан реальный случай».

Затем следует оценка стихотворения: «В нем со всей прозрачностью проявляется классовая позиция и классовые чувства поэта»²⁶.

²² Цит. по кн.: Е. А. Серебряков. Ду Фу, изд-во «Художественная литература», М., 1958, стр. 89.

²³ Там же, стр. 44.

²⁴ Там же.

²⁵ Здесь и далее стихи в пер. А. Гинюлиха, цит. по кн.: Ду Фу, Стихи, изд-во «Художественная литература», М., 1955.

²⁶ Го Мо-жо, Ли Бо и Ду Фу, стр. 214.

В чем же, с точки зрения Го Мо-жо, состоит эта «классовая позиция» Ду Фу?

В том, оказывается, что он, будучи представителем помещичьего класса, эгоистично и с презрением относился к крестьянам, поскольку, дескать, хижина у него вовсе неплохая и жаловаться у него на судьбу нет оснований. «Поэт сам говорит, — рассуждает Го Мо-жо, — что на жилище, в котором он живет, крыша уложена тремя слоями камыша. Это свидетельствует о том, что крыша этого старого жилища дважды вновь покрывалась камышом. Как правило, первый слой был толщиной примерно в 4—5 цуней, значит, три слоя составляли толщину более одного чи. Такое жилище обеспечивало тепло зимой и прохладу летом»²⁷.

Закончив на этом «исследование» толщины камышовой крыши, автор бросает упрек Ду Фу: «И только из-за того, что ветер снес часть камышовой крыши, поэт обиделся на небо и обозлился на людей».

Ничем не подтвердив этот упрек, критик все свое внимание сосредоточивает на следующих строках:

...Мальчишки из соседних деревень
Глумятся над бессилием моим.
Они, как воры, среди бела дня
Охалки камыша уволокли
Куда-то в лес, подальше от меня,
Чем завершили подвиги свои.
Рот пересох мой, губы запеклись,
Я перестал на сорванцов кричать...

«Особенную неприязнь вызывает то, — комментирует Го Мо-жо эти строки. — что он (то есть Ду Фу. — Н. Г.) обрушивается с бранью на детей бедняков, считая их «ворами». А ведь если даже дети и взяли сорванный ветром камыш, в конце концов много ли его они могли унести?» Тут Го Мо-жо делает намек на другие строки стиха:

Ложусь под одеяло в тишине,
Да не согреет старика оно:
Сыннишка мой, ворочаясь во сне,
Понстрепал его давным-давно.

И снова бросает упрек поэту: «Детей бедняков он обзывает «ворами», а своего ребенка называет «сыннишкой». Жалуясь на свою бедность, он забывает, что невзгоды крестьян по сравнению с его бедностью в сто раз больше».

А далее речь идет о главном — о мечте поэта об огромном доме «для бедняков, обиженных судьбой». «Пригрезившаяся ему красивая мечта о большом доме с «миллионами комнат», — пишет Го Мо-жо, — старыми и новыми исследователями рассматривалась как возвышенная и справедливая: они считали, что уже этого было достаточно, чтобы отозваться на самые насущные чаяния народа»²⁸.

«На самом же деле, — подчеркивает критик, — в стихе говорится всего лишь о

²⁷ Там же, стр. 214, 215.

²⁸ Там же, стр. 215.

страждущем на холоде ученом муже. Как же можно распространять помыслы просвещенного господина, имеющего славу и богатство либо имеющего славу, но не имеющего богатства, на «людей», на «народ»? Если крестьянские дети унесли немного сорванного ветром камыша и на них обрушивается брань как на «воров», как же крестьяне могут поселиться в большом доме?»²⁹

Так, отталкиваясь от одной незначительной детали стихотворения о «мальчишках», Го Мо-жо пытается доказать антинародную сущность его в целом. А ведь именно это стихотворение по праву считается ярчайшим выражением народной, гуманистической направленности творчества великого поэта!

Примерно таким же методом критик выявляет «помещичью психологию» Ду Фу и в других произведениях. Характеризуя стихотворные циклы «Три прощания» и «Три чиновника», он говорит совсем другое, чем Чжэн Чжэнь-до.

«...Когда мы анализируем с классовой точки зрения,— отмечает Го Мо-жо,— нет уже способов скрывать недостатки стихов. Сам Ду Фу был человеком, стоящим на позиции помещичьего класса, поэтому образы людей из народа, нарисованные им в шести стихотворениях — будь то мужчины, женщины, старики или дети,— все представляют собой добреньких, славных «простых людей», прошедших серьезную промывку в классовом фильтре Ду Фу, мягких, как вата, не обладающих ни на йоту чувством сопротивления. Такие люди очень подходящи для помещичьего правящего класса»³⁰.

И это Го Мо-жо говорит о таких стихах, как, например, «Чиновник в Шихао», которое вполне можно назвать исторической картиной страданий простого народа. Никак невозможно привести в соответствие с вульгарно-социологическими измышлениями критика даже небольшой отрывок из этого стихотворения:

В деревне Шихао
Я в сумерки остановился,
Чиновник орал там,
Крестьян забиравший в солдаты,
Хозяин-старик
Перелез за ограду и скрылся,
Седая хозяйка
На улицу вышла из хаты.
О чем раскричался
Чиновник в деревне унылой,
Ругая старуху,
Что горькими плачет слезами?
Чиновнику долго —
Я слышал — она говорила:
«Три сына моих
У Ечена сражались с врагами.

Один написал нам
В письме из далекого края,
Что двое погибли
В жестоких боях на границе,
Он жив еще, третий,
Но это недолго, я знаю,
С тремя сыновьями
Мне надо навеки проститься...»

...Кажется, больше нет нужды приводить примеры, объясняющие, что такое «классовая позиция» в понимании Го Мо-жо. Как говорится, комментарии излишни!

Однако ответим еще на один вопрос: одинок ли Го Мо-жо в своей негативной оценке творчества Ли Бо и Ду Фу? Или же...

...У него были предшественники!

Да, были. И это невозможно замалчивать, даже прикрываясь термином «классовая позиция».

Представляя Ли Бо и Ду Фу отшельниками-фанатиками, ушедшими от народа в даосские и буддийские миры, Го Мо-жо явно возрождает концепции буржуазного ученого гоминьдановского Китая Ху Ши. Именно Ху Ши первым высказал «догадку» о том, что после 759 года деревенские стихи Ду Фу по своей сути были проповедью отшельничества, ухода от мирской суеты. Го Мо-жо развивает эту «догадку» Ху Ши, еще более сгущая краски, приписывая поэтам тупой аскетизм, упоение религиозной мистикой.

Тот же Ху Ши еще в 1928 году в своей «Истории литературы на байхуа» посвятил творчеству Ду Фу одну из глав. Читая книгу Го Мо-жо «Ли Бо и Ду Фу», те ее страницы, которые посвящены вопросам происхождения поэтов, об их политической жизни и идеалах, нельзя не заметить, что они есть не что иное, как перепев главы о Ду Фу из книги Ху Ши. Ху Ши первым пытался доказать, что для Ду Фу не было сильнее желания и страсти, чем жажда славы, стремления достигнуть высокого ранга в феодальной иерархии танского общества. Ху Ши отрицал искренность Ду Фу в стихах о простом народе, объяснял наличие этой темы у Ду Фу лишь тщеславием поэта, его корыстным желанием прослыть заслуженным чиновником Поднебесной, которое подсказывала ему конфуцианская мораль³¹.

Го Мо-жо хватается за эту характеристику личности Ду Фу, распространяя ее и на Ли Бо, и добавляет к ней свои доводы, вытекающие из его «классовой позиции»: мол, оба поэта — выразители интересов феодального класса и «крайние филистеры».

²⁹ Го Мо-жо, Ли Бо и Ду Фу стр. 215.

³⁰ Там же, стр. 210, 211.

³¹ Е. А. Серебряков, Ду Фу, изд-во «Художественная литература», М., 1958, стр. 155.

В стихотворении Ду Фу «О том, как осенний ветер разломал камышовую крышу моей хижины» Ху Ши не находил ничего, кроме... юмора. Ему казалось, что Ду Фу написал это стихотворение для того, чтобы немножко посмеяться над самим собой, рассказать людям смешную историю о себе³².

Го Мо-жо в данном случае не разделяет точку зрения Ху Ши, но зато, подобно ему, пытается — об этом уже говорилось — второстепенными деталями стиха затушевать его суть.

Доводы и методы исследования Го Мо-жо во многом сходны не только с подходом к классической китайской поэзии Ху Ши, но и перекликаются с некоторыми взглядами реакционного критика 30-х годов Линь Юй-тана. Последний в статье «Поэтика и идейная сущность китайской поэзии» назвал творчество Ду Фу поэзией покорности и смирения³³. То же самое, как мы видели, но только с новым привкусом, преподносит читателям в своей книге и Го Мо-жо, обвиняя двух великих поэтов в отсутствии духа сопротивления, в неправдивом показе образов крестьян, тоже лишенных чувства сопротивления.

Как можно заключить из всего сказанного, основные положения книги «Ли Бо и Ду Фу», оказывается, не новы. «Новое» состоит лишь в том, что прежние доводы реакционных исследователей автор скрепляет «классовой позицией», рассуждениями с точки зрения «критериев сегодняшнего дня».

* * *

К чему же сводится исследование Го Мо-жо? Каков в нем главный вывод?

Лучше всего об этом говорит сам автор в заключительных строках книги: «Выдающейся личностью феодальной эпохи, несомненно, является поэт-бунтарь (цзаофань) Су Хуань. Хотя его бунт кончился поражением, а из всего написанного им сохранилось только четыре стихотворения (наверняка среди уничтоженных были еще более сильные стихи), однако его бунтарский дух не может не быть в центре внимания потомков»³⁴.

Доказывая правильность такого вывода, Го Мо-жо пишет, что сам Ду Фу называл Су Хуаня «мыслящим человеком». С точки зрения Го Мо-жо, Ду Фу в своей оценке все же не учел главного: у Су Хуаня, по мысли Го Мо-жо, слова не расходились с делами, как у Ли Бо и Ду Фу. В подтвержде-

ние этого в книге приводятся три из четырех уцелевших стихотворений «поэта-бунтаря». Вот одно из них:

С востока на запад
Плывут и луна и солнце,
В отличие от лета
Зимой — не тепло, а холод.
Нет отдыха в сменах
Добра и дурного начала,
И нет измерения
Великой бескрайней природе.
Когда просыпаюсь —
Любуюсь сияньем восхода,
Когда засыпаю —
Мир предо мной вечерний.
Закроешь глаза,
А потом их откроешь снова —
Света и тьмы
Бесконечны чередованья.
В сферах Вселенной —
И это уже бесспорно —
Столь велика
Добротель Земли и Неба!
Но молчалива Земля,
Безмолвствует Небо,
А не смолкают
Лишь волны людского моря³⁵.

Это стихотворение (хотя его вполне можно отнести к ритмической прозе) свидетельствует о том, что его автор, Су Хуань, был знаком с представлениями о мире мыслителей Древнего Китая.

Но Го Мо-жо видит в этом нечто большее. «Стихотворение, — пишет он, — является выражением взглядов Су Хуаня на вселенную, которая, по его диалектике, беспрерывно развивается: небо — земля, солнце — луна, добро — зло, тьма — свет, утро — ночь, зима — лето, открывать — закрывать... Все формируется в результате единства бесчисленного множества пришедших в столкновение противоречий, но в этом формировании нет места божественному»³⁶.

Противопоставляя Су Хуаня Ли Бо и Ду Фу, Го Мо-жо указывает на главное достоинство «поэта-бунтаря»: он, якобы познав истинную диалектику, поступал чуть ли не как образцовый цзаофань нынешнего ли и умел не только видеть противоречия, но и разрешать их, то есть «бунтовать».

Все эти соображения Го Мо-жо, мягко говоря, несостоятельны. Никакого развития философия Су Хуаня не содержит. Напротив, для нее характерно понимание развития как простого сочетания противоположных сторон и перемещения их по отношению друг к другу.

Почему же такая «диалектика» вызвала восторг у Го Мо-жо?

Думается, потому, что она весьма схожа со взглядами Мао Цзэ-дуна относительно взаимодействия противоположностей.

Право же, такие изречения Мао, как «без жизни нет смерти, без смерти нет жизни»:

³² Там же стр. 383, пер. И. Голубева.

³³ Там же.

³⁴ Там же.
³⁵ Линь Юй-тан, Поэтика и идейная сущность китайской поэзии, «Журнал северо-китайского отделения Королевского азиатского общества», 1935, № 66, стр. 40 (на англ. яз.); Е. А. Серебряков, Ду Фу, изд-во «Художественная литература», М., 1958, стр. 155.

³⁶ Го Мо-жо, Ли Бо и Ду Фу, стр. 392.

«без верха нет низа, без низа нет верха»; «без беды нет счастья, без счастья нет беды»; «без легкого нет трудного, без трудного нет легкого» и т. д., вполне можно поставить в один ряд с изречениями жившего более тысячелетия назад Су Хуаня.

Го Мо-жо, хотел он того или нет, невольно продемонстрировал тот факт, что Мао Цзэ-дун в своей «философии» не смог преодолеть древних представлений о мире и до сих пор рассуждает категориями далеких предков.

Однако, подняв Су Хуаня до уровня современного маониста, Го Мо-жо заявляет: «Если из поэтов феодальной эпохи нужно выбрать действительно «народного поэта», я бы очень хотел, чтобы выбор пал на Су Хуаня»³⁷.

Разных мнений по поводу такого заявления быть не может: исследователь использовал страницы объемистой книги исключительно для того, чтобы попытаться доказать, что ни Ли Бо, ни Ду Фу не могут ныне в Китае расцениваться как народные поэты и должны уступить место на пьедестале Су Хуаню, о котором до сих пор в китайском литературоведении почти ничего не говорилось, имени которого даже нет в китайской энциклопедии «Цыхай». Су Хуань, с точки зрения Го Мо-жо, велик по единственной причине: он — правильный фи-

лософ и бунтарь; Ли Бо и Ду Фу, следовательно, не могут быть великими, ибо, как доказывает автор книги, они хотя и поэты, но не годятся в бунтари, в цзаофани.

Вот и вся «логика» Го Мо-жо.

Лучший ответ на такую «логику» дает великий Ду Фу, попавший ныне в опалу на своей древней родине:

Ты различаешь, как в тумане синем
Горы Хэншань раскинуты отроги?
Там красный феникс, на се вершине
Склоняется в печали и тревоге.
Он шею вытянул в немом усилье,
Чтобы друзей увидеть издалека,
Сжат клюв могучий, и повисли крылья.
Удручена душа его глубоко.
Как он жалеет на вершине горной
О том, что в сети попадают птицы,
И даже самым малым и проворным
Почти немислимо освободиться.
Плоды бамбука разделить готов он
Среди любого птичьего собрания.
Пусть разозлятся коршуны и совы,
На это он не обратит вниманья!³⁸

Понстине это так! Как бы ни злились «коршуны и совы», прекрасное искусство двух корифеев древнего Китая — Ли Бо и Ду Фу — всегда останется на прежней, сияющей вершине. Время доказало, что низвергнуть их с этой вершины не под силу никому, в том числе и Го Мо-жо!

³⁷ Го Мо-жо, Ли Бо и Ду Фу, стр. 392.

³⁸ Ду Фу, Стихи, М., 1955.

Фельетоны

Дэн То

От трех до десяти тысяч

Легко ли обрести познания в области культуры? Этот вопрос часто возникает у товарищей, только что приступивших к учебе. На него не может быть категорического ответа. Тут важно знать, кто учится, что он изучает, как подходит к учебе, — и все это надо учитывать исходя из конкретных обстоятельств. Говоря вообще, овладевая культурой, нужно накапливать знания понемногу, неторопливо, особенно не следует слишком торопиться на первых порах. Уже само слово «культура» предполагает необходимость накопления знаний. Наши древние ученые действительно придавали большое значение последовательному, постепенному методу изучения предмета. Это соответствует общему закону учебы — опираться не только на понимание, но и на запоминание. Вне зависимости от способностей человека к пониманию и запоминанию ему для усвоения какого-либо материала требуется определенный период времени. А если кто-то безрассудно вздумает выучить что-нибудь одним махом, он неизбежно потерпит неудачу.

В заметках периода Минской¹ и Цинской² династий есть одна история, в кото-

рой резко высмеиваются подобные безрассудные люди. В этой истории рассказывается следующее. Один старый крестьянин имел богатое состояние, но всю жизнь оставался неграмотным. Однажды он пригласил образованного человека из княжества Чу для обучения своего сына. Чуский ученый начал обучать подростка письму. Провел одну черту и говорит: «Это иероглиф «один». Провел две черты и сказал: «Это иероглиф «два». Провел три черты и заметил: «Это иероглиф «три». Тут сын крестьянина внезапно обрадовался, бросил кисть и заявил своему отцу: «Понял, все ясно! Можно больше не затруднять учителя, не платить ему жалованье и отказаться от его услуг». Отец тоже обрадовался и послушался сына. Расплатился с чуским ученым и распрощался с ним. Через некоторое время отец задумал пригласить к себе на обед приятеля по фамилии Вань³ и с утра велел сыну заняться написанием приглашения. Время шло, а приглашение все не было. Сын сердито ответил: «У нас в стране так готово. Отец поинтересовался, в чем дело. много фамилий, почему ему нужно обязательно быть Ванем! С утра пишу черточки, а до сих пор написал всего 500!»

Эта история довольно популярна. Когда-то ее любили рассказывать артисты. Однако большинство людей считают ее анекдотом, а не видят в ней острой сатиры. У меня иная точка зрения на это. Мне кажется, из этой истории нам было бы неплохо извлечь некоторые уроки, полезные для учебы. Любому учащемуся важны первые, исходные моменты, и, если плохо усвоить азы, это может повлиять на учебу в дальнейшем. Самым важным моментом для начинающих является заучивание иероглифов «один, два, три» или букв А, В, С в иностранных языках. Имеются некоторые легкомысленные люди, подобные сыну зажиточного крестьянина, которые, едва усвоив азы, уже «радуются», считая, что все «для них ясно», все они поняли. То же самое происходит с начинающими боксерами, когда они, только что научившись нескольким приемам, считают себя непобедимыми и сразу готовы помериться силами с кем угодно. Но, узнав

¹ Минская династия — 1368—1644 гг.

² Цинская династия — 1644—1911 гг.

³ Иероглиф «вань» означает «10 тысяч».

больше и действительно овладев кое-какими навыками, они становятся скромнее. Отсюда можно видеть, что чем меньше у человека знаний, тем больше он зазнается; чем больше у него знаний, тем больше у него скромности и осмотрительности.

Если говорить о процессе обучения, то независимо от предмета изучения обучающий обязательно должен направлять учащихся от легкого к трудному, углублять их знания постепенно. Поэтому хороший преподаватель прежде всего должен внушить ученикам, что начинать учебу нетрудно, а уверенность приходит позже, и она будет тем тверже, чем больше ты будешь учиться. Если же учащийся зазнается и, увидев, что начало очень легкое, сразу отмахнется от учителя, он ничему не научится. И произойдет именно так, как с сыном того богача. Он очень быстро отмахнулся от учителя. А ведь совершенно ясно, что он еще и не начинал учиться, а только выучил иероглифы «один, два и три»; о так называемых «лю шу» (шесть категорий иероглифов)⁴ и других минимальных знаниях он и понятия не имел. Поэтому, когда отец велел написать приглашение своему приятелю по фамилии Вань, сын выглядел глупым.

Спору нет, очень хорошо знать эти три иероглифа — «один, два, три», но от трех до десяти тысяч в структуре письменности существует много сложных изменений. Чтобы понять эти изменения, чтобы овладеть ими, как, впрочем, и любыми другими знаниями, надо учиться. И конечно, необходимо руководство учителя. Нельзя во мгновение ока чему-то научиться, полагаясь только на некий «талант». Не имея учителя, ничему не научишься. Именно здесь причина того, что мы должны серьезно отнестись к роли учителя.

Есть еще немало вещей, которых мы не понимаем, и нам настоятельно необходимо со скромностью учиться им. Однако в учебе существует много вопросов, не получивших полного разрешения. История «От трех до десяти тысяч» в этом отношении очень поучительна для нас. Нам не мешает использовать ее в качестве примера, вникнуть в ее смысл, подумать, каким образом возможно еще сильнее укрепить чашу учебу.

Состояние из одного яйца

Когда речь идет о состоянии, под этим подразумевают богатство определенного размера.

Говоря, что у кого-то есть состояние, мы признаем, что это лицо обладает большим богатством, но никак не возможно представить себе, чтобы яйцо могло представлять целое состояние. Однако Чжуанцзы⁵ уже давно говорил о человеке, который «нашел яйцо и добился богатства», поэтому нам не следует пренебрегать состоянием даже из одного яйца.

Действительно, любое огромное богатство начинается с небольшого. Это такая же истина, как и то, что «с миру по нитке — голому рубашка», что из капель могут образоваться реки. Однако вовсе нельзя говорить, что при любых обстоятельствах надо только получить яйцо, и ты получишь состояние. Дело обстоит вовсе не так просто.

В Минскую эпоху⁶ в годы правления Вань-ли⁷ жил писатель-романист по имени Цзян Ин-кэ. Он написал книгу «Снежные холмы». В ней есть такая история.

Один горожанин был так беден, что утром не знал, на что будет жить вечером. Однажды он случайно подобрал яйцо. Он обрадовался этому и сказал своей жене: «Я получил состояние». Жена спросила: «Где же оно?» Держа в руках яйцо, он ответил: «Вот оно. Пройдет десять лет — будет состояние». Потом он стал строить расчеты: «Я отнесу это яйцо соседской насадке. Когда выведутся цыплята, из них выберем курицу, чтобы она снова снесла яйца, а через месяц можно получить пятнадцать кур. В течение двух лет куры дадут потомство, и можно будет получить триста кур. За них получим десять лян. Я обменяю эти десять лян на пять коров, от коров получим еще трех коров, таким образом, за три года можно получить двадцать пять коров. Потомство, появившееся от коров, снова принесет потомство, и через три года можно получить сто пятьдесят коров и легко обменять их на триста лян. Я использую эти деньги для того, чтобы давать в долг, и через три года смогу получить полтысячи лян».

Во второй части этой истории имеется много подробностей, не имеющих значения, о них рассказывать необязательно. Упомянуть следует лишь об одной: ослепленный богатством человек сказал, что он предполагает взять наложницу. Это сразу вызвало у жены «гнев и ярость, она рукой стукнула по яйцу и разбила его». Таким образом, состояние, заключавшееся в одном яйце, было полностью разбито.

Посудите сами, разве эта история не может объяснить многие вопросы? Ослепленный жаждой наживы человек знал, что накопление состояния требует немалого времени. Поэтому он рассчитал с женой, что

⁴ Шесть категорий иероглифов — пиктограммы, символы, идеограммы, фонограммы, заимствования, варианты.

⁵ Чжуанцзы — основоположник философии даосизма, IV в., до н. э.

⁶ Минская династия — 1368—1644 гг.

⁷ Годы правления Вань-ли — 1573—1620.

потребуется десять лет для того, чтобы добиться этого состояния. Как будто резонно. Однако его расчеты, попросту говоря, не имели под собой никакой надежной основы, а целиком основывались на предположениях, и каждый шаг имел в качестве предпосылки результат предыдущего предположения. Что касается развития событий в последующие десять лет, то он полностью подменял реальность фантазиями и в конце концов вызвал гнев жены, а она вдребезги разбила его состояние. Еще более важным является то, что его планы накопления богатства основывались вовсе не на производстве, он стремился разбогатеть с помощью случайно найденного яйца.

Если бы его спросили, откуда он взял яйцо, в ответ мы услышали бы: «Подобрал». Он предполагал подложить это яйцо соседской наседке, чтобы она высидела его вместе со многими другими яйцами. Совершенно ясно, что он стремился выловить рыбу в мутной воде, дожидаться, когда выведутся цыплята, и, не считаясь ни с чем, взять себе курочку. Совершенно ясно, что этот первый шаг на пути к богатству тоже представлял собой махинацию, связанную с обманом и воровством.

Затем он продолжал строить план: мол, от курицы получит других кур, выручит за них деньги, на эти деньги купит корову, корова принесет ему приплод, потом он выручит деньги от продажи коровы и будет давать деньги в долг под проценты. Такой план непрерывного обогащения, конечно, нельзя считать производственным планом. Почти каждое основное звено из этой цепи могло быть осуществлено только путем спекуляции, купли-продажи и эксплуатации. Это подтверждает, что описываемый Цзян Ин-кэ «горожанин», хотя и был «очень бедным», вовсе не представлял трудового народа и, вероятно, относился к группе городских разорившихся торговцев средневековья, у которых в голове были только надежды на обман и эксплуатацию и у которых не было мыслей о скромном и упорном производственном труде. Если даже такие люди и добиваются состояния, они все равно не могут управлять каким-либо производством, а могут лишь думать о том, чтобы найти себе наложницу и т. п., что в конечном счете приводит к ссоре супругов, не к радости, а к разладу.

Только действительно скромные труженики могут понять истину о богатстве как о результате труда и развитии производства, могут отбросить все пустые грезы о богатстве и, твердо опираясь на собственный упорный труд, создавать для общества и для самих себя богатства, накапливать их.

Самая современная идеология

Когда знакомишься с некоторыми пьесами, в которых описываются героические

деятели древности, например Цао Цао⁸ и другие, похоже, что рассказывается о современных крупных политических деятелях, даже можно сказать, что дается образ одного революционного вождя. Речи, произносимые древними, даже совпадают или почти совпадают с современной политической терминологией. В некоторых пьесах описываются крестьянские восстания; например, когда описывается восстание армии тайпинов, то похоже, что описывается современная Народно-освободительная армия. Вне зависимости от того, описывается дисциплина или стиль работы по связи с массами, все это в большей или меньшей степени напоминает дисциплину и стиль работы НОАК.

Хорошо это или плохо? Я думаю, что очень плохо. Однако имеются люди, которые считают подобное явление хорошим или по крайней мере не считают его совсем плохим.

Несколько лет тому назад мы уже выступали против антиисторической тенденции в драматургии. Эта тенденция заключалась в том, что современные дела приписывались древним, древних людей заставляли со сцены громко провозглашать современные революционные истины, действовать так, как действуют современные люди, поучать современных людей.

Независимо от того, идет речь о Цао Цао или о восстании армии тайпинов, разве нельзя писать иначе? Есть люди, которые говорят: «Нельзя». По их мнению, только подробное описание соответствует принципам марксизма.

Нет сомнений, что целью написания историй о деятелях древности является «использование древнего во имя современного».

Однако Маркс никак не мог поддерживать антиисторическую тенденцию. Если бы Маркс был жив и узнал о том, что некоторые люди извращают его слова, используют их для защиты антиисторизма, он наверняка бы сурово опровергнул это.

Для большей ясности необходимо сказать, что под так называемой «самой современной идеологией» имеется в виду пролетарская идеология, то есть боевая идеология материализма, — иначе говоря, идеология диалектического и исторического материализма. Ясно, что древние люди не могли иметь подобной идеологии. Поэтому совершенно недопустимо навязывать такую идеологию людям древности и допускать, чтобы люди древности со сцены произносили слова, имеющие «самые современные идеи».

⁸ Цао Цао — основоположник Вэйской династии, герой романа «Троецарствие».

Каков же в таком случае первоначальный смысл слов Маркса? Совершенно очевидно, что его намерением было потребовать от автора подходить к анализу исторических событий и исторических личностей, применяя революционную пролетарскую идеологию, чтобы самая передовая идеология была руководством при создании пьесы, помогала правильно отражать исторические события и показывать исторические личности. Его точка зрения заключается совсем не в том, чтобы заставить исторические события и исторических деятелей принимать современное обличье, но в том, чтобы сохранить историческую реальность. Неужто такая точка зрения может вызвать какое-нибудь неправильное толкование?

Интересоваться всем

«Ухо всякий звук слышит: шум ветра, дождя или чтение вслух.

Сердце всякое дело тревожит: в семье, в государстве, во всей Поднебесной».

Эта парная надпись написана руководителем Дунлиньской академии Гу Сянь-чэном во времена правления Минской династии. Уже прошло более 360 лет, но до сегодняшнего дня, когда люди входят в старое помещение Дунлиньской академии в городе Уси, что находится в провинции Цзянсу, они замечают следы этой парной надписи.

Почему вдруг вспомнилась эта парная надпись? Потому что некоторые друзья в беседах высказывают мнение, что у древних как будто не было никаких политических целей во время научных занятий, будто бы они сидели над книгами ради книг и ограничивались только их чтением. Эта парная надпись здесь приведена для доказательства того, что такое мнение не соответствует действительности. Поскольку очень немногие знают эту парную надпись, мы считаем настоятельно необходимым ознакомить с ней читателей.

Первая строка свидетельствует о том, что обстановка в академии была благоприятной для сосредоточенных занятий. Эти одиннадцать иероглифов (обе стороны состоят из 11 иероглифов. — *Прим. перев.*) очень живо передают, как звуки дождя и ветра сливаются воедино со звуками громкого чтения, заставляя людей воочию представлять себя в Дунлиньской академии того времени, словно наяву слышать звуки голосов, сливающиеся со звуками природы.

Смысл второй строки в том, что обучающиеся в академии должны интересоваться политикой. Эти одиннадцать иероглифов полностью раскрывают политические устремления дунлиньцев. Они говорят о том, что нельзя интересоваться только собственными семейными делами, надо интересо-

ваться и делами государства, и делами всего мира. Люди того времени уже знали о том, что Поднебесная — это не только один Китай, что есть много других государств. Из того, что они увязывали дела Поднебесной с делами иных государств, следует, что здесь имеются в виду мировые проблемы, а не только дела собственного государства.

Если глубоко вдуматься в первую и вторую строки, смысл их становится еще более ясным: надо усиленно учиться и надо интересоваться политикой, то и другое тесно связано между собой. При этом шум ветра и дождя в верхней строке можно толковать как слова, имеющие двойкий смысл: о ветре и дожде в природе и о политической погоде.

Дунлиньцы, конечно, имели политические цели. Несмотря на ограниченность во взглядах, обусловленную историческими условиями, они стояли на позициях феодального класса, вели политическую борьбу в защиту феодального строя. Однако в общем и целом они были намного прогрессивнее по сравнению с теми, кто занимался чисто учеными рассуждениями в погоне за славой и благополучием.

Дунлиньцы, представляемые Гу Сянь-чэном, Гао Пань-луном и другими, знали лишь термины «благородный» и «низкий» и при помощи их разграничивали две группировки в политике — правильную и ложную. Гу Сянь-чэн говорил: «Если столичный чиновник не служит искренне своему государю, если местный чиновник не уделяет внимания благосостоянию народа и спокойно живет в деревне, не добиваясь справедливости, — и те, и другие недостойны называться благородными». После смерти Гу Сянь-чэна руководство Дунлиньской академией возглавил Гао Пань-лун. Он продолжал разделять людей на «благородных» и «низких», обсуждать административные мероприятия в годы правления Вань-ли и Тянь-ци⁹.

Его взгляды в основном не выходили за рамки учения сунских неоконфуцианцев, и это тоже можно понять, поскольку Дунлиньская академия, в которой выступал Гу Сунь-чэн, была основана сунским конфуцианцем Ян Гуй-шанем. Ян Гуй-шань учился у двух братьев — Чэн Хао и Чэн И — и стал их ортодоксальным продолжателем. Такие люди, как Чжу Си, учились у Ян Гуй-шаня. Когда Гу Сянь-чэн отстроил Дунлиньскую академию, он очень ясно объявил, что будет проповедовать учение братьев Чэн и Чжу Си, что он наследует традицию Ян Гуй-шаня. Если кто-нибудь попытается найти у него что-либо антифеодальное или революционное, боюсь, что не сможет.

Нам вовсе ни к чему возрождать дух Дунлиня, пусть он навсегда останется достоянием истории. Если только мы поймем, что усердное чтение и интерес к политике

⁹ Тянь-ци — 1621—1627 гг.

теснейшие взаимосвязаны, то нам достаточно этой истины.

Крайне ошибочно односторонне делать упор на занятие наукой и не интересоваться политикой или односторонне делать упор только на политику и не заниматься прилежно наукой. Люди, не занимающиеся наукой и болтающие о политике, — это безмозглые политиканы, а вовсе не настоящие политические деятели. Среди настоящих политических деятелей нет таких, которые бы не занимались старательно наукой. Невозможно себе представить политических деятелей, которые совершенно не занимаются наукой. Равным образом люди, занимающиеся только наукой и не интересующиеся политикой, — это никчемные книжные черви, а вовсе не настоящие, образованные ученые. Настоящие, образованные ученые не могут не интересоваться политикой. У ученого, совершенно не разбирающегося в политике, какими бы знаниями он ни обладал, они являются неполноценными. Если говорить исходя из этой точки зрения, так, называемое «интересоваться всем» в действительности также содержит в себе идею — «прилежно овладеть всеми знаниями».

Поскольку надо старательно заниматься наукой, постольку же необходимо быть образованным в политике. Если даже в древности люди знали и пропагандировали эту истину, — неужели мы хуже древних? Так или иначе, но должны же мы понимать полнее, глубже и проникновеннее, чем древние!

Пережитки стиля «багу»

Всем надоел стиль «багу»¹⁰, но никто еще до конца не очистился от его вреда, и дух «багу» все еще существует, повсюду показывает себя, пытаясь воскреснуть. Это положение заслуживает внимания.

Каковы особенности стиля «багу»? Если не говорить об истоках и методах идеологии, а рассматривать стиль «багу» только с точки зрения формы проявления, то наиболее очевидная его особенность заключается в формализме. Для уяснения этого стоит привести в пример структуру произведения в стиле «багу».

Если вы будете произвольно просматривать доклады о работе и об обобщении работы на многократных совещаниях данного района, данной отрасли, то нетрудно обнаружить, что некоторые отчеты и обобщения являются как бы одной рукописью, переписанной несколько раз. Неодинаковыми в них являются только конкретные детали,

а основная структура почти не имеет никакой разницы.

Разумеется, доклады о работе и обобщении опыта нужны. Однако составители их, к сожалению, придерживались старого стиля «багу». Такие статьи надоедают. Лишь взглянешь — и уже не хочется читать. Если публиковать их, напрасно будут затрачены бумага, труд типографских рабочих, время и энергия читателей. Если на основе их делать доклад, то это может вызвать только напрасную трату драгоценного времени и усилий докладчика и слушателей. Скажите, разве это не равносильно преступлению?

Возможно, некоторые не согласятся с тем, что тут мы имеем дело со стилем «багу». Раз так, нам ничто не мешает привести для сравнения метод, которым пользовались создатели произведений в стиле «багу» в прошлом.

Произведения в стиле «багу», широко распространенные в эпохи Мин и Цин, имели постоянную и неизменную форму. Каждое произведение в стиле «багу» обязательно должно было иметь несколько частей. В части «Введение» имелись такие абзацы, как «пот», «чэнт», «тицзян», «линти». В центральной части — «восемь сравнений» — имелось несколько больших основных статей: «тиби», «чжунби», «хоуби», «шуби». В конце также имелся абзац «лося» для завершения всего произведения. Предложения в каждой из частей «восьми сравнений» должны были строиться симметрично. Если «восьми сравнений» было недостаточно, их количество доводилось до двадцати и более. Однако, как правило, количество сравнений не превышало восьми, поскольку произведения в стиле «багу» старого образца было не принято писать длинными. Писания в стиле «багу» нового образца намного длиннее, надоедливее.

Имеется сорок с лишним форм старого стиля «багу». Новый стиль «багу» мог бы быть более разнообразным, однако вряд ли в нем найдется несколько десятков приемов. Вот почему создается впечатление, что многие статьи, написанные новым «багу», не отличаются друг от друга, единообразны, не дают ничего нового. Некоторые их авторы без зазрения совести переписывают чужие тексты или широко используют тексты классических книг, чтобы сделать произведение объемистее. Плагаторство является одним из неизбежных пороков стиля «багу».

В 57-м году правления цинского императора Канси был издан эдикт, который гласил: «Чиновники, которые сдают экзамены, при написании сочинения в стиле «багу» часто списывают старые тексты». В 43-м году правления императора Цяньлуна также был издан эдикт, в котором говорилось: «Согласно поступающим докладам, в последние годы наблюдается привычка писать длинные сочинения. Многие используют готовые тексты, пишут что по-

¹⁰ Древний начетнический стиль экзаменационных сочинений на должность — восьмичленное сочинение со строго фиксированной структурой.

пало, произведение получается длинным и поверхностным». В дальнейшем на всех волостных экзаменах на получение официальной должности каждое сочинение должно быть ограничено 700 иероглифами, в противном случае сочинения не будут приниматься.

Такая установка в свое время сыграла определенную ограничительную роль в отношении «багу» старого стиля. Однако, поскольку феодальным правителям Цинской

династии в то время было необходимо использовать произведения в стиле «багу» в качестве орудия своего господства, они не могли совсем отказаться от него. Время, в которое мы живем, отличается от любой прошлой эпохи. Мы можем искоренить произведения этого стиля, не допуская возрождения омертвевших форм, наносящих вред нашему народу.

Перевод с китайского Г. СТЕПАНОВОЙ.

Остров Тайвань

В. Н. Матвеев

Остров Тайвань расположен вблизи юго-восточного побережья Китая. Он отделен от провинции Фуцзянь Тайваньским проливом шириной 150—300 километров. Площадь Тайваня — 36 тыс. кв. километров, население — около 15 млн. человек, из которых три пятых проживает в городах.

Провинция Тайвань делится на 16 уездов. Крупнейшие города Тайваня — Тайбэй (с пригородами 1,6 млн. чел.), Гаосюн (750 тыс. чел.), Тайнань (450 тыс. чел.), Тайчжун (свыше 400 тыс. чел.) и Цзилун (свыше 300 тыс. чел.).

Важное стратегическое положение (остров лежит на морских коммуникациях, соединяющих районы Тихого и Индийского океанов, и обеспечивает доступ к побережью Юго-Восточного Китая), а также богатство его природных условий и естественных ресурсов издавна делали этот китайский остров объектом ожесточенной борьбы различных стран, особенно в период вторжения западных держав в Китай.

Колонизация острова китайцами началась с III века. В XII веке он был официально включен в состав китайской империи в качестве части провинции Фуцзянь, после чего ускорился процесс освоения его богатств, развития земледелия и ремесел. Коренное население (племена гаошань) было вытеснено в горные районы, а китайские переселенцы заняли прибрежные плодородные области.

В конце XVI — начале XVII века на Тайване появились иноземные конкистадоры. Первыми у его берегов бросили якоря японские феодалы и пираты, пытавшиеся закрепиться в Цзилуне, Гаосюне и Хуаляне. Однако с помощью подкреплений, присланных из Фуцзяни, они были изгнаны. В 1590 году на Тайвань проникли португальцы, давшие острову название Формоза (Прекрасный). В 1624 году он подпал под контроль голландцев из Ост-Индской компании, которые построили в Аньпине и Тайнане военные форпосты. В 1626 году к Тайваню послала свои военные корабли Испания, ей удалось закрепиться в северной части острова. Борьба за обладание им между Голландией и Испанией к 1641 году завершилась в пользу первой.

В сентябре 1652 года на острове против голландских колонизаторов вспыхнуло крупное восстание китайского населения и абorigенов под руководством Го Хуая. Несмотря на разгром основных сил повстанцев, под контролем Ост-Индской компании остались лишь северные и юго-западные районы острова. Это восстание значительно облегчило в 1661—1662 годах изгнание с Тайваня голландцев отрядами китайского национального героя Чжэн Чэн-гуна, которые создали на острове небольшое самостоятельное государство, ставшее оплотом борьбы против маньчжуров, низвергнувших Минскую династию и захвативших весь Китай. Свыше двух десятилетий понадобилось цинским императорам, чтобы путем экономической блокады и с помощью голландцев подчинить себе Тайвань. В 1887 году Тайвань получил статус отдельной китайской провинции, подразделявшейся на одиннадцать уездов.

Интервенция капиталистических государств в Китае в XIX веке привела к их вторжению и на остров. В 1841—1842 годах, в период «опиумной войны», Англия неоднократно посылала к Тайваню военные корабли. В 1854 году на острове высадилась экспедиция американца Перри, который позднее предложил правительству США захватить остров, чтобы сделать его трамплином для агрессии в Китае. Через три года аме-

риканская эскадра Армстронга совершила нападение на Тайвань. В 1874 году Япония пыталась подчинить этот остров, а в 1884 году — Франция.

Японо-китайская война 1894—1895 годов завершилась капитуляцией цинского правительства, в результате чего Тайвань и Пэнхуэдао (согласно Симонсекскому договору) отошли к Японии. Тайваньское население оказало героическое сопротивление японцам. В мае 1895 года восставшие островитяне создали «Тайваньскую республику», которая в течение нескольких месяцев отбивала натиск японских войск. Всего же за 50 лет японского господства на Тайване произошло около 20 крупных выступлений против иноземного режима.

В декабре 1943 года Каирская конференция глав трех великих держав провозгласила, что их цель «заключается в том, чтобы все территории, которые Япония отторгла у китайцев, как, например, Маньчжурия,

25 октября 1945 года Тайвань был возвращен Китаю.

Правительство Чан Кай-ши использовало людские и материальные ресурсы острова для ведения в Китае гражданской войны. 28 февраля 1947 года население острова восстало против гоминьдановских властей. С помощью США восстание было жестоко подавлено. В 1949 году Тайвань стал прибежищем для остатков группировки Чан Кай-ши, разгромленной в ходе гражданской войны в Китае.

Воспользовавшись началом войны в Корею, Соединенные Штаты Америки 27 июня 1950 года ввели в Тайваньский пролив корабли 7-го флота и установили над островом военный контроль. 2 декабря 1954 года правительство США заключило с гоминьдановскими властями так называемый «договор о взаимной безопасности», стремясь создать юридические основания для американской интервенции на острове. На Тайване был основан ряд военно-воздушных и военно-морских баз США. Под руководством американских военных советников началась реорганизация и перевооружение 600-тысячной армии Чан Кай-ши. Гоминьдановская группировка была превращена в орудие Соединенных Штатов для обострения международной обстановки на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

В настоящее время военно-воздушные базы на острове используются Пентагоном для ведения войны в Индокитае. Американский военный персонал на Тайване занят обслуживанием линий коммуникаций бомбардировочной авиации США, базирующейся на острове Окинава. На Тайване функционируют около 60 американских военных учреждений. Среди них «оборонное командование» на Тайване, возглавляемое вице-адмиралом Баумбергером, передовой штаб 13-й воздушной армии, группа американских военных советников, оказывающая помощь в обучении гоминьдановской армии и оснащении ее американским оружием и снаряжением. На Тайване активно функционирует Центральное разведывательное управление США, располагающее собственной авиакомпанией «Эйр Америка». Ряд американских радиостанций ведет с острова вещание на КНР и осуществляет радиоперехват. Крупнейшие порты Тайваня служат якорными стоянками для кораблей 7-го флота США. По некоторым сведениям, Соединенные Штаты разместили на своих островных базах ядерное оружие.

С помощью США группировке Чан Кай-ши удалось законсервировать на Тайване гоминьдановский режим — миниатюрный слепок со старого Китая со всей его громоздкой бюрократической надстройкой. В Тайбэе функционируют исполнительный, законодательный, экзаменационный и контрольный юань, а также многочисленные министерства и ведомства. Сохранение этого аппарата понадобилось группировке Чан Кай-ши для создания видимости «законности» и «конституционности» гоминьдановского ре-

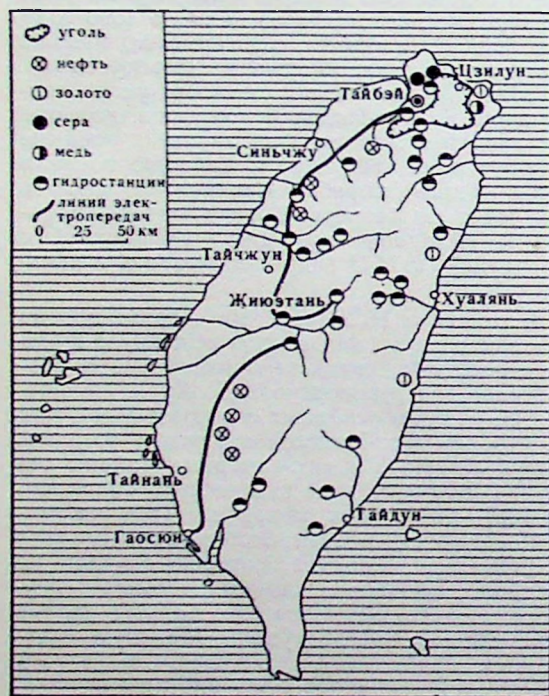

Рис. 1. Карта о. Тайвань

Формоза и Пескадорские острова, были возвращены Китаю». Участники Потсдамской конференции (июль 1945 г.) подтвердили это решение. Акт о капитуляции Японии (сентябрь 1945 г.) и Сан-Францисский договор, а также мирный договор, заключенный между Японией и гоминьдановской группировкой (апрель 1952 г.), зафиксировали отказ Токио от всех прав, правооснований и притязаний на Тайвань и Пэнху.

жима, с 1949 по 1971 год выступавшего в качестве представителя «всего Китая» в ООН.

Объявив в 1949 году Тайвань «районом, примыкающим к зоне военных действий», гоминьдановские власти под этим предлогом запретили любые политические выступления, хотя бы в малейшей степени направленные против режима Чан Кай-ши. Право на легальное существование сохранили лишь две крошечные партии — «младокитайская» и «демократическо-социалистическая», финансируемые гоминьданом и являющиеся его подголосками. Партийная машина самого гоминьдана была реорганизована, и под предлогом укрепления «централизма» в нем была запрещена любая фракционная деятельность. В ходе чисток из гоминьдана были удалены «неустойчивые и колеблющиеся элементы». Принятая гоминьданом в 1950 году «Программа движения Китая к социализму без классовых конфликтов, без индивидуализма и конкуренции» «обосновала» военно-полицейский режим на Тайване. Политические стачки, забастовки и борьба трудящихся за улучшение условий жизни объявлены противозаконными. Деятельность профсоюзов полностью контролируется гоминьдановской партийной машиной. На Тайване издающиеся 18 газет на китайском и 2 на английском языках, а также радио и телевидение находятся под строгой цензурой чанкайшистского режима.

Ключевые посты в армии и административном аппарате заняты доверенными лицами группировки Чан Кай-ши, главным образом, из числа выходцев с материка. Хотя 600-тысячные вооруженные силы режима в настоящее время более чем на 80 процентов состоят из коренных жителей Тайваня, подавляющее большинство офицеров являются уроженцами провинций континентальной части Китая. Из 1576 мест в законодательном юане (парламенте), сохраняемом на Тайване в качестве бутафорского высшего «Всекитайского законодательного органа», который существует наряду с тайваньскими провинциальными властями, лишь 18 мест принадлежит коренным тайванцам. На острове культивируется пекинский диалект, сохраняются все атрибуты «Китайской Республики» и исповедуется доктрина победоносного возвращения на материк.

До конца 1971 года гоминьдановцы незаконно занимали место Китая в ООН. Изгнание их на 26-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН значительно ослабило международные позиции группировки Чан Кай-ши, хотя «Китайскую Республику» продолжают признавать свыше 50 государств во главе с Соединенными Штатами Америки.

Под руководством американских экспертов на Тайване в 1951—1953 годах проведена аграрная реформа, в результате которой было ограничено помещичье землевладение и продана в рассрочку крестьянам-арендаторам значительная часть земель. Реформа

способствовала внедрению в тайваньскую деревню капиталистических отношений и развитию высокопродуктивных хозяйств фермерского типа. Обрабатываемая площадь Тайваня невелика — около 900 тысяч гектаров, поэтому на каждое крестьянское хозяйство приходится в среднем лишь 0,9 гектара, причем процесс дробления земельных участков продолжается. Кроме того, согласно гоминьдановским данным, около 12 процентов тайваньских крестьян вообще не имеют собственных участков и вынуждены арендовать землю.

Благоприятные почвенно-климатические условия, позволяющие выращивать 2—3 и даже 4 урожая в год, а также чрезвычайная интенсификация крестьянского труда внедрение агротехнических новшеств позволили довести ежегодный сбор основной сельскохозяйственной культуры на Тайване — риса — до более чем двух миллионов тонн. Значительно увеличилось выращивание традиционных экспортных культур — сахарного тростника, бананов, ананасов, цитрусовых.

Одновременно развивалась индустриальная база Тайваня. После выполнения ряда четырехлетних планов развития экономики на острове получили известное развитие горнорудная, пищевая, текстильная, сахарная, а также химическая, судостроительная, электронная и некоторые другие отрасли промышленности. Пятая четырехлетка, начавшаяся в 1969 году, предусматривает капиталовложения в сумме 4,5 млрд. долл. и ускорение темпов экономического роста до 7 процентов в год.

Следует подчеркнуть, что экономика Тайваня получила значительные долларовые инъекции правительства США, составлявшие в 1950—1965 годах в среднем ежегодно 100 млн. долларов. Кроме того, в 1949—1970 годах США затратили около 3 млрд. долл. на оказание военной помощи гоминьдановскому режиму.

Громадные расходы на содержание непропорционально большой армии и раздутото бюрократического аппарата, а также для финансирования военных приготовлений (в последние годы цифра военных расходов, по официальным гоминьдановским данным, составляла от 55 до 80 процентов бюджетных ассигнований) заставили чанкайшистские власти постепенно осуществить целый ряд мер с целью привлечения средств иностранных вкладчиков, которые до конца 50-х годов крайне неохотно помещали свои капиталы в экономику острова. К примеру, инвестиции американцев в 1958 году составляли лишь 2,2 млн. долларов.

Ради изменения инвестиционного климата на острове гоминьдановский режим предоставил иностранным инвесторам различные гарантии, в том числе и на случай ущерба от возможных военных действий. Привлечению зарубежных капиталовложений способствовало и изменение в 1959 году порядка инвестирования иностранного капитала на острове. Согласно новым правилам, иностранные вкладчики получили право в тече-

ние года переводить в любую страну все доходы, полученные на Тайване, тогда как раньше они могли переводить лишь 15 процентов доходов. Им гарантировалась возможность эксплуатировать свои предприятия в течение 20 лет, не опасаясь национализации или выкупа тайваньскими властями. Зарубежные инвесторы, вкладывающие средства в коммунальное хозяйство, в горнодобывающую и обрабатывающую промышленности, в сельское и лесное хозяйство, животноводство, рыболовство, транспорт и туризм, а также в жилищное строительство, с 1960 года начали пользоваться рядом других льгот, в частности, они были в значительной степени или полностью освобождены от уплаты налогов.

Ту же цель привлечения иностранных инвестиций преследовал и серьезный пересмотр гоминьдановскими властями в 50-х годах политики в отношении собственного частного-предпринимательского сектора на Тайване. Режим Чан Кай-ши был вынужден отказаться от тотальной монополии госкапитализма во всех отраслях промышленного производства. Требование предоставить свободу деятельности частным тайваньским бизнесменам выдвигалось деловыми кругами США и других стран в качестве одного из условий инвестирования иностранных капиталов. Аналогичное требование раздавалось и со стороны капиталистов китайского происхождения в государствах Юго-Восточной Азии. Поэтому чанкайшистские власти предприняли широкую распродажу предприятий, находившихся под их контролем, частным бизнесменам, предпринимательская активность которых получала поощрение. Если в 1949 году на частные предприятия приходилось лишь 28 процентов производства всей промышленной продукции острова, то в 1955 году эта доля возросла до 55 процентов, а в 1960 году — до 60 процентов. Менее чем за десятилетие (1953—1960 гг.) число частных промышленных предприятий на Тайване удвоилось.

В то же время гоминьдановские власти оставили под своим полным контролем энергетику, производство сахара, нефтепродуктов, химических удобрений, а также частично химическую, текстильную и угледобывающую отрасли промышленности.

Испытывая большую зависимость от внешнеэкономических связей и стремясь поднять конкурентоспособность Тайваня в капиталистическом мире, гоминьдановская администрация большое внимание уделяла развитию экспортных отраслей промышленности — производству фанеры, резиновых изделий, стекла, цемента, различных химических изделий, металлических товаров и некоторых машин. С 60-х годов увеличился выпуск на экспорт продовольственных товаров, синтетической кожи, пластиков, а также электронных приборов. К середине 1969 года на Тайване имелось около 50 электронных предприятий, построенных с помощью иностранного капитала. Два тепереперабатывающих комплекса, распо-

ложенных в северном и южном районах острова, производят горючее и сырье для химической промышленности.

В окрестностях крупнейшего промышленного центра Тайваня города Гаосюна созданы две специальные экспортные производственные зоны, в которых иностранный капитал пользуется особыми привилегиями. В этих зонах зарубежные предприниматели свободно получают земельные участки для строительства предприятий и обеспечиваются дешевой рабочей силой. Помимо этого, они имеют там возможность беспошлинного ввоза сырья, материалов и оборудования, а также беспрепятственного перевода за границу прибылей. В результате этого курса к 1970 году в районе Гаосюна был построен целый ряд промышленных предприятий, выпускающих экспортную продукцию.

Тайбэй установил активные коммерческие связи с другими странами, причем важнейшим торговым партнером снова стала Япония, которая последовательно восстанавливала свое экономическое влияние на острове. Японские инвестиции на острове в 1952—1971 годах составили около 90 млн. долл., а объем товарооборота между Тайбэем и Токио даже выше, чем между Японией и КНР (в 1971 г. составил около 1 млрд. долл.). По японским данным, из 537 заводов, имевшихся на Тайване в 1965 году, 171 был построен с помощью японских капиталов.

Однако главным инвестором на Тайване остаются Соединенные Штаты. Из 560 млн. долл. частных инвестиций в экономику острова, одобренных гоминьдановскими властями, на долю американских фирм приходится 40 процентов. В важных отраслях промышленности Тайваня большой вес принадлежит американским монополистическим объединениям «Вестингауз электрик энд мэньюфэкчуринг» (производство электроэнергии), «Рэйнольдс металл» (выпуск алюминия), «Нэшнл фертилайзер ассошиэйшн» (производство химических удобрений), «Инголс шипбилдинг корпорейшн» (судостроение) и так далее.

Американская и гоминьдановская пропаганда тщательно скрывают оборотную сторону медали экономического развития Тайваня с помощью США, которое, как известно, тяжело отразилось на положении трудящихся масс города и деревни. Постоянным явлением в экономике Тайваня стали инфляция, стремительный рост цен и налогов, неуклонно растет стоимость жизни. Согласно официальной статистике, в отдельные годы на Тайване безработные составляют до 12 процентов самостоятельного населения.

Экономическое ограбление и политическое бесправие трудящихся вызывают в их среде глубокое недовольство гоминьдановским режимом. Хотя группировка Чан Кай-ши с самого начала установила на острове порядки военного времени и запретила не только политические, но и экономические

забастовки и стачки, тем не менее на Тайване происходят выступления трудящихся. Иностранная печать сообщала, например, о забастовках горняков шахт «Юлцзи», принадлежащих гоминьдановской горнорудной компании, рабочих и служащих американской авиакомпания «Эйша эйркрафт» в городе Тайнань, корабелов Тайваньской судо-

строительной компании в Цзилуне и так далее. В связи с тяжелыми поборами и вербовкой молодежи в армию проявляют недовольство и тайваньские крестьяне. Все это свидетельствует о перманентном кризисе, переживаемом гоминьдановским режимом на Тайване, который не в состоянии скрыть западная пропаганда.

К 45-летию трагической гибели Ли Да-чжао

Р. А. Антонова

45 лет назад, в апреле 1927 года, китайская реакция вырвала из рядов КПК верного сына китайского народа, выдающегося организатора коммунистической партии, одного из крупнейших китайских ученых-марксистов, последовательного и стойкого коммуниста-интернационалиста, большого друга СССР Ли Да-чжао.

Решающее влияние на формирование мировоззрения Ли Да-чжао и на всю его деятельность оказала Великая Октябрьская социалистическая революция. Ли Да-чжао горячо ее приветствовал и был первым в Китае, кто увидел в ней светлое будущее своего народа. Он призывал своих соотечественников «внимательно прислушиваться к вестям из новой России, которая строится на принципах свободы и гуманизма»¹. В выступлениях и статьях, опубликованных в 1918 году, «Сравнение французской революции с русской», «Победа народа», «Победа большевизма», — он первый в китайской печати отметил международное значение Октябрьской революции и ее опыта для народов Китая и других стран. «Отныне повсюду, — писал он в журнале «Синьциннянь», — будут видны победные знамена большевизма и слышны триумфальные его песни. Прозвучал набат гуманизма. Взошла заря свободы. Будущий мир будет миром красного знамени»².

Ли Да-чжао начал широкую пропаганду идей Октябрьской революции, револю-

ционных марксистских идей в стенах Пекинского университета, профессором которого он был. Он читал специальные курсы исторического материализма, социального законодательства и историографии. Широкую популяризаторскую деятельность Ли Да-чжао вел и на страницах хорошо известных в Китае журналов «Синьциннянь», «Мэйчжоу пинлунь», газеты «Чэньбао» и других.

Ли Да-чжао перевел на китайский язык многие произведения Маркса и Энгельса, в том числе основной раздел «Манифеста Коммунистической партии», был автором первой в Китае подробной биографии Ленина.

В мае 1919 года в Китае начались антиимпериалистические выступления, известные как «движение 4 мая 1919 года», положившие начало общекитайскому народно-демократическому движению. Ли Да-чжао в это время был одним из вдохновителей и организаторов массового выступления студентов и рабочих.

В марте 1920 года Ли Да-чжао основал в Пекине Общество по изучению марксизма. Он был одним из первых китайских марксистов, поставивших задачу соединения революционной теории с практической борьбой китайского пролетариата. В мае 1920 года он вместе с Дэн Чжун-ся, ставшим впоследствии выдающимся организатором китайского рабочего движения, впервые в Китае организовал первомайские торжества.

Особое значение Ли Да-чжао придавал международной пролетарской солидарности, изучению опыта международного революционного процесса и, особенно, опыта Октябрьской революции. Уже при организации первого марксистского кружка в Китае он считал необходимым установить непосредственный контакт с Коминтерном.

Для постоянных связей с революционной Россией и правдивого освещения ее жизни в Китае по предложению Ли Да-чжао в Москву был направлен специальный корреспондент газеты «Чэньбао» Цюй Цю-бо, ставший впоследствии видным руководителем КПК и крупнейшим пропагандистом марксизма.

Пропагандистская и организаторская деятельность Ли Да-чжао в 1919—1920 годах сыграла важную роль в подготовке к созданию Коммунистической партии Китая. После I съезда КПК, участником которого он был, Ли Да-чжао избирается

¹ Ли Да-чжао, Избранные статьи и речи, М., 1965, стр. 67.

² «Синьциннянь», т. 5, № 5 (15.XI.1918 г.). Опубликовано в указ. сборнике Ли Да-чжао.

членом ЦК КПК, становится заведующим Северным филиалом Всекитайского рабочего секретариата. В этот период он много сделал для развития рабочего движения в Северном Китае. Одновременно Ли Да-чжао исследует экономическое состояние китайской деревни, разрабатывает конкретные задачи партии в ее политике по отношению к крестьянству.

Ли Да-чжао был горячим сторонником дружбы с СССР, опоры на СССР, союза с СССР. В 1920—1924 годах при его активном участии в Китае была развернута широкая кампания за признание Советской России и установление китайско-советских отношений. Именно он сформулировал задачу установления дипломатических отношений с СССР как один из ведущих лозунгов национально-освободительного движения китайского народа. В ноябре 1922 года, в день пятой годовщины Октября, в приложении к газете «Чэньбао» он опубликовал статью «Октябрьская революция и китайский народ», где призвал подняться против антисоветской политики тогдашних пекинских властей.

Ли Да-чжао писал: «В пламени Октябрьской революции родились рабоче-крестьянское государство и правительство. Это государство — родина, авангард и великий оплот рабочих и крестьян всего мира...

В этот торжественный, великий, героический и гуманистический праздник напомним... о вопросе, который должен привлечь внимание всего нашего народа. Это вопрос дипломатических отношений с Россией... немедленно и безоговорочно признать рабоче-крестьянское правительство»³.

С огромным подъемом встретил Ли Да-чжао летом 1924 года решение руководящих органов КПК о его поездке в Москву на V конгресс Коминтерна. Перед отъездом в СССР он торжественно заявил: «Теоретический уровень нашей партии, к сожалению, не удовлетворяет тем политическим потребностям, которые ставит перед нашей партией революционная борьба.

Вот и я еду в Москву не столько в качестве делегата партии, сколько ученика, чтобы получить нужный опыт у русских революционеров»⁴.

... Ли Да-чжао был схвачен солдатами генерала Чжан Цзо-линя во время налета на советские дипломатические учреждения в Пекине 7 апреля 1927 года. Налет был совершен китайскими милитаристами по указке иностранного дипкорпуса, санкционировавшего нарушение дипломатического иммунитета советского полпредства.

Вместе с Ли Да-чжао и его соратниками в тюрьму были брошены и советские коммунисты, сотрудники советских учреждений в Пекине.

Ли Да-чжао был подвергнут пыткам и приговорен к мучительной средневековой казни — медленному удушению.

Весть о безвременной трагической гибели Ли Да-чжао и его товарищей с болью отозвалась в сердцах советских людей, всех прогрессивных людей мира. 1 мая 1927 года газета «Правда» писала: «Мы сегодня празднуем 1 Мая. Но сегодня это не только день радостного перечня наших побед. Это день скорби и печали, день призыва к мщению... Сегодня перед нами стоит тень нашего друга и товарища Ли Да-чжао, ученого, борца, коммуниста, а также тени других героев, удушенных вместе с ним. Это сделали не пекинские марionетки, а их хозяева — империалисты».

...В Китайской Народной Республике, где «единственным творцом» теории и практики китайской революции в наши дни признается Мао Цзэ-дун, имя Ли Да-чжао не в чести. Его могила осквернена хунвэйбиннами. Ближайшие родственники великого китайского революционера подвергнуты репрессиям, а сын доведен преследованиями до самоубийства.

Прошло 45 лет, но имя борца, отдавшего свою жизнь ради светлого будущего китайского народа, ради идеалов коммунизма, свято чтится в Советском Союзе. Оно известно миллионам советских людей всех поколений.

³ Ли Да-чжао, Избранные статьи и речи, М., 1965, стр. 194—195.

⁴ Там же, стр. 26—27.

ЖАМСАРАНГИЙН САМБУ

МНРП и трудящиеся МНР понесли большую утрату. В ночь с 20 на 21 мая 1972 года скончался выдающийся сын монгольского народа, один из старейших деятелей МНРП и народного государства, член Политбюро ЦК МНРП, Председатель Президиума Верховного Народного хурала Жамсарангийн Самбу.

Ж. Самбу родился 27 июня 1895 года в семье арата в Нижнебуренском сомоне Центрального аймака. В начале 1922 года он вступил в МНРП и принял активное участие в создании первых партийных организаций на местах.

В период борьбы монгольского народа под руководством МНРП за углубление народной революции и вступление страны на некапиталистический путь развития Ж. Самбу активно участвовал в проведении коренных революционных преобразований, последовательно выступал за обеспечение победы генеральной линии партии.

С 1937 года Ж. Самбу находится на дипломатической работе, занимая посты Чрезвычайного и Полномочного посланника МНР в СССР, заведующего отделом МИД МНР, заместителя министра иностранных дел МНР и посла МНР в КНДР.

Ж. Самбу участвовал в качестве делегата в работе ряда съездов МНРП, с 1951 года избирался депутатом Великого Народного хурала всех созывов. В 1954 году Ж. Самбу был введен в состав ЦК МНРП, затем избран членом Политбюро ЦК МНРП и выдвинут на пост Председателя Президиума Великого Народного хурала МНР.

МНРП и правительство МНР высоко оценили заслуги Ж. Самбу перед родиной. Он был удостоен звания Героя труда МНР, награжден четырьмя орденами Сухэ Батора, другими орденами и медалями МНР.

Ж. Самбу удостоен высоких правительственных наград СССР: ордена Ленина, ордена Октябрьской Революции, орденов Трудового Красного Знамени и Красной Звезды. В 1966 году ему была присуждена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА» ВЫПУСТИЛА В ПЕРВОМ КВАРТАЛЕ 1972 ГОДА СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ ПО СТРАНАМ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА:

В о л к о в а Л. А. Изменение социально-экономической структуры китайской деревни. 1940—1970 гг., 198 стр., 3300 экз. 67 к.

Д е л ю с и н Л. П. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК (1921—1928), 463 стр., 1800 экз., 2 р. 52 к.

Корейское классическое искусство. (Сб. статей), 95 стр., с иллюстр., 2500 экз., 39 к.

П о р ш н е в а Е. Б. Учение «белого лотоса» — идеология народного восстания. 1796—1804 гг.

Ч е р е п а н о в А. И. Записки военного советника в Китае (1925—1927), изд. 2-е, 312 стр., 15 000 экз., 1 р. 06 к.

Японский милитаризм. (Военно-историческое исследование), 376 стр., 9000 экз., 1 р. 62 к.

Выйдет в 1972 году:

НОВАЯ ИСТОРИЯ КИТАЯ

60 л. 4 руб. в переплете

Коллективом историков-китаеведов Института Востоковедения АН СССР под руководством члена-корреспондента АН СССР С. Л. Тихвинского подготовлено академическое издание истории Китая в новое время, основанное на последних монографических исследованиях советских ученых. Книга посвящена всесторонней характеристике маньчжурского владычества в Китае (1644-1912 гг.), крестьянских войн, агрессивной политики империалистических держав в Китае и национально-освободительного движения, в результате которого в 1912 году была свергнута маньчжурская монархия и установлен республиканский строй. Книга заканчивается характеристикой господства в Китае различных милитаристских клик накануне новейшего периода всемирной истории. Книга снабжена иллюстрациями, картами, библиографией и указателями.

Данная работа способствует пониманию многих процессов, происходивших на последующих этапах истории Китая и представляет интерес для широких кругов советской общественности.

Заказы на книгу принимаются по адресу: Москва, В-463, Мичуринский просп., 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛ

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА»

Основная задача журнала — освещать политику Советского Союза на Дальнем Востоке, направленную на укрепление мира и безопасности в этом районе.

На страницах журнала найдут отражение вопросы экономики, политики, истории, культуры стран и народов Дальнего Востока.

Значительное место в журнале отводится социалистическим странам Дальнего Востока, экономическим достижениям и росту их международного авторитета, борьбе СССР и этих стран против политики империалистических государств в данном районе.

Издание журнала вызвано растущим интересом советской и мировой общественности к проблемам Дальнего Востока.

Периодичность журнала — 4 номера в год.
Подписная цена на год — 2 руб.

Индекс 70758